ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ

С. А. Мезин

ИСТОРИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ X–XVIII веков

Гуманитарное образование в России

С. А. Мезин

ИСТОРИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ X–XVIII веков

Книга для чтения

Для учащихся и учителей старших классов общеобразовательных школ, лицеев, гимназий, преподавателей и студентов вузов

Москва
Издательство «Центр гуманитарного образования»
2000

УДК 371.671.1
ББК 63.3(2)я721
М44

Мезин С. А.

М44 История русской культуры X–XVIII веков: Книга для чтения. — М.: ЦГО, 2000. — 288 с.: ил. — (Гуманитарное образование в России).

ISBN 5–7662–0091–9

Цель настоящего пособия — дать представление об истории отечественной культуры как целостной и развивающейся системы. Автор ставит задачи формирования полного, яркого, живого и образного представления о прошлом; знакомства с мировосприятием людей минувших эпох, с наиболее яркими памятниками духовной культуры прошлого, составляющими основу национальной культурной традиции. Учебное пособие написано с использованием современных культурологических подходов, в том числе концепции двухуровневого развития культуры («высокой» и «низовой»).

Книга адресована старшеклассникам общеобразовательных школ, лицеев, гимназий, преподавателям, студентам вузов и всем, интересующимся отечественной историей и культурой.

УДК 371.671.1
ББК 63.3(2)я721

ISBN 5–7662–0091–9

© С. А. Мезин, 2000
© Подготовка текста и оформление. Издательство «Центр гуманитарного образования», 2000

Сергей Алексеевич Мезин

История русской культуры X–XVIII веков

Директор издательства *В. С. Белявский*
Ведущий редактор *М. А. Соколова*
Компьютерная верстка *А. В. Назаров*

ЛР № 071164 от 04.05.95 г.

Подписано в печать 20.07.2000. Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Гарнитура Академическая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 19 (18 печ. л. + 1 печ. л. цв. илл.). Тираж 4000 экз. Заказ № 5174.

Издательство «Центр гуманитарного образования». 109004, г. Москва, ул. Б.Коммунистическая, д. 9а, тел. (095)911–2989, 911–2637, факс 911–0428
e-mail: cgo@fipc.ru, URL: http://www.fipc.ru/~cgo/

Отпечатано в ГИПП «Нижполиграф».
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

От автора

Изучение истории культуры — одна из важнейших задач современного гуманитарного образования. История русской культуры в качестве самостоятельной дисциплины и составной части истории, мировой художественной культуры, культурологии входит в программы школ и вузов.

Книга для чтения адресована старшеклассникам общеобразовательных школ, лицеев, гимназий, преподавателям, студентам вузов.

Цель этой книги — дать представление об истории русской культуры в ее внутренней эволюции, в единстве ее важнейших составляющих. При этом главный акцент в ней сделан на изучении духовной культуры. Стремясь познакомить с наиболее яркими памятниками, характерными для каждой эпохи, автор в то же время сознает, что развернутая их характеристика невозможна в рамках учебного курса. Особенно это касается литературы, фольклора, музыки, прикладного искусства.

Светлой памяти Леонарда Адамовича Дербова, замечательного историка и преподавателя, посвящается эта книга.

ВВЕДЕНИЕ

Что такое культура?

Понятие «*культура*» удивительно многозначно и емко. Это одно из фундаментальных понятий гуманитарных наук. Насчитывают сотни определений культуры. Поэтому необходимо обратиться к первоначальному значению этого слова. Латинское «cultura» означает возделывание, обрабатывание, почитание. В процессе «возделывания и обрабатывания» окружающей среды (что свойственно лишь человеку) люди вступают в отношения между собой, с природой, создают материальные и духовные блага, формируют традиции и религии, законы, учреждения, накапливают и передают из поколения в поколение разнообразную информацию. Таким образом создается культура. В самом широком смысле культура — это сама человеческая жизнь, а история культуры — все прошлое.

Рассматривать историю культуры как всеобъемлющую историю человеческой жизни — задача практически невыполнимая (по крайней мере, в рамках учебного курса). Но понимание культуры как единого и всеохватывающего процесса материального и духовного созидания необходимо для того, чтобы история культуры не распадалась на отдельные характеристики «памятников» и их созидателей. Автор считает своей важнейшей задачей показать русскую культуру как единую развивающуюся систему, включающую в себя производство, повседневный обиход, религию, литературу, искусство. Все сферы культурной деятельности объединяет мировосприятие человека, которое меняется вместе с развитием культуры.

Наиболее простое и распространенное понимание культуры — как совокупности материальных и духовных ценностей, достижений. Такой подход несколько ее упрощает. В стороне остается повседневная жизнь (которая состоит далеко не из одних достижений) — быт, нравы, верования. Да и сам выбор «достижений» может оказаться субъективным, не отражающим представлений современников. Тем не менее «ценностный» подход необходим в истории культуры, ибо он отражает вечные противоречия человеческой жизни: между прекрасным и безобразным, нравственным и безнравственным, между просвещением и дикостью. В понятие культуры изначально заложен некий положительный смысл.

Культура часто понимается как мера развития человека, как уровень развития общества. Но положительный общечеловеческий опыт, заклю-

ченный в культуре, можно понять и оценить лишь в сравнении с отрицательным опытом — антикультурой.

Задачи курса истории культуры

Он должен способствовать формированию более полного, яркого и живого представления о прошлом, чем дает традиционная история, по преимуществу, политическая и экономическая. Засилие социально-экономической тематики в отечественной исторической литературе привело не только к обезличиванию, но, если так можно выразиться, к обескультуриванию истории. Бесконечные и безликие процессы долго господствовали в нашей исторической литературе: община разлагалась, крестьянство и городское население расслаивались... Истории разных стран почти не отличались друг от друга: везде действовали одинаковые закономерности. «Что из подобного рода трудов узнает читатель о своих предках? Боже мой! Они ни во что не одеты, они ничего не едят и не пьют, не говорят ни на каком языке, никого не любят и не ненавидят (если только не всем классовым скопом) — только дифференцируются. Мыслимо ли это?» [239, с. 22][1]. Обращение же к истории культуры должно дать ответ на простой, но важнейший вопрос: как жили наши предки?

Изучение истории культуры помогает не только расширить, но и углубить наше представление о прошлом, преодолеть барьер духовного отчуждения и непонимания, который время возводит между поколениями. Непросто бывает проникнуть во внутренний мир людей давно минувших эпох, людей, которые мыслили, чувствовали и поступали иначе, чем мы. Важнейшим понятием культурологического подхода к истории является понятие *менталитета*, которое можно определить как мировосприятие, характерное для эпохи. Если говорить более точно, менталитет — система устоявшихся символов (понятий, образов, идей, психологических ориентиров), неосознанно определяющих деятельность людей каждой культурно-исторической эпохи.

Различия в менталитете особенно остро ощущаются при первом знакомстве с древними (иногда с современными, но представляющими другой тип культуры) памятниками литературы и искусства.

Как, например, может понять средневековое искусство человек, воспитанный на идеях атеизма и «социалистического реализма», не знающий

[1] В квадратных скобках приводятся ссылки на использованные источники и литературу (см. список «Источники и литература», приведенный в конце книги).

библейских сюжетов, не имеющий представления о символическом языке средневековой живописи? Да и современная культура обладает своим языком символов. Пользу же понимания языка других культур можно сравнить с пользой для профессионала знания иностранного языка.

Памятуя о нравственном и эстетическом воспитании, которое вкладывается в понятие культуры, можно говорить и о том, что знакомство с историей культуры не только обогащает в профессиональном и общеобразовательном отношении, но и поднимает человека над агрессивностью, безнравственностью, дикостью. Мысль эта может показаться спорной. Тем не менее стоило бы прислушаться к предостережению знаменитого русского адвоката Ф. Н. Плевако: «Классическое образование и понимание римского права — это крепости против грядущего хама». «Увлечение техникой при низком уровне духовной культуры может привести общество к катастрофе», — предупреждает нас академик Д. С. Лихачев. А между тем волны агрессивности и антикультуры уже не раз захлестывали общество в XX в. Конечно, само по себе знакомство с историей культуры не может быть гарантией от воздействия антикультуры. «Положительная» или «отрицательная» культура прививается домашним и общественным воспитанием, средствами массовой информации и т.д. Но опора на культурную традицию, то есть на живо и органически воспринятую историю культуры, необходима для предотвращения деградации общества, для нормальной жизни людей.

Как изучается история культуры

Есть различные подходы к изучению истории культуры. Мы до сих пор лучше всего знакомы с марксистским подходом, провозглашающим, что все, в конечном счете, обусловлено материальным производством и классовыми интересами. Из этого, как правило, делался вывод о вторичности, второстепенности духовной жизни по отношению к производству, к социальным отношениям. Впрочем, отечественные историки, работавшие в рамках марксистской методологии, давно признавали условность разделения материальной и духовной культуры, а также определяющее значение духовной жизни, общественного сознания в феномене культуры. Но в целом марксистский подход разрушал целостность понятия культуры, насаждал идею классовой розни, отрицал наличие общечеловеческих ценностей, представляя духовную, художественную культуру как нечто второстепенное. Не выдерживает критики и типология культуры, тесно связанная с жесткой схемой

общественно-экономических формаций. Эпитеты «феодальная» или «буржуазная» мало что проясняют в истории культуры. Успехи в историческом изучении культуры были достигнуты отечественными исследованиями скорее вопреки, чем благодаря марксистскому подходу.

В новой отечественной литературе нередко пропагандируется цивилизационный подход в изучении истории и культуры. Сам по себе этот подход уже не новый — он существует около столетия. Его возникновение связано с именами европейских философов, культурологов О. Шпенглера и А. Тойнби. В России еще раньше сходные идеи высказывал Н. Я. Данилевский.

В работах названных авторов история предстает как круговорот обособленных культур, или *цивилизаций*, то есть обществ, наделенных индивидуальными признаками. Анализ этих признаков — довольно разнообразных, включающих религию, художественную, политическую культуру и т.д., — позволяет увидеть отличительные черты, неповторимую ценность каждой цивилизации или культурно-исторического типа. А. Тойнби ставит вопрос о контактах между цивилизациями во времени и в пространстве, пафос же работ О. Шпенглера заключается в утверждении неминуемой гибели каждой культуры.

Идею органического развития культуры как живого организма сторонники цивилизационного подхода, как правило, не распространяют на историю культуры в целом. В своей классической форме этот подход не предполагает конкретно-исторического исследования культуры, ибо является философским и даже художественным осмыслением истории, допускающим весьма вольное обращение с фактами. Вместе с тем попытки рассмотреть историю России и ее культуру как особую цивилизацию не лишены интереса.

Привлекательные образцы полного, живого и конкретного описания истории культуры содержатся в работах французских историков школы «Анналов» и ее продолжателей. Переведенные и изданные у нас труды М. Блока, Ф. Броделя, Ж. Ле Гоффа и других подкупают широтой охвата материала — от анализа природной среды и характера экономики до тонких наблюдений в области общественной психологии и самосознания, скрупулезного изучения интеллектуального и художественного наследия прошлого. Наиболее оригинальны в их работах исследования повседневной культуры и менталитета средневековой цивилизации Запада.

Оригинальные методы изучения истории культуры предложил в своих работах голландский историк И. Хейзинга (его книги «Осень средневековья» и «Человек играющий» переведены на русский язык). М. М. Бахтин в своей знаменитой работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» поставил проблему соотношения народной и «высокой» культуры.

Плодотворным оказался и опыт изучения культуры с помощью *семиотики* — науки о знаках и знаковых системах. (Наиболее типичной знаковой системой является язык как средство передачи информации.) С точки зрения семиотики культура представляется такой же системой знаков, символов, с помощью которой вырабатывается, хранится и передается информация, жизненный опыт людей. Этот подход связан со структурным анализом, одним из основоположников которого был французский ученый К. Леви-Строс. Таким образом анализировались первобытные культуры и мифологическое сознание. Ученые тартуской школы во главе с Ю.М. Лотманом распространили эти методы на изучение более поздних периодов культуры.

В современной европейской и американской науке популярна концепция двухуровнего характера культуры. Применительно к русской культуре ее использовал, в частности, французский историк А. Ропер. Суть концепции состоит в том, что для характеристики неоднородного общества, уже вышедшего из первобытного состояния, не используется единое понятие культуры. Речь идет о нескольких уровнях культуры, составляющих одну подвижную, взаимосвязанную систему. Вводятся понятия высокой и низовой культуры.

Высокая культура — культура письменная, ученая, профессиональная. Как правило, это культура социальной верхушки, элиты. Она доминирует в обществе и придает ему «самостояние». Приобретение этой культуры является результатом сознательного образования.

Низовая культура (без пренебрежительного оттенка) — культура народная, передаваемая в повседневной жизни, неформально. Она, в свою очередь, делится на два подуровня — плебейскую и фольклорную.

Плебейская культура — результат проникновения высокой культуры в народные массы, ее упрощенный вариант. Чем шире слой плебейской культуры, тем устойчивее является данная цивилизация. Среда, где создается эта культура, — город и горожане.

Фольклорная культура — это архаическая и консервативная культурная система, присущая сельским массам. Под двойным прессом высокой и плебейской культуры она постоянно сокращается. Но она живуча и имеет свойство возрождаться и расширяться при кризисе высокой культуры. Этот подход, несомненно, заслуживает внимания. Он учитывает неоднородность общества и позволяет рассматривать культуру в единстве, многообразии и развитии.

Принимая во внимание привлекательные стороны этих методов, автор предполагает излагать материал в традиционной форме конкретно-исторического повествования с элементами описания, с экскурсами в наиболее характерные для каждой эпохи области культуры.

Основные проблемы истории русской культуры

Изучение русской культуры имеет особое значение в силу нашей принадлежности, причастности к ней. Это наше наследие, это наше сегодняшнее богатство. В то же время некоторые особенности развития русской культуры могут прояснить сложность и драматизм истории России, трудности ее сегодняшнего состояния.

Приступая к изучению истории культуры, мы прежде всего сталкиваемся с проблемой ее истоков, начала. Решение этой задачи затруднено тем, что от истоков нас отделяет огромный временной отрезок и сохранилось мало источников, что открывает простор для предположений. При изложении этой проблемы автор стремится избегать опасности (идущей, вероятно, от идеологии) «удревнить» корни отечественной культуры, украсить ее древнейшую историю легендами и вымыслами.

Осмысливая культуру как единую развивающуюся систему, мы ясно видим ее изменяемость, постоянное накопление нового, прогресс в технике и производстве, смену мировоззренческих и поведенческих норм, эстетических идеалов, художественных стилей. Но также становятся заметны и преемственность, традиции, сохранение в культуре ее древних начал. Таким образом, перед нами встает проблема старины и новизны в культуре.

Родившись и осознав себя как самостоятельное явление, русская культура знала времена подъема и упадка, всплесков и замедления своего развития. В ее истории были периоды скачкообразного развития, которые можно определить как *культурные перевороты*. Необходимо выяснить внутренние пружины, причины, которые приводили к заметным изменениям в содержании и формах культурной жизни. Таким образом мы приблизимся к пониманию общих линий ее развития. Исходя из этого, можно выделить периоды в истории русской культуры.

Русская культура — часть общечеловеческой культуры. Ее внутреннюю эволюцию нельзя понять без выяснения ее взаимоотношений о другими культурами. Нет никаких сомнений в самоценности и самостоятельности русской культуры. Но представляет ли Россия собою особую цивилизацию или является частью европейской? Как складывались отношения русской культуры с пограничными культурами Востока? Вопрос о культурных контактах и влияниях всегда остро стоял в русском самосознании. В переломные, кризисные периоды отечественной истории он приобретал болезненное звучание. Только конкретное рассмотрение результатов, к которым приводили культурные контакты (или наоборот — изоляция) позволит нам спокойно разобраться в сложной проблеме: Россия — Запад — Восток.

В учебном курсе мы неоднократно столкнемся с проблемой «культура и религия», то есть с проблемой соотношения духовного (религиозного) и мирского (светского) начал в культуре. Автор исходит из представления о религии как органической части культуры. (Одно из первоначальных значений латинского слова cultura — «почитание» — несло в себе сакральный смысл.) Православие было одной из основ формирования русской культуры, во многом определившей ее своеобразие. Вместе о тем в русской, как и в европейской, культуре нельзя не заметить тенденцию возрастания удельного веса рационалистического, мирского сознания, которое не отрицает веры, а может быть, и не противоречит ей. Проследить процесс обмирщения (секуляризации) русской жизни — одна из важных задач курса.

Другой вопрос — церковь и культура. Факты говорят о том, что церковь может быть и мощным стимулом, и тормозом развития культуры.

В истории России особую роль играло государство, всегда проводившее весьма ощутимую для общества, подчас жесткую культурную политику (достаточно вспомнить христианизацию, европеизацию, государственную систему образования, контролируемое книгоиздательство и т.д.).

У творцов высокой российской культуры нередко складывались сложные отношения с государством. Это придает особое значение проблеме «официальной» и «неофициальной» культуры, проблеме «несвободы» русской культуры.

Неоднородность любой развитой культуры — факт очевидный. Поэтому необходимо выяснение особенностей культуры различных классов и социальных групп, элитарной и народной культуры. Некоторые авторы даже считают социальную полярность, напряженность русской культуры ее отличительной чертой. Для характеристики социального расслоения культуры недостаточно констатировать враждебность «двух культур» (эксплуататоров и эксплуатируемых). Описанная выше концепция двухуровневого характера культуры представляется более плодотворной.

Как изучалась история русской культуры

История культуры далеко не сразу заняла достойное место в исторической науке. Долгое время в ней господствовала политическая история, описывавшая деяния князей, царей и церковных иерархов. Но уже в работах русских историков XVIII в. (М.М.Щербатова, И.Н.Болтина и др.) можно найти интересные наблюдения и выводы о «вкусе и нравах» русского народа, особенностях национального характера, о влиянии татарско-

го нашествия и Европы на русскую культуру. Авторы XVIII в. обозначили реформы Петра I как важнейший рубеж в истории русского просвещения, быта, нравов.

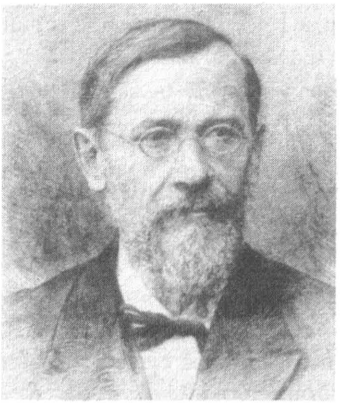
Н. М. Карамзин в своей «Истории государства Российского», основываясь на летописях и литературных памятниках, дал краткие сведения о «художествах», науках, нравах, обрядах, о просвещении и литературе Древней Руси. В «Записке о древней и новой России» Карамзин, признавая пользу европейского просвещения, осудил насильственную европеизацию страны Петром.

Заметный рост интереса к исторической судьбе русской культуры наметился в 30—40-х гг. XIX в. П. Я. Чаадаев высказал глубоко скептическое мнение о бесплодном, застойном, тусклом и мрачном существовании русской жизни, основанной на православии, которое (в отличие от католичества), по его мнению, не способно соединиться с наукой, просвещением, материальным и политическим прогрессом. Прямо противоположной точки зрения придерживался славянофил И. В. Киреевский, который «договорился» до признания положительной роли монгольского завоевания, которое, де, помешало сближению России с Европой и сохранило русскую культуру в чистоте.

Русская историческая наука к середине XIX в. достигла своей зрелости. Историки обратились к изучению гражданской истории (государства, права, просвещения). Термин «просвещение» у авторов XIX в. часто был синонимом понятия культуры. Этот поворот к истории культуры заметен уже в «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, хотя центральное место в ней занимает история государства. С. М. Соловьев выступил против рассмотрения русской истории как серии культурных влияний — варяжского, татарского, европейского. Он также стремился показать естественный, органический характер культурных нововведений Петра I.

Во второй половине XIX в. появляется целая серия специальных исследований по истории русской культуры, вышедших из-под пера Н. И. Костомарова, И. Е. Забелина, Ф. И. Буслаева, П. П. Пекарского, Д. А. Ровинского и др. Более всего изучались быт, нравы, литература. Изучение художественной культуры затруднялось тем, что большинство памятников архитектуры и живописи было скрыто позднейшими перестройками и подновлениями. В целом исследователи XIX в. невысоко оценивали художественные достоинства и оригинальность русского искусства. Даже русской живописи XVIII в. отказывали в самостоятельном культурном значении.

Проницательным и глубоким знатоком мировосприятия русского народа, православной духовности, хозяйственного и бытового уклада Руси,



В. О. Ключевский.
Гравюра В. Матэ. Конец XIX в.

истории русского просвещения был В. О. Ключевский. Научный скептицизм сочетался в его трудах с подлинной симпатией к старой московской культуре, с ее, как он считал, внеклассовым единством, крепким моральным закалом и трудовыми традициями, с искренним и простым восприятием христианства. В своих работах он дал также любопытную, хотя довольно пристрастную оценку дворянскому просвещению XVII—XIX вв., роли русского дворянства, давшего, по его словам, «извращенное, уродливое направление всей русской культуре».

Интересную и до сих пор непревзойденную попытку единого осмысления истории русской культуры предпринял на рубеже XIX и XX вв. П. Н. Милюков. Его трехтомный труд «Очерки по истории русской культуры» отличается широким пониманием и охватом истории культуры, которая включает в себя жизнь «экономическую, социальную, государственную, умственную, нравственную, религиозную, эстетическую». Милюков доказывал «элементарный» характер, неразвитость русской культуры, постоянные заимствования с Запада, не исключающие, впрочем, самостоятельного культурного развития России. Вслед за Ключевским Милюков весьма скептически оценивал национальное культурное наследие России (особенно в области экономики, государственного и сословного строя). Невысоко ценил он и культурную роль православия.

Пути развития отечественной культуры и судьбы интеллигенции широко обсуждались философами начала XX в. (Н. А. Бердяев и другие). Они констатировали глубокий культурный раскол русского общества, идущий от петровских реформ, отмечали полярность, неуравновешенность русской культуры, слабость созидательного, гуманистического начала в ней.

Тонкостью наблюдений и прекрасным знанием конкретного материала отличаются работы Г. П. Федотова. Его книга «Святые Древней Руси» представляется, на наш взгляд, лучшим опытом изучения русской православной духовности. В этой работе православная точка зрения нигде не входит в противоречие с исторической наукой.

Сразу после революции вышли работы Г. В. Плеханова и М. Н. Покровского (труды первого по истории культуры намного превосходят труды

второго с их вульгарными социологическими объяснениями), затем марксистская историческая мысль долго не обращалась к проблемам истории русской культуры, каковые считались третьестепенными по важности.

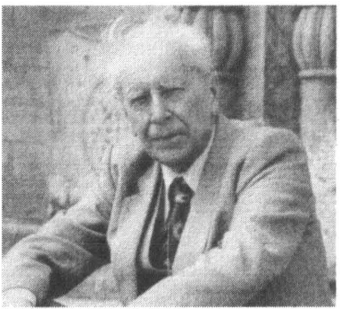
Исследование отдельных сюжетов истории культуры более успешно шло в литературоведении и искусствознании, которые испытывали меньший идеологический гнет, чем историческая наука. Открытие и углубленное изучение памятников средневековой живописи и архитектуры, новое осмысление русского искусства XVIII в., начавшиеся в первые десятилетия XX в., продолжались и в советское время, хотя с известными осложнениями (репрессии авторов, проникновение в науку марксистских штампов, вульгарного социологизирования).

Лишь в послевоенные годы появляются специальные работы по истории культуры Д.С.Лихачева, Б.А.Рыбакова, Н.Н.Воронина и др. Своеобразным итогом стал выход двухтомной «Истории культуры Древней Руси» (1948, 1951), посвященной домонгольскому периоду. Все богатство письменных и археологических источников было призвано доказать, что культура Древней Руси была самобытной и ни в чем не уступала европейской. Эта идея, направленная против «космополитической теории», вытекала не из сравнительного анализа культур, а из известных политических установок того времени. Пожалуй, наиболее ярким явлением тех лет была книга Б.А.Романова «Люди и нравы Древней Руси» (1947). Это оригинальное исследование отмечено глубоким проникновением в атмосферу древнерусской повседневной жизни, в миропонимание представителей разных слоев древнерусского общества.

С конца 50-х гг. интерес к изучению истории культуры заметно вырос. Появляются популярные очерки (А.М.Сахарова, А.В.Муравьева, Д.С.Лихачева, Б.И.Краснобаева), монографии, капитальные коллективные труды. Богатством материала по различным отраслям культуры отличаются многотомные «Очерки русской культуры» (1969–1990), охватившие период с XIII по XVIII в. Но, как и всякий коллективный труд, они не содержат оригинальной концепции развития русской культуры.

Огромный конкретный материал и ценные наблюдения накоплены искусствоведами и историками литературы. Авторы наиболее значительных искусствоведческих работ выходят на уровень общекультурных обобщений (М.В.Алпатов, В.Н.Лазарев, М.А.Ильин, Г.К.Вагнер, В.Г.Брюсова, Н.Н.Коваленская и др.).

Несмотря на то, что общее количество работ по истории русской культуры X–XVIII вв. достаточно велико, попытки культурно-исторических обобщений, оригинальные концепции встречаются редко, что объясняется и общим состоянием отечественной науки, не поощрявшей иные исторические концепции, кроме марксистской.



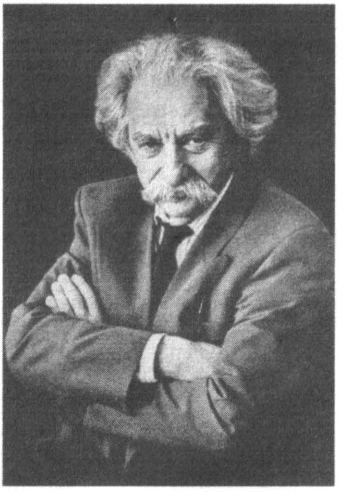
Д. С. Лихачев

Наиболее целостный взгляд на историю русской средневековой культуры содержат работы Д. С. Лихачева — крупнейшего знатока древнерусской литературы. В его исследованиях и популярных работах даются внутренняя периодизация и отличительные черты каждого этапа древнерусской культуры, сформулированы общие тенденции культурного развития. В центре внимания исследователя — человек Древней Руси с его миропониманием. Пафос концепции Д. С. Лихачева видится в утверждении европейского характера русской культуры. Многие элементы этой концепции восприняты автором настоящей книги.

Переходный период отечественной культуры от средневековья к новому времени рассматривается в книге А. М. Панченко «Русская культура в канун петровских реформ» (1984). Основные черты русской культуры XVIII в. наиболее последовательно описаны в работах Б. И. Краснобаева. Важные особенности культуры XVIII в. отмечены Ю. М. Лотманом и Б. А. Успенским. Блестящий анализ повседневной жизни русского дворянства XVIII в. содержит книга Ю. М. Лотмана «Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX в.)» (1994).

Автор настоящей книги стремился, по мере возможности, учесть и зарубежный опыт изучения истории культуры. Чрезвычайно ценным представляется, например, опыт изучения средневековой европейской цивилизации французскими историками школы «Анналов».

Одна из последних обобщающих работ о русской культуре написана французским автором А. Ропером. Его книга «La misère et la gloire. Histoire culturelle du monde russe de l'an mil à nos jours» («Нищета и слава. Культурная история русского мира с тысячного года до наших дней») (1992) интересна как попытка обобщить результаты исследований в этой области франко- и англоязычных авторов. Это по-



Ю. М. Лотман

зволяет взглянуть на русскую культуру «с другой стороны», хотя нередко возникает желание оспорить и уточнить слишком скептические и категорические утверждения автора. Заставляет задуматься о путях развития русской культуры и вызвавшая массу споров книга Р. Пайпса «Россия при старом режиме», которую сам автор считает культурологическим трудом, не имеющим аналогов в России.

Глава 1. ИСТОКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

История культуры русского народа уходит своими корнями в глубокую древность. Начало же высокой русской культуры — письменной, книжной, создаваемой профессиональными творцами, — можно датировать концом X в., временем крещения Руси. «...Если говорить об условной дате начала русской культуры, то я, — пишет Д. С. Лихачев, — считал бы самой обоснованной 988 г.» [106, с. 257].

Собственно русская культура родилась в результате слияния языческой культуры восточных славян и культуры восточного христианства (православия), главным очагом которой была Византия. Это роднит русскую культуру с европейской, в основе которой лежат «два главных элемента — язычество и христианство» (Т. Манн).

ЯЗЫЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН — ОСНОВА ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Происхождение славян

Говоря о ранней истории славян, мы вступаем в область догадок, споров, предположений. Слишком мало источников осталось с того времени. Летописец Нестор (XII в.), первый русский автор, задавшийся вопросом, «откуда есть пошла русская земля», отстоял от истоков славянства примерно на столько же, на сколько мы отстоим от его времени. Можно ли требовать от него точности в описании столь отдаленного времени? И археологи не всегда сходятся в мнениях, характеризуя ранние памятники славянской

культуры: трудно бывает определить их этническую (национальную) принадлежность. Поискам ученых помогает лингвистика, изучающая языки.

Славяне принадлежат к индоевропейской языковой семье и имеют общих предков со многими народами. Общепризнано, что славяне отделились от общего корня и сформировались как самостоятельный этнос (народ) в Восточной Европе. Наиболее вероятной их прародиной считается лесостепная полоса от Днепра до Одера, предгорья Карпат.

Формирование славян как народа, имеющего общую территорию, язык, культуру, происходило примерно со II в. до н.э. до V в. н.э. Нельзя признать убедительными попытки некоторых ученых «удревнить» историю славян и считать славянскими все сколько-нибудь примечательные археологические памятники Приднепровья «с незапамятных времен».

В VI в. славяне уже показали свою силу: воевали с Византией, заселяли берега Дуная, Балканский полуостров, начали расселяться в Восточной Европе. Произошло разделение славян на три ветви — южную, западную, восточную. Занимая огромные, но малолюдные просторы Восточно-Европейской равнины, славяне смешивались с местным финно-угорским, балтийским, позднесарматским населением, оставаясь при этом доминирующим этносом. Есть, правда, среди ученых сторонники этнической и языковой чистоты славян. Но, кажется, искать в истории «чистые» нации — дело безнадежное.

В условиях этнических контактов сложились культурные и языковые особенности восточных славян — предков русских, украинцев и белорусов. Это произошло не ранее VII—VIII вв. По уровню развития материальной культуры славяне долгое время мало отличались от соседних племен лесной и лесостепной полосы.

Исконным занятием славян было земледелие. Об этом свидетельствуют данные археологии, лингвистики, фольклора и письменных источников. Это давно доказано М.С.Грушевским и Б.Д.Грековым. Лишь американский историк Р.Пайпс продолжает утверждать, что «в ранний период своей истории славяне были кочевыми скотоводами» [146, с. 12].

Восточные славяне жили в сложных природно-климатических условиях Восточно-Европейской равнины. Суровая зима и жаркое лето, грозившее то засухой, то проливными дождями, недостаточно плодородные лесные почвы делали труд земледельцев очень тяжелым, заставляли их приспосабливаться, крепко держаться за испытанные формы хозяйства, избегать новшеств. Как заметил великий русский историк С.М.Соловьев, для народов Западной Европы природа была матерью, для народов России — мачехой [215, кн. 8, с. 8]. Дополнительные заботы славянам доставлял открытый характер их территории, ее близость к опасному миру степных кочевников.

В средние века человек стоял гораздо ближе к природе, чем мы сегодня. Сама природа не была еще столь «преобразована», следы человеческой деятельности были менее заметны. Вплоть до нового времени европейских путешественников удивляли бескрайность русских лесов, их слабая заселенность, огромные реки и обширные болота, суровость климата. Хищные звери бродили рядом с жильем человека. Поля и пастбища приходилось огораживать. Жизнь общества «развивалась на архаическом фоне подчинения неукротимым силам, несмягченным природным контрастам» [22, с. 127]. Чувство покинутости и одиночества среди редко населенных лесов, болот и степей, боязнь грозных явлений природы воздействовали на миропонимание и поведение славянина.

Отношения, сложившиеся между человеком и окружающей природой, прекрасно описал В. О. Ключевский. Его слова можно в равной степени отнести и к славянину VIII–IX вв., и к русскому крестьянину XVII в. «*Лес* оказывал русскому человеку разнообразные услуги — хозяйственные, политические и даже нравственные: обстраивал его сосной и дубом, отапливал березой и осиной, освещал его избу березовой лучиной, обувал его лыковыми лаптями, обзаводил домашней посудой и мочалом. Долго... он питал народное хозяйство пушным зверем и лесной пчелой. Лес служил самым надежным убежищем от внешних врагов, заменяя русскому человеку горы и замки... Несмотря на все такие услуги, лес всегда был тяжел для русского человека. В старое время, когда его было слишком много, он своей чащей прерывал пути-дороги, назойливыми зарослями оспаривал с трудом расчищенные луг и поле, медведем и волком грозил самому и домашнему окоту. Тяжелая работа топором и огнивом, какою заводилось лесное хлебопашество... утомляла, досаждала. Этим можно объяснить недружелюбное или небрежное отношение русского человека к лесу: он никогда не любил своего леса... Древнерусский человек населил лес всевозможными страхами. Лес — это темное царство лешего одноглазого, злого духа — озорника, который любит дурачиться над путником, забредшим в его владения...

Степь, *поле* оказывали другие услуги и клали другие впечатления. Можно предполагать раннее и значительное развитие хлебопашества на открытом черноземе, скотоводства... на травянистых степных пастбищах. ...Но степь заключала в себе и важные исторические неудобства: вместе с дарами она несла мирному соседу едва ли не более бедствий. Борьба со степным кочевником, половчином, злым татарином, длившаяся с VIII почти до конца XVII в., — самое тяжелое историческое воспоминание русского народа...

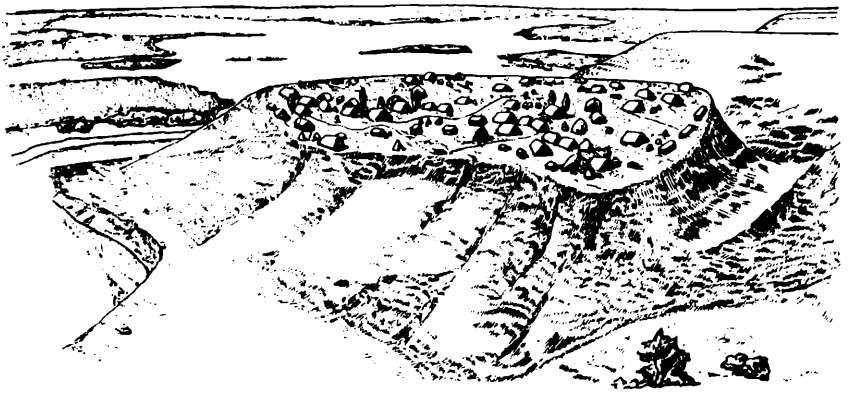
Так, лес и особенно степь действовали на русского человека двусмысленно. Зато никакой двусмысленности, никаких недоразумений не бывало

у него с русской *рекой*. На реке он оживал и жил с ней душа в душу. Он любил свою реку, никакой другой стихии своей страны не говорил в весне таких ласковых слов — и было за что. При переселениях река указывала ему путь, при поселении она — его неизменная соседка: он жался к ней, на ее... берегу ставил свое жилье, село или деревню. Река кормила, была летней и зимней дорогой, приучала своих прибрежных обитателей к общежитию и общительности, воспитывала дух предприимчивости, сближала разбросанные части населения, приучала чувствовать себя членом общества» [80, т. 1, с. 83–86].

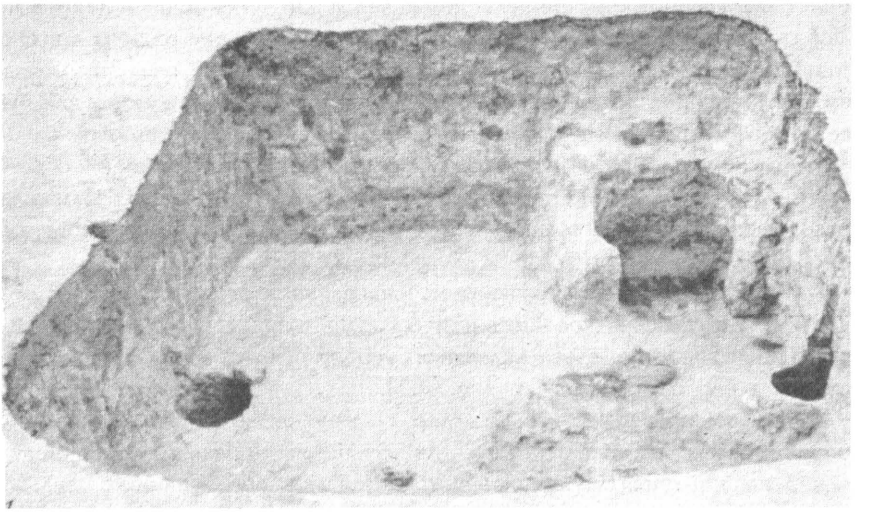
Тонко подмеченная Ключевским привязанность наших предков к рекам имеет и своеобразное лингвистическое подтверждение: с ними связывают происхождение слова «славяне», вероятно, означавшее людей, живущих по берегам рек [227, т. 3, с. 665].

Как сообщает византийский автор, славяне «селятся в лесах, у неудобопроходимых рек, болот и озер». Их поселки часто находились в естественно защищенных местах, на высоких мысах, образованных реками, ручьями, оврагами. В опасных степных районах они были защищены рвами и валами.

Обычным жилищем славянина была небольшая полуземлянка с бревенчатыми стенами, углубленными в землю, с двухскатной крышей, доходившей до земли, покрытой соломой, хворостом или камышом. Как правило, в углу находилась печь, топившаяся «по-черному». Вдоль стен устраивались земляные или глиняные «лавки». Рядом с жильем находились хозяйственные постройки и погреба. Все строения располагались без определенного порядка. Конечно, землянки славян казались «жалкими хижинами» византийцам, жившим в каменных городах.



Поселение восточных славян (реконструкция)

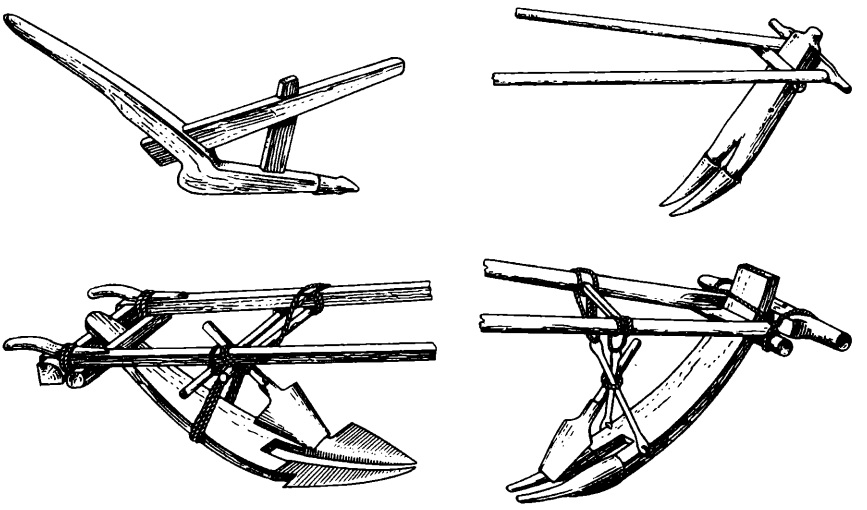


Реконструкция жилища восточных славян (полуземлянка)

Занятия славян

«Делают нивы своя и землю свою», — так летописец определил основное занятие славянского населения. Свободной земли было много, и основной системой земледелия первоначально был перелог: после получения нескольких урожаев истощившуюся землю оставляли без обработки на 8—15 лет для восстановления ее плодородия. В лесной зоне применялась подсечная система земледелия, заключавшаяся в следующем: участок земли освобождали от леса, для этого предварительно подрубленные и высохшие деревья сжигали, удобренную таким образом землю распахивали и использовали до истощения, а затем расчищали новые участки. Лесные почвы обычно истощались уже через 3—4 года. Постепенно в районах постоянного земледелия стали переходить к более сложным системам севооборота — двуполью и трехполью. Южные районы обгоняли северные по уровню развития земледелия, что объяснялось более благоприятными природными условиями, и, возможно, древними традициями, существовавшими здесь до славян.

Землю пахали деревянными орудиями с железными наконечниками, в южных черноземных районах Приднепровья использовали плуг, кото-



Восточнославянские пахотные орудия (рало, соха)

рый подрезал и переворачивал пласт земли, на более тяжелых лесных почвах — соху, которая лишь рыхлила землю. Тягловой силой служила лошадь.

Выращивали пшеницу, рожь, ячмень, просо. Зерно хранили в специальных зерновых ямах.

Земледелие у славян сочеталось с оседлым скотоводством: держали коров, свиней, овец, коз, лошадей. Большое количество скота указывало на достаток в семье. Он служил первоначально и для обмена. Слово «скот» означало деньги («скотница» — казна).

Важным подспорьем в хозяйстве восточных славян были охота и промыслы: рыболовство и бортничество — сбор меда и воска диких пчел.

Почти все необходимое для жизни, — пища, одежда, хозяйственный инвентарь — производилось в домашних условиях. В свободное от полевых работ время пряли, шили, лепили горшки, мужчины занимались плотницким делом.

С глубокой древности и на протяжении всего средневековья обработка дерева занимала важнейшее место в жизни славян и русского народа. «Средние века — мир дерева» [99, с. 191]. Каждый мужчина умел владеть топором, который служил и для рубки деревьев, и для строительства жилья, и для изготовления мелкого хозяйственного инвентаря. Например, топором били баклуши — делали заготовки для деревянных ложек. Это

была самая легкая работа, которую доверяли детям и старикам. Все постройки, в том числе и укрепления, были деревянными. Их «срубали» и «городили». Древнее славянское слово «город» первоначально означало огороженное место, деревянный укрепленный пункт.

Единственное ремесло, которое обособилось еще в первобытном обществе сразу с момента своего появления, — это железоделательное, кузнечное дело. Центров производства железа было сравнительно немного: они возникали там, где были месторождения болотной руды и лес, необходимый для приготовления древесного угля. Кузнечное ремесло было более распространено. Кузнецы изготовляли земледельческие орудия, мелкие бытовые предметы, а также оружие. Они, по-видимому, уже не занимались земледелием и обменивали свои изделия на продукты питания. Появились особые мастера — литейщики и ювелиры. Но поскольку в качестве сырья они использовали привозные металлы (арабские и византийские монеты), широкого распространения это производство в догосударственный период не имело.

Типичными изделиями славянских ювелиров были височные кольца, которые женщины вплетали в волосы и прикрепляли к головным уборам. Обычно у каждого племени были височные кольца своей особой формы.

Существование обработки железа не дает нам права говорить о наличии ремесла в восточнославянском обществе до X в., об отделении промышленного труда от земледельческого.

О появлении ремесел свидетельствует обособление других специальностей, кроме кузнечной. Следующими обычно бывают гончары. У восточных славян до X в. глиняная посуда производилась в домашних условиях, без применения гончарного круга. Это были лепные горшки, миски, сковороды, украшенные несложным орнаментом и обожженные в домашних печах.

Развитию культуры восточных славян способствовал торговый обмен с другими странами. Его инициаторами в догосударственный период были купцы из наиболее развитых стран того времени (Арабского халифата, Византии). Раньше всего (с VIII в.) обозначились торговые пути на Восток: они шли по Волге, через Волжскую Булгарию; по Днепру, Дону, Северскому Донцу через Хазарский каганат. В обмен на серебро и изделия из цветных металлов восточные купцы получали от славян пушнину, мед, воск, кожи, а также рабов — захваченных в войнах пленников.

Меха, серебро и другие богатства привлекли в земли восточных славян мореходов (и купцов, и разбойников) из Северной Европы. Это были норманны, известные у славян как варяги, или русь (русские, арабские, византийские и европейские источники зафиксировали под именем «рус» или «рос» выходцев из Скандинавии).

В IX в. установился знаменитый торговый путь «из варяг в греки». На Волхове, Днепре, Волге возникли отдельные военно-торговые поселения варягов. Они располагались рядом с племенными восточнославянскими центрами, имевшими религиозное, военное, торговое значение. Такими центрами были Киев, Новгород, Смоленск, Полоцк. Их летописи называют древнейшими «градами». Настоящими городами (центрами средневековой цивилизации) они станут позже — в X—XI вв.

Общественные отношения

Картина жизни восточнославянского общества будет неполной без хотя бы краткой характеристики общественных отношений. В VII—VIII вв. это было еще первобытное общество всеобщего равенства. Никаких признаков имущественного расслоения (богатых жилищ или погребений) славянская археология не нашла. Письменных источников, относящихся к этому времени, у нас нет. В IX в. это общество становится варварским, то есть находящимся на последней стадии первобытности. В результате военных и торговых экспедиций славяне познакомились с цивилизованными странами, у них появились первые признаки имущественного неравенства, сложились предпосылки для образования государства. Кровнородственные, родовые отношения начали распадаться, но о них еще хорошо помнил (был свидетелем их многих пережитков) летописец Нестор (XII в.), который писал, что славяне «живяху каждо с своим родом и на своих местах, владеюще каждо родом своим» [165, ч. 1, с. 12]. Сам летописец использовал слово «род» в разных значениях, но важно, что такие понятия, как народ, племя, семья, имели для него единое родовое начало.

Новейшие исследования показывают, что основной ячейкой восточнославянского общества до образования государства была первобытная соседская община, входившая в родоплеменную систему [44, с. 143]. Внутри ее уже выделялись отдельные семьи, которые самостоятельно вели хозяйство. Часто это были еще большие патриархальные семьи, объединяющие несколько поколений родственников, что было необходимо при таких трудоемких системах хозяйства, как перелог и подсека. Соседская община допускала выделение знати (знатных родов), князей. Князья как родовые старейшины существовали и раньше. Первоначально их власть держалась на знании, личной силе, авторитете.

Войны и торговля способствовали обогащению племенной верхушки, ее отделению от основной массы общинников. Из общины выделялись

воины-дружинники, окружавшие князя. С другой стороны, появились пленники-рабы, которых использовали в качестве слуг; их отпускали на волю за выкуп или продавали заезжим купцам. Важнейшие вопросы общинной и племенной жизни решались на вече — народном собрании.

Возникновение государства

В IX в. у восточных славян существовали крупные территориальные объединения — племенные союзы (поляне, древляне, словене, кривичи, вятичи и др.). Появление имущественного и социального неравенства, замена родственных отношений территориальными, выделение князей и дружинников, необходимость прекращения межплеменных столкновений и защиты от внешних врагов, налаживания торговли между странами, в которую включились восточные славяне, — все это привело во второй половине IX в. к образованию раннеклассового государства.

Некоторые зарубежные авторы считают, что необходимых условий для возникновения государства у славян еще не было, поэтому оно сложилось «искусственным» путем, без участия общества. Р. Пайпс, ссылаясь на мировой опыт, пишет, что цивилизация в земледельческом обществе возникает лишь тогда, когда посеянное зерно воспроизводит себя по меньшей мере пятикратно. На Руси же даже в период средневековья средняя урожайность была очень низкой — «сам — три» [146, с. 19], то есть каждое посеянное зерно воспроизводило себя трижды. Но в средневековой Европе урожайность была примерно такой же [25, т. 1, с. 135; 247, с. 71]. В IX–XI вв. Русь могла использовать преимущество своего расположения — на важнейших торговых путях.

Образование государства было ускоряющим моментом в развитии культуры. Изменились общественные отношения. В руках князей и знати сосредоточились богатства, что позволяло создавать и накапливать значительные материальные ценности: строить пышные хоромы, изготавливать богатую утварь, дорогое оружие, доспехи. Правители русского государства быстро почувствовали вкус к роскоши. Даже суровый и неприхотливый князь Святослав, проводивший всю жизнь в походах, внешне ничем не отличавшийся от простого воина, стремился устроить свою столицу в Переяславце на Дунае, «яко ту вся благая сходятся: от Грек злато, паволоки (шелковые ткани), вина и овощеве разноличныя, из Чех же, из Угорь (Венгрии) сребро и комони (кони), из Руси же скора (меха) и воск, мед и челядь (рабы)» [165, т. 1, с. 48]. Кардинальных изменений в культуре с образованием государства (еще очень примитивного) не произошло. Духовной, мировоззренческой основой культуры продолжало оставаться славянское язычество.

Турьи рога с серебряной оковкой — ритуальные сосуды из кургана Черная Могила

Русь, как и все средневековые государства, сложилась в условиях многочисленных контактов с другими народами. Нет необходимости углубляться в «норманнскую» проблему русской истории, но следует подчеркнуть, что замолчать участие варягов в создании ранней русской государственности — это значит сделать нашу раннюю историю заведомо ложной. Однако говорить о каком-то решающем влиянии скандинавов на русскую культуру не приходится. Варяги по уровню развития мало отличались от славян. К тому же они, кажется, обладали такой способностью: где бы ни появлялись — среди славян, на Британских островах, на западе Франции, на Сицилии — быстро смешивались с местным населением и перенимали его культуру. Так что речь может идти лишь о взаимном культурном влиянии славян и варягов [100, с. 258–261]. Но нельзя не заметить, что последние повлияли на становление древнерусской политической культуры. Скандинавское происхождение имела правящая династия Рюриковичей; варяги входили в состав правящей верхушки (воеводы, дружинники, послы), оказывали влияние на княжеское законодательство. Они, вероятно, дали и название восточнославянскому государству (древнескандинавское «рус» — гребец, дружинник).

Примеров такого «внешнего» происхождения названий государств и областей в истории раннего средневековья множество: Франция, Болгария, Нормандия, Андалузия в др. Скандинавские обычаи, возможно, нашли отражение и в богатых дружинно-княжеских захоронениях X в. В русском языке остались скандинавские имена Рюрик, Олег, Игорь и слова гридь (дружинник), вира (штраф за убийство), крюк, ларь. Но примечательно, что при заключении договора с греками русские послы (со скандинавскими именами) клянутся именем славянского бога Перуна.

Язычество восточных славян

Язычество восточных славян в момент его наивысшего развития (X в.) — это довольно развитая религия природы, многобожие. От первобытного шаманизма, почитания духов и священных предметов оно уже

ушло далеко: созданы определенный круг богов, мифология, миропонимание. Даже появилась тенденция к выделению одного главного бога — Перуна.

Известный исследователь славянского язычества Б.А. Рыбаков выделяет следующие стадии его развития: первоначально славяне приносили жертвы «упырям и берегиням» (злым и добрым духам, населяющим всю природу); затем они перешли к поклонению Роду и роженицам, сложился культ плодородия (не все исследователи связывают Рода с культом плодородия, но сам этот культ, безусловно, существовал); наконец, они стали приносить жертвы Перуну и другим «главным» богам. При этом старые верования не исчезли, а наслоились на новые, в них сохранялись архаичные элементы, свойственные всем индоевропейским народам [199, с. 20; 200, с. 755]. Так сложилась система верований и обрядов, включавшая в себя почитание природы, в особенности тех сил, от которых зависел труд земледельца, культ предков, связанный с верой в загробную жизнь, веру в духов.

В целом мифология древних славян, определявшая их миропонимание, дошла до нас в отрывочных данных из различных источников, в фольклоре славянских народов, в народных обычаях и поверьях. Как отмечает Б.А. Рыбаков, «славянская мифология как жизнь богов осталась неописанной». И едва ли можно проводить аналогии между славянской и греческой мифологией (как это делает иногда Б.А. Рыбаков). Как считает один из знатоков древнерусской культуры, «чтобы „догнать" народы „классического язычества", восточным славянам потребовались бы столетия» [29, с. 6]. И все-таки попытки восстановить систему славянской мифологии исследователи делали не раз. Наиболее современными и реалистичными кажутся работы В.В. Иванова и В.Н. Топорова.

Высший уровень славянской мифологии представляют Перун и Велес.

Перун — бог грозы, «творец молний», плодородного дождя. Это древнейшее божество со временем стало покровителем князя и дружины, приобрело военные функции. Оно представлялось в виде немолодого мужчины, сидящего на коне или в колеснице.

Велес — «скотий бог», покровитель домашних животных, торговли и богатства.

Перун олицетворял верхние, небесные, горние сферы мира, Велес — нижние, земные. Сохранились смутные мифологические предания о борьбе Перуна и Велеса, возникшей из-за похищения последним скота, людей (иногда — жены громовержца). Велес во время поединка прячется под деревом, под камнем, превращается в человека, коня, корову, Перун расщепляет дерево, раскалывает камень, мечет стрелы. Борьба завершается дождем, приносящим плодородие. Возможно, существовало и высшее божество плодородия женского рода, которое в фольклоре представлено образом «Матери — сырой земли».

К высшим славянским богам относят также Сварога — бога огня, покровителя кузнецов (огонь называли сварожичем). Сыном Сварога был небесный огонь — солнце. Бог солнца назывался Даждьбогом — дающим добро, тепло, богатство. В «Слове о полку Игореве» «даждьбожими внуками» названы русские. Солнечным божеством был и Хорс. Частенько упоминается еще один небожитель — Стрибог, бог ветра. Все высшие боги имели человеческий облик, кроме крылатого пса Симаргла, охранявшего посевы.

Более низкий уровень занимали семейные, домашние божества, связанные с культом предков — Род и роженицы, Чур, или Щур (отсюда «пращур» — прародитель), Мокошь — покровительница женских домашних дел, прядения.

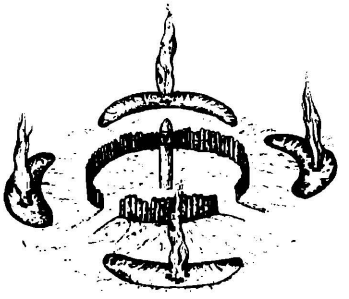
Наконец, все окружающее пространство населяли духи (водяные, лешие, русалки, кикиморы, домовые и др.). Русский средневековый автор писал о язычниках: «они все бога прозваша: солнце и месяц, землю и воду, звери и чади». Действительно, для славян священное значение имели огонь, вода, земля, воздух. Поклонялись они и священным деревьям (дубу, березе), камням. Сверхъестественными свойствами наделялись некоторые животные (медведь, волк, конь).

Все окружающее представлялось им состоящим из трех частей: неба, земли и подземного царства. Моделью мира было «мировое дерево», на котором располагалось все живое. Важнейшими понятиями, описывавшими мир и одновременно выражавшими его полярность, были доля, удача, счастье, с одной стороны, и недоля, несчастье — с другой; добро и зло, жизнь и смерть и т.д. Богатый (имеющий бога и долю) противопоставлялся убогому (лишенному бога).

В рамках язычества сложились многие священные понятия, перешедшие затем в христианский обиход русских: бог, святой, молитва, жертва, грех, душа, рай и др. Это свидетельствует о развитии религиозных и этических понятий в язычестве.

Отсутствие единого вероучения, зафиксированного в священных текстах, выдвигало на первый план обряд — жертвоприношение с одновременной молитвой — просьбой, обращенной к богу. Целый ряд ритуальных действий («игрищ», обрядовых песен, заклинаний) был связан с календарными языческими праздниками: зимние святки — с ряжеными и гаданием; масленица (приход весны) — с поеданием блинов, которые символизировали солнце, и сжиганием чучела зимы; праздник летнего солнцестояния — с ночными «песнями и плясаниями»; осенний праздник урожая и др.

В период существования восточнославянского язычества храмовые постройки, по-видимому, не возводились. Племенные культовые сооруже-



Языческое святилище (реконструкция)

ния — святилища — состояли из площадки округлой формы (святилище Перуна под Новгородом имело форму цветка), вокруг которой устраивались невысокие рвы и валы, не имевшие оборонительного значения. В центре площадки устанавливали деревянного идола, перед ним возжигали ритуальные костры и приносили жертвы: домашних животных, в исключительных случаях — пленников или соплеменников — по жребию: «Мечем жребий на отрока и девицю; на него же падет, того зарежем богом» [165, ч. 1, с. 58].

Святилище высших богов устроил в Киеве в 980 г. князь Владимир, стремясь придать ему общегосударственное значение: «И постави кумиры на холму вне двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат, и Хорса, Даждьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь» [165, ч. 1, с. 56]. Идолы-кумиры имели вид столбов с вырезанным изображением человеческой головы. Деревянные идолы до нас не дошли. Сохранилось несколько каменных идолов (самый знаменитый — **Збручский идол**). Лица их изображены очень схематично, грубо, что свидетельствует о «безличном» восприятии бога (в отличие от христианства). Ритуальные действия выполняли жрецы-кудесники, или волхвы. В их роли, по-видимому, выступали также старейшины и князья.

Языческие идолы

Языческое миропонимание и общинное сознание определяли повседневное поведение людей, нормы морали. Жизнь человека протекала в постоянном повторении природных циклов, приводила к мысли о неизменности мира. Нелегко было преодолеть общинную, племенную замкнутость. Мир делился на «своих» и «чужих» — враждебное окружение. Среди «своих» существовали коллективизм и взаимопомощь.

Как наиболее характерный языческий обычай летописец отмечал брак — умыкание и многоженство: «схожахуся на игрища, на плясания, и на вся бесовския песни, и ту умыкаху жены себе, с нею же кто съвещашеся, имяху же по две и по три жены» [165, ч. 1, с. 15]. Как видно, «умыкание» уже уходило в прошлое и не было чем-то неожиданным. Летописец-монах не одобрял языческие обычаи, говоря, что жили многие племена «звериньским образом, живуще скотьски: убываху друг друга, ядяху вся нечисто, и брака у них не бываше, но умыкиваху у воды девиця». Упрекал он их и в «срамословии» и нестыдении «к снохам, и к сестрам, и к матерям». Долго существовала в восточно-славянском обществе кровная месть («убиваху друг друга») за убитого родственника, что считалось достойным поступком. И летописец сам как будто забыл о христианском милосердии, когда расхваливал княгиню Ольгу, изощренно отомстившую древлянам за убитого мужа.

Глубоким смыслом был наполнен погребальный обряд. Покойника сжигали на костре: по представлению язычников, вместе с дымом его душа отходила на небо. Рядом с ним клали горшок с едой, орудия труда, оружие. Пепел складывали в «судину малую». Некоторые племена, считавшиеся особенно отсталыми, ставили урны с прахом в деревянные избушки — домовины. «Домовина с костями погребенных, несомненно, повлияла на известный фольклорный сюжет — „избушка на курьих ножках“, в которой живет Баба-Яга — Костяная Нога, одно из олицетворений смерти» [199, с. 110]. Большинство славян над остатками погребального костра насыпали курган. Затем устраивался поминальный пир — тризна.

В X в. появились богатые княжеские захоронения: князей в загробный мир сопровождали убитые рабы и лошадь, богатая утварь и оружие.

В славянской дружине существовал свой идеал поведения воина-язычника: воинственность, презрение к смерти, удаль, презрительное отношение к изнеженности (свойственной «льстивым грекам»), криводушию, лукавству. Вот каким предстает перед нами князь Святослав: «...легко ходя аки пардус (гепард), войны многи твореше. Ходя воз по себе не возяше, ни котла, ни мяса варя, но потонку изрезав конину ли, зверину ли или говядину на углях испек ядяше, ни шатра имяше, но подклад постлав и седло в головах... И посылаше к странам, глаголя: „Хочу на вы ити“. „Да не посрамим земле Руские, — наставлял он воинов перед неравным боем, — но ляжем костьми, мертвыи то срама не имам“» [165, ч. 1, с. 46].

Нет необходимости ни искусственно обогащать славянскую языческую культуру, ни подчеркивать ее убожество. Восточные славяне имели достаточный уровень развития, чтобы воспринять христианство и некоторые другие ценности византийской культуры, результатом чего стало рождение русской культуры.

ВКЛАД ВИЗАНТИИ В РУССКУЮ КУЛЬТУРУ

В раннем средневековье на месте бывшей Римской империи и ее восточных соседей сложились три культурные системы: Византия, Западная Европа и исламский мир Востока. Византия сумела сохранить культурное наследие античности. Она не знала такого хозяйственного упадка, какой пережил Запад в середине I тысячелетия н.э., сохранила высокий уровень земледельческой и городской жизни, мощную государственность. В стране господствовала единая христианская религия в ее восточной (в будущем — православной) форме. Художественная культура Византии в VI—XI вв. не знала себе равных. Обширность империи, богатство столицы (Константинополя) и ее прекрасная архитектура, пышность императорского двора и церковного богослужения, сила армии и флота — все это будоражило умы современников, привлекало жадные взоры соседей.

Христианство

Стержнем византийской культуры было *христианство*. В Византии оно стало не только государственной религией, но и универсальным мировоззрением.

Христианство зародилось на востоке Римской империи, в Палестине, в I в. н.э. Сначала оно существовало как секта иудаизма. На христианство оказывали влияние восточные мистические культы Кибелы (матери всего сущего), Исиды (страдающей богини-матери, воскресившей своего мужа Осириса), Митры (бога света и солнца, побеждающего мировое зло), а также греческая философия, особенно те ее направления, которые развивали нравственность (киники, стоики, Сенека).

Иудаизм дал христианству две важнейшие идеи — единого всемогущего Бога и прихода в мир мессии, который своими страданиями искупит грехи людей — и первую часть Священного писания (Библии) — Ветхий завет, включающую повествование о сотворении мира и человека, историю иудейского народа, пророчества о приходе мессии в мир.

Но в центре христианского вероучения оказались приход в мир Иисуса Христа, его земная жизнь, проповедь нового учения, страдальческая смерть на кресте и чудесное воскресение. Иисус Христос, о реальном су-

ществовании которого постоянно спорят историки, родился, по-видимому, на несколько лет раньше официально признанной даты (1 г. н.э.). Он был осужден на казнь римским наместником и распят на кресте около 30 г. н.э.

Жизнь и учение Иисуса Христа описаны во второй половине I в. н.э. его учениками — Матфеем, Марком, Лукой и Иоанном — в четырех Евангелиях (от греч. euangelion — благая весть), которые составляют основу Нового завета. В него входят также Деяния и Послания апостолов (учеников Христа, распространявших его учение) и книга пророчеств (Апокалипсис) о конце света и втором пришествии Христа, о наступлении вечного царства Божия на земле.

Евангелист Лука.
Миниатюра Остромирова евангелия. 1056–1057 гг.

Христианство, главной идеей которого считается воздаяние в загробной жизни за земные дела, возникло как религия бедных, угнетенных слоев населения Римской империи. В обстановке крушения античного мира к нему примкнула и верхушка общества. Так сложилась единая Вселенская церковь. В спорах утвердились основы христианского вероучения (учение о Троице — триединстве бога и др.), выработались религиозные обряды (крещение водой, поклонение кресту и др.). В VI в. христианство стало официальной религией Византии, важной опорой императорской власти.

В новом вероучении огромное значение приобрел нравственный закон, олицетворением которого стал Иисус Христос: в мире происходит борьба добра и зла, но у человека есть свобода выбора — добродетелью и милостью Божьей человек может спасти свою душу, обеспечить ей воздаяние в раю; жизнь же грешника обрекает его душу на страдания в аду. Этические заповеди отражали многовековой опыт человечества: огромное значение имели идеи любви к ближнему, самопожертвования, равенства всех людей перед Богом независимо от общественного положения и национальности.

В Византии христианство соединилось с античной культурой. В результате появилось богословие, которое повлияло на развитие философии, этики, эстетики, литературы и историографии. Ученость считались у византийцев добродетелью.

Культура Константинополя была сложной, синтетической, межнациональной. Она впитала не только греко-римское наследие, но и элементы культур Египта, Сирии, Палестины, а также варварских народов, поселявшиеся на территории империи (например, славян, заселивших Балканский полуостров).

Ценности византийской культуры

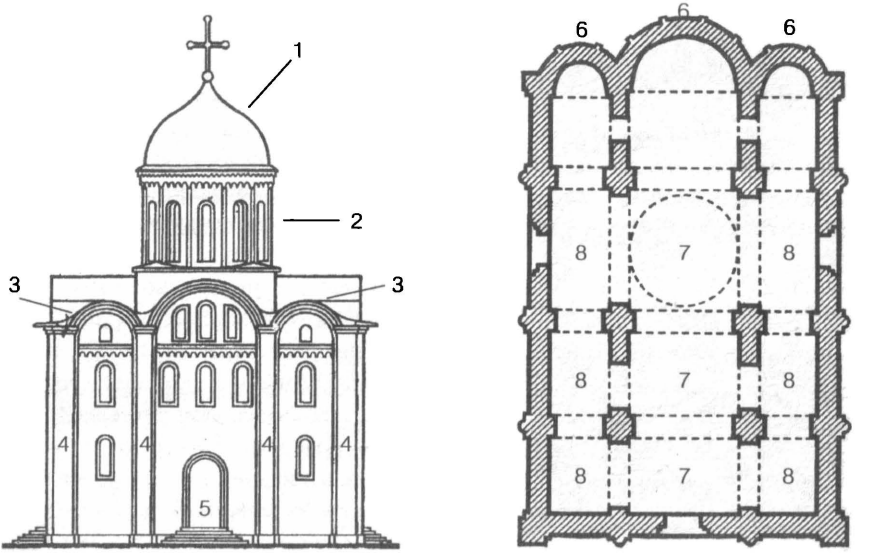
Христианским идеям была подчинена вся византийская художественная культура. Ее наиболее полным воплощением стал христианский храм. Старые античные образцы не годились христианам. Для античного храма главным было его внешнее оформление. Христианский же храм, вмещавший большое количество верующих, мыслился как модель мира, созданного Богом, как прообраз царства Божьего на земле, где верующие внимали гласу Божьему. Внешне он должен был выглядеть сдержанным, строгим, аскетичным. Внутреннему же убранству (подобно духовному миру человека) уделялось особое внимание.

В Византии существовало два типа храмовых построек — базилика и крестово-купольный храм.

Базилика представляла собой здание, вытянутое с запада на восток, разделенное внутри рядами колонн на три продольных зала — *нефа*. Центральный неф был шире и выше других и освещался через окна, расположенные близко к кровле. На востоке базилика заканчивалась полукруглым выступом — *апсидой*, внутри которой помещался алтарь. На западе был вход. Ближе к алтарю здание пересекал поперечный неф (трансепт). Его выступающие концы придавали базилике форму креста. В дальнейшем по этому типу строили храмы в Западной Европе.

Крестово-купольный храм в плане также выглядел как крест, но вписанный в квадрат или прямоугольник. Четыре главных столба поддерживали купол. Столбы делили пространство храма на три (или больше) нефа. В восточной части также имелся алтарный выступ — апсида. Все храмы ориентировались на восток, так как там, по представлениям христиан, находился центр земли — Иерусалим. Оттуда ждали второго пришествия Христа. Крестово-купольные храмы строили в Византии и других православных странах, в том числе на Руси.

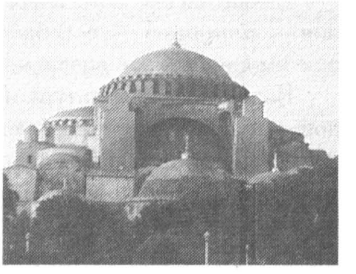
Знаменитый константинопольский **храм святой Софии** (VI в.) — это блестящее сочетание базиликального и крестово-купольного типов. Его огромный купол (диаметром 31 м) символизировал небесный свод.



Крестово-купольный храм (схема и план): *1* — купол; *2* — барабан; *3* — закомары; *4* — пилястры; *5* — главный вход; *6* — алтарные апсиды; *7* — центральный неф; *8* — боковые нефы

Интерьеры храмов богато украшали мозаиками, фресками, иконами, драгоценной утварью. В Византии допускалось изображение бога и святых (кроме небольшого периода иконоборчества). Этому способствовала вера в земную жизнь Иисуса Христа, наделенного индивидуальными личностными чертами. Однако средневековые художники всегда помнили, что они изображают не реального человека, но Бога, не окружающий их земной мир, но мир высший, «горний».

Византийское изобразительное искусство было насквозь символично, оно выработало строгие правила изображения — каноны. Этот символизм сложился еще в раннем христианстве, когда его тайные и гонимые приверженцы стремились скрыть смысл своих изображений от язычников (Христа символизировали изображения пастуха, виноградной лозы, рыбы, креста). Язык символов оказался присущ



Собор св. Софии. Константинополь. *532–537 гг.*

Силы Небесные.
Деталь мозаики. Византия. IX в.

всей средневековой культуре, которая сознательно отходила от реализма, «телесности», характерных для языческой античности.

Христианство очень остро сознавало дуализм — противоположность духа и тела. Идею превосходства вечного духа над бренным, грешным телом должно было выражать и искусство. Отказ от земных благ (аскетизм) считался добродетелью христианина. Красоту Бога и высшего мира передавали с помощью роскоши, золота, добиваясь при этом эффекта «неземной» красоты. Лучше всего этого эффекта византийские мастера научились достигать в своих *мозаиках*, которые выкладывались на стенах и сводах храма разноцветными кубиками смальты (сплава стекла с минеральными красками). Игра света делала фигуры святых, изображенных на золотом фоне, как бы парящими в пространстве. Создавалась иллюзия ирреального, нематериального мира.

Особая манера письма — отсутствие перспективы, плоскостность изображения, изысканность цвета и линий — отличала византийскую иконопись. (*Икона* —изображение святого, выполненное, как правило, на доске темперными красками.) В ней также сложились свои строгие схемы и каноны, перешедшие затем в русское искусство.

Византийские богословы разработали порядок храмового богослужения — *литургию* — своеобразный духовный театр, производивший большое эмоциональное впечатление на молящихся.

Византийская культура не ограничивалась достижениями в религиозной и художественной областях. Греки, а они составляли значительную часть населения страны, гордились также своей высокоразвитой государственностью: продолжала жить имперская традиция, зародившаяся в Риме — жители называли себя римлянами — ромеями. Саму империю (а не личность императора) с ее развитыми институтами власти, законами, дипломатией византийцы считали высшей ценностью.

Однако культура Византии — не только высокие идеалы и образцы. Современные историки развеяли распространенное когда-то представле-

ние о мрачном обскурантизме византийской жизни, ее вечной застойности, о нравственной порочности византийцев. И тем не менее с понятием «византинизм» справедливо связываются «...деспотизм верховной власти, произвол коррумпированной бюрократии, мелочная регламентация производства... налоговый гнет, приручённая церковь, рабская покорность низов, свирепость тайного сыска... продажность интеллектуалов и деятелей искусства, нетерпимость к инакомыслию, амбициозность, убежденность в обладании „вечной истиной", в дарованном свыше праве владычествовать и поучать другие народы...» [103, с. 4].

Известный историк византийского искусства В. Н. Лазарев отмечал, что в Византии «вся духовная жизнь находилась под строжайшим контролем государства, которое беспощадно пресекало всякую оппозиционную мысль, всякое новшество, всякое либеральное богословское течение» [97, с. 17].

Древняя Русь многое почерпнула у Византии, но только ли лучшее? Может быть, некоторое сходство Руси и Византии нельзя отнести только на счет влияния последней на первую? Ответить на эти вопросы можно лишь путем анализа конкретного исторического материала.

Византия на протяжении всей своей истории вступала в контакты со славянами — это были и войны, и мирное сотрудничество. Славяне, заселявшие Балканский полуостров, составляли значительную часть населения империи: «Заселив пустующие земли... славяне дали Византии хлеб. Они дали ей руки, способные держать не только плуг, но и меч. Они позволили ей сокрушить могущество авар и отразить сначала персидскую, а затем арабскую угрозу» [242, с. 11].

Одним из наиболее ярких результатов такого взаимодействия было создание азбуки, что позволило славянам (в том числе и Руси) освоить богатства христианской культуры.

Создание славянской азбуки

В 862 г. ко двору византийского императора Михаила прибыло посольство из славянского государства Великая Моравия, от князя Ростислава. Послы просили прислать миссионера, который бы мог проповедовать христианство на славянском языке. Византия была заинтересована в расширении своего политического и культурного влияния на «варваров». Нашелся и проповедник, знавший славянский язык, — ученый-богослов **Константин Философ** (в монашестве — **Кирилл**).

Алфавит глаголицы
и кириллицы (фрагмент)

Он был сыном крупного военачальника из Солуни, с детства познакомился со славянским (древнеболгарским) языком, ибо население его родных мест было смешанным, греко-славянским. Константин в юности попал в окружение патриарха Фотия — одного из наиболее образованных людей того времени. Будучи патриаршим библиотекарем, Константин участвовал в богословских диспутах. Занимался он также миссионерской деятельностью: совершил поездки в Болгарию, Сирию, Хазарию. Помимо греческого и славянского Константин знал латинский, еврейский, арабский языки.

Около 863 г., перед отъездом в Моравию, Константин создал славянскую азбуку и начал перевод на славянский язык основных богослужебных книг. Затем вместе со своим старшим братом **Мефодием** он начал проповедовать христианство в землях славян — в Моравии и Паннонии, где братьям приходилось бороться с немецким духовенством.

После смерти Константина (Кирилла) и Мефодия их последователи были изгнаны из Моравии. Они нашли приют в Болгарии, где в 865 г. произошло крещение и в начале X в. наблюдался невиданный подъем культуры.

Известно два варианта древней славянской азбуки — *кириллица* и *глаголица*. Усовершенствованной кириллицей мы пользуемся до сегодняшнего дня. Глаголица, имевшая более сложные начертания букв, просуществовала примерно до XI в. По-видимому, ее использовали в качестве тайнописи в тех странах, где славянское богослужение подвергалось гонению.

Какую же азбуку создал Константин (Кирилл)? В настоящее время ученые склоняются к мнению, что глаголицу. Большинство древнейших славянских текстов — глаголические. Кириллица же, вероятно, была создана в Болгарии в X в. и названа в память о славянском просветителе. Оттуда она распространилась в другие славянские страны.

Культура Болгарии X в. сыграла важнейшую роль в развитии всего славянского мира. В Болгарском царстве в тесном контакте с Византией впервые сложилась высокая, книжная славянская культура, расцвели города, сформировались церковное зодчество, искусство, литература. При

царе Симеоне (893–927)[1] трудами выдающихся писателей и ученых (Климент Охридский, Экзарх Иоанн, Козьма Пресвитер, Черноризец Храбр и др.) был создан общеславянский фонд литературы, «литература-посредница» [108, с. 23–44]. На славянский язык были переведены основная богослужебная литература, труды Отцов церкви, Жития святых, исторические произведения, труды, содержавшие основы природоведческого знания того времени. Примечательно, что большинство этих произведений пришло к нам из древнерусских библиотек.

[1] Когда речь идет о царях, князьях и т.д., в скобках указаны годы их правления.

Глава 2. КРЕЩЕНИЕ РУСИ И РОЖДЕНИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ (X–XII века)

Крещение Руси

Крещение Руси — важнейший, переломный момент в истории русской культуры. Для восточнославянского мира это был культурный переворот, положивший начало глубоким изменениям во всех сферах жизни — от мировоззрения до быта — и длившийся достаточно долго (есть специалисты, считающие, что христианизация сельского населения закончилась лишь в XVI в.). Но уже в XI–XII вв. были усвоены уроки византийской культуры, создан сплав языческой и христианской культуры, родилась высокая культура, отличавшаяся национальным своеобразием.

Нет необходимости излагать подробности официального крещения Руси, которое традиционно датируется 988 годом. Обратим внимание лишь на культурный аспект этого явления.

Единственный рассказ о крещении Руси сохранился в «Повести временных лет» [165, ч. 1, с. 59–83]. Исследователи давно заметили, что записан он по меньшей мере через полвека после самого события и содержит неточности, элементы литературного вымысла, тенденциозные описания обрядов других религий. И все-таки в нем отражены многие реалии жизни на Руси в конце X в.

Языческая Русь, несомненно, привлекала проповедников с исламского Востока, с католического Запада, из православной Византии и, возможно, из иудейской Хазарии. Разные страны хотели иметь в лице русских союзников и единоверцев. Значит, перед Русью, осознавшей неудобства язычества как государственной религии, стояла проблема выбора. То, что он пал на православие, было обусловлено самим строем жизни и менталитетом славян. Способствовали этому также давние и прочные экономические, политические и культурные связи с

Византией. Уже с начала X в. на Руси зародилась христианская традиция: появились церкви, нашлись приверженцы новой религии даже среди князей.

Крещение Руси. *Икона. Письмо архимандрита Зенона. 1988 г.*

В рассказе об «испытании вер» автор повествует о том, что послы киевского князя — «мужи добры и смыслены» — наблюдали богослужения в разных странах. Они видели, как волжские булгары молятся в мечети: «несть веселья в них, но печаль и смрад велик». У «немцев» тоже «красоты не видехом никоеяже». «И придохом же в греки, и ведоша ны, идеже служать богу своему, и не свемы (не знали), на небе ли есмы были, ли на земли, несть бо на земли такого вида ли красоты такоя...». Описанная ситуация вполне реальна, ибо говорилось в одном из церковных поучений: «Если к тебе придет язычник, говоря: „Покажи мне твою веру"... ты отведешь его в церковь и поставишь перед разными видами святых изображений» [121, с. 19].

Легко представить себе впечатление, которое могла произвести на славянина, приехавшего из своего сурового «деревянного» мира, София Константинопольская с ее куполом, подобным небу, с золотым мерцанием мозаик, с роскошью облачений и церковной утвари, с «ангельской» красотой церковного пения. Но даже если рассказ этот — не больше, чем литературный прием, прославляющий христианство, он отражал реальную привлекательность для Руси византийской культуры, православия. Русские были неравнодушны и к античному искусству: крестившийся князь Владимир вывез из завоеванного им Херсона не только священников, сосуды церковные и иконы, но и бронзовые античные статуи, четверку бронзовых коней. Он установил эти трофеи в центре Киева, рядом с церковью.

Крещение Руси происходило по инициативе и при непосредственном участии государственной власти. Врастающее в русское общество православие и государство во многом определяли культурное развитие Руси в X–XII вв.

Византийское наследие

Проблема византийского наследия в русской культуре иногда приобретала в нашей литературе болезненно-острое звучание. Еще А. С. Пушкин, споря с П. Я. Чаадаевым, утверждал, что худшие черты «византинизма» не перешли на Русь: «У греков мы взяли Евангелие и предания, но не дух ребячливой мелочности и словопрений. Нравы Византии никогда не были нравами Киева» [185, т. 16, с. 172].

Некоторые современные историки считают, что идея заимствования обедняет отечественную историю, лишая ее самобытности и национальных корней [233, с. 225]. Но отрицать вклад Византии в культуру Руси — это

значит идти против фактов и не видеть, что вся история мировой цивилизации — это история взаимодействий стран и народов.

Говоря о «трансплантации», «пересаживании» византийской культуры на славянскую почву, Д. С. Лихачев отмечает: «Славянские народы не были провинциальными самоучками, ограниченными местными интересами и местными традициями. Через Византию и другие страны они дышали воздухом мировой культуры. Они развивали свою общую и местную культуру на гребне общеевропейского развития» [108, с. 34].

Итак, на Русь проникло христианство, которое было в то время высшим выражением византийской и европейской культуры. Оно несло с собой новые мировоззренческие и этические начала, церковную организацию: Киевская митрополия стала одной из восьмидесяти, подчинявшихся константинопольскому патриарху.

Из Болгарии распространились славянская письменность, переводы византийской литературы и оригинальные памятники древнеболгарской книжной культуры. Византийское искусство повлияло на становление древнерусского каменного зодчества, изобразительного и прикладного искусства.

Велика была роль общего славянского литературного языка. В рамках общей церковной организации существовала переезжавшая из страны в страну группа монахов-ученых, иконописцев, строителей. Местные культурные потребности удовлетворялись, в основном, через общую церковь: приезжали мастера, привозили «образцовые» произведения византийского искусства; русские мастера, в свою очередь, посещали духовные центры Византии и Болгарии. Таким образом, речь идет не о том, существовало ли на Руси византийское влияние, а о том, каковы были результаты синтеза двух культур, какие особенности имела молодая русская христианская культура, как глубоко она проникла в древнерусское общество.

Особенности русского православия

Русское православие с самого начала отличалось национальным своеобразием. Его особый характер признают все исследователи — светские и церковные, русские и иностранные, но оценивают по-разному.

Рассмотрим прежде всего религиозные представления духовенства, людей образованных, тех, у кого учился народ. Это был тонкий слой духовной элиты общества. По мнению историков и богословов, Русь

оказалась наиболее восприимчивой к евангельскому христианству, ставившему во главу угла действенную любовь, служение людям, милосердие [126, с. 21]. Ветхозаветные законы в меньшей степени вошли в сознание русских людей.

Как одно из достижений первых веков русского православия можно отметить появление специфически русского понимания святости, отличного от византийского. Как известно, первыми на Руси были *канонизированы* (объявлены святыми) князья Борис и Глеб, убитые своим братом Святополком Окаянным. Их прославление было основано на факте добровольной жертвенной смерти (вослед Христу). «Подвиг непротивления есть национальный русский подвиг, подлинное религиозное открытие новокрещеного русского народа» [228, с. 49]. В канонизации Бориса и Глеба была и мирская задача: осудить братоубийственную вражду между князьями.

Очень рано появилось на Руси и представление о святости монашеской жизни, которая трактовалась церковью как идеал земного существования. Русь не приняла одинокого аскетизма восточных «пустынников», которые полностью отгораживались от мирской жизни. Примером монашеского жития стал один из основателей Киево-Печерского монастыря, святой Феодосий. «Игумен Феодосий не только не изолировал своего монастыря от мира, но поставил его в самую тесную связь с мирским обществом» [228, с. 64]. Киево-Печерский монастырь долго оставался центром образованности, литературы, искусства Древней Руси.

Центральное место в религиозной жизни народа занимало богослужение (литургия), прямой контакт верующего с Богом. Особое отношение сложилось у русских людей к церковным постам, к годовому циклу церковных праздников. Нельзя не заметить и подчеркнутого уважения к книжной мудрости.

Но в древнерусской православной духовности можно разглядеть и непривлекательные черты. Особое пристрастие к обрядам (возможно, идущее от язычества) принижало значение самого вероучения, христианского «закона». Среди русских духовных лиц мы не найдем наследников утонченного византийского богословия, толкователей Священного писания. Замкнутый круг постов и праздников также напоминает о цикличности языческого мировоззрения. Даже в среде высшего духовенства были люди, упрощенно, примитивно понимавшие христианство. Тем не менее, эти недостатки не дают оснований отрицать творческий характер русского православия, видеть в нем лишь чрезмерный аскетизм, невежество, проповедь смирения, страдания и повиновения [251, с. 35–38].

Народные массы Руси в целом спокойно восприняли христианизацию, которая проводилась «сверху», с помощью государственной власти. Но церковный автор, конечно же, преувеличивал, когда писал, что «не бы ни

единого же, противящася» повелению князя Владимира креститься. Имели место языческие мятежи, убийства миссионеров, случаи насильственного крещения. Однако нельзя представлять в целом крещение Руси как насильственное, проводимое «огнем и мечем». Для многих жителей сельской местности крещение вообще было формальным: Христос представлялся им лишь еще одним богом среди языческих. В народе было распространено *двоеверие* — сосуществование христианства и язычества, сочетание христианской и языческой обрядности, слияние языческих богов с христианскими святыми.

Черты Перуна-громовержца приобрел пророк Илья, который, согласно библейскому преданию, вознесся на небо на огненной колеснице. Покровитель скота святой Власий стал преемником бога Велеса. Святая Параскева Пятница заменила Мокошь — покровительницу женских работ.

Языческие святки слились с Рождеством Христовым, летние русалии — с рождеством Иоанна Предтечи, которого называли в народе Иваном Купалой. Некоторые языческие праздники (например, масленица), несмотря на борьбу с ними церкви, сохранили свое значение. Масса поверий, обычаев, обрядов, имевших глубокие языческие корни, мирно уживалась с верой в Христа.

«Народное» православие было, конечно же, проще «книжного», в нем большое значение придавалось обрядам, мелочным запретам, суевериям.

Развитие русской культуры в XI–XII веках

При Владимире Святославиче (980–1015) были сделаны лишь первые шаги по распространению христианства и созданию высокой русской культуры: он «нача ставити по градом церкви и попы».

Построить из дерева «церковь малу» было нетрудно. Гораздо труднее было обеспечить церкви священнослужителями, снабдить книгами, иконами. А самым сложным делом было изменение языческого мировоззрения. Поэтому очень важным было создание Владимиром первых школ: «Послав, нача (князь Владимир) поимати у нарочитые чади дети, и даяти нача на ученье книжное. Матере же чад сих плакахуся по них... акы по мертвеци...» [165, ч. 1, с. 81].

Как видим, началось обучение лишь детей из знатных семей — «нарочитой чади». Из них, возможно, предполагалось готовить священников. Первая каменная церковь — Успения Богородицы, или Десятинная — украсила Киев; рядом с ней поднялись каменные княжеские терема.

Заметный подъем культурной жизни произошел при князе Ярославе Мудром (1019–1054). При нем Киев значительно разросся и был окружен новыми укреплениями с Золотыми воротами. В центре «города Ярослава» поднялся монументальный Софийский собор. Началось каменное строительство и в других городах — в Чернигове, Полоцке, Новгороде. В это время произошли заметные сдвиги в христианизации населения: «нача вера хрестьяньска плодитися и раширяти», возникли первые монастыри, София Киевская стала настоящим центром церковного просвещения, хранилищем княжеской библиотеки. Сам князь Ярослав любил книги и читал их часто «в нощи и в дне». Приказал он собирать многих писцов и переводить книги «от грек на словеньское письмо», «и многы, написав, положи в святой Софьи». Летописи сообщают, что сам князь наставлял священников, «веля им учити людей». Прежде всего речь шла о христианском учении, но и грамотность населения, несомненно, росла. Новгородская летопись сообщает, что в 1030 г. князь Ярослав «собрав от старост, от попов детии 300 и повеле учить книгам» [172, с. 116].

Со времен Ярослава Мудрого дошли до нас «Русская Правда» — первые законы и первые литературные произведения Кирилла Туровского и митрополита Иллариона. Князь расширил дипломатические и культурные связи со многими европейскими странами.

Во второй половине XI в., при князьях Ярославичах, положение Руси несколько осложнилось княжескими усобицами, набегами половцев, народными волнениями. Но культурная жизнь была богатой и напряженной. Князья, сыновья Ярослава, отличались высокой образованностью: Святослав был книголюбом, имел «полные клети книг», Всеволод знал пять языков («дома седя, изумеяше 5 язык»).

Сыновья продолжили законодательную деятельность Ярослава (создали «Правду Ярославичей»). Не прекращалось и каменное строительство, хотя уже не создавались такие величественные постройки, как при Ярославе Мудром. Именно во второй половине XI в. Киево-Печерский монастырь, начинавшийся с пещер, вырытых монахами-отшельниками на берегу Днепра, стал очагом культуры, где работали писатели, летописцы, художники, лекари.

Последний всплеск в развитии культуры Киевской Руси пришелся на начало XII в. — время княжения Владимира Мономаха (1113–1125): выросло количество городов, каменные постройки были возведены в Киеве, Новгороде, Смоленске, Ростове, Суздале, продолжалось совершенствование общерусского законодательства («Устав» Владимира Мономаха), появились шедевры литературы — «Повесть временных лет», «Поучение» Владимира Мономаха.

Таким образом, за сравнительно короткий срок на Руси сформировалась высокая культура, были созданы выдающиеся памятники во всех об-

ластях духовной жизни. Рядом с ней постепенно формировалась городская плебейская культура. Об этом свидетельствуют расцвет городов, широкое распространение грамотности среди горожан, особый характер городских застроек, высокий уровень городских ремесел. Например, горожанки не могли носить уникальные золотые ювелирные изделия, украшенные зернью или эмалью — они были доступны лишь княгиням и боярыням. Но они пользовались литыми металлическими и стеклянными украшениями, подражавшими дорогим образцам. В сельской местности господствовала народная, фольклорная культура. Сохраняя древние языческие традиции, она оказывала влияние на высокую культуру, придавая ей национальное своеобразие.

Западные историки нередко отказывают русской культуре в самостоятельности развития, признают ее лишь как бледное отражение («сателлитом») византийской. Один из современных авторов считает, что высокая культура изолированно существовала лишь в 3–4 городах, что на Руси почти отсутствовала плебейская культура, а народная культура оставалась совершенно чуждой византийскому христианству [251, с. 24–44]. Не соглашаясь с подобной оценкой, вряд ли можно принять и противоположную позицию отечественных историков. Так, едва ли можно назвать почти 250 упоминаемых в источниках домонгольского периода «градов» настоящими центрами городской жизни, ремесла и торговли. Но нет оснований сомневаться в том, что высокая культура развивалась по крайней мере в тех 60 городах домонгольской «деревянной» Руси, где было построено не менее 200 каменных сооружений [190].

Города — центры культуры

Города были важнейшими центрами средневековой русской культуры. Наиболее крупные из них — Киев, Чернигов, Переяславль, Смоленск, Полоцк, Новгород, Суздаль — являлись очагами политической и религиозной жизни, средоточием ремесла и торговли, центрами большой сельскохозяйственной округи. Высокий уровень развития ремесел в Древней Руси убедительно доказан Б. А. Рыбаковым. В городах существовали не только кузнечное, гончарное, кожевенное производства, но и ювелирное, оружейное дело, изготовление стекла и эмалей. Расцвету многих древнерусских городов способствовало их географическое положение — на важных торговых путях раннего средневековья. Через Русь шел торговый обмен между странами Европы, Востока и Византией.

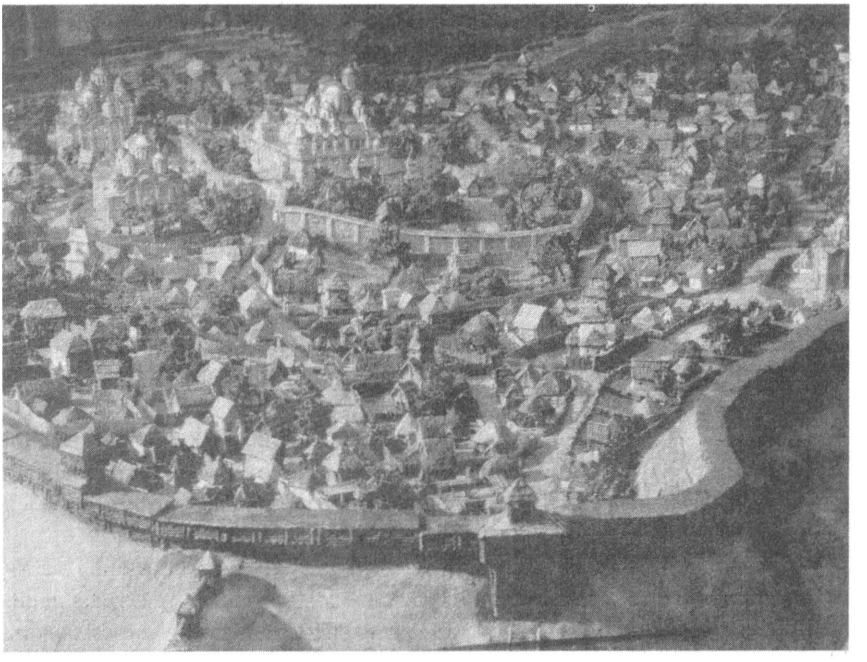
Крупнейшим городом Древней Руси был Киев, расположенный на высоком живописном берегу Днепра, там, где плодородное «поле» граничило

с изобилующими зверьми лесами, где сходились торговые пути. Киев в X–XI вв. превратился из племенного центра полян в один из крупнейших городов того времени. Европейским путешественникам он казался огромным.

Легенда связывает основание Киева с полянскими князьями Кием, Щеком и Хоривом, но она содержит мало достоверных фактов. Столь же сомнительным является утверждение об основании Киева в V в., о его 1500-летнем возрасте, хотя это — уже современная легенда, родившаяся в научных кругах.

Сохранившиеся древние постройки, летописные свидетельства и результаты многолетнего труда археологов позволяют нам совершить «экскурсию» в древний Киев.

Первоначально городской центр находился на Старокиевской горе. Это был так называемый **«город Владимира»**. Он был защищен естественными укреплениями — оврагами и обрывами — и окружен рвами, валами и стенами из дубовых срубов, заполненных землей. Двое ворот вели в сторону Днепра, к гавани, находившейся в устье реки Почайны. Третьи ворота, южные, вели в «поле».



Киев. Центр «города Владимира» X — начала XI в. *Макет*

Центром «города Владимира» была **Десятинная церковь** (989–996) — большой крестово-купольный храм, возведенный с участием византийских мастеров, украшенный фресками, мрамором, мозаикой. Церковь была разрушена татарами в 1240 г.

Десятинная церковь (реконструкция)

Рядом с Десятинной церковью возвышалось несколько каменных теремов — княжеский дворцовый комплекс. Находившаяся по соседству небольшая торговая площадь «Бабин торжок» называлась так, возможно, из-за стоявших за Десятинной церковью античных скульптур, вывезенных Владимиром из Корсуня и называемых в народе «бабами». В «городе Владимира» находилась основная резиденция киевских князей — Ярославов двор, который окружали дворы бояр, монастыри и церкви.

После победы над печенегами в 1037 г. князь Ярослав Мудрый «заложи... город великий, у него же града суть Златая врата; заложи же и церковь святыя Софья, митрополью, и посемь церковь на Золотых воротех Святыя Богородицы Благовещенье, посемь святого Георгия монастырь и святыя Ирины» [165, ч. 1, с. 102].

Строительство «города Ярослава» с мощными укреплениями и златоверхими церквами сделало Киев одним из крупнейших городов христианского мира. Подобно Константинополю, в нем были Софийский собор и парадные **Золотые ворота**, которые напоминали о Золотых воротах Иерусалима, через которые, по преданию, Иисус Христос совершил свой торжественный въезд в город. Рядом с Софийским собором располагался митрополичий двор, на котором проходили вечевые собрания киевлян.

За пределами города, на берегу Днепра, во второй половине XI в. вырос Печерский монастырь. Его одноглавый трехнефный Успенский собор стал образцом русского храмового зодчества. (Собор был взорван фашистами в 1941 г.)

Выдающейся постройкой города был и Михайловский Златоверхий собор (начало XII в.) — последняя постройка Древней Руси, украшенная мозаиками. (Разобран в 30-х гг. XX в.) Почти каждый князь стремился украсить Киев «своей» церковью или монастырем.

Городская застройка осуществлялась и в нижней, прибрежной части Киева — на Подоле. Здесь жили в основном торговцы и ремесленники. Еще недавно считалось, что простые киевляне ютились в полуземлянках. Но раскопки на Подоле показали, что основным типом построек здесь (как и в северных русских городах) были бревенчатые пятистенные дома

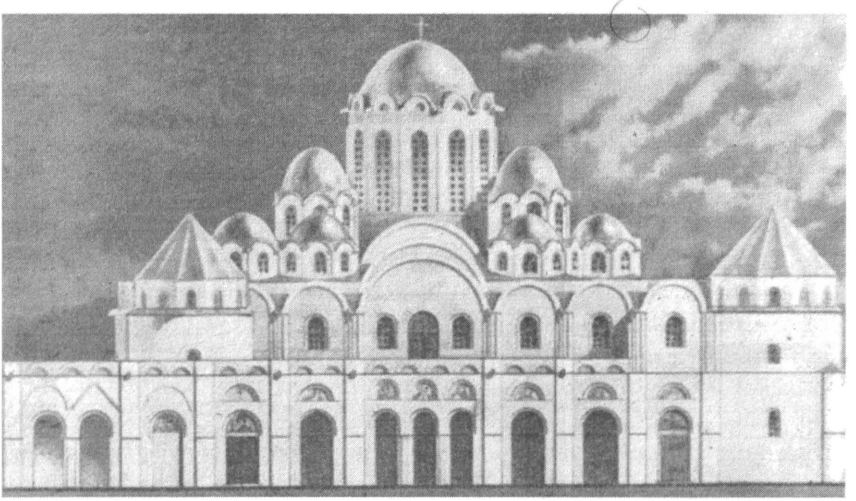
с жилыми помещениями, сенями, высоким полуподвальным подклетом, крыльцом и галереями-навесами [13, с. 18]. Существовали, однако, и убогие землянки, где жила городская беднота.

Давним соперником Киева был Новгород — большой торгово-ремесленный город, раскинувшийся на берегах реки Волхов. Новгородцы издревле были известны своим вольнолюбивым нравом. Славились они плотницким искусством, умением «хоромы рубить» [165, ч. 1, с. 96]. Не случайно первая деревянная церковь святой Софии в Новгороде была «о тринадцати верхах».

Со времен Киевской Руси в Новгороде сохранились Софийский собор, Георгиевский собор Юрьева монастыря, собор святого Николы на «Ярославовом дворище», рядом с которым новгородцы собирались на вече, и собор Рождества Богородицы Антониева монастыря.

Храм как центр художественной и духовной жизни

Архитектурно-художественным и духовным центром каждого города был храм. Мастера (сначала это были греческие архитекторы и художники, а затем их русские ученики) делали его средоточием всех видов искусства: архитектуры, живописи, мозаики и др. На Руси получил распространение



Софийский собор (реконструкция). Киев. *XI в.*

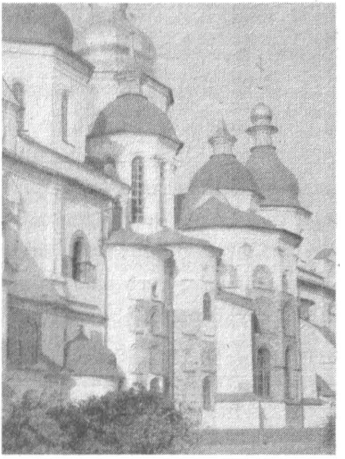
крестово-купольный тип строительства храмов, сформировавшийся в Византии. По такому типу был построен и крупнейший собор Древней Руси — **храм святой Софии («Премудрости Божьей») в Киеве** (XI в.).

Снаружи он теперь сильно перестроен в духе украинской архитектуры XVII в., первоначально же представлял собой огромное пятинефное сооружение с пятью апсидами. (Восточная часть собора с алтарными выступами расчищена от позднейших наслоений.) С трех сторон здание окружали галереи с двумя лестничными башнями.

Собор был увенчан барабаном со шлемовидным куполом, вокруг которого размещались 12 куполов меньшего размера. Несмотря на многочисленные разрушения и перестройки, которые пережил храм, интерьер его сохранился хорошо. Внутри имеются большие хоры-галереи, которые выглядят как второй этаж, открывающийся в центральное подкупольное пространство. На хорах во время богослужения находился князь с ближайшим окружением.

Центральная часть храма — высокое подкупольное пространство, освещенное окнами главного барабана, — была богато украшена мозаиками и фресками. Собор сложен из плоского кирпича (плинфы) на известковом растворе.

Архитектурное устройство храма, его мозаики и фрески представляли христианскую модель Вселенной и имели глубокое символическое значение. «Храм был символом неба и земли, рая и ада. Средневековый человек всегда помнил, что когда-нибудь с востока, оттуда, где встает солнце, придет второй раз Иисус Христос, чтобы судить людей. Все христианские церкви имеют алтарь в восточной части. Таким образом, они обращены туда, где, по представлениям христиан, расположен центр земли — город Иерусалим с горой Голгофой, на которой был распят Иисус Христос. С противоположной стороны от алтаря, на западе, у входа в храм, часто находилась крещальня как символ прихода в христианство» [113, с. 9].



Софийский собор (современный вид). Киев

Чем значительнее был смысл изображения, тем выше оно помещалось в храме. Под куполом Софийского собора находится монументальное изображение Иисуса Христа Вседержителя — царя небесного и высшего судьи мира. Его окружают изображения предводителей небесного воинства — Архангелов. В простенках барабана, между окнами, откуда льется дневной свет, изображены фигуры двенадцати Апостолов — учеников Христа, которые

Богоматерь Оранта. *Мозаика Софийского собора в Киеве. Середина XI в.*

несли свет христианства народам мира; четыре евангелиста — на «парусах» — треугольных переходах от барабана к столбам, несущим купол и своды храма. Сами евангелисты трактовались как «четыре столпа евангельского учения». Алтарный выступ (апсида) символизирует место рождения Иисуса Христа — Вифлеемскую пещеру.

В полукуполе алтаря находится, пожалуй, центральный образ Софийского собора — **Богоматерь Оранта** (молящаяся) с молитвенно поднятыми руками. Величавое, строгое изображение Богоматери получило в народе название «Нерушимая стена».

Под фигурой Богоматери в алтаре изображена сцена причащения апостолов хлебом и вином, символизирующими плоть и кровь Христа. Это таинство, совершенное впервые Иисусом Христом, раскрывает основной смысл христианского богослужения.

На столбах арки, ведущей в алтарь, изображено «Благовещенье»: архангел Гавриил возвещает Деве Марии «благую весть» о том, что от нее родится «Спаситель мира, Сын Божий и человеческий» — Иисус Христос. Все важнейшие сюжеты выполнены в технике мозаики.

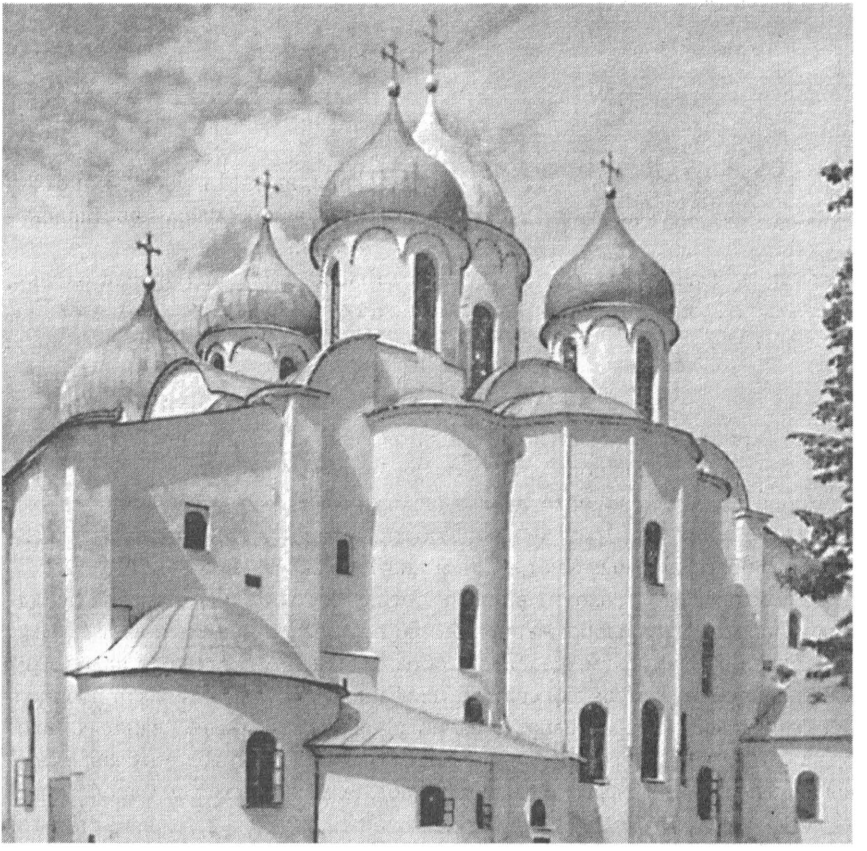
Мозаики Софийского собора очень монументальны в своей грубоватой простоте. Выполненные византийскими мастерами и их русскими учениками, они словно отразили особенности молодого, мощного русского искусства, более незамысловатого, чем византийское.

«Благовещенье» входит в число «двунадесятых» христианских праздников, поэтому его изображение обычно помещают в верхней части храма. В церквях обычно размещался своеобразный монументальный календарь: в нижней части стен писали святых, героев и мучеников — тех, кто проповедовал и утверждал христианство на земле, причем наиболее «важных» изображали ближе к алтарю. Большинство изображений Софийского собора было выполнено в технике *фрески* (живопись водяными красками по сырой штукатурке).

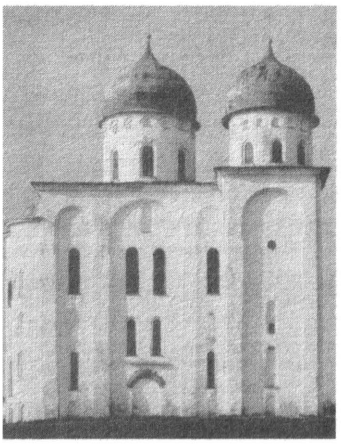
На них изображены также некоторые светские сюжеты, например, константинопольский ипподром, охота на кабана и медведя, пляски скоморохов и музыкантов.

Софийский собор — самое монументальное и сложное сооружение Древней Руси. С последующими церковными постройками его роднят крестово-купольная композиция и общие принципы размещения настенных изображений.

В 1045–1050 гг. был построен **Софийский собор в Новгороде**. Это пятинефный храм, окруженный с трех сторон галереей. Он имеет три апсиды, а в западной части — башню с лестницей, ведущей на хоры. Шесть мощных глав венчают здание (шестая глава — над башней). Собор сложен из плит местного известняка с применением кирпича, внутри укра-



Софийский собор. Новгород. *1045–1050 гг.*



Георгиевский собор Юрьева монастыря. Новгород. *1119 г.*

шен фресками. В целом храм имел более простой и строгий облик, чем собор в Киеве, что соответствовало характеру новгородцев и суровой северной природе.

Главному новгородскому собору, ставшему олицетворением вольностей и вечевого строя города, на другой стороне Волхова противостоял пятиглавый **Никольский собор** (1113), расположенный на Ярославовом дворище.

Не менее величествен **Георгиевский собор Юрьева монастыря** (1119). Известно имя его строителя — мастер Петр. Высокие стены Георгиевского собора имели в древности полукруглые верхи — *закомары*. Такая форма завершения стен соответствовала полукруглым цилиндрическим сводам храма. Мощные пилястры-лопатки, выступающие из глади стен, придают зданию стройность. Собор имеет три главы, лестничную башню и хоры.

Самая древняя постройка Руси, дошедшая до нашего времени, — **собор Спаса в Чернигове** (1036). Но за прошедшие века первоначальный облик храма сильно изменился. Не пощадило время и Софийский собор в Полоцке (середина XI в.); его полностью перестроили в XVIII в.

Все архитектурные памятники Киевской Руси объединяют монументальность, эпическая мощь, что позволяет говорить о едином *стиле монументального историзма*, охватывавшем все области древнерусской высокой культуры [108, с. 65].

В конце XI — начале XII в. архитектура церквей немного изменилась. Храмов стало больше, но они стали меньших размеров. Как правило, это трехнефные одноглавые церкви. Исчезали лестничные башни. Во внутреннем убранстве не стало мозаик. Вышедшая из византийской школы русская архитектура отошла от пышных византийских образцов, приобрела черты национального своеобразия, более суровый и лаконичный облик.

Мозаики и фрески указывают на тесную связь изобразительного искусства с архитектурой. Все виды искусства, использовавшиеся при строительстве, отделке и росписи храмов, решали общую задачу, имели общие стилевые черты. Монументальностью, внушительными размерами отличались и древнейшие русские иконы, которые создавались по греческим образцам. Таким высочайшим образцом была Византийская икона конца

XI — начала XII в. **«Владимирская Богоматерь»**. Привезенная на Русь, она породила массу преданий, стала частью русской истории и культуры. Икона принадлежит к распространенному типу, называемому «Умиление». На ней изображена Мария, знающая о скорбной участи сына. Она ласкает младенца, приникшего щекой к ее лицу. Неизбывной печалью наполнены глаза Богоматери. Эта икона — один из наиболее выразительных образов материнской любви и человеческого страдания в мировом искусстве.

В иконописи долго сохранялось византийское влияние, но уже в XI в. появились русские мастера. Таковым был монах Киево-Печерского монастыря **Алимпий**. Выучившись у греков, он «иконы писать хитер был очень». Но его работы не сохранились. Церковные предания донесли лишь светлый образ художника. Это — труженик, не дающий отдыха рукам, нестяжатель, раздающий все полученные деньги бедным. «Его чудесные краски совершают исцеление прокаженного, и ангелы во плоти пишут за него иконы» [228, с. 77].

Письменность и книжность

До X в. восточные славяне не имели письменности. Болгарин Черноризец Храбр в конце IX — начале X в. писал: «Славяне, когда были язычниками, не имели письмен, но считали и гадали с помощью черт и резов. Потом же Бог смилостивился над ними и послал им святого Константина (Кирилла), создавшего славянские письмена» [209, с. 102]. Возможно, кириллица попала на Русь еще в X в., о чем свидетельствуют тексты русско-византийских договоров, дошедших до нас в составе летописи, а также знаменитая надпись на корчаге X в. из гнездовских курганов: «горухща» (горчица?). Широко же письменность распространилась на Руси лишь после принятия христианства.

Хотя имеются лишь единичные упоминания о школах в Древней Руси, можно говорить о достаточно широком распространении грамотности, особенно в городах. Известно немало надписей на предметах домашнего обихода, межевых камнях, ремесленных изделиях. Например, сапожники писали имена своих заказчиков на колодках. Часто встречаются надписи на шиферных пряслицах (грузиках для веретен). Пряхи помечали их своими именами, чтобы не перепутать во время долгих «посиделок»: «Потворин прясльнь», «Лолин прялен» и др. Значит, грамотными были и женщины из простонародья. Но самым убедительным доказательством широкого

распространения грамотности стали берестяные грамоты, наиболее ранние из которых относятся к XI в.

Таким образом, грамотность на Руси не имела узкоцерковного характера и не была привилегией социальных верхов. Грамотные горожане были носителями плебейской культуры, появление которой свидетельствовало о том, что высокая культура начала укореняться среди населения.

И все-таки книги имели хождение прежде всего в церковно-княжеской среде. Большинство их носило богослужебный и нравственно-поучительный характер. Книжное знание пользовалось огромным авторитетом. Книжность воспринималась как христианская добродетель: «Красота воину оружие, кораблю ветрило (парус), тако и праведнику почитание книжное...» В каждой церкви должно быть не менее девяти книг, используемых для богослужения (Евангелие, Апостол, Служебник с требником, Псалтирь, Часослов, Октоих, Триодь цветная и постная, Праздничная минея, Паремийник). Исследователи по-разному определяют их общее количество в домонгольской Руси, но счет идет на десятки тысяч. До наших дней дошло лишь 190 рукописных книг XI — начала XIII в. [33, с. 73].

Переписывание книг было долгим и кропотливым делом. Работали не только писцы, но и художники-миниатюристы, переплетчики. Для изготовления пергамента на одну книгу уходило несколько телячьих шкур. Даже скромная рукопись стоила не менее двух-трех гривен (средняя стоимость коня), о богатых же говорили, что их цену «един Бог ведае».

Древнейшей русской датированной книгой является **«Остромирово Евангелие»** (1056–1057), переписанное дьяконом Григорием для новгородского посадника Остромира. Написано оно на пергаменте четким почерком торжественных богослужебных книг — уставом. Текст украшен цветными миниатюрами.

Сохранились два **«Изборника»** (1073 и 1076), связанных с именем киевского князя Святослава Ярославича, — это сборники статей богословского и поучительного характера, списанных с болгарского оригинала X в. Кроме богослужебной литературы, на Руси были известны переводы греческих хронографов (летописей), переводные труды по естествознанию («Шестоднев», «Физиолог», «Топография»), некоторые произведения византийской литературы, например, роман об Александре Македонском «Александрия».

Литература

Вскоре после проникновения на Русь славянской азбуки и переводных книг здесь появляется и собственная литература. Ее возникновение связано с национальным культурным подъемом времен Ярослава Мудрого. Одним из первых дошедших до нас памятников древнерусской литературы является **«Слово о законе и благодати»**, написанное между 1037 и 1061 годами **Иларионом**, священником княжеской церкви в Берестове. Он был одним из образованнейших людей своего времени, «муж благ, честен и постник». В 1051 г. «постави Ярослав Лариона митрополитом русина в святий Софьи, собрав епископы» [165, ч. 1, с. 104]. Иларион был первым митрополитом из русских (обычно митрополиты киевские назначались патриархом константинопольским из греков).

Книга Илариона — памятник ораторского искусства, богословской и исторической мысли. Хотя произведение построено на идее превосходства «благодати» евангельского учения над ветхозаветным иудейским «законом», его главная идея состоит не в противопоставлении Руси Хазарскому каганату или Византии, а в утверждении религиозной и культурной независимости Руси. Автор хвалит князей Владимира и Ярослава, «ибо не в худой и неведомой земле владычествовали, но в Русской, что ведома и слышима всеми четырьмя концами земли».

Уже в XI в. на Руси появилось летописание. Христианское мировоззрение, в отличие от языческого, цикличного и замкнутого, было историческим. История человечества имела, согласно Священному писанию, начальную точку — сотворение человека и будущую цель — второе пришествие Христа. На своем историческом пути, по христианскому учению, человечество пережило потоп, расселение народов, приход в мир Иисуса Христа, распространение христианства. В эти рамки летописец стремился вписать историю славян и Руси. Поскольку все в мире, по христианским представлениям, предопределено волей Божьей, он не особенно задумывался о причинах и связи событий, а излагал их в строгой последовательности, по годам. Но древнерусский автор не был беспристрастным регистратором событий. Как заметил академик А. А. Шахматов, «рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы».

Величайшим памятником русского летописания является **«Повесть временных (минувших) лет»**. Создавший ее около 1113 г. монах Киево-Печерского монастыря **Нестор** был замечательным писателем и историком. Он сумел обобщить и привести в соответствие друг с другом большое количество источников, среди которых — Священное писание и

Нестор-летописец. Эскиз.
Художник В.М.Васнецов.
1880-е гг.

византийские хроники, более ранние русские летописи и документы княжеских архивов. Нестор умело использовал в своем произведении народные предания и легенды, скандинавские саги и русские пословицы. Он первым задумался о происхождении славян и начале государственной власти на Руси: «откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити...» Нестор сохранил для потомков рассказ о крещении Руси. Летописец сумел дать яркие и выразительные портреты первых русских князей. Он был пламенным патриотом, поборником примирения и единения князей, горячим сторонником распространения христианского просвещения и книжности. У Нестора были свои политические пристрастия, но он сумел подняться до уровня общерусских интересов, увидеть всю Русь «с птичьего полета».

«Повесть временных лет» уже в древности изменялась и дополнялась. До наших дней дошло множество ее списков, самые ранние из которых — Лаврентьевская летопись (1377) и Ипатьевская летопись (начало XV в.).

Первым произведением светского автора является **«Поучение» Владимира Мономаха**. Это произведение относится к типу «отеческих поучений», широко распространенных в Европе от Византии до Англии. На склоне лет, «сидя на санех» (по древнему обычаю, князей везли в последний путь на санях даже летом), князь наставлял своих взрослых сыновей, передавал им свой богатый жизненный опыт. В произведении создан идеальный образ князя-патриота, истинного христианина, радеющего не только о благе и могуществе своего государства, но и о «худом смерде», об «убогой вдовице». Трудолюбие, верность своему слову, воинская храбрость, послушание старшим в роду — вот черты, достойные князя, по мнению Владимира Мономаха.

Среди первых произведений древнерусской литературы были описания жизни святых, «хождений» в Святую землю, церковно-поучительные произведения и др. И потому трудно согласиться с мнением о «поразительной скудости древнерусской письменной продукции как по количеству, так и по качеству», которое высказывает современный французский историк А. Ропер со ссылкой на труды английского ученого Дж. Феннела [251, с. 42].

Повседневная жизнь: люди и нравы

Памятники литературы, а также древнерусские законы («Русская Правда») Древней Руси позволяют нам представить не только высокие идеалы, к которым стремились люди, но и их повседневную жизнь.

Среди русских историков (И. Е. Забелин, Н. И. Костомаров, В. О. Ключевский) господствовало мнение о внеклассовом единстве древнерусской культуры, особенно в ее повседневных проявлениях. В. О. Ключевский объяснял это двумя моментами: во-первых, византийская церковная культура, проникая на Русь, оставляла простор самобытному национальному творчеству, «первобытному невежеству», во-вторых, она оказывала одинаковое влияние на все классы общества, придавая ему духовную целостность [80, т. 3, с. 244–245]. Такой взгляд нельзя признать справедливым.

Как отмечает Д. С. Лихачев, первые исследователи искали свидетельства древнерусской культуры преимущественно среди живых реалий прошлого, таких как общественно-патриархальный уклад жизни крестьянства, одежда и домашний быт купечества и старообрядцев, произвольно понимаемый характер церковности и пр. Поэтому она представлялась им косной, неподвижной, близкой к крестьянству и не разграниченной социально [113, с. 5]. Исследования показали, что в Древней Руси существовали и элитарная культура, «книжная» и более динамичная, и своеобразная культура горожан, и сельская культура, связанная своими корнями с языческим бытом славян.

Древнерусское общество XI–XII вв. было неоднородным. Но воспоминания о патриархальной старине были в нем еще живы, поэтому разница в образе жизни, бедность и богатство, закабаление и ростовщичество переживались особенно остро, что блестяще показал в своей книге «Люди и нравы Древней Руси» Б. А. Романов. Быт и нравы менялись медленнее, чем высокая художественная культура. Будничная жизнь более консервативна.

Не вдаваясь в научные споры о социальной структуре древнерусского общества, отметим лишь его основные группы.

Воинственный и беспокойный род князей Рюриковичей составлял общественную верхушку. Князья вместе с приближенными заботились о государственном устройстве и законах, о защите Руси от врагов, спорили между собой из-за княжений, вершили суд, собирали дань и судебные пошлины. Постепенно в их руках сосредоточивалось все больше земель с населявшими их людьми.

Приближенными к князьям были бояре — «думцы», воеводы, управители городов. Они получали дань с определенных областей и постепенно обрастали хозяйством и слугами. Воины-дружинники, жившие «милостью» князей, стремились со временем стать боярами.

Духовенство было неоднородным. Епископы и игумены принадлежали к верхушке общества, участвовали в княжеских советах, освящали княжеские договоры. Они получали свою часть от доходов князя и с конца XI в. начали собирать в своих руках земельные богатства. В монастырях жизнь богатых и бедных монахов резко различалась. Городское духовенство, по-видимому, по положению было близко к горожанам.

Жители городов — купцы и ремесленники, объединенные в общину, — были очень активной частью древнерусского общества. Иногда городское вече решало судьбу князя, ставило ему свои условия.

Сельские общинники — смерды — были данниками князей, подлежали их суду. Это была масса сельского населения, к которой высшие классы относились о презрением. В княжеских селах жили закупы. По своему положению они были похожи на крепостных крестьян.

Челядь, холопы, рабы — непременная составная часть быта свободных «мужей». Они были полной собственностью хозяев. Даже если господин убивал такого человека, он не нес ответственности перед законом. Рабами были слуги, пахари и достаточно привилегированные княжеские управители. Древнерусские князья не гнушались работорговлей, продавали захваченных на войне пленников, даже русских.

С христианством в русское общество пришел новый нравственный идеал — монашеское житье. Причем светского идеала, равнозначного европейскому идеалу рыцарства, с его культом личной чести, с уважением достоинства в другом человеке и поклонением женщине, на Руси не сложилось. Русский мирской христианин оказался в сложном положении: «Он был женат, заботился о приобретении средств к содержанию своей семьи, чувствовал потребность развивать свои природные дарования и, наконец, отдыхать среди каких-нибудь жизненных радостей и развлечений. Между тем аскетический идеал требовал от него только умерщвления плоти, отвращения от житейских радостей, презрения к женской красо-

те...» [77, т. 1, с. 247]. Конечно, далеко не каждый задумывался над этим противоречием. Многие, как, например, Владимир Мономах, стремились примирить христианский идеал со слабостями человеческой натуры, требуя посильного выполнения заповедей церкви. Но реальная жизнь, как видно, была далека от высоких требований.

Наиболее ярко древнерусские источники рисуют быт и нравы князей и духовенства. Описания будничной жизни простых людей приходится восстанавливать по крупицам.

В XI–XIII вв. князья жили в настоящих дворцах-хоромах (иногда каменных, но чаще деревянных). Это был целый комплекс построек с высокими башнями-теремами, с теплыми избами и холодными клетями, служившими спальнями (летом), с кладовыми, парадными лестницами и крытыми галереями — сенями. Клети были полны разной «готовизны» — и казны, и узорчья, и оружия, и «тяжкого товара всякого», а погреба — вин и медов. Особой постройкой княжеского дворца была гридница — большое парадное помещение, где князь держал совет с боярами и пировал со своей дружиной. Служить князю, сидеть за княжеским столом считалось честью для любого свободного человека. Челядь и холопы выполняли «черную» работу в княжеском хозяйстве.

Князья одевались в дорогие одежды из привозных тканей. Важнейшей частью их костюма был плащ-корзно, скрепленный у плеча драгоценной застежкой. Основная одежда (всякая одежда называлась «порты») — длинная рубаха с расшитым оплечьем, с цветной каймой по краям. Нижняя одежда — сорочка и штаны. Высокая шапка с меховой опушкой, драгоценный пояс, длинные сапоги из цветного сафьяна — обязательные принадлежности княжеской одежды. На людях князь никогда не расставался со «светлыми» одеждами и любимым конем.

Владимир Мономах гордился тем, что бóльшую часть жизни он провел «на коне и на ковре», то есть в походах, обороняя русскую землю, и в шатрах, улаживая споры между князьями, заключая договоры. За свою жизнь он совершил 83 «великих пути», не считая прочих, когда, например, за один день совершал переход из Чернигова в Киев.

Идеальный князь — это хороший хозяин: «В дому своем не ленитесь, но за всем смотрите, чтобы не посмеялись гости ваши ни над домом вашим, ни над обедом вашим». Военное походы — первейшее дело для него: «На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод... оружия снимать с себя не торопитесь» [165, ч. 1, с. 157].

Влияние христианства проявляется в том, что главными добродетелями Владимир Мономах считал «покаяние, слезы и милостыню», заботу о сиротах и вдовах. Высоко ценил он книжное учение. Но князь обладал и издревле ценимыми в его среде удалью, быстротой действий, любовью

к войне и охоте, страстью к добыче: «придя к Минску и взяв город, не оставили ни челядина, ни скотины» [165, ч. 1, с. 160].

Владимир Мономах советовал князьям такой распорядок дня: встать с рассветом («да не застанет вас солнце на постели»), Богу помолиться, затем держать совет с дружиною, или людей судить, или дань собирать, или на охоту ехать, в полдень поспать — «от Бога присуждено».

Любимыми княжескими забавами были «ловы» (охоты с псами и ястребами) и конные «ристания». С азартом описывал Владимир Мономах, как во время охоты коней диких своими руками связывал, как два тура бросали его на рогах вместе с конем, как сражался он с вепрем и медведем. Непременным атрибутом княжеской жизни были пиры в окружении бояр и дружинников, со «множеством мяс» на столе, с заморскими винами и хмельными медами. Дорогая посуда выставлялась (напоказ) для гостей. Публику веселили скоморохи, певцы и музыканты с гуслями и сопелями (дудками).

К XII в. хозяйственной опорой князей стали села, где они устраивали свои «добрые дворы», в которых распоряжались их управители («огнищане», «тиуны»). Вокруг простирались поля, пастбища и охотничьи угодья. В клетях и погребах хранились запасы продуктов и ремесленных изделий. Роскошь и богатство все больше сопутствовали княжеской жизни. В «Слове» Даниила Заточника (XII–XIII в.) описывается жизнь князя, который каждодневно веселится «многими брашны» (едой), «пьет сладкое питье», лежит «на мягких постелях под собольими одеялами». Как не похож этот князь на Святослава, не возившего за собой ни шатра, ни котла!

Христианские обычаи сначала проникали в княжескую среду. Князья, как правило, «бяше грамоте научены», исполняли христианские обряды, вступали в церковный брак. Жизнь их была далека от монашеских идеалов, но и требования к ним были весьма умеренные.

Церковь стремилась искоренить братоубийство в княжеской среде. Пример святых Бориса и Глеба, убитых Святополком Окаянным, напоминал князьям о самом тяжком грехе. Но князья не переставали «мстить» друг другу, разорять города и села своих противников, сажать их в «поруб» (в темницу). Самым жестоким средством расправы было ослепление врага. Такие действия наводили летописца на мрачные мысли: «Зол бо человек противу (по сравнению) бесу, и бес того не замыслит, еже зол человек замыслит» [171, с. 542].

Бояре старались во всем подражать князьям, хотя и не обладали ни их богатством, ни авторитетом. «Боярина не вси слушают», — сетовал летописец. Бояре также обзаводились селами и землями, многочисленной челядью. Не случайно в «Русской Правде», в статьях, защищавших княже-

ское имущество и жизнь его слуг, появилась приписка: «такоже и за боярескъ».

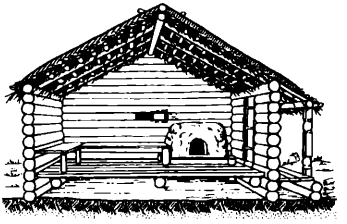
Боярско-дружинная среда была шумной и беспокойной. Здесь щеголяли богатой одеждой и украшениями (знаком особой княжеской милости была золотая «гривна» — обруч на шее), дорогим оружием, любили показать себя в бою и на охоте, померяться силами. «Русская Правда» содержит перечень различных драк. «Чем только не дерутся... дерутся батогом, жердью, кулаком, чашею и рогом (очевидно, „в пиру"), мечом плашмя, рукоятью или всем мечом... обнажив меч, рубят руки, ноги и калечат до хромоты, летят пальцы, дело доходит до усов, до бороды» [192, с. 144–145].

Повреждение усов и бороды считалось особенно тяжким оскорблением: за отрубленный «перст» платили 3 гривны, «а во усе 12 гривне, а в бороде 12 гривне» [193, т. 1, с. 47].

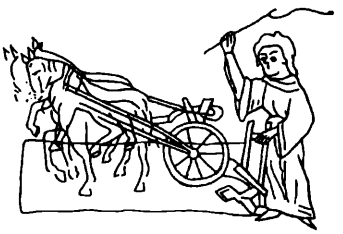
Особый строй жизни был у древнерусского духовенства. Среди епископов и монахов, особенно Киево-Печерского монастыря, нередки были примеры праведной жизни, образцы учености. Но далеко не все были способны на подвижничество монашеской жизни. Стены монастырей и строгие уставы не могли отгородить монахов от мирской жизни. Они бывали неравнодушны к богатству, устраивали пиры в монастырях, вмешивались в политику, некоторые и вовсе имели «обычай похабен».

Очень немногие были способны, подобно Антонию Печерскому, жить, почти не общаясь с окружающим миром. Книголюбие, неустанный труд на благо монастыря и общества, тайная аскеза, смирение и кротость, «худые ризы» — вот что отличало Антония Печерского — первого монаха, канонизированного на Руси. Рядом с подвижничеством одних особенно отвратительным выглядело поведение других, например, мучителя и грабителя, самозваного ростовского епископа Федора, который «человеком головы порезывая (остригая) и бороды, иным же очи выжигая и язык урезая, а иные распиная по стене и муча немилостивне, хотя исхитити (вымогая) от всех именье: именья бо бе не сыт акы ад» [192, с. 196].

И простым священникам нелегко было удержаться от мирских соблазнов. Но именно они должны были показывать пример любви и кротости, праведной семейной жизни, соблюдения всех обрядов и постов. На священников была возложена обязанность направлять и судить личную и семейную жизнь прихожан. И нельзя не признать благотворного влияния церкви на общественную нравственность и семейные отношения.



Сельское жилище X–XI вв. (реконструкция)



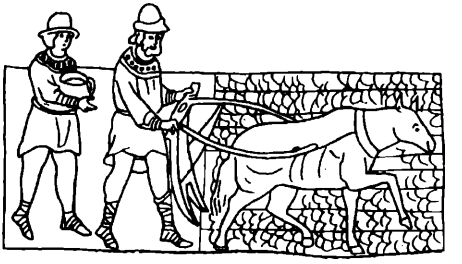
Сцена пахоты. *Древнерусский рисунок*

Огромная пропасть отделяла верхушку общества от простых земледельцев-смердов, «иже по селам живут». Их темные полуземлянки или избы с маленькими оконцами, закрываемыми от холода досками, топились по-черному. Одежду составляли короткие рубахи, узкие штаны и лапти. Простые «кожухи» (шубы) шились из грубой овчины или «медвежины». Основная женская одежда напоминала длинную рубаху. Замужние женщины покрывали голову платком — «повоем».

Одежды «простой чади» были домотканые. Само название «смерд» имело презрительный оттенок в устах князей и бояр. Смерда-данника можно было «умучить» по приказу князя. «Именье» смерда, его семью и лошадь закон защищал в меньшей степени, чем княжеское имущество. Зато от набегов половцев, особенно в южных районах, они страдали первыми.

Жизни земледельцев угрожали неурожаи и голод. В тяжелые годы люди ели кору, шелуху, мох, «конину, псину, кошки». Случалось, что из-за голода родители продавали своих детей или отдавали даром проезжим купцам. «Скудость» была причиной народных волнений.

В среде деревенских жителей долго сохранялись языческие нравы и обычаи. Кровная месть имела место во всех слоях общества. Денежные штрафы стали брать за убийство лишь во второй половине XI в. Брак без венчания («аще кто умчит девку»), языческие «игрища», жертвы «бесам и болотам и кладезям» и прочие «волхования» были повседневными явлениями в народной жизни.



Сцены крестьянской жизни. *Древнерусские рисунки*

Церковь обличала людей за неумеренное пьянство. Автор XII в. упрекал свою паству: «Когда вы упьетесь, тогда вы... скачите, кричите, поете, и пляшите, и в дудки дудите, завидуете, пьете чуть свет, объедаетесь и упиваетесь... злопамятствуете, гневитесь, бранитесь, хулите и сердитесь, лжете, возноситесь, срамословите и кощунствуете, вопите и ссоритесь, море вам по колено... ну как же святому крещению не тужить из-за вашего пьянства» [148, с. 405]. Хотя эти слова обращены к простому люду, грех пьянства был распространен во всех слоях населения. Не случайно летописец приписал князю Владимиру слова (пословицу?): «Руси есть веселье питье, не можем бес того быти». Впрочем, средневековая Европа едва ли в этом отношении отставала от Руси. Там ежедневно один человек потреблял по полтора литра вина или пива [247, с. 68].

Летописцу-киевлянину странным казался обычай париться в банях, широко распространенный тогда на севере Руси: «...Бани деревянные разожгут докрасна, и разденутся, и будут наги, и обольются квасом кожевенным, и поднимут на себя прутья молодые, и бьют себя сами, и до того себя добьют, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут» [165, ч. 1, с. 12].

В жизни народа постепенно утверждались церковные браки, крещение младенцев, соблюдение постов. Церковь боролась с ранними браками, настаивала на необходимости учитывать желание невесты.

Церковь брала под свою защиту женщин от оскорбления словом и действием. Но в целом признавалось главенство мужчины в семье.

Жизнь общинников-земледельцев еще тяготела к устоявшимся традициям и обычаям предков. Но это не дает оснований представлять Древнюю Русь как «застойное море» диких нравов, в которое были вкраплены города — центры культуры. В земледельческой среде закладывались традиции трудолюбия, коллективизма, взаимопомощи, уважения к старшим, здесь существовал богатый мир календарно-праздничных обрядов, песен, сказок, былин, скоморошьего веселья. Народные представления о правде и красоте оказали существенное влияние на развитие русской культуры.

Глава 3. КУЛЬТУРА РУССКИХ КНЯЖЕСТВ XII — начала XIII века

Примерно с 30-х гг. XII в. Киевская Русь окончательно распалась на несколько независимых земель. Но развитие русской культуры не прекращалось вплоть до татарского нашествия, которое пришлось на конец 30-х гг. XIII в. В период раздробленности сохранялась живая связь с культурным наследием Киевской Руси, которое стало для русских земель своего рода образцом гармонии и величия [29, с. 29–41; 108, с. 113]. В то же время в культуре появились новые черты, соответствовавшие изменившимся условиям жизни общества.

Раздробленность Руси

Что же изменилось на Руси? Прежде всего людям удалось лучше освоить огромные пространства своей страны: возникают новые очаги земледелия и города. Бывшие глухие окраины (Суздальское «ополье», Рязанская земля и др.) играли теперь заметную роль в ее жизни. Упало значение пути «из варяг в греки», однако церковные и культурные связи с Византией не исчезли. Более многообразными стали торговые отношения со странами Востока и Европы. Укрепился княжеский род Рюриковичей: каждый князь дал своим сыновьям верховную власть на определенной территории. Развитие вотчинного землевладения привело к тому, что князья привязались к своим княжениям, обросли хозяйством, приобрели советников в лице местных бояр. На Руси наступил период политической раздробленности, который большинство современных историков связывает с развитием феодальных отношений.

Отрицательной стороной раздробленности были княжеские усобицы. Усилился натиск кочевников на ослабленные в военном отношении

русские княжества: «Бескрайнее „дикое поле", „страна незнаема" в приливах и отливах степных кочевников готова была поглотить многочисленные очаги русской культуры» [105].

Отсутствие единого политического центра, бесконечные княжеские распри привели некоторых историков к мысли о «кризисе средневековой Руси» (Дж. Феннел), о том, что упадок русской государственности начался еще до татарского нашествия. Низкий уровень политической культуры русских князей подчеркивал и В.О.Ключевский, писавший об «одичании» русских князей, которые позабыли о «цельности русской земли, об общем народном благе». Даже перед лицом татарской опасности, потерпев страшное поражение на Калке в 1224 г., князья продолжали рвать в клочья Русскую землю. Но политический кризис не повлек за собой общего культурного упадка. Идея единства Руси жила в сознании народа, в памятниках высокой культуры — летописях и других литературных сочинениях.

Формирование местных культурных центров

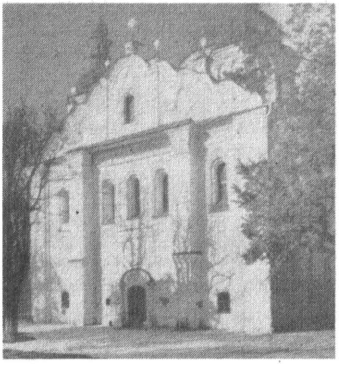
Каждая из Русских земель отличалась от других: имела свои природные и экономические условия, расстановку общественных сил, политические традиции. Чернигов, Галич, Смоленск, Владимир и Рязань стали местными политическими и культурными центрами. В.О.Ключевский считал, что создателями этих центров и носителями высокой культуры были князья. Каждый из них устраивал свой стольный город, украшал его храмами, монастырями. Среди простеньких домов горожан появлялись хоромы и дворы княжеские и боярские. «Перелетные птицы Русской земли, князья со своими дружинами, всюду разносили семена культуры, какая росла и расцветала в средоточии земли, в Киеве» [80, т. 1, с. 207]. Не отрицая определенной роли князей, а также единой церковной организации в поддержании общего высокого уровня культуры, укажем на главные особенности культуры этого периода: «обилие и своеобразие местных культур... и интенсивный рост народных основ русской культуры» [105, с. 18]. Эти народные истоки и обусловили во многом особенности культуры отдельных земель и княжеств. На их культурное своеобразие влияли также местные политические порядки, контакты с другими странами.

Несмотря на падение политической роли Киева, он оставался крупнейшим и богатейшим городом Руси вплоть до 1240 г., когда его разрушили татары. «И кто убо не возлюбит киевского княжения, понеже вся честь и слава, и величество, и глава всем землям русским — Киев», — восклицал

летописец. Правда, центром Русских земель Киев оставался лишь формально, но его «золотой стол» был яблоком раздора для многих князей. Утвердившись в Киеве, некоторые их них стремились оставить о себе след в виде новых построек, покровительствовали культуре. Иногда же княжеские усобицы опустошали город. В 1155 г. суздальский князь Андрей тайно увез из Киева икону Богоматери, получившую впоследствии название Владимирской. В 1171 г. Киев был подвергнут суздальскими князьями и их союзниками страшному разгрому: «Два дня грабили весь город, Подол и Гору, и монастыри, и Десятинную Богородицу... Церкви горели, христиан убивали... Взяли множество богатства, церкви обнажили, сорвали в них иконы и ризы, и колоколы, взяли книги... А половцы зажгли монастырь Печерский...» [171, с. 545]. Отрицательно сказались на торговых связях Киева снижение роли Днепровского пути, разгром Константинополя крестоносцами в 1204 г., хозяйничание половцев в причерноморских степях.

И тем не менее Киев в XII — начале XIII в. оставался центром торговли и ремесел: ювелирного, керамического, стекольного. Город продолжал строиться. Правда, церкви возводили меньших размеров и не украшали мозаикой. На архитектуру города оказали влияние не только Византия, но и романский стиль Запада: храмы были крестово-купольными, одноглавыми, с мощными гладкими стенами, с узкими окнами, напоминающими бойницы.

До наших дней в перестроенном виде дошла **Кирилловская церковь** (40-е гг. XII в.), в которой сохранились фрагменты древней росписи очень высокого качества. Эта монастырская церковь была родовой усыпальницей черниговских князей, здесь же похоронен Игорь Святославич — герой «Слова о полку Игореве».

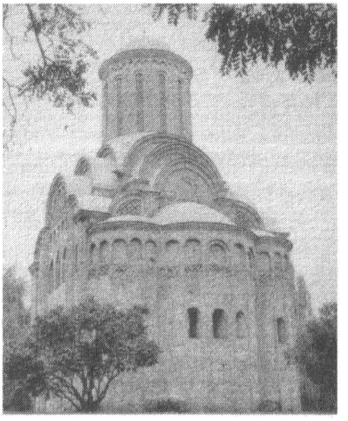


Кирилловская церковь. Киев. *40-е гг. XII в. Реставрация XVII–XVIII вв.*

Содержательная киевская летопись XII в. отличается высокими литературными достоинствами и имеет светский характер. Эта летопись дошла до нас в составе Ипатьевской летописи XV в. Академик Б.А. Рыбаков считает, что среди киевских летописцев следует искать автора «Слова о полку Игореве». Он полагает, что таковым мог быть боярин Петр Борисович, летопись которого рассказывает об ожесточенной борьбе князей за Киев, дает их яркие портреты-характеристики.

Летописец Моисей с восторгом описывает строительную деятельность князя Рюрика Ростиславича, который имел

«любовь ненасытну о зданиях». «Приятель» князя зодчий Петр Милонег возвел высокую подпорную стену под зданием Михайловского собора Выдубецкого монастыря, стоявшим на берегу Днепра. Киевлянам, поднявшимся на эту стену, казалось, что они парили в воздухе («мнится аки аэра достигли»).



Пятницкая церковь. Чернигов. *Конец XII—начало XIII в.*

Оригинальные черты можно увидеть в культуре Чернигова XII–XIII вв. Черниговское княжество находилось в непосредственной близости от половецкой степи. Многие черниговские князья Святославичи отличались воинственным и7 неуживчивым характером. Не случайно именно с Черниговом связывают **«Слово о князех»** — литературное произведение, написанное в воспоминание о святых Борисе и Глебе. С горькими упреками обращается автор к князьям, забывшим о подвиге святых братьев, не восставших против старшего брата: «Слышите, князи, противящеся старшеи братьи и рать воздвижуще и поганые (язычников-половцев) на свою братию возводяще, — не обличил (бы вас) Бог на страшнем судилище».

Среди черниговских князей автор нашел и пример для подражания — князя Давида Святославича, родного брата известного Олега «Гориславича», «мечом крамому ковавшего». Князь Давид всегда держал свое слово, никого не обидел, никому не сделал зла. «В велице тишине бысть княжение его», а смерть сопровождалась чудесами, живо описанными в «Слове».

Замечательным памятником черниговской архитектуры является **церковь Параскевы Пятницы** (конец XII — начало XIII в.). Этот крестово-купольный одноглавый храм имеет ступенчатые арочные своды. Стройные пучковые пилястры, украшающие и выделяющие центральную часть здания, закомары, «бегущие» к куполу, придают ему особую устремленность ввысь.

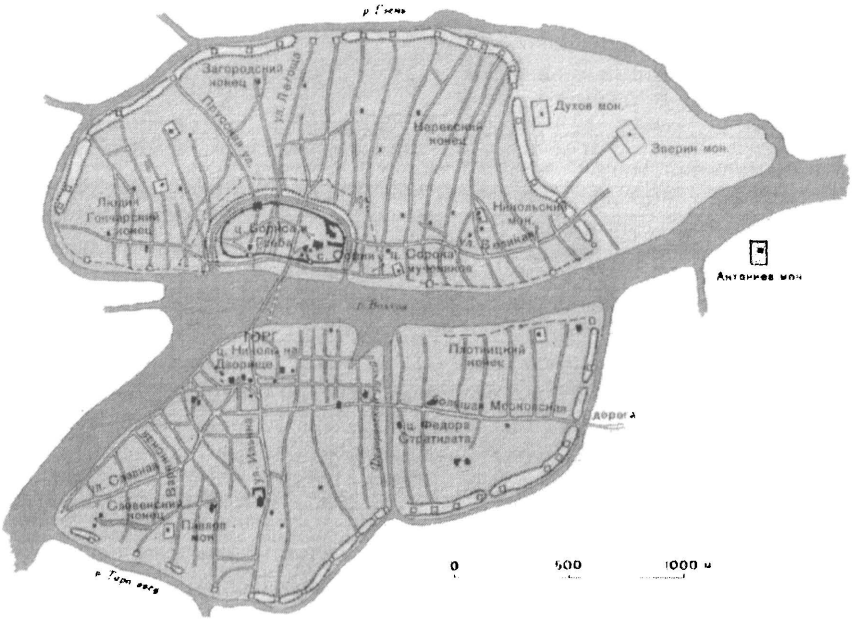
Культура Новгорода

Своеобразная культура Новгорода имеет очень глубокие корни. Этот северный город всегда был соперником Киева. Суровая и скупая природа заставляла новгородцев быть энергичными и предприимчивыми. Умелые

мастера, оборотистые купцы, смелые воины — такими предстают жители города на Волхове в летописях и былинах. Добывая меха и драгоценную моржовую кость, новгородцы доходили до Ледовитого океана и Печоры. Они облагали данью соседние неславянские племена. Торговля с Европой (на протяжении веков Новгород был для Руси если не «окном», то «форточкой» в Европу) приносила городу хорошие доходы. Среди русских земель Новгород выделялся своим общественным строем — он был вечевой республикой.

Новгородское вече решало важнейшие вопросы городской жизни: принимало законы, выбирало должностных лиц, приглашало князя, который был «сторожем» и судьей. С 1136 г. новгородцы были «вольны в князьях», те есть выбирали и изгоняли князей по своему усмотрению. Таким образом, жизнь Новгорода отличалась известным демократизмом. Рядовые горожане играли в общественной и политической жизни города бóльшую роль, чем где бы то ни было на Руси. Это не могло не отразиться на новгородской культуре. Впрочем, новгородскую демократию не следует идеализировать. Борьба боярских группировок проходит через всю историю города. И едва ли правы те историки, которые пытаются представить новгородское вече «парламентом» с разработанной процедурой голосования. Как справедливо заметил В.О.Ключевский, «на вече по самому его составу не могло быть ни правильного обсуждения вопроса, ни правильного голосования. Решение составлялось... на слух, скорее по силе криков, чем по большинству голосов. Когда вече разделялось на партии, приговор вырабатывался... посредством драки: осилившая сторона и признавалась большинством... Иногда весь город „раздирался" между боровшимися партиями, и тогда собирались одновременно два веча: одно — на обычном месте, на Торговой стороне, другое — на Софийской. ...Случалось не раз, раздор кончался тем, что оба веча, двинувшись друг против друга, сходились на большом волховском мосту и начинали побоище, если духовенство вовремя не успевало разнять противников» [80, т. 2, с. 65–66]. Тем не менее жители новгородской земли ценили свою вольность, смело защищали свои права от притязаний соседних князей. Известен случай, когда 400 новгородцев на Белоозере обратили в бегство семитысячную рать суздальского князя [137, с. 221].

В XII — начале XIII в. Новгород продолжает расти. На обоих берегах Волхова располагалось несколько его районов — «концов». На левой, Софийской, стороне вокруг крепости — детинца — располагались Неревский, Загородский и Людин концы. Детинец, обнесенный каменной стеной, был центром города. Здесь находились Софийский собор и двор архиепископа, обладавшего большой властью. На Торговой стороне вокруг Торга и Ярославова дворища, где собиралось вече, располагались Плотницкий и

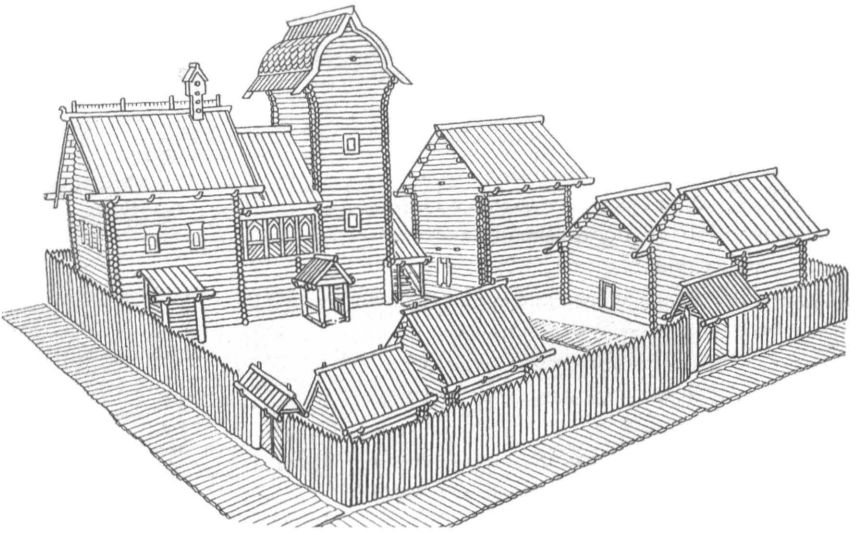


План Новгорода. *XIV в.*

Славенский концы. Рядом с торгом находились дворцы иностранных купцов — «немецкий» и «готский».

Названия новгородских улиц — Щитная, Кузнечная, Молотково, Кочевники, Гончарная — напоминают об основных занятиях их жителей — ремесленников. Улицы мостили бревнами. По мере износа и загрязнения мостовые обновляли. На некоторых новгородских улицах сохранилось до 28 ярусов бревенчатого настила [246, с. 15].

Новгородцы жили в рубленых избах. Дома горожан в XII—XIII вв. стали больше, богаче и нарядней. Как правило, они имели нижний подсобный этаж. Основное помещение дома, где готовили пищу, ели и работали, называлось «повалушей». Обстановку составляли укрепленные в полу столы и лавки. Дома в основном отапливались по-черному. Из главного помещения тепло попадало в верхние спальни — горницы. Снаружи сруб часто украшали галереи, балкончики. Бревно, венчавшее деревянную кровлю, заканчивалось резным изображением конской или птичьей головы, а также креста. Это были обереги от «нечистой силы». Усадьбы бояр представляли комплекс жилых и хозяйственных построек. В богатых домах, видимо, уже появлялись печи с дымоходами и трубами.



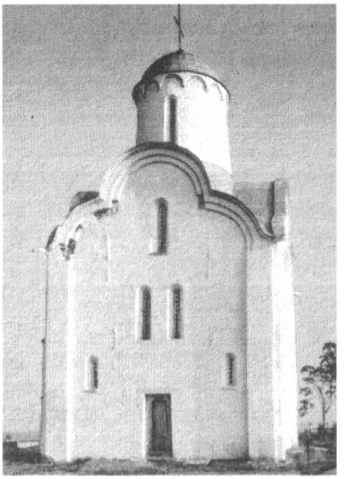
Мастерская и хоромы Олисея Гречина (реконструкция). Новгород. *Конец XII в.*

Среди деревянных построек возвышались каменные церкви, заказчиками которых все чаще становились жители отдельных районов, улиц, купеческие объединения, посадники. Это привело к «демократизации» церковных зданий. Они были небольшими, одноглавыми, скромно украшенными. Церкви приспосабливались и для мирских нужд. Они объединяли вокруг себя политическую жизнь и торговлю отдельных районов города, в них хранили товары, в них жители спасали свое имущество во время пожаров, вокруг них устраивали пиры.

Церковь Спаса Преображения на Нередице. Новгород. *1198 г.*

Церкви Ивана на Опоках (1127—1130), Успения Богородицы на Торгу (1135), **Спаса Преображения на Нередице** (1198) строились еще по княжеским заказам, но они уже были гораздо меньше, чем соборы XI — начала XII в. Это одноглавые придворно-княжеские храмы. Церковь Ивана на Опоках стала впоследствии

центром объединения богатых купцов-вощанников. Наибольший интерес представляет Нередицкая церковь, имевшая великолепные росписи XII в. (сильно пострадали в годы Великой Отечественной войны). А церкви Параскевы Пятницы на Торгу (1207) и **Рождества Богоматери в Перыни** (начало XIII в., построена на месте бывшего святилища Перуна) отражали уже вкусы и потребности горожан. Последняя имела трехлопастное волнообразное перекрытие, которое затем станет отличительной чертой новгородских «уличанских» храмов.

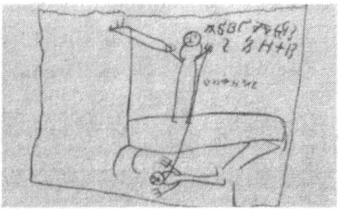


Церковь Рождества Богоматери в Перыни. Новгород. *Начало XIII в.*

Городская жизнь отражалась в новгородской литературе — былинах, летописях. Летописание велось при архиепископском дворе и в обычных «уличанских» церквях. Необычный для средневековья характер домашности и простоты придал своей летописи Герман Воята. Изучая новгородские летописи, Д. С. Лихачев отмечал в них черты лаконизма, интерес к быту, демократизм стиля и языка: «Летописец интересуется прежде всего теми происшествиями, которые отражаются на благосостоянии населения, затрагивают его непосредственные нужды. Он отмечает всякое повышение цен на хлеб, описывает непогоду, отражавшуюся на состоянии жатвы, не забывая отметить радость новгородцев по поводу того или иного счастливого исхода событий, и сопровождает восклицаниями ужаса всякое общественное несчастье: голод, пожары, наводнения» [105, с. 28].

Менталитет горожан, их повседневные мысли и заботы нашли отражение в берестяных грамотах. Эти письма новгородцы писали (процарапывали) на специально обработанной березовой коре острым металлическим или костяным «писалом». Они дошли до нас благодаря особенностям слишком влажной новгородской почвы.

Первые берестяные грамоты были найдены в 1951 г. археологической экспедицией под руководством А. В. Арциховского. С тех пор их обнаружено около 800, причем более 200 относятся к домонгольскому периоду. Берестяные грамоты найдены также в Смоленске, Старой Русе и некоторых других городах. Эти выдающиеся находки свидетельствуют о высоком уровне грамотности в городах Древней Руси. Думается, в вольном Новгороде он был еще выше.



Берестяные грамоты новгородца Онфима (прорись). *XIII в.*

Авторами грамот в большинстве случаев были простые горожане — родители и дети, господа и слуги, ремесленники и купцы. Содержание грамот очень разнообразно: среди них имеются школьные «тетради» мальчика Онфима, бытовая переписка матери и сына, мужа и жены, брачный договор, недавно найдено любовное письмо. И все-таки большинство из них — деловая переписка по поводу долгов и оброков, судебных разбирательств, записи денежных сумм и перечни имущества. Специалист в области новгородской истории В. Л. Янин отмечает, что в ранних грамотах доминирует тема денежных отношений: «О деньгах говорится буквально в каждом документе». Позже, в XIII в., к ней присоединилась тема земельных владений, что отражает формирование боярских вотчин [246, с. 162].

Новгородцы иногда доверяли бересте свои личные чувства («...мною попецалуйте и моими детьми», — жалуется вдова Настасья), но в целом эти документы воссоздают образы деловитых людей, знающих счет деньгам и домашним припасам, вплоть до последней горсти солода. Сохранились лишь отдельные грамоты религиозного содержания, но все они почти не содержат следов язычества.

Культура Новгорода носит прежде всего оригинальный городской характер. Усвоившая высокие византийские образцы, сильная своими корнями, мощной экономической базой, она не отвергала связей с Европой. На примере Новгорода хорошо видно, как складывалась плебейская культура, связавшая высокую книжно-церковную ее ветвь с народной. Описанные явления были характерны и для «пригородов» Новгорода — Старой Ладоги и Пскова.

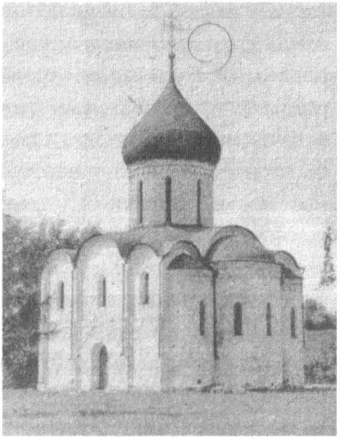
Культура Северо-Восточной Руси

Новый очаг культуры сложился в XII — начале XIII в. в Северо-Восточной Руси. Когда-то Залесский край (по отношению к Киеву он находился за дремучими лесами вятичей) был отдаленной окраиной Киевской

Руси. Рядом со славянами здесь жили финно-угорские племена (меря, мурома, голядь, весь). Здесь были сильны позиции язычества, а христианство приживалось с трудом. Плодородное Суздальское Ополье (большая безлесная территория, удобная для земледелия) привлекало переселенцев из Южной Руси, теснимых половцами. Близость Волжского торгового пути способствовала развитию этого края. Рядом с древними племенными центрами — Ростовом, Суздалем, Муромом — князья закладывали города, часто называя их своими христианскими или языческими именами: Ярославль, Владимир, Юрьев, Дмитров и др. В городах с середины XII в. начался расцвет белокаменного зодчества, которое вобрало в себя самые яркие черты культуры Северо-Востока.

Первые храмы на Суздальской земле строились по киевским образцам. Самостоятельное значение местная архитектура приобрела в 40–50-х гг. XII в. при князе Юрии Долгоруком. Этот известный князь, хотя и вел длительную борьбу за киевский престол, свою суздальскую «отчизну» не забывал, а в конце жизни основал города: Москву, Дмитров, Звенигород, Юрьев-Польской.

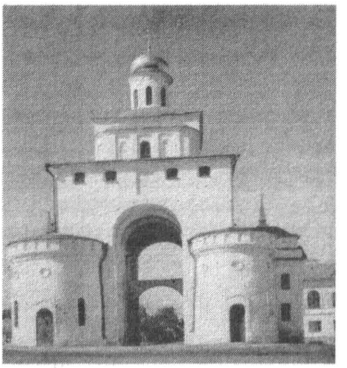
Из пяти заложенных тогда же каменных соборов до нас дошло два. Прекрасно сохранился **Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском** (1157). Этот квадратный крестово-купольный одноглавый храм с мощными стенами имеет полукруглые позакомарные завершения. Столь же монументальные и суровые формы имел и **придворный храм святых Бориса и Глеба** в княжеской резиденции Кидекша под Суздалем (1152). Обе постройки сложены из белого камня-известняка. Новая техника строительства, по-видимому, пришла из Галича (Юго-Западная Русь), где появилась в строительной артели, пришедшей из Польши. Так в Северо-Восточную Русь проникли некоторые элементы европейского романского стиля.



Спасо-Преображенский собор. Переславль-Залесский. *1157 г.*

Очень яркое и своеобразное зодчество Северо-Восточной Руси перекликается с архитектурой Европы, Византии, Армении. Но его оригинальность и высочайший художественный уровень признают даже самые строгие зарубежные специалисты по русской культуре.

Расцвет строительства связан с деятельностью князя Андрея Боголюбского (1157–1174). Этот известный своим



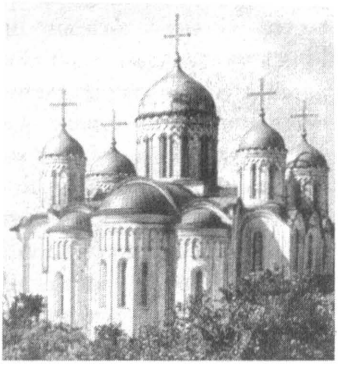
Золотые ворота. Владимир.
1164 г.

стремлением к «самовластию» князь перенес столицу из Суздаля в город Владимир на Клязьме. Здесь был возведен мощный комплекс укреплений: валы и деревянные стены с двумя каменными воротами — Золотыми и Серебряными.

Золотые ворота (1164), створки которых были обиты золоченой медью, дошли до нас в сильно перестроенном виде. Над высокой проездной аркой ворот располагалась небольшая надвратная церковь. Все сооружение имело суровый облик, напоминавший постройки Юрия Долгорукого.

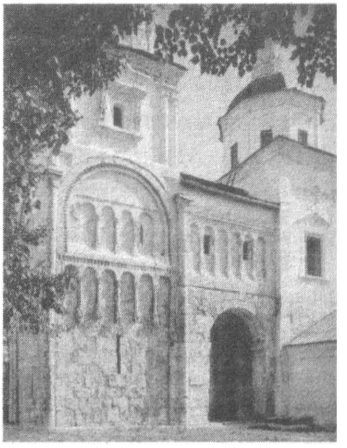
Свое дальнейшее развитие архитектура Владимира получила в **Успенском соборе** (1158–1189), который замышлялся как главный храм Северо-Восточной Руси. Однокупольный собор был поставлен на высоком берегу Клязьмы. Стены его были украшены аркатурно-колончатым поясом (эта деталь отныне будет отличать все белокаменные церкви Северо-Восточной Руси) и белокаменной резьбой. Русская христианская архитектура прежде редко использовала скульптуру, видимо, опасаясь схожести с языческими изображениями. Опасение было небеспочвенным, и фольклорные мотивы ярко зазвучали в белокаменных узорах владимиро-суздальской архитектуры. Купол, барабан и колонки аркатурно-колончатого пояса Успенского собора были окованы золоченой медью. О строителях собора летопись сообщает: «Приведе ему (князю) Бог из всех земель мастеры». Вероятно, здесь были и европейские мастера, знакомые с правилами романской архитектуры.

О следующей постройке Андрея Боголюбского летописец писал: «Создал же бяшет собе город камен именем Боголюбый... и церковь преславну... и удиви ю (украсил ее) паче всих церквий». Свою загородную резиденцию — **Боголюбово** — князь Андрей построил в том месте, где, по преданию, остановилась повозка с чудотворной иконой Богоматери Владимирской и не могли ее сдвинуть с места.

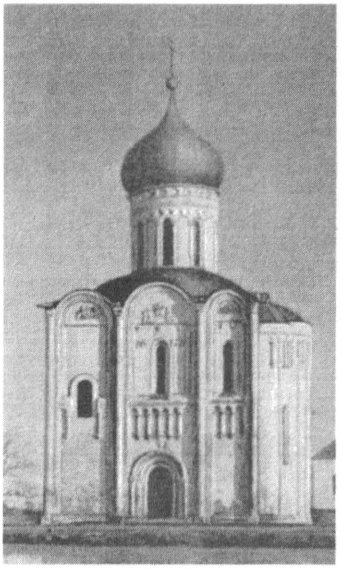


Успенский собор. Владимир.
1158–1189 гг.

На этом «возлюбленном» Богом берегу реки Нерль был построен «город камен» — древнерусский белокаменный замок. В настоящее время от него сохранились лишь лестничная башня (именно здесь в 1174 г. Андрей Боголюбский был убит заговорщиками), арочный переход, соединявший башню и собор, и нижняя часть стен собора Рождества Богоматери. Эту церковь современник с восторгом сравнивал с храмом царя Соломона: «Благоверный Андрей... украсил ее драгоценными иконами, золотом и дорогими каменьями, и жемчугом крупным бесценным, и снабдил украшениями разными, и украсил плитами из яшмы, и всяким узорным литьем, — блеском осыпав ее так, что больно смотреть, ибо вся она в золоте стала» [148, с. 325].



Дворец Андрея Боголюбского (реконструкция). *1158 г.*



Церковь Покрова на Нерли. *1165 г.*

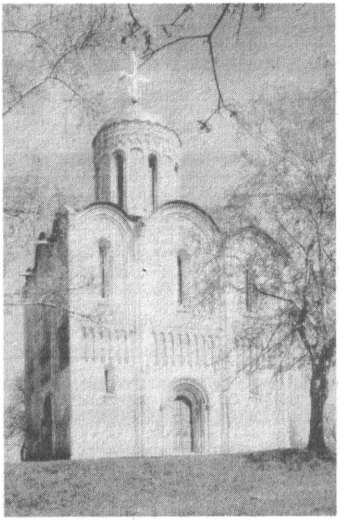
Но слава самой красивой закрепилась за выстроенной неподалеку от Боголюбова **церковью Покрова на Нерли** (1165). Одноглавый храм был возведен на берегу реки в память о походе на Волжскую Булгарию, в котором погиб княжеский сын Изяслав. Церковь с плавными полукружьями закомар отличается простотой и благородством формы, изяществом и мерой архитектурных деталей, находится в полной гармонии с окружающей природой. Обычные пилястры зодчие дополнили полуколоннами с изящными капителями. Традиционный аркатурно-колончатый пояс и барельефы украшают стены. Изображение библейского царя Давида в окружении львов и птиц символизирует мудрость правителя. В древности к храму была пристроена галерея, не сохранившаяся до наших дней. Праздник Покрова Богоматери, в честь которого была названа церковь, установлен владимирским

духовенством в память об особом покровительстве «Царицы Небесной» верным христианам. В его основу легло византийское предание о Богоматери, которая в знак заступничества распростерла свое покрывало над молящимися.

Именно с Владимиро-Суздальской земли началось особое почитание Богоматери, свойственное русскому православию. Фольклорные мотивы, связанные с культом плодородия, сливались в ее образе с христианскими идеями любви и заступничества.

Каменное строительство возобновилось во Владимире при князе Всеволоде Большое Гнездо (1176–1212). Летописец особо подчеркнул, что мастера были не «от немец», а «свои», русские. Им пришлось перестраивать пострадавший от пожара Успенский собор. Вокруг старых стен была возведена галерея, построены новые апсиды. Храм стал пятиглавым. Так была создана одна из грандиозных, образцовых построек средневековой Руси.

В подтверждение своего авторитета один из могущественнейших князей Руси, Всеволод, построил во Владимире каменный детинец, возвел пышный и величавый **Дмитриевский собор** (1193–1197), ставший придворным княжеским храмом. Верхняя часть его стен, от аркатурно-полончатого пояса до закомар, а также барабан покрыты белокаменной резьбой. Изображения святых тонут во множестве сказочных образов птиц, зверей, растений, которые пышным ковром покрывают стены. Особенно много было изображено царственных животных — львов, орлов, грифонов, что, по-видимому, отражало властные устремления «великого Всеволода». В одной из закомар собора находится скульптурный портрет самого князя с княжичем на коленях, в окружении старших сыновей. В древности Дмитриевский собор имел еще галереи с двумя башнями. Его чудесные фрески созданы греческим мастером и его русским учеником.



Дмитриевский собор. Владимир. *1193–1197 гг.*

Хотя после смерти Всеволода Северо-Восточная Русь распалась на ряд княжеств, строительство в них продолжалось. Во многих городах (Суздале, Ярославле, Юрьеве-Польском) выросли каменные соборы. Последним был сооружен (перед татарским нашествием) **Георгиевский со-**

бор в Юрьеве-Польском (1230). Его стены были сплошь покрыты причудливой белокаменной резьбой. Собор дошел до нас в перестроенном виде. Строители XV в., которые восстанавливали разрушившийся храм, перепутали резные изображения и исказили первоначальный замысел художников.

Искусство Северо-Восточной Руси было обогащено благодаря культурным связям с Востоком, Византией, Болгарией, Польшей, Германией. Но неповторимое своеобразие ему придавал мир сказочных фольклорных образов, прорвавшийся из народной культуры в культуру высокую, церковную. Своеобразный «звериный стиль» проник и в произведения ремесленников — в ювелирные украшения, в орнаменты «златых» дверей Рождественского собора в Суздале. Русская церковная скульптура отличалась от аналогичной романской европейской отсутствием чудовищ, олицетворяющих силу ада. На Руси большее место в изображениях занимал растительный орнамент. Вместо борьбы светлых и темных сил в них царила мировая гармония. В роскошных орнаментах Георгиевского собора исследователи усматривают отражение фольклорных представлений о «дереве жизни», народную трактовку мира Природы, Матери-Земли [30, с. 88–90].

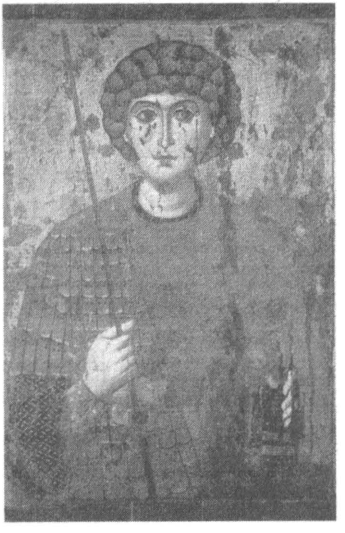
Политические устремления владимирских «самовластцев» также влияли на облик местной культуры. «В отличие от суровой „демократической" архитектуры Новгорода, с ее приземистыми пропорциями и простотой, зодчество Владимира носило парадный и торжественный характер, было утонченным и аристократичным. Это было искусство изысканных пропорций, изящных линий — искусство по преимуществу княжеское» [105, с. 30].

Восхваление сильной княжеской власти мы находим в **«Моленин» Даниила Заточника**. Это одно из оригинальнейших произведений древнерусской литературы XII–XIII вв., которое традиционно связывают с владимирской культурой. Потерявший княжеское покровительство, обедневший автор обращается к князю с просьбой взять его на службу, оградить от нищеты и презрения: «Пусти тучу на землю убожества моего». Даниил — человек книжный и ученый, он похваляется своей мудростью («разумом обилен... мыслию паря аки орел по воздуху»), щеголяет цитатами из Священного Писания, церковных поучений и летописей, проявляет знание ремесел. В то же время он стремится развеселить, развлечь князя: высмеивает бояр, балагурит, словно скоморох, «валяет дурака» и смеется над самим собой. Даниил по-скоморошьи причитает: «Кому Боголюбово, а мне горе лютое; кому Белоозеро, а мне оно смолы чернее; кому Лаче-озеро, а мне, на нем живя, плач горький; кому Новый Город, а у меня в доме и углы завалились» [148, с. 391]. Его речь пересыпана притчами и пословицами, он обыгрывает реальные житейские ситуации. Куда податься бедному человеку? Заняться воровством или разбоем? Жениться

на «злобразной» жене ради прибытка? Отвергая все эти возможности, Даниил полагается лишь на свой ум и на милость князя. Гордый своим умом, автор насмехается над глупцами, «Ибо глупых не сеют, не жнут, ни в житницу не собирают, но сами себя родят... Коли пожрет синица орла, коли поплывет камень по воде и коли начнет свинья на белку лаять, тогда и глупый уму научится». Смеховая народная культура дает себя знать в сочинении Даниила. Его произведение — мостик между плебейской городской культурой и высокой книжной.

Иконопись

Византийские традиции и монументальный стиль Киевской Руси более всего сохранились в иконописании XII — начала XIII в. В ней трудно выделить какие-то «школы», хотя отдельные иконы связаны с Новгородом, Владимиром, Ярославлем. В немногочисленных дошедших до нас произведениях домонгольского периода есть общие черты, все они монументальны и торжественны, лики святых строги, фигуры их находятся в спокойных, неподвижных позах, фоны икон гладкие, золотые и серебряные [98, с. 33].

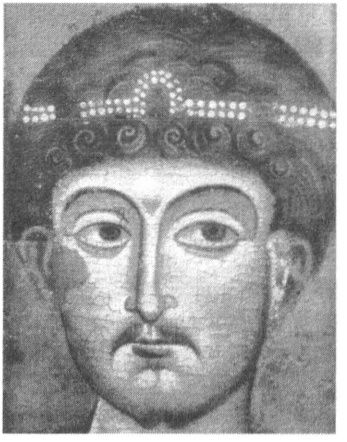


Святой великомученик Георгий. *Икона. Около 1170 г.*

Большинство древних икон происходит из Новгорода, который не был затронут татарским разорением. Таковы две **иконы святого Георгия**. Его поясное изображение (ок. 1170) — это идеал христианского воина в парадном снаряжении, с правильными чертами лица (тщательно уложенные волосы, огромные глаза, прямой нос, маленький рот). Изображение святого Георгия в рост (30—40-е гг. XII в.), хотя и не лишено нарядности, но кажется по-новгородски более простым и приземистым.

Так называемое **«Благовещение Устюжское»** (конец XII в., Новгород) изображает архангела Гавриила, принесшего «благую весть» Деве Марии о чудесном рождении у нее Спасителя — Иисуса Христа. Две спокойные монументальные фигу-

ры изображены на иконе. Архангел Гавриил благословляет Марию. Она внимает ему, чуть наклонив голову. В то же время Мария указывает рукой на младенца у нее на груди. Вверху находится небольшое изображение Бога-Отца, от которого исходит луч, олицетворяющий Дух Божий, нисходящий на Богородицу. Таким образом новгородцам пояснено чудо — воплощение в Марии Иисуса Христа.



Дмитрий Солунский. *Икона. Конец XII в.*

Владимирскому искусству близка по духу икона **«Дмитрий Солунский»** (конец XII в.). Грозный и неумолимый воин, сидящий на престоле, вынимает из ножен меч. По преданию, в образе святого представлен Всеволод Большое Гнездо.

Торжественный и величественный образ Богоматери, продолжая традицию ее изображения (Оранты из Софийского собора в Киеве), создал в начале XIII в. неизвестный ярославский мастер в иконе **«Богоматерь Великая Панагия»** («панагия» значит «всесвятая»). Но это изображение Богоматери гораздо проще византийских, а маленький Христос у нее на груди — добрее и приветливей.

«Слово о полку Игореве»

Общерусское значение имеет древнейший памятник литературы «Слово о полку Игореве» (конец XII в.). Сюжетной основой произведения послужил неудачный поход князя Игоря Святославича Новгород-Северского на половцев. Он был предпринят в 1185 г. без согласия со старшими князьями Руси, вопреки Божьему предзнаменованию (затмению Солнца). Зашедшие далеко в степь полки были разбиты, Игорь и его соратники-князья попали в плен. Но события злосчастного похода послужили лишь поводом для авторских раздумий о русской земле, ее истории, о княжеских усобицах, о необходимости единения перед лицом внешней опасности. «Слово» свидетельствует о том, что сознание единства Руси было присуще наиболее дальновидным и мудрым людям в период ее раздробленности.

Не останавливаясь на характеристике содержания, идейного строя и художественных достоинств «Слова» (на эту тему написано много литературы) отметим лишь, что это гениальное произведение очень органично вписывается в контекст русской культуры конца XII в., хотя перекликается и со «Словом о князех», и с «Молением» Даниила Заточника. Светское произведение, оно сочетает в себе книжный и народный языки, элементы православного и фольклорного сознания. Таким образом, мы еще раз убеждаемся, что народная культура взаимодействовала на Руси с высокой книжной, обеспечивая ее оригинальный национальный характер.

Не случайно современный французский автор, считающий высокую русскую культуру византийской «накладкой» на «пребывающую во мраке» языческую славянскую культуру, не может признать подлинность «Слова о полку Игореве» [251, с. 43].

«Слово» сохранилось в единственном списке, который находился в библиотеке Спасо-Ярославского монастыря в составе так называемого «Хронографа». В начале 90-х гг. XVIII в. рукопись приобрел известный собиратель древностей А. И. Мусин-Пушкин. В 1800 г. «Слово» было впервые издано. Подлинник его сгорел вместе с библиотекой Мусина-Пушкина в Москве при пожаре 1812 г.

Сомнения в подлинности «Слова» вновь появились после гибели рукописи. Самые серьезные аргументы выдвинул французский славист А. Мазон, считавший его стилизацией XVIII в., возникшей на основе «Задонщины» — литературного произведения XV в. В 1939 г. он писал, что хотя автор сумел скрыть от нас свое имя, но оставил черты своей личности и свидетельства своего литературного опыта. Автор, по мнению французского ученого, располагал поздней редакцией «Задонщины», он читал летописи и «Историю» В. Н. Татищева (середина XVIII в.). Мазон находил в «Слове» следы литературных вкусов эпохи классицизма и предромантизма. Появление этой стилизации, по его мнению, соответствовало политическим устремлениям Екатерины II. «Это один из наиболее любопытных эпизодов русской литературы XVIII в.» [250, с. 287–288].

В 60-х гг. с развернутой критикой подлинности «Слова» выступил известный советский историк А. А. Зимин, работа которого не опубликована до сих пор. Полемика с Мазоном и особенно с Зиминым нередко велась с нарушением норм научной этики. Мазона, который был иностранным членом АН СССР с 1928 г., обвиняли чуть ли не в пособничестве фашизму, а Зимина упрекали во враждебном отношении к русской культуре. Доводы ученых-скептиков Мазона и Зимина убедили немногих, но сомнения имеют право на существование и, как отмечает Д. С. Лихачев, способствуют дальнейшему изучению и мировой славе «Слова».

Еще одним памятником древнерусской литературы является «Игровая песня». Ее автор призывал русских князей защитить Русскую землю накануне татарского нашествия. Другой неизвестный автор уже после нашествия сожалел о «погибели Русской земли» — цветущей, высококультурной страны: «О светло светлая и украсно украшена земля Русская! И многыми красотами удивлена еси: озеры многыми удивлена еси, реками

и кладязьми месточестьными, горами крутыми, холми высокыми, дубравами чистыми, польми дивными, зверьми различными, птицами бесчисленными, городы великыми, селы дивными, винограды обительными, домы церковными и князьями грозными, бояры честными, вельможи многами. Всего еси исполнена земля Русская, о православная вера християньская!» [149, с. 130].

Глава 4. УПАДОК И ВОЗРОЖДЕНИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ (XIII — середина XV века)

XIII в. — трагический период в истории русской культуры. Татарское нашествие разорило Русь, привело к спаду жизненной активности народа, регрессу во всех областях культуры.

Разорвались культурные связи внутри Руси и за ее пределами. Пришли в упадок многие очаги культуры. Изменилось географическое расположение культурных центров. Только с середины XIV в. на территориях Северо-Восточной и Новгородской Руси, находившихся под властью Орды, начался новый культурный подъем, говоря о котором, мы используем понятие «возрождение» в широком смысле, а не в том специальном значении, которое характеризует европейскую культуру (прежде всего культуру Италии) конца XIII — начала XVI в.

Татарское нашествие и русская культура

В первой половине XIII в. кочевые монгольские племена во главе с Чингисханом совершили несколько походов, в результате которых были завоеваны и уничтожены многие очаги культуры на обширной территории от Китая до Северного Кавказа. В 1223 г. «неслыханная рать» появилась на границах Руси. Русско-половецкое войско потерпело сокрушительное поражение от татар (будем их называть так вслед за русскими источниками) на реке Калке. Князья не сделали надлежащие выводы из этого поражения. Они оказались не готовы к отражению врага, когда в 1237—1241 гг. полчища хана Батыя обрушились сначала на Северо-Восточную, а затем на Южную и Юго-Западную Русь. Несмотря на героическое сопротивление, в 1237—1238 гг. были захвачены и разорены Рязань, Москва, Владимир, города и села Суздальской земли и

Верхней Волги. Не дойдя ста верст до Новгорода, татары повернули на юг и захватили Козельск. В 1239 г. были опустошены Черниговское и Переяславское княжества, в 1240 г. взят и разрушен Киев. Пострадали многие города Галицко-Волынской Руси. В 1242 г. русские князья признали власть ханов Золотой Орды — государства, образовавшегося в результате татарских завоеваний, центр которого находился на Нижней Волге. На Руси начался период татарского (ордынского) ига, длившийся без малого 250 лет. Свою власть Орда поддерживала с помощью карательных походов («ратей»). До конца XIII в. Русь испытала на себе около пятнадцати «ратей».

Последствия татарских походов были катастрофическими для Руси. Самый тяжелый удар пришелся по городам — центрам высокой и плебейской культуры. Более двух третей древнерусских городов были разрушены и сожжены завоевателями. Почти треть из них так и не смогла преодолеть последствий нашествия [50, с. 104]: захирели Рязань (Старая) и Киев, пострадали Владимир, Чернигов, Владимир Волынский. Избежали разрушения лишь Новгород, Псков, Смоленск, Ростов, татары не взяли некоторые города Галицко-Волынского княжества. В первые 50 лет ордынской власти на Руси не было построено ни одного нового города.

Нашествие хана Батыя на Русь.
Миниатюра. XVII в.

Героическая оборона Козельска.
Миниатюра из лицевого свода XVI в.

Городские ремесла переживали упадок. Многие мастера погибли или были уведены в плен. Нарушилась преемственность в передаче их секретов. Во второй половине XIII в. произошло огрубление и упрощение ремесел. Исчезло производство стекла, керамики, кирпича-плинфы и цветной строительной плитки, были утрачены тонкие ювелирные техники — производство эмали, скани, тиснение металла. До конца XIII в. практически прекратилось каменное строительство, оно достигло домонгольского уровня только сто лет спустя после нашествия Батыя [94, с. 24].

Вместе с городами и монастырями сгорели рукописи и иконы. Прекратилось летописание в Рязани и Владимире, Чернигове и Киеве. Но и там, где летописание сохранилось, оно «сужается, бледнеет, становится немногословным, лишается тех выдающихся политических идей и того широкого общерусского горизонта, которым обладали русские летописи XI и XII вв.» [109, с. 280–281].

От татарского нашествия пострадали и земледельцы. Села были разорены, поля «лядиною» (молодым лесом) поросли. Люди бежали в леса, на Север. Опустели плодородные «ополья» и южнорусские черноземы. Между Русью и Ордой пролегло бескрайнее Дикое поле.

При огромных общих людских потерях особенно пострадал относительно немногочисленный господствующий класс — князья, дружинники, бояре [245, с. 42]. Таким образом, сузился круг активных людей, потребителей высокой культуры.

Татарское нашествие и ордынское иго прервали связи южных и юго-западных княжеств с северо-восточными. В Северо-Восточной Руси и в Новгородской земле в XIII–XV вв. начала складываться великорусская (русская) народность. А в Западной и Юго-Западной Руси, которые попадали в политическую зависимость от Литвы, Польши и Венгрии, шло формирование белорусской и украинской народностей с их культурными и языковыми особенностями.

Следует отметить отрицательное влияние ордынского ига на экономическое развитие Руси. Ежегодная выплата дани вызывала постоянный отток серебра. Ослабела торговля. До 80-х гг. XIV в. не чеканилось собственной монеты, а в качестве денег использовались слитки — гривны серебра. В XIV в. каждая русская деревня отдавала Орде примерно по две тонны зерна [94, с. 23].

Произошла изоляция Руси от Европы. Увеличивался разрыв в их культурном развитии. В XIII в. в Европе сложилась оригинальная цивилизация, высшим художественным выражением которой стала готическая архитектура городских соборов. Разбогатевшая Европа усилила натиск на Северо-Западную Русь, которой предлагалась «помощь» против татар при условии принятия католичества. Победы Александра Невского

над немецкими и шведскими рыцарями, его отказ от союза с римским папой способствовали сохранению культурно-религиозной самостоятельности Руси.

«Нравственное разорение»

«Иго Батыево унизило дух россиян», — писал Н.М.Карамзин. Вслед за ним многие русские дореволюционные историки отмечали тяжелые духовно-нравственные последствия татарского завоевания. Советские историки (за редким исключением; см., например [63, с. 15–19]), не касались этого вопроса. Между тем памятники литературы и летописания говорят не только о материальном, но и о «нравственном разорении» Руси в XIII в.

Предчувствие грядущей опасности беспокоило русских людей уже накануне татарского нашествия. Сознание несправедливости, греховности окружающего мира заставляло авторов летописей первой половины XIII в. обличать «мздоимание», «грабление», «насилие», княжеские междоусобицы и злодеяния [149, с. 6]. Само нашествие было воспринято русскими людьми как наказание за грехи: «...Отъя Господь у нас силу, а недоумие и грозу и страх и трепет вложил в нас за грехи наши» [149, с. 17].

Церковный писатель XIII в. **Серапион Владимирский** попытался одним из первых подвести печальные итоги татарского разорения: «Навел Бог на нас народ немилостивый, народ лютый, народ, не щадящий красы юных, немощи старцев, младости детей... Разрушены божественные церкви, осквернены сосуды священные, честные кресты и святые книги... кровь отцов и братьев наших, словно вода обильная, землю напоила, князей наших и воевод крепость исчезла, страха исполнясь, бежали, множество братьев и чад наших в плен уведены, города многие опустели, села наши сорной травой поросли, и величество наше смирилось, красота наша погибла...» [149, с. 446–448]. В его произведениях чувствуется искреннее переживание о нравственном оскудении, которое произошло в народе. Грабеж, ростовщичество, безверие распространились в обществе. Убийство стало повседневным явлением: «Братью свою ограбляем, убиваем, в погань (язычникам) продаем». В отчаянии люди обращались к язычеству: «волхованию веруют», «пожигают огнем» безвинных людей, обвиненных в неурожае.

Горестные высказывания Серапиона одиноко звучали в среде духовенства. Кризис в XIII в. распространился и на церковь: в тяжкие дни

народного бедствия не было слышно слов утешения и ободрения, не звучали патриотические призывы. Корыстолюбие и торговля должностями («поставление по мэде») прочно вошли в быт духовных пастырей. Освобожденная татарской властью от даней и повинностей, русская церковь некоторое время не сопротивлялась Орде.

В. О. Ключевский очень точно охарактеризовал духовную атмосферу, сложившуюся на Руси после татарского нашествия: «Это было одно из тех народных бедствий, которые приносят не только материальное, но и нравственное разорение, надолго повергая народ в мертвенное оцепенение. Люди беспомощно опускали руки, умы теряли всякую бодрость... Что еще хуже, ужасом отцов, переживших бурю, заражались дети, родившиеся после нее. Мать пугала непокойного ребенка лихим татарином; услышав это злое слово, взрослые растерянно бросались бежать, сами не зная куда. Внешняя случайная беда грозила превратиться во внутренний хронический недуг; панический ужас одного поколения мог развиться в народную робость, в черту национального характера, и в истории человечества могла бы прибавиться лишняя темная страница, повествующая о том, как нападение азиатского монгола повело к падению великого европейского народа» [79, с. 261–262]. Но национального крушения не произошло. Русский народ сумел преодолеть нравственное оцепенение и возродить свою культуру.

Восточное влияние на русскую культуру

Соприкосновение с миром степных кочевников, ордынское иго, многовековое соседство с мусульманскими народами не могли не отразиться на русской культуре. Это влияние было долговременным, взаимным и, конечно же, не только отрицательным.

Культурное превосходство татар над русскими признавал лишь М. Н. Покровский: «Татары даже в XIII–XIV вв. не были „степными хищниками", а были довольно высоко организованным полуоседлым народом, а в области материальной культуры стоявшим выше своих русских противников...» [167, с. 280]. Эту идею развивали некоторые иностранные авторы, например, Р. Пайпс: «Монголы и тюрки Золотой Орды... почти во всех отношениях культурно стояли выше русских» [146, с. 80]. Современный французский автор не столь категоричен, но он отмечает, что в условиях общего регресса русской культуры «татарский исламский мир представлял более эффективную культурную модель и, следовательно, более привлекательную» [251, с. 58].

Но само сравнение кочевников-язычников, не имевших даже письменности, какими были татары в XIII в., с земледельческим народом, обладателем городской христианской культуры, кажется неуместным. «Сами не имея просвещения, монголы не могли оказать какого-либо положительного влияния на русское просвещение. Проводя жизнь в войлочных юртах и кибитках, монголы не могли ничего существенного внести в русскую архитектуру, столь высокую в художественном отношении...» [201, с. 157].

Правда, монголы быстро перенимали культурные достижения завоеванных народов. Так, использование китайской осадной техники помогало татарам брать штурмом русские города. Золотая Орда, официально принявшая ислам в начале XIV в., сумела создать в Поволжье городские центры, используя опыт Средней Азии, Персии, Кавказа, Крыма, через нее Русь смогла познакомиться с культурой народов Востока. Но автономное существование Руси, не входившей непосредственно в Золотую Орду, различия в религии (и это, пожалуй, главное), отсутствие близкого мирного соседства затрудняли взаимодействие. Утверждения историков-«евразийцев» и их последователя Л. Н. Гумилева о культурном слиянии Орды и Руси («единая культура, единая система, единая страна») и о том, что Россия является наследницей империи Чингисхана, мало соответствует исторической действительности.

Реально русские заимствовали у татар только достижения в военном деле (до Куликовской битвы татарское войско было сильнее русского): оружие (луки, сабли), чешуйчатую и пластинчатую броню, сигналы управления боем и оповещения, татарских лошадей. В русском войске значительно возросла роль конницы. В Европе же в XIV в. было признано преимущество пехоты над рыцарской конницей [99, с. 265–266].

Торговое и бытовое общение с восточными купцами привело к тому, что в русском языке закрепились некоторые тюркские и персидские слова: базар, деньги, таможня, казна, башмак, кафтан, колпак, кушак, балык и др.

С Востоком связывают распространение среди господствующего класса длинной одежды особого покроя. Но «мода» на нее появилась не ранее XVI–XVII вв., когда татарского ига уже не существовало. Историки отмечают, что в XIV–XV вв. русская одежда отличалась оригинальным покроем, но она более напоминала европейскую, чем восточную [104, с. 159].

Едва ли справедливо мнение о том, что в результате татарского влияния было принижено положение русских женщин, их затворничество (в богатых домах). Во всяком случае, Золотая Орда отличалась от других исламских стран более свободным положением женщины.

Многие историки писали о том, что русские князья заимствовали у Орды деспотическую власть, политические порядки: беспрекословную покорность подданных с безусловной властью правителей, суровые

наказания. Но скорее всего эти общественные явления сформировались под влиянием местных условий, стали следствием общего огрубления нравов, вызванного татарским нашествием, укоренившейся привычки решать все общественно-политические вопросы военным путем, насилием. Никакого влияния татарских законов («Ясы» Чингисхана) на русское право не существовало [201, с. 158].

Тысячелетнее соседство славян с народами Востока, конечно, отразилось на русской культуре, но влияние Золотой Орды не играло важной роли в ее развитии в XIV—XV вв. Различие религий почти исключило взаимодействие в сфере высокой книжной культуры: в русской средневековой литературе не обнаружено ни одного перевода с восточных или азиатских языков [107, с. 10—12]. Что же касается перешедших в православие и обрусевших выходцев из Орды, которые составляли около 15% русских дворянских родов, то они действительно оставили заметный след в развитии русской культуре. Среди их потомков были Карамзин, Аксаков, Чаадаев, Тургенев, Салтыков, Бердяев, Рахманинов и др.

Развитие русской культуры в первой половине XIV века

Основой для возрождения культуры в XIV в. стало восстановление очагов земледелия на Руси, заселение «пустошей», основание «починков» (новых сел). Городская жизнь возрождалась труднее. Русские города, за исключением Новгорода, все более отставали от европейских, где начиналось бурное развитие денежных отношений.

Некоторое оживление культурной жизни началось на Севере и Северо-Востоке уже в первой половине XIV в. Вышла из оцепенения жизнь в Новгороде и Пскове, которые не были затронуты татарским нашествием. Эти города стали главными центрами зарубежных связей. В обмен на меха и другие товары сюда рекой потекло европейское серебро, распространявшееся затем по всей Руси и частично уходившее в Орду. В Новгороде чувствовалось европейское влияние. Оно касалось быта, духовной жизни, искусства. Уже в конце XIII в. возобновилось каменное строительство.

В более сложных условиях возрождалась культура Северо-Восточных княжеств. Новые политические центры — Москва и Тверь — стали и главными очагами культуры. Но их возвышение происходило в ожесточенной борьбе, которая осложнялась вмешательством Орды.

Тверские князья в конце XIII в. оказались старшими среди потомков Всеволода Большое Гнездо. Тверь находилась на Волжском пути, вдалеке

от ордынских набегов. Через соседнюю Литву она поддерживала связи с Европой. Уже в 1285 г. в городе был заложен большой семиглавый Спасо-Преображенский собор, выстроенный в традициях Владимира и Суздаля. Затем была построена еще одна каменная церковь (1323 г.). Именно в местной литературе впервые прозвучали антиордынские патриотические настроения. Неизвестный автор «Повести» о князе Михаиле Тверском, убитом в Орде по доносу своих московских врагов, писал, что князь «умысли положити душу свою за отечьство избави множество от смерти своею кровию и от многоразличных бед» [93, с. 263].

В Твери в 1327 г. вспыхнуло одно из первых антиордынских восстаний, поддержанное князем. Оно было жестоко подавлено московско-татарской ратью, которая «грады и волости пусты сотвориша, а люди изсекоша, а иных во плен поведоша» [174, с. 200]. Тверская земля была так разорена, что культурная жизнь там замерла до конца XIV в.

С начала XIV столетия центром густонаселенного земледельческого района стала Москва. Московские князья всеми правдами и неправдами боролись за великокняжескую власть, расширяли свои владения. Иван Калита (1325–1340), хотя и прослыл среди московских книжников начитанным и нищелюбивым князем, еще больше известен своим беспринципным сотрудничеством с Ордой и злодейским подавлением восстания в Твери.

Между тем при Иване Калите город богател и расстраивался: был сооружен дубовый Кремль, заложены четыре каменных собора. Тогда же Москва стала религиозным центром Руси — резиденцией митрополита. Умиротворяя ордынских ханов угодничеством и деньгами, московские князья обеспечили своим землям мирную передышку от татарских набегов. Летописец позже писал: «И бысть оттоле тишина велика на 40 лет и переставша погани воевати русскую землю и... отдохнуша христиане от великиа истомы и многиа тяготы, от насилия татарского...» [175, с. 90]. В этой «тишине» выросло новое поколение русских людей, «начавшее отвыкать от страха ордынского, от нервной дрожи отцов при мысли о татарине» (В. О. Ключевский). Русская православная церковь стала переходить на национально-патриотические позиции. Она выдвинула таких выдающихся деятелей, как митрополит Алексий, взрастивший Дмитрия Донского, и Сергий Радонежский, олицетворявший собой русское религиозное возрождение XIV в.

В жизни того времени было много жестокости и несправедливости. Князья нередко показывали отрицательные примеры хищничества и скопидомства. И тем не менее высокие нравственные идеалы занимали важнейшее место в формировании национального самосознания русского народа. Православная церковь канонизировала Александра Невского,

который сумел постоять за Русь в труднейших условиях всеобщего упадка. Были объявлены святыми погибшие в Орде Михаил Черниговский и Михаил Тверской. Церковь канонизировала князей, бывших не удачливыми политиками, а национальными деятелями, заступниками, людьми, пострадавшими за землю русскую, за православных христиан [228, с. 102, 104].

Кроме ордынских ратей и междоусобных войн жизнь Руси в XIV в. нередко омрачали стихийные бедствия: эпидемии, голод, пожары. Русские летописи пестрят такими, например, сообщениями: «бысть мор велик»; «бысть пожар на Москве, сгорело церквей 18»; «бысть глад по (после) мору...» В середине XIV в. Европу охватила эпидемия легочной чумы — «черный мор». На Руси болезнь добралась до кремлевских хором: умерли митрополит Феогност, великий князь Семен Гордый и два его сына. С новой силой эпидемия вспыхнула в 1364 г. Летописец нарисовал трагическую картину распространения болезни — Нижний Новгород, Переяславль, Коломна, Москва: «По всем градом и странам бысть мор велик и страшен, не успеваху бо живии мертвых опрятывати, везде бо бе мертвии в градех и селех, в домех и у церквей. И бе туга, и скорбь, и плач неутешим, мало бо бе живых, но все мертвии. Погребаху же в едину яму 5 и 6 мертвых, а инде 10 и более, а дворы мнози пусты быша, в иных един остался или два, ли женский пол, ли мужеск, или отроча малое» [173, с. 182]. Столь трагические события подчас вызывали у людей ощущение приближения «конца света». Но жизнь брала свое. Несмотря на все трудности, русские люди в середине XIV в. почувствовали, что «скоро забрезжит свет» (В.О.Ключевский).

Святой Сергий Радонежский

В начале 40-х гг. XIV в. к северу от Москвы, недалеко от города Радонежа, посреди лесов появилась одинокая хижина. Рядом с ней была поставлена бревенчатая церковь святой Троицы. Около двух лет в «пустыньке» одиноко жил Сергий Радонежский — в безмолвии, молитве и труде. Лишь редкие посетители да дикие звери нарушали одиночество пустынника. Иногда приходил медведь, и Сергий отдавал ему свой последний «укрух хлеба». В уединенном месте он постигал правила монашеского жития, учился существовать в гармонии с собой и окружающей природой. Затем потянулись к Сергию монахи, они строили себе кельи, вместе вели бедное хозяйство. Так на холме Маковец возник Троицкий монастырь. Его осно-

Труды Преподобного Сергия. Триптих. *Художник М.В.Нестеров. 1896–1897 гг.*

ватель Сергий Радонежский не оставил после смерти ни пышных каменных построек, ни книг, ни богатых икон. Не сохранилось никаких писаний старца. И тем не менее он занял особое место в истории русской культуры XIV в. О нем рассказывает «Житие», написанное в начале XV в. Епифанием Премудрым и переработанное затем ученым сербом Пахомием Логофетом.

В Сергии Радонежском русские люди, начинавшие выходить из состояния «нравственного разорения», обрели высокий идеал, пример следования евангельским заповедям, жизни «по Правде».

Сергий никогда не чуждался тяжелого физического труда. «Житие» сообщает, что он был не только земледельцем, но и дровосеком, швецом, сапожником, пекарем, поваром, то есть владел всеми крестьянскими навыками. Во время голода он взялся пристроить сени к келье одного из монахов за решето плесневелого хлеба. Сергий запрещал своим монахам просить милостыню у мирян. Он принимал лишь добровольные пожертвования. Пользуясь огромным авторитетом среди монахов, он долго отказывался стать игуменом. Скромность и смирение отличали его. В монастырской братии он воспитывал трудолюбие и нестяжание, любовь к людям, кротость и доброту.

Деятельность Сергия способствовала укреплению авторитета православной церкви среди мирян и крестьян, в первую очередь. Он положил начало русскому «пустынножительству». Монахи стали уходить в северные леса, где суровая природа требовала от них напряжения духовных и физических сил, тяжелого труда в поте лица.

Сергий первым ввел в монастыре общежительный устав. Никто из монахов не имел своего имущества. И труд, и еда, и молитва в храме стали общими. Ученики Сергия создали широкую сеть общежительных монастырей по всей Руси.

Деятельность старца не замыкалась монастырскими стенами. Он поддерживал антиордынскую политику Дмитрия Донского, благословлял его на борьбу с татарами. По преданию, Сергий передал князю двух своих монахов, бывших воинов, Ослябю и Пересвета. Митрополит посылал старца в Нижний Новгород, замирять мятежных князей. Он ездил послом и к Олегу Рязанскому с целью его примирения с Дмитрием Донским.

Религиозно-нравственное возрождение, которое олицетворял Сергий Радонежский, сыграло огромную роль в становлении русского национального самосознания, способствовало будущему объединению и освобождению страны, оказало благотворное воздействие на культуру.

Культурный подъем во второй половине XIV — начале XV века

Во второй половине XIV в. на Руси наметился устойчивый хозяйственный подъем. Увеличилась площадь сельскохозяйственных угодий. Стала шире применяться трехпольная система земледелия. Крестьяне, которые в основном были еще лично свободными, осваивали земли к северу от Волги. В колонизации земель принимали участие и монастыри. В Северной Руси развивались пушной и соляной промыслы. Несмотря на вражду князей и походы литовцев и татар, восстанавливались города, особенно Москва, Новгород, Псков, Тверь, Нижний Новгород, Рязань (Переяславль Рязанский). В городах развивалось литье колоколов, производство пушек («тюфяков»), возобновлялась чеканка монеты, в большом количестве изготавливались литые иконки и кресты. В Москве в 1366—1367 гг. «почали ставити город камен». Современники расценили строительство белокаменного Кремля как признак политического главенства Москвы. Строительство каменных церквей велось во всех крупных городах.

В 70-х гг. XIV в. Москва не только отбила натиск литовского князя Ольгерда, трижды приходившего под стены города, но и сумела собрать силы для первых походов на татар. Московские князья, возглавившие борьбу против Орды, воспринимались как выразители общерусских интересов. Дмитрия Донского (1359—1389) неофициально называли «царем русским».

Победа в Куликовской битве вызвала на Руси необычайный национальный и духовный подъем. Она, хотя и не привела к освобождению от

ордынского ига, но вселила в русских людей уверенность в будущее освобождение. В.О.Ключевский справедливо писал, что Московское государство «родилось на Куликовом поле, а не в скопидомном сундуке Ивана Калиты».

Патриотический подъем стал источником высоких достижений в области литературы, зодчества и искусства. Хотя герой Куликовской битвы был «книгам не учен добре», нашлось немало книжников на Руси, чтобы прославить его победу в летописных повестях, в поэтической «Задонщине», в «Сказании о Мамаевом побоище».

Небывалого расцвета достигла русская иконопись. Феофан Грек и Андрей Рублев создали шедевры мирового уровня. Во второй четверти XV в. кровопролитная феодальная война привела к снижению уровня культурной жизни Московской Руси. Новгород же в то время переживал свой последний культурный расцвет перед потерей независимости.

Культурные контакты с европейскими странами

После вынужденной изоляции постепенно налаживались культурные контакты Руси с европейскими странами. Наиболее «европеизированным» был Новгород, который во второй половине XIII в. установил тесные связи с островом Готланд и Ганзой (так назывался союз северогерманских городов). Европейские черты заметны в архитектуре и искусстве Новгорода. Некоторые формы новгородских церквей напоминают черты архитектуры прибалтийских городов. Европейское влияние видно, например, в иконе Николы Липного, написанной мастером Алексой Петровым для первого каменного храма Новгорода, построенного после долгого перерыва.

В XIV в. заметно оживились связи Москвы и Новгорода с Византией. Москва как религиозный центр Руси поддерживала наиболее тесные контакты с Константинополем, монастырями Афона (Северная Греция), Болгарией, Сербией. У греков обучались русские книжники и иконописцы. В середине XIV в. знатный новгородец Стефан посетил Константинополь и оставил скрупулезное описание святынь и художественных богатств города.

В конце XIV в. Болгарию и Сербию опустошили и покорили турки. На Русь хлынул поток южнославянского духовенства с его высокими культурными традициями. Известными деятелями русской культуры стали болгарин митрополит Киприан, серб Пахомий Логофет, художники Исайя Гречин и Феофан Грек.

Южнославянское влияние было особенно сильным в литературе. Меняется почерк рукописей и характер украшавших их миниатюр. В литературе появляется особый витиеватый стиль «плетения словес», зародившийся в Болгарии. Д.С.Лихачев подчеркивает, что культурные контакты Руси с Византией и Балканскими странами совпали с усилившимся там интересом к античному культурному наследию [104, с. 13–14, 30–39]. Искусствоведы находят сходство во фресковой живописи Руси, Болгарии и Сербии [27]. Существуют факты, подтверждающие участие сербских мастеров в строительстве московских церквей [63, с. 134]. Не исключено некоторое влияние готической архитектуры на постройки Новгорода и Москвы. В свою очередь, русские мастера-иконописцы работали в Польше и на острове Готланд. Преодоление изоляции Руси, несомненно, способствовало ее культурному подъему.

Ереси

На Руси во второй половине XIV в., как и в Европе, появилось религиозное вольнодумство — *ересь*, но не путем заимствования, а в результате некоторой близости исторических условий. Еретическими назывались учения, которые пытались дать толкование христианству, отличное от официально утвержденного. До XIV в. церковь на Руси боролась с пережитками язычества, теперь же — с еретиками. О еретических учениях мы знаем лишь по обличительным сочинениям их противников [68, с. 230–255].

В середине XIV в. в Новгороде появилась ересь «стригольников». Происхождение слова «*стригольники*» историки объясняют по-разному: одни склоняются к названию профессии стригаля овец; другие связывают его с церковным обрядом пострижения; третьи считают, что так называли последователей расстриги Карпа, лишенного дьяконского звания и отлученного от церкви.

Не случайно ересь распространилась в Новгороде и в его «молодшем брате» Пскове (есть мнение о ее псковском происхождении). Жители вольных вечевых городов, грамотные и активные, интересовались вопросами веры, острее переживали социальную несправедливость и церковные беспорядки. На Руси, как и в Европе, религиозное вольнодумство зарождалось в среде горожан, в том числе среди низшего духовенства.

Появление ереси могло быть связано с распространившимся в русском обществе ожиданием «конца света» [217, с. 51–53]. Огромным потрясением была «черная смерть» — чума, которая вызывала критическое отношение к окружающему миру и появление элементов *рационализма* (попы-

ток объяснить мир с помощью разума). Чума свирепствовала в Новгороде в 1352 г.: «множество бещислено людии добрых помре тогда» [137, с. 363]. После прекращения эпидемии «казни Божьи» продолжались: засухи, неурожаи, мор [198, с. 8—9]. Как раз в 50—70-х гг. XIV в. и сформировалось учение стригольников.

Еретики обличали неправедную жизнь духовенства: корыстолюбие, малограмотность, пьянство. «Сии учителя (священники) пьяницы суть, едят и пьют с пьяницами и взимают от них злато и серебро и порты от живых и от мертвых» [68, с. 240]. Получившая распространение торговля церковными должностями (симония), взимание денег за исполнение обрядов вызывали отрицание всей церковной организации. Сами стригольники — «постники, молебники, книжники» — вели подчеркнуто праведную жизнь, отличались образованностью, умели говорить «от книжного писания». Они считали, что каждый человек имеет право на личное общение с Богом без посредничества духовенства. Стригольники отвергали таинства исповеди и причастия. Исповедоваться они советовали Матери—сырой земле.

Наиболее радикально настроенные псковские еретики в начале XV в. отрицали воскресение мертвых, а также важнейший догмат христианства, не поддающийся рационалистическому объяснению, — триединство Бога (Святую Троицу).

Сочинения самих стригольников до нас не дошли, но Б. А. Рыбаков, называя их «русскими гуманистами XIV столетия», приписывает еретикам целый ряд произведений искусства: церковные росписи, каменные кресты, иллюстрированные рукописи [198].

Первый удар по ереси церковные власти нанесли в 1375 г., расправившись в Новгороде с главными вольнодумцами. «...Побиша стригольников еретиков: дьякона Микиту и Карпа простца и третиего человека с ними. Свергоша их с мосту, развратников святыя веры» [173, с. 235]. Чтобы покончить с ересью окончательно, в Новгород был послан известный своей начитанностью епископ Стефан Пермский (создатель пермской азбуки). Он написал сочинение, разоблачавшие стригольников. Против них выступили константинопольский патриарх Нил и московский митрополит Фотий.

Литература и летописание

Русская средневековая литература была преимущественно исторической. В ней не было вымышленных героев. Многие произведения возникали на основе летописаний и преданий. Сказания, жития святых,

летописи составляли основной круг литературных произведений. Многие сочинения были посвящены борьбе русского народа с татарскими завоевателями. **Поучения Серапиона Владимирского** и **«Слово о погибели Русской земли»** отразили непосредственное впечатление — потрясение от татарского нашествия. Героические страницы борьбы с Ордой отражены в **«Повести о разорении Рязани Батыем»**, **«Слове о Меркурии Смоленском»**, **«Легенде о граде Китеже»**. Эти произведения содержат элементы народных преданий, как например, рассказ о рязанском богатыре Евпатии Коловрате, который сумел задержать победное шествие войск Батыя на Рязанской земле. В основе «Слова о Меркурии Смоленском» лежит местная легенда о юноше, спасшем город от татарского нашествия. На самом деле татары к Смоленску не подходили, а народное предание объяснило этот факт подвигом одинокого богатыря. В невидимом граде Китеже укрылись, согласно легенде, последние защитники Владимиро-Суздальского княжества.

В период «нравственного разорения», когда «отья Господь у нас силу», русских людей привлекал героический облик Александра Невского. **«Житие Александра Невского»** написал современник князя, использовавший литературные традиции Новгорода и Владимира. В «Житии» мало религиозных сюжетов и описаний чудес. В центре внимания автора находятся воинские подвиги князя: победы над шведами, немцами, литовцами. Подчеркивается непримиримая позиция Александра по отношению к католическому Западу и замалчивается его примиренческое отношение к Орде.

Заметное оживление литературной деятельности вызвала Куликовская битва. Победа над татарами не только подняла авторитет Москвы, но и сделала ее крупнейшим центром летописания.

Из целого ряда произведений о Куликовской битве выделяется **«Задонщина»**, автором которой был некий «Софроний старец рязанец». Эта поэтическая повесть восхваляет героев победы над Ордой — князей Дмитрия Ивановича Московского и Владимира Андреевича Серпуховского. Составленная «по делам и по былинам» XIV в., «Задонщина» сознательно повторяла литературные приемы «Слова о полку Игореве», что имело глубокий смысл, ибо Куликовская битва рассматривалась как расплата за давние обиды, причиненные Руси кочевниками, а Дмитрий Донской изображался как прямой наследник киевских князей — «правнук» Владимира Святославича. Как и в произведении XII в., здесь вновь зазвучал призыв к единству русских земель, даже если князьям придется пролить свою кровь «за землю за Русскую и за веру християньскую». В «Задонщине» даже несколько искажены исторические факты: чтобы показать всеобщее единение русских земель вокруг Москвы «съехалися все князи русские на пособь».

Автору пришлось изменять общую тональность произведения, так как в «Задонщине» речь идет о победе русских войск. Но печальные мотивы тоже находят здесь отражение, ведь победа далась русским очень дорогой ценой: «восплакашася вси княгини и боярыни и вси воеводские жены о избиенных». Однако в художественном отношении «Задонщина» уступает «Слову о полку Игореве».

В XV в. появилось **«Сказание о Мамаевом побоище»**, которое пользовалось большой популярностью. По сравнению с «Задонщиной» здесь усилены религиозные мотивы. Дмитрий Донской показан верным духовным сыном митрополита Киприана, упоминается и то, что князь перед битвой получил благословение Сергия Радонежского. В «Сказании» описаны некоторые детали битвы, отсутствовавшие в других произведениях на эту тему: поединок монаха Пересвета с татарским богатырем, переодевание князя Дмитрия в одежду простого воина и др.

Во второй половине XIV в. произошло оживление литературных контактов с Византией, Болгарией, Сербией. Распространенный там панегирический стиль «плетения словес» проник на Русь. Он проявился в житийной литературе. Сложные литературные символы, нарочитое многословие, повышенная эмоциональность отличали произведения, созданные для избранного круга образованных читателей [104, с. 46–80]. В этом духе были составлены **Епифанием Премудрым** жития Сергия Радонежского и Стефана Пермского. Мастером этого стиля был живший на Руси серб **Пахомий Логофет**, создававший заказные жития святых и исторические сочинения.

Усложненному книжному стилю противостояли простота изложения и сюжетная занимательность, которые нашли отражение в известной **«Повести о Петре и Февронии»**. Реальные прототипы героев жили в XIII в., но «Повесть» имела древнюю сказочную основу. Сюжет ее перекликается со многими средневековыми легендами, в том числе о Тристане и Изольде.

В произведении рассказывается о том, что муромский князь Петр победил змия. Но брызги змиевой крови вызвали язвы на его теле, которые никто не мог излечить. Княжеский слуга в поисках лекаря пришел в село Ласково. В одном из домов он нашел девушку, которая ткала полотно, а перед ней скакал заяц. Девушку звали Феврония, она поразила княжеского посланца своими загадками и мудрыми речами, обещала помочь князю, но при условии, что тот женится на ней. Не сразу князь решился взять в жены дочерь бортника, но ее способности к врачеванию и мудрость покорили его.

Бояре, послушав своих завистливых жен, оклеветали Февронию перед князем и потребовали, чтобы она ушла из города. Вместе с женой ушел и Петр. Но в Муроме начались междоусобицы, и боярам пришлось упрашивать их вернуться. После этого долго и счастливо княжили Петр и Феврония в Муроме, любя своих подданных, словно мать и отец. И умерли в один день и час. Их тела, разлученные людьми, чудесным образом оказались в одном гробу.

Наиболее выразительными чертами в «Повести» наделена Феврония: она с помощью любви превращает крошки хлеба в душистую смолу, заставляет прорасти и зацвести жерди, воткнутые в землю, наделена даром предвидения. Это один из самых ярких женских образов в древнерусской литературе, который Д. С. Лихачев сравнивает с ангелами, изображенными на иконах Андрея Рублева.

Замечательными памятниками литературы, общественно-политической и исторической мысли были летописи. Татарское нашествие вызвало спад в этой сфере литературной деятельности. Летописание сохранилось лишь в городах, избежавших татарского разорения, — в Ростове и Новгороде, но и там сошло до минимума. Но постепенно оно возрождалось, рос кругозор летописцев. Были сделаны первые попытки создания общерусских летописных сводов в Твери, Суздале, Москве, отражавших стремление местных князей к великокняжеской власти. Именно из XIV—XV вв. до нас дошли древнейшие списки летописей. Среди них — знаменитая **Лаврентьевская летопись**, составленная монахом Лаврентием для суздальско-нижегородского князя в 1377 г. Она содержит древнейший из дошедших до нас список «Повести временных лет», дополненный владимиро-суздальским летописанием. Переписав до конца «ветхие» книги, Лаврентий оставил в конце своего труда любопытную запись: «Господа, отцы и братья! Оже (если) ся где буду описал, или переписал, или недописал (где ошибся), чтите, исправливая Бога деля (ради Бога), а не клените (не ругайте), занеже книгы ветшаны, а ум молод, не дошел» [170, с. 487—488].

С конца XIV в. центром летописного дела стала Москва. Здесь летописи приобрели ярко выраженный официальный характер. История служила для обоснования политики московских князей, в частности, их прав на Новгород и другие «отчины». Правда, летописцы того времени еще не допускали вымыслов и баснословия. Они лишь тщательно отбирали материал и придавали ему определенную политическую окраску.

Московский летописец с насмешливой иронией писал о рязанцах: «сурови суще человеци, свирепи и высокоумни, палаумные людища». Задумали они биться с москвичами и похвалялись: „не емлем (не берем) собе оружья, но токмо емлем с собою едины ужиша (веревки)... москвичи было бы чим везати...“. В результате же «сечи злой» рязанский князь «едва утече в мале дружине» [176, с. 187].

В другой раз летописец порицал московских и нижегородских воевод, которые пошли в поход против татар, а сами «мед пьяху до пьяна и ловы деюще потеху себе твореху». Из-за этого русские рати были разбиты на реке Пьяне [176, с. 193].

В Москве летописание велось при митрополичьем дворе. Большой общерусский свод был создан при митрополите Киприане в 1409 г.

Летописец тщательно подбирал материал, восхвалял Ивана Калиту и «великую тишину», которая установилась на Руси в результате его политики.

Архитектура

XIV в. называют «золотым веком» новгородской архитектуры. Построенная после длительного перерыва в 1292 г. **церковь Николы на Липне** (на болоте) продолжила традиции зодчества домонгольского периода. Это небольшой одноглавый храм с характерным трехлопастным завершением стен и пилястрами-лопатками по углам здания. Волнистое трехлопастное завершение с более высокой центральной закомарой и опущенными углами кровли станет затем излюбленным приемом новгородских зодчих. Храм имеет одну низкую апсиду, не доходящую до верха стен, что также приживется в церковной архитектуре.

Церковь Николы на Липне. Новгород. *1292 г.*

Уличанские церкви Новгорода отличаются простотой и демократизмом, соразмерностью с человеком.

Образцами расцвета новгородского зодчества можно считать сравнительно большие **храмы Федора Стратилата на Ручью** и **Спаса Преображения на Ильине улице**. Первый из них имеет вполне традиционную форму. Стены, имеющие трехлопастное завершение, расчленены плоскими лопатками. Барабан украшен выкладками из кирпича. Купол имеет удлиненную форму. Эта большая одноглавая церковь оставляет впечатление величия и даже некоторой нарядности. Храм построен по заказу посадника Семена Андреевича, в нем были устроены тайники для хранения казны.

Церковь Федора Стратилата на Ручью. Новгород. *1310–1361 гг.*

Церковь Спаса Преображения на Ильине улице. Новгород. *1374 г.*

Сходные формы имеет церковь Спаса-Преображения (1374), построенная «уличанами Ильины улицы». Правда, у нее сейчас простая восьмискатная кровля, но в древности она имела трехлопастное завершение. Стены церкви украшены зубчатыми арками, выкладками в форме креста, нишами. Такое «рушниковое» убранство смягчает ее строгий и торжественный облик. Внутри церковь была расписана знаменитым иконописцем Феофаном Греком. Его искусство оказало влияние и на роспись других новгородских храмов.

Построенная в 1406 г. **церковь Петра и Павла в Кожевниках** почти повторяет полюбившиеся новгородцам формы храма Федора Стратилата. Она имеет более живописный вид благодаря смешанной кладке из камня и кирпича.

Во второй четверти XV в., когда в московских землях шла кровопролитная феодальная война, строительство в Новгороде вновь оживилось. Архиепископ Евфимий всеми силами пытался поддерживать новгородскую независимость: записывались новгородские легенды, канонизировались местные святые, создавался свой летописный свод. В Детинце на владычном дворе немецкими и новгородскими мастерами в 1433 г. построена Грановитая палата — огромный зал, имевший перекрытие, характерное для европейских готических построек. Возведенная рядом часовая башня («Евфимиева часозвоня») имела высокий шатровый верх, который позже стал излюбленным элементом русской архитектуры. Некоторые церкви, построенные в это время, повторяли формы древних новгородских храмов.

Пограничный Псков стал в XIV в. самостоятельной вечевой республикой. Здесь также велось интенсивное крепостное и церковное строительство: в XIV в. были сооружены 24 храма, а в XV — самый большой на Руси каменный кремль («Кром»). Небольшие уличанские церкви города, одноглавые, с толстыми, словно крепостными стенами, просты и приземисты. Они часто окружались низенькими пристройками (приделами, галереями), и поэтому кажутся прочно вросшими в землю. Строители этих живописных и непритязательных храмов снискали на Руси славу искусных каменщиков.

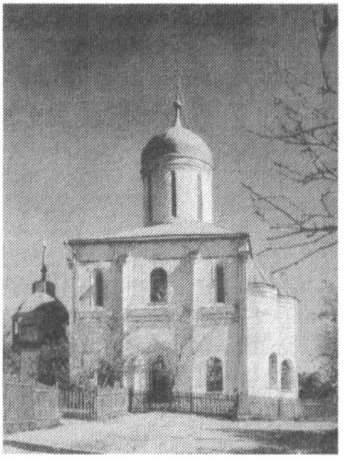
Памятников московского зодчества XIV — первой половины XV в. сохранилось очень мало. О первых белокаменных постройках мы узнаем лишь из летописных сообщений, которые подтвердились археологическими находками в Московском Кремле. При Иване Калите были построены Успенский собор (1326), ставший центром митрополии и местом погребения московских митрополитов, церковь-звонница Иоанна Лествичника, «что под колоколами» (1329), Архангельский собор (1333) — усыпальница московских князей — и церковь Спаса на Бору (1330). Лишь последняя церковь, многократно перестроенная, сохранилась до XX в., но была разобрана в 1932 г.

Не сохранились и постройки времени Дмитрия Донского. Возведенные в 1367 г. белокаменные стены московского Кремля, просуществовавшие немногим более века, производили на современников большое впечатление. Из церквей, построенных во второй половине XIV в., дошла до нас лишь часть кремлевской **церкви Рождества Богородицы** (1393), заложенной вдовой Дмитрия Донского княгиней Евдокией в память о Куликовской битве и расписанной Феофаном Греком. Позже церковь была сильно перестроена и застроена со всех сторон. От ее древнего убранства сохранился лишь белокаменный вход — *портал*, оформленный резными колонками и стрельчатыми арками.

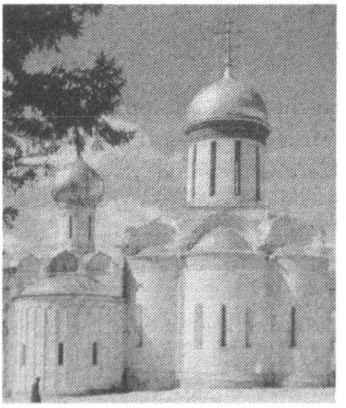
Принято считать, что московская архитектура XIV в. продолжила традиции владимиро-суздальского зодчества. Но у скромных московских церквей не было ни башен, ни галерей, ни богатого скульптурного убранства, ни аркатурно-колончатых поясов.

Сохранившиеся до наших дней памятники раннемосковской архитектуры говорят скорее о ее самостоятельности. В этих крестово-купольных белокаменных церквях, конечно, отразилось влияние зодчества Северо-Востока Руси, но при этом они вполне оригинальны [63, с. 105].

Строительство трех древнейших подмосковных храмов связано с именем звенигородского князя Юрия Дмитриевича, второго сына Дмитрия Донского. Этот незаурядный человек, боровшийся за московский великокняжеский престол, покровительствовал искусству. В его удельной столице Звенигороде был выстроен **Успенский собор «на Городке»** (1399–1400). Однокупольный храм в первоначальном



Успенский собор «на Городке». Звенигород. *1399–1400 гг.*



Троицкий собор Троице-Сергиева монастыря. *1422 г.*

виде имел заостренные килевидные закомары, завершения арок порталов и наличников окон. Стрельчатые элементы, а также пилястры с тонкими полуколонками придавали ему стройность и аристократизм. Стены собора украшали резные белокаменные пояса с растительным орнаментом. Внутри собор был расписан Андреем Рублевым.

Более простые и приземистые формы у **Рождественского собора Саввино-Сторожевого монастыря** (1404–1407) в Звенигороде. Князь Юрий Дмитриевич дал также средства на строительство **Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря** (1422), возведенного над гробницей Сергия Радонежского. Благородная простота отличает этот трехнефный храм, увенчанный мощной главой со шлемовидным куполом. Его строгие стены украшены лишь тройным поясом белокаменной резьбы и делятся на три части пилястрами с капителями, имеющими классический облик. Собор мог показаться тяжеловесным, но килевидные закомары и поднимающиеся от закомар к барабану кокошники придают ему устремленность ввысь. Интерьер собора был украшен Андреем Рублевым с учениками. «В похвалу отцу своему Сергию» Андрей Рублев написал знаменитую икону «Троица» на иконостасе собора.

Спасский собор Спасо-Андроникова монастыря. Москва. *1427 г.*

Тесным был культурный мир Москвы конца XIV — начала XV в.: имена Сергия Радонежского, Дмитрия Донского, Юрия Дмитриевича, Феофана Грека и Андрея Рублева постоянно пересекались. С именем Андрея Рублева связан **Спасский собор Спасо-Андроникова монастыря в Москве** (1427). Знаменитый иконописец был монахом этого монастыря и, по преданию, «помогающи создаста церковь камену зело красну». Собор заметно отличался сложностью и динамиз-

мом своего облика от других памятников раннемосковской архитектуры. Центральные закомары его подняты, а боковые опущены вместе с угловыми частями стен. Основной объем храма связан с его главой арочками-кокошниками. В храме нашли творческое развитие система арочных сводов Пятницкой церкви Чернигова и трехлопастные завершения с низкими боковыми закомарами новгородских церквей. Стрельчатые порталы, закомары и кокошники придают всему облику Спасского собора центростремительный, пирамидальный характер, что стало отличительной чертой многих памятников московской архитектуры.

Расцвет русской иконописи

Искусство иконописи пришло на Русь вместе с христианством. Постепенно русская иконопись приобретала черты национального своеобразия. Ее расцвет пришелся на XIV–XV вв., когда сложилась национальная школа иконописания, а также местные художественные центры со своими характерными признаками — Новгород, Псков, Москва.

Как создавали иконы? Брали липовую или сосновую доску. Чтобы изготовить большую икону, несколько досок скрепляли сзади специальными планками — шпонками. На лицевой стороне доски делали небольшое углубление — ковчег, затем наклеивали холст («паволоку»). Поверхность будущей иконы грунтовали смесью мела и рыбьего клея и шлифовали. Потом мастер наносил предварительный рисунок и только после этого начинал писать красками. Минеральные краски разводили яичным желтком. После завершения живописной работы всю поверхность иконы покрывали олифой, которая придавала изображению глубину и звучность цвета.

Особый художественный язык иконы, сложившийся еще в Византии, соответствовал священному характеру изображения. «Икона — не портрет, а прообраз грядущего храмового человечества. И так как этого человечества мы пока не видим в нынешних грешных людях, а только угадываем, икона может служить лишь символическим его изображением», — писал православный философ и искусствовед Е. Н. Трубецкой. «Сквозь „истонченную телесность" иконописных изображений, — отмечал он, — с несравненной силой просвечивает выражение духовной жизни» [223, с. 202].

Основные типы икон пришли на Русь из Византии. Оттуда же были перенесены образцы, или «прориси», — специальные руководства, как писать те или иные сюжеты, содержавшие, помимо описаний, контурные

рисунки. Художники нередко отходили от образцов, использовали их лишь как ориентиры.

Единство изобразительного языка не сковывало творческой инициативы настоящих художников, но делало иконы узнаваемыми, понятными современникам. Не случайно иконы называли «Библией для неграмотных». Русский человек никогда бы ни с чем не спутал, скажем, изображение святого Николы — мудрого старца в епископском облачении, с книгой, с благословляющим жестом руки. Его писали высоколобым, с небольшой вьющейся бородкой. Но при этом художник мог придать его лику любое выражение — от суровой отрешенности до всепрощающей доброты.

Средневековому человеку, в отличие от большинства современных людей, был понятен символический язык иконы. Отметим некоторые его особенности, характерные для XIII–XV вв. [84, с. 41–57].

Иерархичность религиозного сознания порождала разномасштабность изображений на иконе: важнейшие персонажи или сцены изображались крупнее, чем остальные, вне зависимости от реальных размеров.

На иконах допускалось весьма условное изображение предметов, показывались лишь их части: горы, лес, здания и интерьеры могли быть переданы лишь отдельными деталями, намеками.

Желая придать иконе форму повествования, художник совмещал в одной композиции разновременные события; при этом один и тот же персонаж изображался несколько раз.

Нельзя сказать, что средневековые художники не имели хотя бы интуитивного представления об объемности изображения и перспективе. Но иконы, как правило, были плоскостными, что подчеркивало неземную суть персонажей. Специалисты говорят об использовании иконописцами обратной перспективы. Это был сознательный прием, с помощью которого художник показывал предметы как бы распластанными на поверхности. Он изображал то, что ему представлялось важным в персонажах или предметах, не считаясь с законами прямой перспективы.

Иконописцы пользовались, в основном, чистыми цветами, накладывая их яркими локальными пятнами с четко очерченными контурами. Сильный, мажорный цветовой строй является отличительной чертой русских икон.

Олифа, которой иконописец щедро покрывал готовое изображение, со временем темнела. Уже через век-полтора икона становилась «темновидной», сквозь коричневую пленку олифы едва проглядывали контуры изображений. Художник другого времени в свойственной ему манере «поновлял» старую икону. Иногда древние и чтимые иконы «поновлялись» несколько раз. В XIX в. у русских коллекционеров и искусствоведов появился интерес к иконам. К этому времени древнейшие изображения были почти полностью скрыты. Настоящее изучение этих произведений искус-

ства началось только в XX в., после того как реставраторы научились очищать их от позднейших наслоений. Замечательные знатоки русской иконописи (И.Э.Грабарь, М.В.Алпатов, В.Н.Лазарев и др.) заново открыли для современников и потомков ее художественные достоинства.

Почему же именно в конце XIV — XV в. произошел расцвет русской иконописи? Почему она явилась выражением художественной культуры того времени? Особая роль иконы в русском искусстве наметилась еще в XIII в. Иконописание является искусством более дешевым и демократичным, чем монументальная архитектура и фресковая живопись, создание дорогостоящих книг и ювелирных изделий. После татарского нашествия строились, в основном, небольшие деревянные церкви, главным украшением которых были иконы. Церкви часто горели, поэтому икон требовалось много. Во многих городах сложились постоянные иконописные мастерские.

Упрощение иконописания, его огрубление в конце XIII — начале XIV в. привело к «фольклоризации» иконы, к проникновению в нее образов и идеалов народной культуры. Как заметил В.Н.Лазарев, живопись стала более примитивной, но более полнокровной. Когда же народные традиции соединились с высокой профессиональной выучкой и вновь обогатились культурным опытом Византии, а это произошло в конце XIV — XV в., наступил невиданный расцвет русского иконописного искусства.

От монументальных и статичных произведений домонгольского периода иконы стали отличаться более сложными сюжетами, требующими передачи движения и душевных переживаний. «Вместо изображения изолированных и неподвижных человеческих фигур с прямо устремленным на зрителя взором... живопись XIV в. изображает человека в сложных композициях, в сильном движении» [104, с. 117].

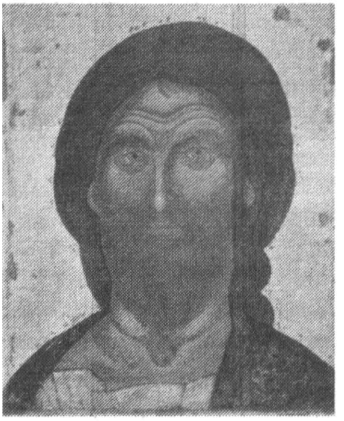
В новгородских иконах наиболее ярко проявились фольклорные мотивы, наивность и непосредственность народного религиозного чувства. Эти мастера не любили сложности и замысловатости. Их образы всегда ясны и конкретны.

Одним из самых почитаемых новгородских святых был Георгий, совмещавший в себе героические черты воина-защитника и покровителя землепашцев и пастухов. Икона **«Георгий с житием»** написана в первой половине XIV в. На ней помимо главного изображения святого, расположенного в центре, по бокам, в «клеймах», размещены сцены его жития. В «среднике» изображен один из подвигов Георгия — спасение царевны Елисавы от змия, пожравшего всех детей в некоем городе. (Сюжет спасения от змия приобрел на Руси, в условиях борьбы с татарским игом, патриотическое звучание.) В клеймах показаны страшные мучения, которым подвергали Георгия гонители христианства: его избивают, пытают на колесе, варят в котле и т.д.

Житийная икона с таким сюжетом, казалось бы, предполагает изображение многочисленных действий, сильных эмоций. Но их на изображении начала XIV в. еще нет! Помещенная в центр фигура Георгия на коне как бы «парит» на глухом красном фоне. Она совершенно не связана с другими изображениями. Застыла царевна Елисава вместе с драконом, которого она ведет за собой. Статичны и бесстрастны мучители Георгия, изображенные в клеймах. Сам он с невозмутимым спокойствием переносит чудовищные пытки, что, наверное, должно означать его стойкость. В иконе нет повествования, нет сюжета как такового, а даны лишь символы. Фигуры людей кажутся несколько «топорными». Художник использует яркие и контрастные цвета: красный и белый. Как далеко изображение от утонченных духовных иконных образов домонгольского времени! Но их фольклорная простота и наивность по-своему выразительны.

Движение, острые душевные переживания появятся в новгородской живописи во второй половине XIV в. Эти черты в полной мере присущи фрескам Феофана Грека в церкви Спаса-Преображения и фрескам **церкви Успения на Волотовом поле**. Проникают они и в иконопись.

Фольклорные мотивы звучат в известной новгородской иконе **«Чудо Георгия о змие»** XV в. Но как Георгий отличается здесь от того, что был написан веком раньше! На грациозном белом коне скачет он среди сказочных «горок». Свободно развивается плащ героя. Легко поражает он извивающегося внизу змия. «Вихрем несется белый конь, послушный воле всадника. Георгий вонзает копье в пасть змия, как бы выполняя предначертанное в книге судеб. Он дается носителем добра, светлого начала. В его ослепительном блистании есть нечто грозовое, нечто такое, что уподобляет его сверкающей молнии. И невольно кажется, что нет такой силы в мире, которая смогла бы остановить бег этого победоносного воителя» [98, с. 56—57].



Спас Ярое Око.
Икона. Москва. XIV в.

В XIV в. начала формироваться московская школа иконописи. Москва была резиденцией митрополита «всея Руси» и имела тесные культурные контакты с Византией. Здесь работали и приглашенные греческие мастера, и художники «русские родом, но греческие ученики», и доморощенные иконописцы.

Специалисты отмечают греческое влияние в иконе XIV в. **«Спас Ярое Око»**. Грозный облик Христа невольно

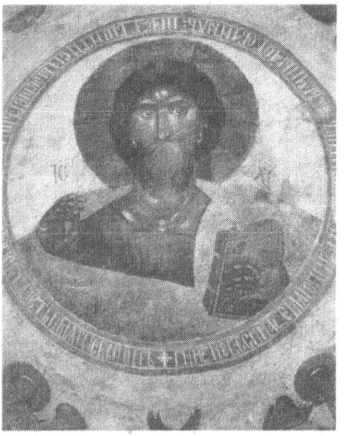
рождает ассоциации с тревожной атмосферой на Руси в то время. Должно быть, русским людям в их многочисленных испытаниях, которые воспринимались как наказание за грехи, таким суровым и карающим представлялся Бог.

Феофан Грек

В конце XIV в. крупнейшим иконописцем Руси был **Феофан Грек**. Его искусство принадлежит Византии и Руси. В Византии он родился и сформировался как художник, расписал множество церквей (его византийские работы не сохранились). На Руси, куда Феофан прибыл в 70-х гг. XIV в., его талант расцвел и снискал признание. Восторженный отзыв о Феофане и его работах оставил хорошо его знавший церковный писатель Епифаний Премудрый [32, с. 40–48]. Как гениальный художник Феофан Грек сумел отразить в своих произведениях духовные запросы русского общества. В 1378 г. он расписал в Новгороде церковь Спаса на Ильине улице. Эти фрески отличаются неповторимой авторской манерой. Они написаны легко, свободно, широкими мазками и в полной мере отражают страстную и темпераментную натуру художника.

Епифаний сообщает, что Феофан во время работы беспрестанно двигался, никогда не смотрел на образцы, любил беседовать с приходящими, «обсуждая все нездешнее и духовное». Он был для современников не только «живописец изящный во иконописцех», но и «зело философ хитр».

Драматизм образов Феофана Грека был вполне созвучен эпохе. Тяжелые испытания нередко заставляли русских людей верить в приближающийся «конец света». Родина живописца — Византия действительно переживала последние десятилетия своего существования. Нет оснований сомневаться в том, что Феофан был мыслителем вполне ортодоксальным, то есть не расходился во взглядах с официальной церковью. Но он, очевидно, не прошел мимо такого мистического учения своего времени, как *исихазм*, призывавшего к нравственному очищению, к молчаливой молитве, обращенной к Богу. Об исихазме — молчальничестве, его влиянии на русскую культуру написано немало специальных работ [108, с. 93–102]. Новгородские фрески Феофана, изображавшие грозные, карающие небесные силы и старцев-пустынников, отказавшихся от соблазнов грешного мира, невольно перекликаются с идеями стригольников, с их критикой погрязшей в грехах церкви. Не случайно главной темой росписей церкви Спаса на Ильине стал «Страшный суд».



Вседержитель. *Фреска церкви Спаса на Ильине в Новгороде. Художник Феофан Грек. 1378 г.*

Под куполом церкви Феофан создал образ **Христа Вседержителя**. «Его Христос — судия мира. В его власти — судьба всей Вселенной и судьба каждого отдельного человека. Христос знает не только видимое, но и тайное, проникая даже в глухие закоулки человеческой души. Космическая сила этого образа такова, что земля в целом и населяющие ее твари кажутся одинаково ничтожными. Взирая с неба на землю, Христос Феофана видит бездонную пучину греха. Вот почему он представлен как в день Страшного суда, когда живые и мертвые будут в страхе ожидать его последнего слова» [32, с. 10]. Христа окружают архангелы, а также величавые и строгие ветхозаветные праведники (Адам, Авель, Ной и др.).

Не меньшее впечатление производят изображения отцов-пустынников и столпников. Их молчание и отрешенность от мира дались ценой колоссальной душевной борьбы, отразившейся на их изможденных лицах и в их красноречивых жестах. Вечная христианская тема борьбы тела и духа нашла у Феофана свое яркое выражение.

Вся роспись выполнена в красновато-коричневых тонах. Ее мрачноватый колорит необычайно оживляют светлые блики, которые служат не только для передачи объемности, но и для усиления эмоциональной напряженности образов.

В 90-х гг. XIV в. Феофан Грек жил в Москве. Он работал в храмах Кремля, писал не только фрески, но и иконы, украшал миниатюрами рукописи. Достоверно подтвержденные произведения мастера этого периода сохранилось в росписи **иконостаса Благовещенского собора**. Ему приписывают также **икону Богоматери Донской**.

Видимо, Феофану Греку принадлежат и иконы деисусного чина (от греч. *деисус*, что означает моление) иконостаса этого храма. В центральной части изображен Спас на Престоле, справа и слева написаны Богоматерь, Иоанн Креститель, апостолы и отцы церкви, обращенные к Христу в молении. В иконах чувствуется свободная и энергичная манера письма Феофана, его глубокий психологизм. При том образы монументальны и царственно красивы. Глубокой задушевностью, благородной сдержанностью отличается изображение Богоматери. В Благовещенском соборе

Кремля Феофан Грек работал вместе с русскими художниками. Среди них летопись называет Андрея Рублева, который набирался опыта у знаменитого выходца из Византии.

Андрей Рублев

Величайший художник русского средневековья **Андрей Рублев** (около 1370 —1430) прославился уже при жизни. Его работы дважды упоминал летописец. Некоторые сведения о жизни живописца сохранились в церковных преданиях. Уже в XVI в. его искусство было признано образцовым. Но к тому времени иконы Рублева потемнели, а затем и вовсе были закрыты позднейшими подновлениями. Лишь в начале нашего века была расчищена от позднейших наслоений знаменитая «Троица» — единственное достоверное произведение Рублева. Другие работы, о которых сообщает летопись, — в Благовещенском соборе в Москве и Успенском соборе во Владимире — художник выполнял вместе «со товарищи». Некоторые произведения приписываются Рублеву по стилевому сходству с «Троицей».

Андрей Рублев сформировался как художник в конце XIV в. в атмосфере общего подъема русской культуры после Куликовской битвы. Все исследователи сходятся на том, что творчество Рублева отразило веру в русское национальное возрождение. Художник, несомненно, испытал идейное влияние Сергия Радонежского. Искренняя вера, духовная просветленность, гармоничное восприятие мира роднят иконописца-монаха и основателя Троицкого монастыря. Андрей Рублев жил и «у святой Троицы», и в московском Спас-Андрониковом монастыре, основанном одним из учеников Сергия.

Искусство Рублева складывалось в среде многочисленных московских иконописцев: его имя упоминается рядом с Прохором с Городца, Феофаном Греком, Даниилом Черным. Художник сумел объединить артистизм и утонченность греческих мастеров с русскими идеалами красоты, отвечающими национальному складу души и вере русского народа. Простота рублевских икон, при необыкновенной внутренней глубине, отличает их и от богословской изощренности греческих работ, и от примитивизма русских «фольклорных» икон.

В 1405 г. Андрей Рублев участвовал в создании иконостаса (сохранился до наших дней) в Благовещенском соборе Московского Кремля вместе с Прохором с Городца и Феофаном Греком. Кисти Рублева

приписывают ряд икон из «праздничного чина», написанных на евангельские сюжеты: «Благовещенье», «Рождество Христово», «Сретенье» (встреча), «Преображение» и др. Легкие линии, светлый и нежный колорит отличают эти работы художника.

Икона **«Преображение»** посвящена тому, как на горе Фаворской ближайшим ученикам Иисуса Христа открылась божественная сущность их учителя: тело Христа просияло необыкновенным светом, рядом появились фигуры Ильи Пророка и Моисея, с небес прозвучал голос: «Сей есть сын мой возлюбленный, его слушайте». Потрясенные апостолы Иоанн, Петр и Иаков отпрянули от яркого света. Они поражены чудом, но их лица — радостные и просветленные. «Фаворский свет», душевное просветление были излюбленными темами произведений исихастов — молчальников. Влияние исихазма, по-видимому, испытал и Андрей Рублев.

Фрески в Успенском соборе (Владимир), который считался главной святыней Русской земли, Андрей Рублев вместе с Даниилом Черным выполнил в 1408 г. Главная тема дошедших до нас росписей — «Страшный суд». Но как они отличаются от тех, что написал Феофан Грек в новгородской церкви Спаса! Не гнев Божий и наказание за грехи символизируют сцены, написанные Рублевым, а неизбежную победу добра в извечной борьбе со злом. Необычайной добротой и мягкостью исполнено изображение апостола Петра, ведущего праведников в рай. Кисти Андрея Рублева приписывают и образы из иконостаса, известные под названием «Васильевский чин».

Спас. *Икона (фрагмент). Художник Андрей Рублев. 1-я четверть XV в.*

Зрелое творчество Рублева нашло отражение в иконах из так называемого **«Звенигородского чина»: «Спас», «Архангел Михаил», «Апостол Павел»**. Они украшали Успенский собор «на Городке» в Звенигороде. В них привлекают не только живописное мастерство и красота, но и авторское переосмысление привычных христианских образов. Необычайно мягкий и милостивый Спас наделен к тому же чертами «типично русской благообразности». Предводитель небесного воинства Архангел Михаил выглядит необыкновенно кротким и прекрасным юношей. Неистовый и фанатичный апостол Павел изображен как мудрый философ. Христианский идеал во все времена вклю-

чал в себя строгость и милость. Как отмечает С. С. Аверинцев, образы святых смягчаются по мере развития цивилизации. Глубокая человечность и доброта ликов Рублева свидетельствуют о том, что русское общество вышло из «нравственного разорения», в нем появились ростки человеколюбия и гуманизма.

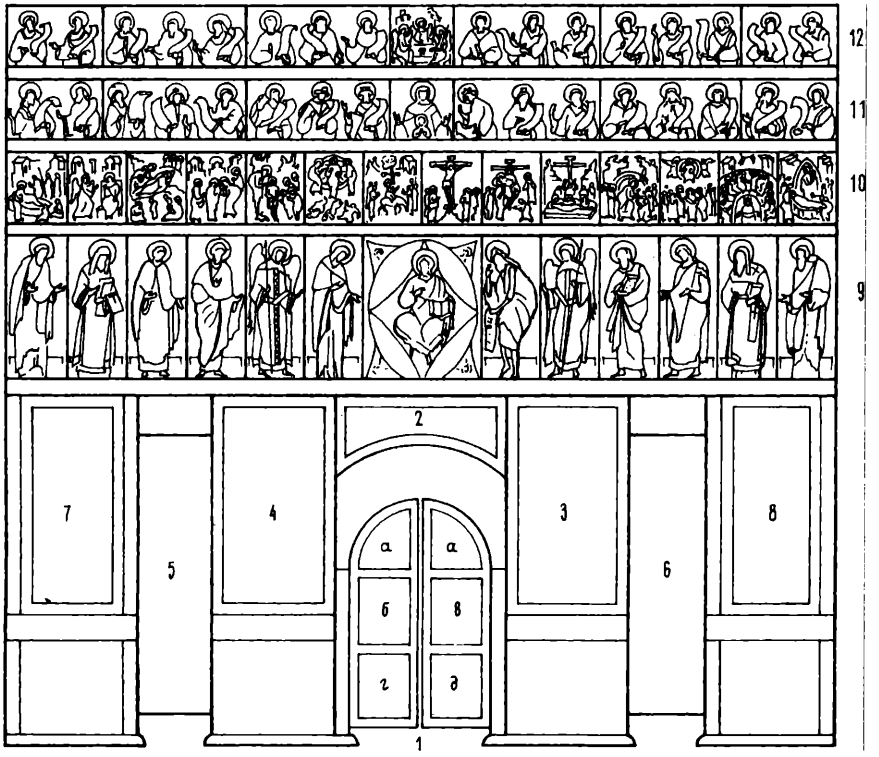
Знаменитая рублевская **«Троица»** (1425–1427) — произведение гениально ясное и немногословное. При этом икона глубоко символична. Как и для Сергия Радонежского, для Андрея Рублева Троица была символом мира и единения: «воззрением на святую Троицу побеждается страх ненавистной розни мира сего».

Сюжет иконы взят из Ветхого Завета. Прародителю Аврааму явился сам Бог в образе трех путников. Понял Авраам, кто находится перед ним. Усадил он путников за стол, велел приготовить для них лучшие угощения. Один из путников предсказал Аврааму и его жене Сарре рождение сына. Христианская традиция трактует божественных путников как выражение трех ипостасей единого Бога: Бога Отца, Бога Сына и Бога Святого Духа. Изображаются они в виде трех ангелов. Андрею Рублеву как никакому другому художнику удалось передать духовное единство ангелов. Левый олицетворяет Бога Отца, Творца всего сущего. Средний ангел — Христос. Он благословляет стоящую на столе чашу — символ будущих страданий за грехи человеческие. Правый ангел — Дух Святой, вдохновитель и утешитель. Круговая композиция иконы, лишенная всяких бытовых деталей, полностью уравновешена. Краски чисты и гармоничны. Все изображение овеяно светлой грустью.

Иконостас

В эпоху Андрея Рублева и Феофана Грека в русских церквях стали сооружать высокие иконостасы. *Иконостас* — это стена, состоящая из икон и отделяющая основное пространство храма от алтаря. В византийских и древнерусских церквях на этом месте находилась низкая алтарная преграда, на которую ставили иконы, причем чаще всего «Деисус», что передавало главный смысл пребывания людей в храме. На Руси, особенно в деревянных церквях, иконостас был основным украшением. В иконах, расположенных в определенном порядке, показывалась вся история прихода человечества к христианству.

На поперечных брусьях («тяблах») устанавливались ряды икон. Верхний (праотеческий) ряд состоял из изображений библейских патриар-



Высокий иконостас (схема): *1* — царские врата (*а* — Благовещение; *б*, *в*, *г*, *д* — евангелисты или творцы литургии); *2* — Причащение апостолов; *3* — икона Спасителя или храмовая икона; *4* — икона Богоматери; *5–6* — северные и южные двери с изображениями архангелов или святых диаконов; *7–8* — другие иконы; *9* — деисусный чин; *10* — праздничный ряд; *11* — пророческий ряд; *12* — праотеческий ряд.

хов — от Адама до Моисея. В центре его помещался образ Троицы как древнейшего пророчества о Христе. Следующий ряд — пророки от Моисея до Иоанна Крестителя. На свитках, которые держали в руках седобородые старцы, были записаны предсказания о Богородице. Ее изображение — в центре пророческого ряда. Третий ряд — праздничный. Важнейшие христианские праздники были установлены в качестве воспоминаний о событиях земной жизни Иисуса Христа и Богоматери, церковной истории. В «праздничный чин» иконостаса включены лишь двена-

дцать важнейших, так называемых *«двунадесятых праздников»*. Деве Марии посвящены Рождество Богородицы, Введение Богородицы во храм, Благовещенье, Успение Богородицы. Земная жизнь Христа отражена в праздниках Рождества Христова, Сретенья, Крещения, Входа в Иерусалим, Преображения и Вознесения. Далее следуют праздники Сошествия Святого Духа на апостолов и Воздвижения Креста.

Пожалуй, главное место в иконостасе занимал деисусный чин. В центре его находится Христос на троне как судия мира. По сторонам от него — Богоматерь, Иоанн Креститель, ангелы, апостолы и святые, молящие Христа за род человеческий.

Нижний (местный) ряд иконостаса располагался на алтарной преграде, в центре которой находились царские врата, ведущие в алтарь. Рядом с царскими вратами — иконы Христа и Богоматери. В местном ряду справа от царских врат помещалась храмовая икона, которая посвящена тому святому или празднику, в честь которого названа церковь.

В русской культуре второй половины XIV — начала XV в. Д. С. Лихачев находит черты *Предвозрождения* — того культурного движения, которое в благоприятных условиях могло привести к Возрождению (Ренессансу).

Истоки Предвозрождения исследователь видит в культурной общности Руси с христианской Европой. В конце XIV — начале XV в. усилились связи Руси с Византией и южнославянскими странами, где, в свою очередь, рос интерес к античности.

В русской культуре того времени возросло стремление к постижению внутреннего мира человека, его эмоциональной жизни. Повысился интерес к человеческой индивидуальности. Религиозный мистицизм Д. С. Лихачев также считает одной из особенностей Предвозрождения.

Отмечаются также рост исторического сознания, понимание ценности русской культуры домонгольского времени, сознательное подражание «своей античности» в архитектуре, летописании, литературе («Задонщина»).

С европейским Предвозрождением русскую культуру роднит и появление рационалистической критики религии еретиками.

Но, как подчеркивает Д. С. Лихачев, религия по-прежнему господствовала в сознании людей и подчиняла себе все стороны культурной жизни [108, с. 75–126; 110, с. 311–325].

Не все историки видят в русской средневековой культуре черты Предвозрождения. Господство религиозного сознания, религиозное возрождение, подъем православия могут показаться более характерными чертами культуры XIV–XV вв. Средневековое общество называют «народом

верующих» [22, с. 136]. Это определение как нельзя лучше характеризует народ времен Сергия Радонежского и Андрея Рублева. Применительно к русскому обществу можно сказать, что «никогда вера не была так достойна своего названия». XIV–XV вв. — это время расцвета «русской святости» [227]. И трудно представить, что после Предвозрождения на Руси могло бы наступить Возрождение, подобное европейскому, с его рационализмом, сильно потеснившим религиозное сознание и веру, с реализмом и обмирщением в искусстве, с обращением к культуре античности.

Глава 5. КУЛЬТУРА ЕДИНОГО РУССКОГО ГОСУДАРСТВА (вторая половина XV — начало XVI века)

Единое государство: экономика, общество, культура

Главное явление отечественной истории второй половины XV — начала XVI в. — образование Великорусского государства. Князь Иван III (1462–1505), получив в наследство от отца сравнительно небольшое Московское княжество, превратил его в крупнейшее государство Европы, которое источники того времени называли по-разному: Русским, Российском или Московским. В это же время Русь освободилась от ордынского ига (1480). Образование единого государства сопровождалось изменениями во всех сферах жизни, от экономики до идеологии.

Иностранцы с удивлением говорили об огромном государстве, появившемся на восточных границах Европы. Русская армия стала одерживать победы не только над татарами, но и над европейскими войсками. Достроенный под руководством итальянских архитекторов Московский Кремль стал одной из лучших крепостей своего времени. Он выражал мощь зарождавшегося государства. Но истинной основой государственной мощи и культуры России был труд нескольких миллионов крестьян.

Вторую половину XV и первую половину XVI столетия В. Д. Назаров назвал «золотым веком» российской деревни [135, с. 366–380]. Приведем некоторые его исследования состояния земледелия и крестьянства того времени. Эти суждения отличаются оригинальностью на фоне утвердившихся в учебной литературе штампов о «закрепощении русского крестьянства» и «развитии феодального землевладения».

Напомним, что великорусскому крестьянину приходилось трудиться в сложнейших природно-климатических условиях на скудных землях. Развитие земледелия требовало сведе́ния

лесов и тщательной обработки почвы. Чтобы получить хороший урожай, землю вспахивали два-три раза, удобряли, применяли систему трехполья.

Все удобные для сельского хозяйства земли были освоены к концу XV в. Прежде в документах границы земельных владений указывались неопределенно: «куда плуг ходил и соха, куда топор ходил и коса». Теперь же были установлены точные границы и даже изгороди между владениями. На основной территории Руси сложилась плотная сеть поселений: сел, деревень, починков (так назывались небольшие новые поселения).

Все категории земледельцев — и те, кто «сидел» на государственных, «черных» землях, и те, кто обрабатывал владения князей, бояр, монастырей и помещиков, — стали называться крестьянами (от слова «христианин»). Повсеместное распространение этого слова свидетельствовало не только об успехах православия, вне которого не мыслил себя русский человек, но и повышении престижа крестьян в обществе (сравните со словом «смерд», приобретшим ругательный оттенок). Законы того времени сделали положение крестьян стабильным. Эксплуатация земледельцев со стороны государства и землевладельцев не была чрезмерной: «Крестьянство в целом к середине XVI столетия поднакопило „жирок“ и ресурсы» [135, с. 379].

Постепенные, но устойчивые успехи в земледелии способствовали достижениям московских князей в области политики. Рост служилого дворянства, которое стало главной социальной и военной опорой великих князей, в конечном счете, был обеспечен трудом российского мужика. Результаты этого труда позволяли создавать государственный аппарат и содержать армию, вести строительство, поддерживать пышный великокняжеский двор.

Но земледельческий характер экономики гарантировал Московскому государству и всей русской культуре довольно скромную материальную базу. В общем-то урожайность примерно равнялась той, что была у европейских крестьян в сходных условиях. Но европейцы не случайно и в более поздние времена отмечали, что «Россия — это огромная деревня» [25, т. 3, с. 464]. Лишь несколько городов — Москва, Новгород, Псков — могли выдержать сравнение с европейскими по численности населения и по характеру его занятий. Но и Москва удивляла иностранцев обилием полей, лугов и огородов внутри города. В свою очередь, русский путешественник удивлялся величине и благоустроенности европейских городов.

Многие города на Руси были военно-административными центрами с преобладанием земледельческого населения. Голоса горожан не играли сколько-нибудь важной роли в политической и духовной жизни единого государства, особенно после падения вечевых республик Новгорода и Пскова.

Крестьяне-общинники были главными носителями низовой фольклорной культуры с присущей ей тягой к поддержанию традиций и к коллективизму. Но низовая культура не была совершенно изолированной от высокой. Христианство (пусть даже в упрощенной форме) было важнейшей основой духовной культуры русских крестьян [78, с. 31—42].

Основная масса помещиков (иногда это были вчерашние холопы) по своим духовным запросам мало отличалась от крестьян. Но в их сознание твердо внедрилась мысль, что за свою ратную службу они имеют право на земельные владения, которые должны возделывать крестьяне. Другую сторону их нравственно-психологического облика подметил иностранный наблюдатель: «Как бы ни был беден знатный человек, он все же считает для себя позором и бесчестием работать собственными руками» [35, с. 121]. Как серую, косную и корыстную массу характеризует московских служилых людей XV в. А. А. Зимин в своей книге «Витязь на распутье» [57]. Показное благочестие подменяло этим людям понятия чести и совести. Холопская преданность власти была их главным «достоинством».

В среде бояр-вотчинников, окружавших великого князя, было больше незаурядных и образованных людей. Но и в этой среде знатность и заслуги предков часто значили больше, чем личные качества и знания.

Из боярства выходили, как правило, церковные иерархи, на которых возлагалась задача «просвещения» паствы. Духовенство оставалось самым образованным сословием русского общества, но уровень этой образованности оставлял желать лучшего. Среди священников были и неграмотные люди, выучившие церковную службу наизусть.

Сравнительно широким кругозором и начитанностью отличались государевы дьяки (первые профессиональные чиновники), которые ведали государственными документами, посольскими и финансовыми делами, участвовали в летописании.

Образование единого государства, прекращение междоусобиц и уменьшение внешней опасности вызвали общий подъем культуры. Религиозно-политическая мысль работала над созданием государственной идеологии Московского царства. Церковь стремилась всеми средствами упрочить свое господствующее положение в духовной жизни страны. Хотя и не без колебания, она шла на союз с властью. Искусство было призвано выполнять задачи государственного значения. Таким образом, складывался официальный характер высокой культуры.

Исторические условия конца XV — начала XVI в. таили в себе некоторые опасности для ее развития. Внешнеполитический фактор, борьба за освобождение от татарского ига сыграли огромную роль в объединении страны. Да и в дальнейшем приходилось вести многочисленные войны. В. О. Ключевский сравнивал Московское государство с военным лагерем,

со всех сторон окруженным врагами. А такие условия нельзя признать благоприятными для развития культуры.

Победа Москвы в объединительном процессе была достигнута насильственным путем. В борьбе за государственное единство были уничтожены вечевые республики в Новгороде и Пскове с их своеобразной плебейской городской культурой. Иностранцы отмечали, что после присоединения к Москве нравы новгородцев и псковичей изменились к худшему [35, с. 151]. Культурное господство Москвы приводило к уравниванию, нивелированию местных культур. Стремление к единообразию и единомыслию не способствовало духовному прогрессу.

Власть московских государей рано стала приобретать жесткие, деспотические формы. Австрийский дипломат, побывавший при дворе Василия III, писал: «...Властью, которую он имеет над своими подданными... далеко превосходит всех монархов целого мира. ...Всех одинаково гнетет он жестоким рабством» [35, с. 72]. В конце XV — первой половине XVI в. государственной системы крепостного права еще не существовало, но возможность ее появления стала вполне реальной. Объединив страну, приведя ее к относительному благоденствию, московские государи повысили градус несвободы в обществе [57, с. 211].

Культурные связи с Европой и Востоком

Главными проводниками европейской культуры для Руси издавна служили Византия и православные Балканские страны. В XV в. ситуация изменилась кардинальным образом.

В условиях, когда теснимая турками Византия была близка к гибели, константинопольская церковь заключила унию (союз) с католиками. Это произошло в 1439 г. во Флоренции. Греческое духовенство пошло на уступки католикам в догматических вопросах и признало верховную власть папы римского. Унию подписал и московский митрополит грек Исидор. Это был образованный человек, проявлявший интерес к античной литературе, разделявший идеи европейских гуманистов. Прибыв в Москву из Флоренции, Исидор объявил об объединении церквей. Во время шествия в Успенский собор перед ним несли большой латинский крест.

Русское духовенство и великий князь отказались признать унию. Идея объединения оказалась чуждой большинству верующих как на Востоке, так и на Западе, поэтому таившаяся в ней возможность культурного сближения Восточной и Западной Европы была обречена на провал. Иси-

дора посадили под арест, но впоследствии ему дали возможность бежать в Европу. С этих пор митрополитов выбирали только из среды своего духовенства. Русская церковь фактически стала самостоятельной. В связи с этими событиями у книжников сложилось мнение о Руси как о единственном истинно православном государстве. Если прежде византийские иерархи для русских были духовными авторитетами и образцами православной учености, то теперь нужно было самим думать и о чистоте веры, и о поддержании духовного образования.

В мае 1453 г. турки захватили Константинополь, Византийская империя прекратила свое существование. Судя по «Повести о взятии Царьграда турками», это событие восприняли на Руси как роковое. Оно вполне отвечало распространенным в обществе настроениям «конца света».

Уже вполне самостоятельная русская культура строилась на национальной основе с использованием опыта низовой крестьянской культуры. Даже в тех случаях, когда Русь подражала традициям ушедшей Византии, «московский отпечаток» придавал явлениям культуры неповторимое своеобразие.

Во второй половине XV в. Московское государство уже не ограничивалось традиционными торговыми связями с Европой через Новгород и Псков. Были установлены прямые дипломатические отношения со многими европейскими государствами и с папским престолом. Заключенный в 1472 г. брак Ивана III с жившей в Риме племянницей последнего византийского императора Зоей Палеолог не имел тех политических и религиозных последствий, на которые рассчитывали ее покровители при папском дворе. Но для Москвы этот брак имел большое значение. Из Италии приехали многочисленные мастера. Русские дипломаты установили контакты с архитекторами, инженерами, врачами, мастерами военного дела, ювелирами. Таким образом, Московская Русь познакомилась с культурными и техническими достижениями Италии эпохи Возрождения. Эти контакты оказались очень плодотворными для русской культуры. Но нельзя не заметить и того, что итальянские мастера, получавшие высокое жалование, испытывали на себе великокняжеский гнет. Их склоняли к принятию православия, сажали под арест и даже казнили. Был обвинен в отравлении и казнен врач Антонио. Затем казнили врача Леона, который не сумел вылечить наследника престола. К концу правления Василия III в Москве почти не осталось итальянских мастеров.

Допуская использование строительного, технического и военного опыта европейцев, русские светские и духовные власти с большим недоверием и враждебностью относились к культурным достижениям Европы. Античность, рационализм, гуманизм и реформация оказались чуждыми русской культуре того времени. Их слабые отзвуки, которые исследователи

находят в ересях и в публицистике, были полностью подавлены к середине XVI в. В сознание людей церковь довольно прочно внедряла недоверие к европейцам. Превосходству их цивилизации русские могли противопоставить лишь чистоту православной веры. В Европе теперь видели врага: борьба с «латинством» ставилась выше борьбы с «бусурманством».

После освобождения от ордынского ига отношения с восточными соседями далеко не сразу вошли в мирное русло. Борьба с остатками Орды подчас принимала острые формы, хотя участился переход их царевичей на русскую службу. Татарские отряды стали непременными участниками походов русской армии.

Торговые же отношения со странами Востока продолжали действовать. Русский купец **Афанасий Никитин** был одним из первых европейцев, побывавших в Индии (1468–1474). Но этот далекий поход был единичным в практике русских купцов. Примечательно, что путешественник стремился соблюдать православные обряды во время «хожения за три моря». Вместе с тем он освоил восточные языки и даже записал несколько фраз в своем произведении, используя смесь тюркских и персидских слов. На этом «тарабарском языке» Никитин записал заветные мысли о своей родине: «А Русскую землю Бог да сохранит! На этом свете нет страны, подобной ей. Но почему князья земли Русской не живут друг с другом как братья! Пусть устроится Русская земля, а то мало в ней справедливости» [236, с. 53].

Формирование идеологии Московского царства

Новое качество власти великого московского князя было закреплено в титулах, обрядах, обычаях, государственной символике. Иван III стал именоваться «государем всея Руси», а в некоторых случаях «самодержцем» и «царем». На его печати в 1497 г. появилось изображение двуглавого орла, которое свидетельствовало о «самодержавности» (самостоятельности) московского князя и о высоком уровне его власти. Двуглавый орел был известен как один из символов императорской власти в Византии, но не был ее официальным гербом. В качестве герба это изображение использовалось германскими императорами Священной Римской империи.

В 1498 г. в Успенском соборе Московского Кремля впервые был устроен обряд коронации. На наследника Ивана III, его внука Дмитрия, были возложены бармы (оплечье) и шапка Мономаха. Шапка была восточной работы, но легенда связывала ее с византийским императором Константи-

ном Мономахом (XI в.). Церемония коронования была разработана по византийскому образцу.

На Руси сложился особый дипломатический этикет, вобравший в себя черты посольских обычаев стран Европы, Византии, татарских ханств и элементы народной бытовой обрядности.

Новые символы и обряды, как и связанные с ними легенды, должны были означать причастность Москвы к мировым христианским царствам, которыми считались Римская и Византийская империи. Вместе с тем московские государи стремились показать древний, исконный и независимый характер своей власти. Когда Ивану III была предложена королевская корона Священной Римской империи, немецкому дипломату заявили: «...Мы, Божиею милостью государи на своей земле изначала от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога...» [14, с. 263].

Рост политического самосознания происходил в традиционных религиозных формах. Идеология Московского царства складывалась в рамках христианского символического мышления с использованием исторических примеров и легенд [161].

В начале XVI в. было создано легендарное родословие московских государей, согласно которому они происходили от римских императоров. Впервые эта баснословная генеалогия была обоснована в **«Послании о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы**. Автором сочинения был очень начитанный и ловкий делец, получивший за свою «резвость» прозвище «Сатана». Он сумел добиться от Константинопольского патриарха сана митрополита киевского, но никем не был признан в этом качестве. В конце концов его заточили в северный Ферапонтов монастырь.

Согласно «Посланию», римский император Август направил «сродника своего» Пруса на берега Вислы и Немана, в землю, получившую название «Прусской». Потомком Пруса якобы был Рюрик — родоначальник русских князей. Свой же «венец царскы» (шапку Мономаха) русские князья получили от византийского императора Константина Мономаха. Устрашенный походами киевского князя Владимира Мономаха, император послал на Русь свои регалии со словами: «Прими от нас... на славу, и на честь, и на венчание твоего вольного и самодержавного царства» [48, с. 162–165]. Насыщенный подробностями и речами, этот баснословный рассказ претендовал на историческое правдоподобие. «Послание» Спиридона-Саввы легло в основу «Сказания о князьях Владимирских». Идеи этих сочинений приобрели официальный характер, послужили исторической основой для венчания на царство Ивана IV, вошли в русское летописание.

Тогда же (в начале XVI в.) монах псковского Елеазарова монастыря **Филофей** направил великому князю Василию III ряд посланий, в которых

сформулировал идею **«Москва — третий Рим»**. Она должна была определить место Московского царства в мировой истории, которая представлялась, по библейским пророчествам, как смена мировых монархий. Понятие «Рим» в данном случае трактовалось символически: как центр христианского мира, как прообраз «царства Божия» на Земле. Русь осталась единственным независимым православным государством, поэтому перед лицом католической и еретической опасности старец Филофей призывал великого князя сохранить чистоту православия. Первый Рим пал, уклонившись в ересь, второй Рим — Константинополь — пал от натиска турок; «все царства православныя снидошася в твое едино царство». «Един ты во всей поднебесной христианам царь», — писал монах Василию III. «Два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти», ибо на исходе третьего царства ожидался «конец света». Мысль о богоизбранности православного царства не имела в писаниях Филофея воинственного имперского смысла [225, с. 154—155]. Идея «Москва — третий Рим» не нашла поддержки в официальной идеологии XVI в., но ее отзвуки придали русскому самосознанию черты замкнутости и национального самодовольства.

Идейная борьба в Русской православной церкви

Во второй половине XV в. Русская православная церковь оказалась в сложном положении. Она стала самостоятельной, но вместе с тем лишалась высокого духовного авторитета в лице Константинопольской патриархии, которая дискредитировала себя союзом с католиками, а затем попала под власть турок. Русская церковь ощущала недостаток просвещения и даже элементарной грамотности среди духовенства. Ей необходимо было определить свое место в условиях единого государства. Единомыслия по этому вопросу не было. Вновь объявившиеся в Москве и в Новгороде еретики критиковали церковь и вносили смуту в сознание верующих.

Духовную традицию Сергия Радонежского продолжили монахи северорусских монастырей. Подобно первым христианским отшельникам, жившим в пустынях Сирии и Египта, русские аскеты уходили в холодные леса Заволжья. Здесь они вели уединенную жизнь в молчании, молитве и труде. Одним из главных их принципов был отказ от земных богатств (нестяжание). Они считали, что богатства отвлекут их от молитв и духовного «делания». Эти взгляды разделял, например, основатель Кирилло-Белозерского монастыря Кирилл Белозерский. Идеологом направления, на-

званного *нестяжательством*, был **Нил Сорский**, основатель небольшого монастыря на реке Соре, недалеко от Кирилло-Белозерского монастыря. Для своего времени Нил Сорский был очень образован. Побывав в Константинополе и в Афонских монастырях, он проникся идеей «умной молитвы» и молчальничества, но не отказывался и от «бесед духовных» с братьями-монахами. Нил выступал против того, чтобы монастыри имели земли и села с крестьянами. По его мнению, монахи должны питаться «от праведных трудов своего рукоделия». Наиболее достойным трудом он считал переписывание книг. Высокие моральные качества духовенства должны были повысить авторитет церкви в обществе.

Сам Нил был известным церковным писателем, и от своих монахов он требовал обучения грамоте. Признавая высший авторитет Священного писания, Нил не отрицал и роли разума в постижении истины. Духовное подвижничество и «книжность» нестяжателей обеспечили им уважительное отношение современников и историков. В то же время они были очень далеки от жизни, отличались «некоторым забвением о мире, не только в его суете, но и в его нужде, и в болезнях» [232, с. 21].

Многие монастыри Московской Руси XV в., в том числе и Троице-Сергиев, стали крупными землевладельцами. Общежительные монастыри, в которые поступали земельные вклады знати, отличались образцовым хозяйством и богатством. Жизнь монахов в них часто была далека от евангельских идеалов аскетизма. Когда один из идеологов нестяжательства оказался игуменом Троице-Сергиева монастыря, он никакими средствами не мог направить монахов «на путь Божий, на молитву, и на пост, и на воздержание». Бывшие бояре и князья, ушедшие «на покой» в монастырь, не хотели повиноваться и даже замышляли убийство игумена. Большинство духовенства отвергало идеи нестяжательства.

Иные пути повышения авторитета церкви предлагал **Иосиф Волоцкий**, настоятель богатого монастыря под Волоколамском, видный церковный деятель и писатель. Иосиф и его единомышленники — *иосифляне* — считали, что монастыри и церковь в целом должны быть богатыми и сильными, так как только в этих условиях можно строить храмы и поддерживать в них должное благолепие, кормить монашескую братию и подавать нищим. Сам настоятель Волоцкого монастыря в голодные годы помогал окрестным крестьянам, собирал в приют брошенных детей. Иосиф порицал некоторых бояр, «гладом и наготою морящих» своих холопов. При этом он не только грозил им «страшным судом», но и убеждал в том, что нищий «раб» не приносит выгоды господину. Во взглядах Иосифа Волоцкого была своя правда: «Это была правда социального служения» [232, с. 18]. Недостатки монастырской жизни он предлагал исправлять строгим соблюдением устава, церковной дисциплины, обрядов.

Труды Иосифа Волоцкого не отличались блеском богословской мысли. Иосифляне не одобряли излишнего чтения книг, особенно мирянами. В культуре они видели лишь средство достижения церковного благолепия.

Решительное столкновение иосифлян и нестяжателей произошло на церковном соборе 1503 г. «...Нача старец Нил глаголати, чтобы у монастырей сел не было, и жили бы черньцы по пустыням, а кормили бы ся рукоделием» [177, с. 367]. Идеи нестяжателей нашли поддержу у Ивана III, который был не прочь за счет церковных земель пожаловать своих верных слуг. Но Нил и «белозерские старцы» оказались в меньшинстве. Иосиф Волоцкий горячо защищал церковные владения, ссылаясь на святых отцов и церковную историю: «Аще у монастырей сел не будет, как честному и благородному человеку постричься? И аще не будет честных старцев, отколе взяти на митрополию, или архиепископа, или епископа? А коли не будет честных старцев и благородных — ино вере будет поколебание» [177, с. 367]. В этих словах слышится недоверие к интеллектуальным и моральным качествам «простой чади».

Собор, осудив крайности стяжания («постановление по мэде») и выразив озабоченность по поводу нравственности священников, объявил церковное землевладение неприкосновенным «Божьим стяжанием». Великому князю пришлось смириться с таким решением. Союз государства и иосифлянской церкви был скреплен идеей Иосифа Волоцкого о божественном происхождении великокняжеской власти: «Царь убо естеством подобен всем человеком, а властию же подобен Высшему Богу».

Хотя борьба разных течений продолжалась в церкви до середины XVI в., победа иосифлян была предопределена. Их идеология больше соответствовала государственным и общественным отношениям, складывавшимся в Московском государстве. Господство иосифлян имело печальные последствия для русской культуры. Стяжание, догматизм, засилье обрядности, крайняя нетерпимость к инакомыслию создали неблагоприятные условия для развития духовности. К тому же идейные наследники Иосифа Волоцкого развивали не лучшие стороны его учения. «Общественное служение» церкви постепенно выродилось в служение государству.

Ересь «жидовствующих»

Церковные споры вызывали живой отклик в русском обществе. Иосиф Волоцкий писал, что прежде на Руси все люди были верными «овчатами» церкви, «ныне же и в домех, и на путех и на торжищах иноки и мирскии вси сомнятся, вси о вере пытают» [177].

В Новгороде еще не изгладилась память о стригольниках, когда обнаружились новые еретики, получившие у их противников название «*жидовствующие*». Это проявление религиозного вольнодумства в основном известно по выступлениям его обличителей. Самыми яростными критиками еретиков на этот раз были новгородский архиепископ Геннадий и Иосиф Волоцкий, написавший «книгу на новгородских еретиков» — «Просветитель».

Начало ереси «жидовствующих» обычно связывают с приездом в Новгород из Литвы некоего «жидовина Схарии» в 1471 г. (Московские книжники завели обычай все беды выводить из «иных земель».) Его последователи, священники Денис и Алексей, не только распространили ересь в Новгороде, но и сумели понравиться великому князю Ивану III, который перевел их на службу в кремлевские соборы. Новгородские еретики «прельстили» многих москвичей.

Они подвергали сомнению догмат о триединстве Бога, что и давало основания их противникам связывать вольнодумцев с иудаизмом, для которого свойственно строгое единобожие. «Жидовствующие» отказывались поклоняться «от рук человеческих сотворенным вещам» — иконам, которые они называли «идолами». Еретики отрицали церковную иерархию, как «поставленную по мзде» (за деньги).

Противники признавали их начитанность. Среди книг, по знанию которых «жидовствующие» превосходили ортодоксальное духовенство, оказались не только астрономическое сочинение «Шестокрыл» и философский трактат «Логика», но и Ветхий Завет. Дело в том, что на Руси до конца XV в. не существовало целостного перевода Библии на славянский язык. Этот пробел взялись восполнить борцы с ересью, книжники архиепископа Геннадия. Примечательно, что перевод недостающих разделов Библии делался не с греческого, а с латинского языка. Для работы был привлечен католик — доминиканский монах Вениамин, «родом словенянин, а верою латынянин». Архиепископ не побоялся обратиться к опыту ученых католиков в борьбе с еретиками.

Перевод Библии, переписывание и рассылка по монастырям другой церковной литературы, необходимой для борьбы с «жидовствующими», является заслугой архиепископа Геннадия и его единомышленников в развитии культуры. Архиепископ выступал также за создание училищ для духовенства.

Новгородские еретики в своем большинстве были простыми приходскими священниками и дьяконами. Начитанность, рационализм, критика церковных иерархов привлекали к ним не только горожан, но и великого князя, а также некоторых представителей великокняжеского окружения.

Церковный собор 1490 г. проклял еретиков. Но вопреки советам Геннадия, который ставил в пример испанскую инквизицию и предлагал

их «жечи и вешати», с вольнодумцами обошлись сравнительно мягко. Видимо, сыграло свою роль заступничество Ивана III. Отправленных для наказания в Новгород еретиков, одетых в шутовские одежды и колпаки с надписью «се есть сатанино воинство», возили по городу на лошадях лицом к хвосту. Берестяные колпаки затем сожгли на головах осужденных.

Однако продолжал существовать московский кружок еретиков. Его возглавлял очень влиятельный государственный деятель и дипломат Федор Курицын. В кружок входили государевы дьяки Истома и Сверчок, брат Федора Курицына Иван-Волк, московские купцы, профессиональный «книгописец» Иван Черный и др. Это были люди образованные, незаурядные, с их именами связан целый ряд литературных и юридических произведений.

Взгляды еретиков разделяла сноха великого князя Елена Волошанка (дочь молдавского господаря), им сочувствовали сам великий князь и даже глава русской церкви митрополит Зосима. Пожалуй, нельзя сказать, что взгляды московских еретиков подрывали основы православия. В сущности, это были не еретики, а образованные вольнодумцы, знатоки Священного писания, критики монашеского невежества и стяжания.

Их превосходство над традиционно мыслящим духовенством выразилось, например, в сомнении в близком «конце света». А ведь в мировосприятии людей XV в. его ожидание занимало важное место. По пророчествам «святых отцов», мир должен простоять семь тысяч лет. 1 сентября 1491 г. на Руси должен был наступить 7000 год «от сотворения мира». Его ждали со страхом. Даже церковные «пасхалии» (таблицы для вычисления дня Пасхи) были составлены лишь до этого срока. То, что «скончания мира» не произошло, вдохновило еретиков и побудило их к критике сочинений «отцов церкви». Сам митрополит Зосима, которого Иосиф Волоцкий задним числом назвал «злобесным волком», усомнился в существовании загробной жизни в связи с несостоявшимся «концом света»: «Нет, деи, втораго пришествиа Христова, нет, деи, царства небесного святым! Умер, деи, ин, то умер, — по то места и был» [118, с. 166].

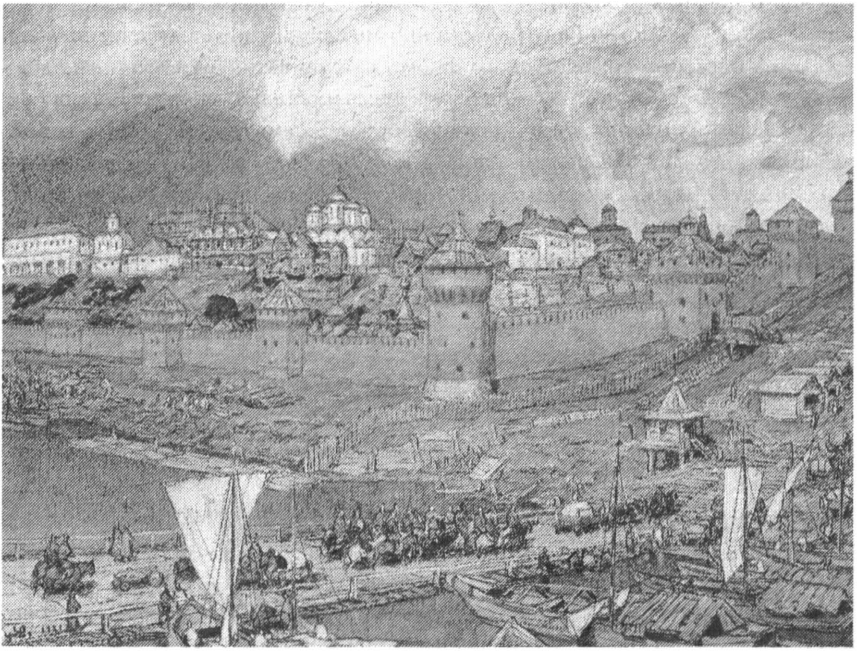
Непримиримыми врагами еретиков были иосифляне. Иосиф Волоцкий считал, что «грешника или еретика руками убить или молитвою едино есть». Более умеренные нестяжатели советовали бороться «молитвою». Иосифляне, заключившие союз с великим князем, добились расправы над «жидовствующими». По решению церковного собора 1504 г. еретиков приговорили к смерти. Казни в Москве и в Новгороде были в духе испанской инквизиции: еретиков заключили в клетки и сожгли.

Победа воинствующей церкви над первыми ростками вольнодумства отнюдь не способствовала духовному прогрессу русского общества.

Архитектура Москвы

Московский Кремль, являющийся самым впечатляющим архитектурным ансамблем столицы, был построен в конце XV — начале XVI в. Конечно, он изменился за последующие столетия. Но главное — крепостные сооружения и комплекс кремлевских соборов, созданные итальянскими и русскими мастерами при Иване III и его сыне Василии III, сохранилось. Московский Кремль — это памятник великорусской государственности, сумевшей объединить русские земли и сбросить татарское иго. При его строительстве были использованы опыт мастеров разных городов Руси, традиции древнерусской архитектуры. Москва сумела использовать опыт самой развитой в культурном отношении страны того времени — Италии эпохи Возрождения.

Белокаменный Кремль, построенный при Дмитрии Донском, через сто лет сильно обветшал и имел так много деревянных заплат, что итальянскому дипломату А. Контарини он показался деревянным. В плачевном состоянии находились и скромные белокаменные церкви, построенные еще



Московский Кремль при Иване III. *Художник А.М.Васнецов. 1921 г.*

во времена Ивана Калиты: своды Успенского собора держались на деревянных подпорках.

Строительство оживилось в Москве в 60-х гг. XV в. Здесь работало несколько артелей, одну из которых возглавлял известный мастер **В. Д. Ермолин**, человек знатный, богатый и образованный. Он отреставрировал стены и башни Кремля, построил церковь на Фроловских (Спасских) воротах, по указу великого князя обновил церкви в Москве, Владимире, Юрьеве-Польском. Из работ Ермолина сохранились лишь белокаменная скульптура Георгия Победоносца, украшавшая когда-то Спасские ворота, да перестроенный им Георгиевский собор XIII в. в Юрьеве-Польском. К сожалению, мастер не смог восстановить обрушившийся собор в первоначальном виде и воссоздать белокаменные рельефы, которые сплошным ковром покрывали стены.

В 1471 г., после успешного похода на Новгород, Иван III приказал построить новый Успенский собор, который задумывался как главная святыня «всея Руси». Он должен был напоминать Успенский собор во Владимире, но превосходить его по размерам. За эту работу взялись мастера Кривцов и Мышкин. Огромный храм был доведен ими до сводов, но рухнул в 1474 г. Летописец называл причиной случившегося «трясение земли», якобы произошедшее в Москве. Но в действительности русские строители просто утратили опыт возведения таких крупных сооружений. Псковские мастера, вызванные в качестве экспертов, отметили ошибки, допущенные в строительстве, но сами отказались продолжать возведение собора.

Тогда в Москву был приглашен знаменитый итальянский мастер **Аристотель Фиораванти**. Он был инженером и архитектором из города Болоньи, которого сограждане называли «удивительным гением, не имеющим равного во всем мире». На родине мастер прославился умением двигать и выпрямлять городские башни, строить каналы и военные укрепления. Аристотель быстро разобрал остатки рухнувшего собора, заложил глубокий фундамент новой постройки, наладил производство качественного кирпича. Затем он совершил путешествия во Владимир и в другие северные города, так как перед ним была поставлена задача построить собор, отвечающий русским архитектурно-церковным традициям. Фиораванти учел эти требования, но возводил собор «по своей хитрости, а не яко же московские мастера». Он использовал европейский опыт строительства и обучал ему русских учеников.

Строительство **Успенского собора Московского Кремля** было завершено в 1479 г.: пятиглавие, позакомарное завершение стен, разделенных пилястрами, аркатурно-колончатый пояс, украшающий стены, — все это роднит постройку Фиораванти с древнерусской архитектурой. Ясностью и

пропорциональностью форм, техническим совершенством собор напоминает постройки итальянского Возрождения. Интерьер собора отличается от внутреннего вида традиционных крестово-купольных храмов: он представляет собой просторный, высокий и светлый зал. Его легкие своды поддерживают четыре круглых и два квадратных столба. Первоначально собор не имел высокого иконостаса и его внутреннее пространство казалось еще более свободным.

Успенский собор. Московский Кремль. *Архитектор Аристотель Фиораванти. 1479 г.*

Современники высоко оценили творение итальянского мастера: «Бысть же та церковь чюдна вельми величеством и высотою, светлостью и звоностью и пространством, такова же преже того не бывала в Руси, опроче Владимирскыа церкви» [176, с. 324]. Собор стал образцом для многих построек Московской Руси.

Опыт Аристотеля Фиораванти был использован при строительстве Пушечного двора и литье пушек, возможно, и в строительстве кремлевских укреплений. Вслед за мастером из Болоньи в Москву приехали еще восемь итальянских зодчих — «фрязинов», как называли их на Руси.

Главными строителями новых кремлевских стен и башен были **Марко Фрязин**, **Пьетро Антонио Солари**, **Алевиз Старый**. Мощная крепость из красного кирпича была построена ими в 1485—1495 гг. по всем правилам европейской фортификации. В углах крепости, имеющей форму неправильного треугольника, ставились мощные круглые башни, с которых можно было вести круговой обстрел; в них были устроены тайники — колодцы. Там, где к Кремлю подходили важнейшие дороги, были сооружены наиболее мощные проездные башни — Спасская, Никольская, Троицкая, Боровицкая. Все башни имеют машикули — навесные бойницы для обстрела неприятеля. Сверху башни и стены имеют зубцы в виде «ласточкиных хвостов». В древности стены были покрыты двускатной деревянной кровлей. Простые деревянные кровли завершали и башни. Их нарядные шатры построены лишь в XVII в. Со всех сторон Кремль был окружен водной преградой — реками Москвой и Неглинной, а также рвом со стороны Красной площади.

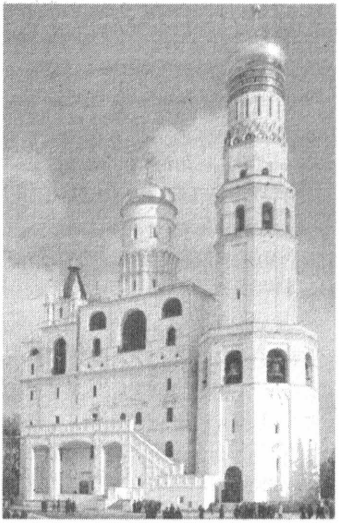
В центре Кремля сложился ансамбль Соборной площади, на которую выходили фасады кремлевских соборов, колокольни Ивана Великого и

Архангельский собор. Московский Кремль. *Архитектор Алевиз Новый. 1505–1509 гг.*

великокняжеского дворца. От обширного комплекса последнего до наших дней дошла лишь **Грановитая палата** (1487–1491), построенная Марко Фрязиным и Пьетро Антонио Солари, которая получила свое название от граненого белого камня, которым облицован ее фасад. В древности палата имела высокую четырехскатную крышу и иную форму окон. Парадное Красное крыльцо ведет в Святые сени и Большую золотую палату, которая представляет собой зал площадью почти 500 квадратных метров с одной опорой в центре. Грановитая палата предназначалась для торжественных церемоний и приемов иностранных послов.

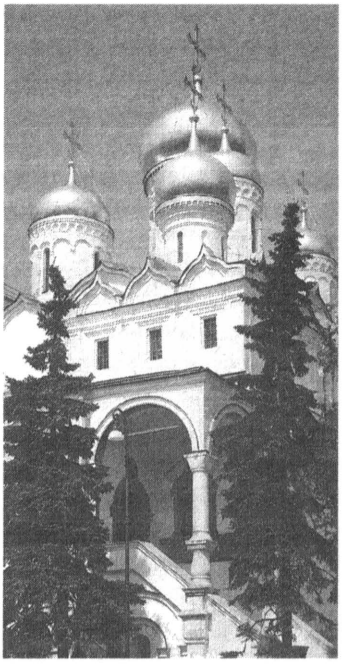
В 1505–1509 гг. **Алевиз Новый** построил **Архангельский собор** — усыпальницу московских князей. Традиционные формы пятикупольного трехнефного собора архитектор обрядил в «одежды» итальянского Возрождения. Снаружи собор делится карнизом на два этажа, каждый из которых украшен пилястрами коринфского ордера, полукружья его закомар украшены белокаменными раковинами.

Последней постройкой, которую итальянские мастера возвели в Кремле, была **колокольня Ивана Великого** и примыкающая к ней **звонница**. Столпообразную колокольню, состоящую из двух стоящих друг на друге восьмигранников, начал возводить **Бон Фрязин** (1508). Достроена же она была в самом конце XVI в. Рядом с колокольней архитектор **Петрок Малый** построил прямоугольное здание звонницы, которое надстроили русские мастера. Высота колокольни Ивана Великого уже в начале XVI в. составляла 60 метров. Она объединила все здания Соборной площади в единый ансамбль.



Колокольня «Иван Великий». Московский Кремль. *Архитектор Бон Фрязин. 1505–1508 гг. Надстроена Федором Конем. 1600 г.*

Рядом с итальянскими архитекторами в Кремле работали русские мастера. Их постройки не столь монументальны, но они отличаются нарядностью и изяществом. Псковские «каменосечцы» возвели трехглавый **Благовещенский собор** (1484–1489) — домовую церковь московских князей, примыкавшую к дворцу. Позже его перестроили и окружили небольшими одноглавыми церквями. Собор стал десятиглавым и получил название «златоверхий», внутри него сохранился иконостас с иконами Феофана Грека и Андрея Рублева. У западной стены Успенского собора была построена миниатюрная **церковь Ризположения** с характерными для московской архитектуры стрельчатыми закомарами.



Благовещенский собор. Московский Кремль. *1484–1489 гг.*

В 30-х гг. XVI в. итальянский архитектор Петрок Малый возвел стены и башни **Китай-города** — второй пояс укреплений Москвы, примыкавший к Кремлю с востока.

Итак, в конце XV в. основные силы и средства Русского государства были сосредоточены на строительстве Москвы, которая стала огромным городом с мощной крепостью. Велось также сооружение крепостей в Новгороде и Пскове. В начале XVI в. масштабы каменного строительства расширялись, были возведены кремли в Нижнем Новгороде, Туле, Коломне и других городах.

Иконопись: творчество Дионисия

Русская иконопись второй половины XV — начала XVI в. не утратила высоких традиций предшествующего периода. Замечательные мастера работали в Новгороде, Пскове, Москве. Наиболее влиятельной была московская школа живописи. Присущие ей тонкость и изящество стали проникать в иконопись других художественных центров.

Крупнейший московский мастер **Дионисий** (около 1440 — до 1508) был членом, а затем главой большой дружины иконописцев. Они написали огромное количество образов. При этом определить работы самого мастера довольно трудно.

В 1481 г. Дионисий создал иконы для вновь построенного Успенского собора. Работа была признана «вельми чудной», и мастер получил множество заказов, причем только от Иосифа Волоцкого — на 67 образов.

Мастер написал несколько житийных икон. Из них наиболее известны изображения московских святителей Петра и Алексея. Иконы предназначались для кремлевского Успенского собора, что имело большое политическое значение, так как митрополиты Петр и Алексей сыграли выдающуюся роль в укреплении союза духовной и великокняжеской власти и считались покровителями Москвы.

В иконе **«Митрополит Алексей в житии»** центральное место занимает величественная фигура святителя в торжественном нарядном облаче-

Клеймо с иконы «Митрополит Алексей в житии». *Художник Дионисий. Конец XV—начало XVI в.*

нии. Светоносный белый цвет, который преобладает на изображении, в сочетании с другими светлыми и нежными тонами создает общее праздничное, приподнятое настроение. В ярких клеймах рассказывается о земной жизни и чудесах сподвижника Дмитрия Донского. При этом изображение лишено бытовизма и выглядит как некое возвышенное действо.

Шедевром Дионисия по праву считается икона **«Распятие»**. На черном кресте, возвышающемся над Голгофой, распят Иисус Христос. Свершилась страшная казнь — тело уже безжизненно. Жертвенную смерть Христа оплакивают близкие ему люди: Богоматерь застыла в безмолвном горе, поддерживаемая тремя женщинами. Любимый ученик апостол Иоанн склонился в печали, прижав руку к сердцу. При всем трагизме сюжета икона не передает физических мучений Сына Божьего. В ней все гармонично и возвышенно. Смерть Христа художник превратил в его апофеоз, ведь она искупила грехи людей, начиная с Адама, изгнанного из рая; а за смертью последует воскрешение. «Можно утверждать, что главный смысл „Распятия" Дионисия — это непостижимое чудо, превращение унижения и страдания богочеловека в его возвеличение и прославление, его смерти — в символ бессмертия» [6, с. 180]. Каждый образ иконы исполнен глубокого содержания, каждая деталь символична. Дионисий пишет все фигуры утонченными и хрупкими, словно парящими над землей.

Последнее произведение Дионисия — **росписи храма Рождества Богородицы в Ферапонтовом монастыре** (1502–1503). Их мастер выполнил вместе с учениками, хорошо усвоившими его творческую манеру. (В дружине Дионисия работали два его сына — Феодосий и Владимир.)

Росписи храма прославляют Богородицу. Они как бы иллюстрируют цикл церковных песнопений, посвященных Матери Божьей. Почетное место занимает изображение «Покров Богородицы», где царица небесная представлена с покровом (платком) в руках на фоне типично русской архитектуры. Ее окружает толпа молящихся людей в национальных русских одеждах. Этот сюжет представлялся в Московской Руси символом покровительства Богоматери «последнему христианскому сообществу в мире погибшей веры» [163, с. 59]. «Фигуры ферапонтовских фресок очень стройны, подтянуты, изящны: маленькие головы, покатые плечи, высокое талии, длинные ноги. Движения фигур сдержанны и медлительны. Эти движения как бы подчинены строгому придворному этикету» [98, с. 76].

Одухотворенность, прославление высоких нравственных идеалов, умение передать специфическими средствами красоту «горнего мира» — все это роднит творчество Дионисия и Андрея Рублева. Но в работах Дионисия нет глубины и проникновенности, свойственных лучшим работам эпохи Андрея Рублева. Внутренний мир и человеческие страсти мало интересовали мастера конца XV в.: его святые часто похожи друг на друга, как

близнецы-братья. Творческой манере Дионисия присущи изящество и светлый, радостный настрой. Фигуры его персонажей нарочито удлинены, лица миловидны. Парадное и изысканное искусство иконописца отвечало вкусам великокняжеского двора и иосифлянской церкви с ее стремлением к церковному благолепию.

Русское Предвозрождение, о котором пишет Д.С.Лихачев, не переросло в Возрождение. В государстве были уничтожены предпосылки такого перехода: прекратили существование республики в Новгороде и Пскове; исчезли органические связи с европейской культурой через Византию; появившиеся прямые контакты с итальянским Возрождением оказались кратковременными; возросло недоверие к католической Европе; иосифлянская церковь и государство контролировали все стороны культурной жизни. Духовная атмосфера становилась более холодной и официальной.

Глава 6. РУССКАЯ КУЛЬТУРА XVI века

«Век русского одиночества»

Шестнадцатое столетие — одна из самых ярких страниц отечественной истории. На его материале оттачивали свое мастерство многие отечественные историки, начиная с Н. М. Карамзина и вплоть до наших современников — А. А. Зимина, Р. Г. Скрынникова, В. Б. Кобрина и др. При этом «злодейства Ивашки Грозного», «опричная гроза» второй половины XVI в., кажется, заслонили более благополучную первую половину столетия. Между тем, с точки зрения истории культуры, она была более оживленной и интересной, позже произошло торможение культурного развития, в нем явно проступали черты кризиса.

В первое тридцатилетие XVI в., совпадавшее с правлением Василия III (1505–1533), завершалось формирование единого Русского государства. Культура этого времени была тесно связана с XV веком. В целом первая половина XVI в. характеризуется постепенным хозяйственным подъемом, успехами в земледелии и в развитии городов, оживлением торговли. Эти успехи были основой укрепления государственного аппарата. При этом централизация была достигнута не только за счет усиления личной власти великого князя, который с 1547 г. носил титул царя, но и путем законотворчества и реформ. Был создан центральный правительственный аппарат в виде «приказов» и Боярской думы, укреплялись войска Московского государства. Новым явлением в политической жизни государства стали Земские соборы — собрания представителей различных сословий, созываемые правительством. Они существенно отличались от европейских парламентов, так как создавались «сверху» и не были результатом борьбы сословий за свои права, поначалу не были они и выборными.

Более совершенной в XVI в. стала система сбора налогов, улучшилось судопроизводство («Судебник» 1550 г.). Элементы выборности появились в органах местного управления, которые, однако, оставались слабыми и несовершенными.

Первая половина XVI в. отмечена небывалым расцветом русской публицистики. Горячо обсуждались и вопросы государственного устройства, и пути религиозного развития русского общества. Продолжались споры иосифлян и нестяжателей, звучали голоса отдельных вольнодумцев-еретиков.

Вместе с тем уже к середине XVI столетия выявились тенденции, опасные для развития культуры. Иосифляне добились безраздельного господства в Русской православной церкви. Они оказали большие услуги государственной власти и вступили с ней в тесный союз. Церковь и государство стремились жестко регламентировать все стороны общественной жизни: был установлен перечень церковной и учительной литературы, рекомендованной для чтения, была строго определена религиозная жизнь духовенства и мирян с упором на обрядовое благочестие, было создано универсальное руководство в повседневной жизни («Домострой»), ориентированное на «старину» и традиции. Официальная идеология господствовала в литературе и летописании, которые наполнились политическими легендами и самовосхвалением. Строгие рамки сковывали развитие иконописи и архитектуры. Итак, «государство бралось исправлять жизнь, нравы, отвечать за правоверие подданных, и все это в размерах, невиданных прежде» [108, с. 129].

Усилилась изоляция русской культуры. Россия осталась единственным в мире независимым православным государством. Победы над Казанским (1552) и Астраханским (1556) ханствами стали своеобразным подтверждением царского титула Ивана Грозного, возвысили его власть в собственных глазах и в глазах народа. Но государство находилось во враждебном окружении. Увеличился разрыв между русской и европейской культурой, усилился процесс отчуждения отечественного искусства от западного. Культурные контакты с другими странами сократились до минимума.

Правда, некоторые исследователи отмечают западное влияние на русскую культуру XVI в., пишут о массовом наплыве европейцев в Московское государство [232, с. 28], о склонности самого Ивана Грозного к иностранцам и к иностранной культуре [161, с. 156–163]. Действительно, в XVI в. имели место дипломатические и торговые контакты с Англией через Архангельск, одно время наладились отношения с Данией. Но они не дали существенных результатов в развитии культуры. Да и что могли дать русской культуре служившие в опричнине военные наемники вроде немца Г. Штадена — «едва грамотного, необразованного и некультурного авантюриста» (С. Б. Веселовский)? Царь давал поруче-

ние немцу Г.Шлитте вербовать в Европе искусных врачей, ремесленников и даже богословов. Но приглашенные не смогли приехать в Россию: западные соседи препятствовали проникновению в русские земли европейских специалистов. Иван Грозный обращался к датскому королю с просьбой прислать мастеров для издания церковных книг. Но это намерение вызвало протест со стороны русского духовенства. Царь пользовался услугами иностранных врачей, но и это общение с иностранцами осуждалось его русским окружением.

Напрасно Максим Грек призывал бояр учиться в «славном и многолюдном» городе Париже, чтобы, «достаточное время пробыв в учении прилежном», возвратиться в свою страну «исполненным всякой премудрости и разума» [152, с. 467–469]. «Которая земля переставляет обычаи свои и та земля недолго стоит», — отвечал ему боярин Берсень Беклемишев. Церковное законодательство запрещало русским людям «разных стран беззакония» и «обычая злая» воспринимать и осквернятся ими. Несмотря на усиливающееся отставание от Европы в просвещении, «пастыри» русской культуры видели главную опасность для себя в западном влиянии, причем восточное влияние на быт и нравы воспринималось гораздо спокойнее.

Культурный опыт Византии уже вошел в кровь и плоть русской культуры, приобрел ее национальную окраску. Но Россия XVI в. не могла жить традициями погибшей Византии. Она строила собственную оригинальную культуру, при этом высокая культура черпала опыт из низовой, народной. Но едва ли прав зарубежный автор, который пишет следующее: «Как поднимающееся болото народная культура переливалась через край и частично заглатывалась слабой высокой культурой, византийские корни которой чахли» [251, с. 104]. Он судит русскую средневековую культуру с европейской «колокольни» и прав лишь в том, что высокая культура занимала очень скромное место в русском обществе XVI–XVII вв., в то время как в Европе она успешно вытесняла традиционную крестьянскую культуру. В условиях, когда просвещение и технические навыки играли все бо́льшую роль в мировой цивилизации, когда в ней ясно определилось лидерство Европы, изоляция России вела к застою, к кризисным явлениям в культуре.

Власть и культура в период опричнины

Путь реформ и законотворчества, по которому, «хоть не без греха», шло строительство русской жизни в первой половине XVI в., не устраивал царя Ивана IV (1533–1584). И дело здесь не только в том, что он был человеком жестоким, подозрительным и импульсивным. В развитии русской государственности изначально были заложены элементы деспотизма и насилия.

Иван Грозный.
Древнерусский портрет

В 60-х гг., разделив страну на «земщину» и «опричнину», Иван Грозный вознамерился быстро достичь неограниченной власти путем насилия и террора. Он добился своей цели, но цена достигнутого оказалась для России почти непосильной.

В войне, которую «собака-царь» объявил своему народу, пострадали не только представители знатных родов, которых Грозный заподозрил в измене. В результате опричного похода был разорен Новгород — второй по величине город России, без того не богатой городами. Сотни тысяч крестьян были убиты и умерли в результате голода и эпидемий. Пострадала сама русская церковь, прежде столь охотно пользовавшаяся «мечом» государства в борьбе с инакомыслием: царь менял церковных иерархов по своему усмотрению; митрополит Филипп Колычев, отказавшийся благословить злодейства царя, был задушен; церковь лишилась древнего права заступничества за осужденных и пострадавших.

В опричной «столице» — Александровой слободе — царь устроил дикую пародию на монастырь. В своем же послании Иван Грозный наставлял монахов Кирилло-Белозерского монастыря, поучал их праведной жизни и писал о себе при этом: «А мне, псу смердящему, кому учити, и чему наказывати, и чем просветити? Сам повсегда в пьянстве, в блуде, в прелюбодействе, в скверне, во убийстве, в граблении, в хищении, в ненависти, во всяком злодействе...» [154, с. 144].

Опричнина и 25-летняя Ливонская война, которую Россия проиграла, разорили страну. Папский посол А. Поссевино, побывавший в России в 1581–1582 гг., так писал Ивану Грозному о том, что увидел: «Храмы... разрушены или обращены в конюшни... святые иконы нечестиво брошены... Трупы взрослых и детей валяются повсюду, и на дорогах их уже топчут копыта коней, происходит много убийств и грабежей сельских жителей... на них охотятся с величайшим азартом в

Опричник на коне с метлой и песьей головой. *Гравировка по металлу. XVII в.*

лесах, забыв об охоте на диких зверей... На обширнейших пространствах видны следы пожаров и невероятного опустошения твоих владений. Впрочем, это уже везде не имеет значения, так как там не осталось ни земледельцев, ни скота» [180, с. 108]. Автор, желая запугать царя, несколько сгущал краски, но, к сожалению, картина разорения подтверждается и русскими источниками. Многие села в центре страны превратились в «пустоши», помещики остались без крестьян, значительно сократилось количество налогоплательщиков. Крестьяне бежали от разорения и поборов на окраины страны и становились казаками. В этих условиях правительство сделало первый шаг к их закрепощению — запретило переходы.

Вторая половина XVI в. оставила мало выдающихся памятников архитектуры и искусства. Беднее стала литература, умолкли русские публицисты. Едва ли не самым плодовитым автором того времени был сам Иван Грозный — автор многочисленных посланий, духовных стихов и даже музыки к ним. Царь писал европейским монархам грубые письма в «кусательном» стиле, устраивал «зрелища» — казни своих противников, наряжался в «сермягу» перед послами и вообще тяготел к лицедейству. Однако все это «творчество» скорее принадлежало к антикультуре. Можно удивляться начитанности и стилевому разнообразию писаний царя, но главная мысль их очень проста: «А жаловати есмя своих холопей волен, а и казнити волен же». Все подданные для него были «холопьями».

Некоторое оживление культурной жизни произошло в конце XVI в., при Борисе Годунове. Но впереди Россию ждали еще бóльшие потрясения — Смутное время.

Русская культура в XVI в. развивалась в сложных условиях. Не случайно именно тогда «Максим Грек создал — на века вперед — словесный образ России в виде женщины в черном вдовьем платье, сидящей на распутье дорог и окруженной дикими зверями. Имя ей — царство, но правят им властолюбцы и славолюбцы, которые совсем не пекутся о благе подданных» [135, с. 410].

Церковные споры

В первой половине XVI в. продолжались споры иосифлян и нестяжателей. Иосифляне в это время уже стояли во главе церкви и пользовались поддержкой светской власти. Но нестяжатели продолжали литературную деятельность и указывали на неблагополучие в религиозной сфере.

Идеи Нила Сорского развивал талантливый публицист **Вассиан Патрикеев**. Он был представителем знатного боярского рода, но попал «за высокоумничанье» в опалу при Иване III и был пострижен в монахи Кирилло-Белозерского монастыря. Здесь Вассиан сблизился с Нилом Сорским, стал его учеником и, в отличие от своего учителя, превратился в страстного полемиста. Он ополчился на Иосифа Волоцкого, доказывая пагубное воздействие на монашество богатства и землевладения, отмечал бесчеловечное отношение монастырей к крестьянам, выступал за гуманное отношение к еретикам. Как писатель и публицист Вассиан Патрикеев стоял выше своих противников. Одной острой, ироничной фразой он умел опровергнуть длинные выступления иосифлян, но на их стороне была сила власти. Страх потерять свои земли заставил последних поднять на борьбу с «заволжскими старцами» большинство отцов церкви. В 1531 г. Вассиан предстал перед церковным судом и был обвинен в ереси. Его заточили в Иосифо-Волоколамский монастырь, где «презлые иосифляне» уморили своего врага.

Немного раньше (в 1525 г.) иосифлянская церковь расправилась с **Максимом Греком**. Необычной была судьба этого человека, занимавшего исключительное место в русской культуре первой половины XVI в. Максим Грек (в миру — Михаил Триволис) родился в Греции, в аристократической семье. В молодости он учился в Италии, где познакомился со многими гуманистами. Большое влияние на него оказали пламенные проповеди Савонаролы — доминиканского монаха, обличавшего общественные пороки, проповедовавшего строгую христианскую мораль и идеи социальной справедливости. Под его влиянием Михаил постригся в монахи, но затем отрекся от католичества и возвратился в Грецию. Здесь он стал монахом одного из монастырей на горе Афон, занимался богословием.

Приезд в Москву Максима Грека. *Миниатюра летописного свода. XVI в.*

В 1518 г. Максим Грек по приглашению Василия III прибыл в Россию для работы над переводами религиозной литературы. Вскоре он освоил русский язык и включился в церковные споры как писатель-публицист. Ученый монах, прошедший школу гуманистов и Савонаролы, очень быстро оценил то «доброе и лихое»,

что было в русской церковной и политической жизни. Он примкнул к нестяжателям, сблизился с Вассианом Патрикеевым. В его келье образовалась своеобразная «Московская академия». Побеседовать с мудрым старцем приходили придворные и дипломаты, многие религиозные писатели. Речь заходила не только о Священном писании и творениях святых отцов, но и о том, «как устроить государю землю свою, и как людей жаловать, и как митрополиту жити». В своих сочинениях Максим Грек выступал за строгую монашескую жизнь, за гармонию между светской и духовной властью, за сильную власть князя, прислушивающегося к мнению мудрых советников. В русской культуре он был сторонником византийской традиции. Русских собеседников привлекали к старцу широкий кругозор и европейская начитанность.

Церковный суд обвинил Максима Грека в ереси и в связях с турками. За этими ложными обвинениями стояла месть человеку, который разделял взгляды нестяжателей и обличал внешнее, обрядоверческое направление русского благочестия. После почти 30-летнего заточения в русских монастырях Максим Грек скончался в Троице-Сергиевой лавре. Большинство его собеседников также было подвергнуто гонениям.

Идеи нестяжателей приобретали острые формы в выступлениях вольнодумцев. Еретики середины XVI в. разделяли многие взгляды своих предшественников, сожженных в 1504 г. Сын боярский **Матвей Башкин** и его единомышленники критиковали церковные обряды, называли иконы «идолами окаянными», отказывались от таинства исповеди. (Исповедь уже в XVI в. использовалась в целях политического сыска.) Еретики критически относились к Священному писанию, отмечая его баснословие. Башкин осуждал холопство как состояние, противоречащее христианским идеалам. Сам он отпустил своих холопов на волю: «У меня, что было кабал полных, то, есми все изодрал, да держу своих (слуг) добровольно». Матвея Башкина «испытывал» в вере сам царь, после чего приказал его пытать. Церковный суд еретика Башкина приговорил к заточению, а его брата — к публичному сожжению.

Наиболее радикальные взгляды высказывал вольнодумец **Феодосий Косой**. Беглый холоп, постригшийся в монахи, он направил свое «новое учение» против церкви и против социальной несправедливости. Он отрицал церковь, обряды, писания Святых Отцов, признавал лишь Библию и Евангелие. Все люди со всеми их разными верами и языками — одинаковые дети у Бога, считал монах. Он отрицал не только церковные, но и светские власти, призывал не платить налоги, не подчиняться господам, осуждал войны. Привлеченный к суду в Москве, Феодосий Косой сумел бежать в Литву, где нашел сторонников своего «рабьего учения».

Культурная деятельность иосифлянской церкви

Богатая и сильная иосифлянская церковь вела целенаправленное формирование самостоятельной культуры Московского царства. Целью этой деятельности была «централизация всей русской культуры» (Д.С.Лихачев). Церковь старалась регламентировать не только мировоззрение, но и повседневную жизнь людей. При общем низком уровне просвещения особую роль приобретало четкое исполнение религиозных обрядов. Истребляя ереси и инакомыслие, «исправляя» нравы, церковь опиралась на поддержку государства.

Ярким публицистом иосифлянского толка был **митрополит Даниил**, выступавший с поучениями, имевшими целью исправление нравов монахов и мирян. Священнослужитель осуждал и высмеивал светское веселье, пиры, игры (даже шахматы и шашки), песни и «плясания», приверженность к богатым одеждам, щегольство, не приветствовал и умственных «излишеств». Борясь за церковное единомыслие, митрополит добился осуждения Максима Грека и Вассиана Патрикеева. Сам же он не отличался аскетической жизнью, имел привычки вельможи, стремился во всем угодить Василию III.

Более цельной натурой был **митрополит Макарий**, под руководством которого было осуществлено множество значительных культурных мероприятий. Еще будучи новгородским архиепископом, он собрал вокруг себя «многих различных писарей» и книжников, чтобы свести воедино и переписать «все чтомые» на Руси оригинальные и переводные книги. Под его руководством делались новые переводы с латинского и греческого, редактировались старые списки. Главным образом это были жития святых и «учительная» литература. Так был составлен 12-томный свод — «Великие Минеи Четии». (Минеями называли сборники, где произведения были распределены по тем дням, в которые их рекомендовалось читать; Четьими назывались книги, предназначенные для чтения, в отличие от богослужебных.) Это была попытка регламентировать круг чтения, ограничить его проверенными и исправленными «образцовыми» сочинениями. Созданные при митрополите три списка со свода служили лишь образцами, ибо не были доступны широкому кругу читателей. Позже Макарий поддержал идею книгопечатания, в котором церковь видела средство распространения канонической литературы и борьбы с ересями.

Митрополит Макарий был инициатором венчания Ивана IV на царство. Обряд соединял византийские традиции с идеями «Сказания о князьях владимирских», которые приобрели официальный характер. Москва

выступала не столько преемницей и наследницей Византии, сколько древним и самостоятельным христианским царством, равнозначным Византийской и Римской империям. Сам титул «царь» происходил от искаженного «цезарь» (император).

Церковные иерархи, в том числе митрополиты Даниил и Макарий, принимали участие в летописании, которое приобрело ярко выраженный официальный характер. В 40–60-х гг. XVI в. были созданы **Никоновская** и **Воскресенская летописи**, отличавшиеся обилием легенд и политической тенденциозностью. Царскими приближенными был составлен 12-томный **«Лицевой свод»** (история в «лицах», то есть иллюстрациях), украшенный многочисленными миниатюрами.

Исследователи отмечают, что вмешательство церкви искусственно обедняло художественную литературу XVI в. — в ней не было «сатир» и сомнительных «легенд», остались, главным образом, церковные сочинения, летописи, официальная публицистика, «полезные» повести [120, с. 143].

На церковных соборах при митрополите Макарии были канонизированы многочисленные святые, почитаемые на Руси, при этом их число увеличилось более чем вдвое. Этот шаг должен был утвердить авторитет Русской православной церкви.

Проблемам устроения и упорядочения церковной жизни был посвящен так называемый **Стоглавый собор** 1551 г. Царь (а точнее — его советники) задал иерархам церкви вопросы, на которые были даны ответы, приобретшие силу закона. Сборник решений собора содержит сто глав. Отсюда название собора и сборника его постановлений («Стоглав»). Он регламентировал церковные обряды и некоторые нормы бытового поведения, которые ассоциировались с древним русским благочестием.

Более конкретные предписания религиозно-нравственного и бытового характера содержал **«Домострой»**. К его составлению имел отношение известный церковный и государственный деятель, священник кремлевского Благовещенского собора **Сильвестр**, под сильным влиянием которого находился одно время царь.

В 50-х гг. XVI в. официальная церковь вновь ополчилась против еретиков, вместе с которыми были уничтожены последние оплоты нестяжателей — заволжские монастыри. Вольнодумство было надолго искоренено из духовной жизни. Ревностное обрядовое благочестие, которое стало главной особенностью русского православия, исключало истинное духовное подвижничество. Не случайно события, происходившие в Русской церкви в XVI в., Г. П. Федотов охарактеризовал как «трагедию русской святости».

Публицистика. Иван Пересветов

Вопросы общественного и культурного развития страны обсуждались не только в форме церковных споров. Некоторые авторы затрагивали светские темы. Хотя русская культура в XVI в. оказалась в стороне от европейского Возрождения, некоторые созвучные ему идеи нашли отражение в *публицистике* (в литературе общественно-политического содержания). В ней проявились вера в разум и в силу убеждения, стремление к устройству общества на разумных началах, идея служения государства общенародным интересам [108, с. 127–130]. Интерес к светским проблемам был обусловлен становлением Русского централизованного государства.

Авторов того времени очень волновали проблемы «правды» и «неправды» («кривды»). Формировавшаяся в России государственная власть часто была очень далека от нужд и устремлений общества. Действия администрации отличались произволом, беззаконием, взяточничеством, подчиненностью интересам личного обогащения («кормления»).

Примечательно, что сомнения в справедливости устройства жизни на Руси нередко рождались вследствие ее сравнения с другими государствами. Известный публицист середины XVI в. **Иван Семенович Пересветов** был выходцем из русских земель, входивших в состав Великого княжества Литовского. Он служил во многих странах — Польше, Венгрии, Чехии, Молдавии, а затем приехал на Русь и организовал мастерскую по изготовлению гусарских щитов литовского образца. Ознакомившись с внутренним положением в стране и зная намерения правительства провести реформы, Пересветов подал царю ряд своих предложений. Он был автором **Малой и Большой челобитных**, а также **«Сказаний о Магмете-салтане и о царе Константине»**.

Пересветов был озабочен несправедливостью, царившей в русском обществе. Горький опыт боярского правления при малолетнем Иване IV побуждал его винить во всем бояр, «ленивых богатинов», которые думают лишь о своем обогащении и «упокое».

Чтобы в государстве восторжествовала «правда», по мнению Пересветова, необходима была сильная царская власть, опиравшаяся на простых «воинников», а царь должен быть грозным, ибо «без таковыя грозы не мочно в царство правды ввести... как конь под царем без узды, тако и царство без грозы» [216, с. 153]. Для достижения «правды-справедливости» Пересветов советовал государю установить правдивый суд, а тех вельмож, что неправедно судят, следует «живых одирати» — чтобы другим неповадно было, верным же слугам, в особенности «воинникам», что «люты к недругам», должно «сердце веселить» щедрым жалованием. Публицист предлагал царю

вести непрерывные завоевания: «Царь кроток и смирен на царстве своем, и царство его оскудевает, и слава его низится. Царь на царстве грозен и мудр — царство его ширеет, и имя его славно по всем землям» [216, с. 167].

«Воинников» надо держать как вольных слуг, — считал Пересветов. Его протест вызывали кабала и холопство, которые грозили на Руси многим — и крестьянину, и дворянину: «В котором царстве люди порабощены, и в том царстве люди не храбры и к бою, не смелы против недруга».

Свои предложения Пересветов подтверждал примерами из истории Византии, Турции и других стран. Примечательно, что автор положительно оценивал деятельность турецкого «Магмет-салтана», хоть он и «безбожный», а византийского императора Константина, мирного и кроткого, полагавшегося на советы вельмож, считал плохим государем, так как тот потерял свое царство. Пересветов высказывал оригинальные, почти еретические суждения о превосходстве «правды» над «верою». «Правда» для него — это прежде всего мирской закон, справедливые государственные порядки. Он считал, что «Великую правду» ввел в своем государстве «турский царь», а вот на Руси вера христианская хоть и «добра», а «правды» нет, а «коли правды нет, то и всего нет», «Бог не веру любит, а правду» [216, с. 181].

Многие исследователи справедливо называют Пересветова идеологом самодержавия, опирающегося на служилых людей, дворянство. Сам Иван Пересветов выделялся широтой и смелостью взглядов из массы служилой мелкоты. А то самодержавие, которое установил в конце концов Иван Грозный, явно отличалось от царства «правды» и «грозы», о котором мечтал дворянский публицист. Правда, в 50-х гг. «избранная рада» реализовала некоторые предложения Пересветова, касающиеся военной и судебной реформ. По части же «грозы» царь превзошел все пожелания Пересветова: войны Иван Грозный вел постоянно. Но царства «правды» на Руси не наступило. Царь не чувствовал своей ответственности ни перед «воинниками», ни перед кем-либо еще на земле — все подданные были для него «холопьями».

Просвещение

В XVI в. русскому обществу явно не хватало просвещения и просто грамотности, причем даже в тех строго ограниченных пределах, в которых они допускались иосифлянской церковью.

Русские источники ничего не сообщают о каких-либо училищах на Руси послемонгольского периода. В XVI столетии, как и прежде, обучение грамоте происходило в домашних условиях. «Мастерами грамоты»

обычно были священники, профессиональные писцы. Учить детей начинали с семи лет, но грамотность не считалась обязательной почти во всех слоях общества. Исключением были священники, которые, как правило, передавали свою профессию по наследству.

Как свидетельствует послание новгородского архиепископа Геннадия (того, что боролся с еретиками в конце XV в.), обучением нередко занимались случайные люди — «мужики-невежи». Сначала учеников заставляли заучивать тексты церковных книг, а затем по ним разбирали значение букв и слогов. Читать и писать учились по «божественному писанию». Обучение продолжалось около двух лет. За каждый его этап учителю полагался «магарыч» — «принести каша да гривна денег», сверх того — подарки.

Результаты такого образования часто оставляли желать лучшего, особенно если речь шла о подготовке священников. Тот же архиепископ Геннадий жаловался: «Приведут ко мне мужика (ставиться в попы или дьяконы), я велю ему Апостол дать читать, а он и ступить не умеет; велю Псалтырь дать — и по тому еле бредет... Велишь начинать с азбуки, а он, поучившись немного, просится прочь, не хочет учиться... А если отказаться посвящать (в попы), мне же жалуются: такова земля, господине, не можем найти, кто бы горазд был грамоте» [127, т. 2, ч. 1, с. 26].

Поэтому он «бил челом... великому князю, чтобы велел училища учинить». Такие училища и были устроены в конце XV в., но просуществовали они недолго. В «Стоглаве» отмечалось, что училища «бывали» в Москве и Новгороде, но к середине XVI в. от них осталось лишь воспоминание. «Стоглав» вновь констатировал, что желающие стать священниками «грамоте мало умеют», а учиться им негде.

Собор постановил устроить школы у лучших священников «в домех», чтобы все желающие могли приводить туда своих детей. Учить их полагалось чтению, письму и церковному пению. Но поскольку решительные меры не предпринимались и средства на организацию училищ не выделялись, постановление собора так и осталось благим пожеланием. Как писал П. Н. Милюков, «гораздо быстрее, чем поднимался уровень масс, падал ему навстречу уровень пастырей».

Начало книгопечатания

Несмотря на скромные успехи просвещения в XVI в., грамотность была нередким явлением даже среди мирян. В русском обществе рос интерес к образованию, высоко ценилась книжная премудрость. В свою оче-

редь, церковь была очень обеспокоена разнобоем и ошибками в «божественных книгах», что могло привести к недоразумениям и ересям. Стоглавый собор обратил внимание на неудовлетворительное положение с религиозной литературой: «Божественные книги писцы пишут с неправленных переводов, а написав, не правят же... И по тем книгам в церквах Божиих чтут и поют, и учатся и пишут с них». Царь и церковные иерархи пришли к мнению, что добиться единообразия книг и их более широкого распространения можно с помощью книгопечатания.

К середине XVI в. книгопечатание широко распространилось в Европе. Изобретение Иоганна Гутенберга (середина XV в.) пришло и в славянские страны. В конце XV в. Швайпольт Феоль в Кракове уже печатал богослужебные книги «русским шрифтом». Большую роль в становлении книгопечатания у восточных славян сыграл белорусский первопечатник и просветитель Франциск Скорина, работавший в Праге и в Вильно в первой половине XVI в.

Русский первопечатник Иван Федоров в послесловии к «Апостолу» (1564 г.) изложил краткую историю книгопечатания. Он писал, что для вновь возводимых церквей, для обращения в христианство жителей Поволжья нужны были «святые книги». Многие книги, которые царь приказывал покупать на торгу, оказывались негодными для богослужений из-за обилия ошибок. Тогда он решил начать издавать печатные книги по примеру европейских народов. Митрополит Макарий «весьма обрадовался» и благословил это начинание. В 1553 г. стали искать мастеров печатного дела.

Именно в 1553 г., по сообщению летописца, «начаться печатание книг в Москве при митрополите московском Макарии». Возможно, царю посоветовал ввести книгопечатание Максим Грек, который в молодости был знаком с итальянскими книгоиздателями. Из какого-то итальянского источника русские мастера переняли технические приемы печатного дела. Семь книг было издано в первой московской типографии. Их называют анонимными, так как неизвестно ни место издания, ни имя печатника.

В 1563 г. по указу Ивана IV в Москве строится Печатный двор. Здесь в 1564 г. **Иван Федоров** и **Петр Мстиславец** выпустили первую печатную книгу — **«Апостол»**. Руководил типографией Иван Федоров. Возможно, он происходил из дворян Великого княжества Литовского, получил образование в Краковском университете [136, с. 13–22]. Иван Федоров был дьяконом кремлевской церкви Николы Гостунского, обладал литературным талантом, писал предисловия и послесловия к своим изданиям, делал более понятным язык богослужебных книг. Впоследствии на Украине он (кроме большого количества богослужебных книг) выпустил **«Азбуку»** с краткой грамматикой «ради скорого младенческого

«Апостол». *Книга Ивана Федорова. 1564 г.*

научения», что характеризует его как выдающегося славянского просветителя.

«Апостол» и другие издания Ивана Федорова отличаются исключительно высоким качеством печати, они украшены заставками и инициалами. В оформлении книг мастера использовали традиции украшения русских рукописей, а также печатные орнаменты Германии и Голландии. Книги печатались на бумаге, привезенной из Европы.

Издав в Москве еще два «Часовника» (сборники молитв), Иван Федоров и Петр Мстиславец уехали в Литву, а затем на Украину. Как писал Иван Федоров, они покинули Москву «по причине великих преследований... но не от самого государя, а от многих начальников и духовных властей и учителей, которые по зависти возводили на нас многие обвинения в ереси...» [33, с. 221].

Дело первопечатников продолжил в Москве их ученик — **Андроник Невежа**. Всего до конца XVI в. на Печатном дворе было издано около 20 книг.

Книгопечатание стало одним из важнейших достижений русской культуры XVI в. Русские мастера-печатники сумели объединить свой культурный опыт и достижения Европы. Книгопечатание открывало новые возможности для распространения просвещения, но они не были использованы в полной мере: до середины XVII в. в России не было напечатано

ни одной светской книги. В это время в Европе выходили учебные и научные книги, произведения современных и античных авторов. Россия вплоть до конца XVII в. была, в основном, страной рукописной книги, в которой печать выполняла лишь узкую, строго регламентируемую властями и церковью, чисто вспомогательную функцию [33, с. 208].

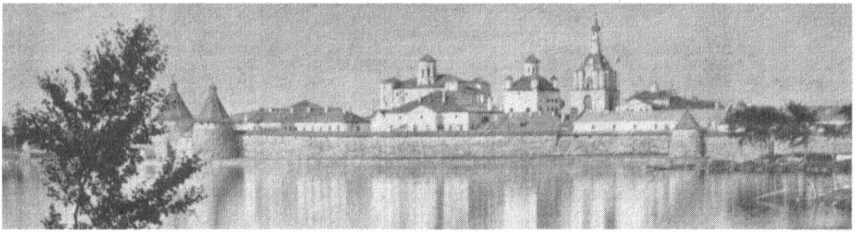
Строительство и архитектура

Русская архитектура XVI в. отличалась оригинальностью. Народное искусство легло в основу многих достижений в строительстве. В национальном духе развивалось мастерство итальянцев, работавших в Москве в начале XVI в. При этом черты ренессанса уходили из архитектуры, тяготевшей к самобытности и монументальности.

Большой размах приобрело крепостное строительство. Каменные кремли были возведены в начале XVI в. в Зарайске, Можайске, Казани, Серпухове, Астрахани.

В конце XVI в. «городовой мастер» **Федор Конь** построил третье кольцо московских укреплений — **Белый город** (1585–1593). Еще одну линию обороны Москвы составляли валы и деревянные стены **Земляного города («Скородома»)**. Подступы к столице охраняли **монастыри-крепости: Андроников, Новоспасский, Симонов, Донской, Новодевичий**.

Крупные монастыри, расположенные внутри страны, также были обнесены каменными стенами с башнями. Мощными «государевыми крепостями» стали в XVI в. **Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский, Соловецкий монастыри**. Особенно внушительными были стены и башни Соловецкого монастыря, сложенные из гигантских валунов. Этот монастырь, расположенный на острове в Белом море, стал северным форпостом Московского государства.



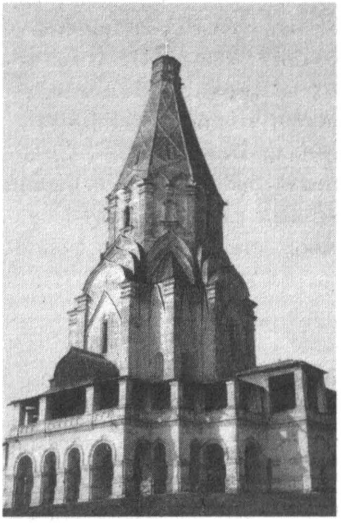
Соловецкий монастырь. *XVI в.*

Вершиной крепостного зодчества XVI в. был построенный Федором Конем **Смоленский кремль**, названный за красоту «ожерельем земли Русской».

Совершенствовалось и деревянное строительство. В 1551 г. дьяк И. Выродков за четыре недели почти напротив враждебной Казани построил город Свияжск. Его деревянные стены, башни и церкви были «срублены» около Углича, а затем в разобранном виде сплавлены по Волге. Таким же способом в конце XVI в. были возведены города-крепости на средней и нижней Волге — Самара, Царицын, Саратов. И. Выродков построил также «морское пристанище» в устье реки Наровы. Иностранцы удивлялись тому, как русские строители одним топором, без гвоздей, строили целые города.

Традиции и новаторство переплетались в церковном строительстве в XVI столетии. Архитекторы все чаще отходили от традиций при возведении храмов. В городах и монастырях возводились небольшие бесстолпные церкви. Их внешний вид оживлялся пристройками-приделами, крытыми галереями или открытыми гульбищами. Излюбленным украшением верхней части храмов оставались арочки-кокошники, из которых «вырастала» глава.

Важнейшим новшеством было появление башнеобразных *шатровых церквей*. Этот новый тип храмов сформировался под влиянием деревянного народного зодчества. Исследователи обратили внимание на то, что шатровые церкви часто имели мемориальный характер, то есть строились как храмы-памятники, рассчитанные прежде всего на внешнее восприятие.



Церковь Вознесения.
Село Коломенское. *1532 г.*

Ярчайшим образцом шатровых церквей является **церковь Вознесения в селе Коломенском** под Москвой (1532). По преданию, она построена в честь рождения у Василия III долгожданного наследника — будущего Ивана Грозного. Каменный шатер церкви Вознесения взметнулся ввысь на 58 метров. Храм чрезвычайно эффектно смотрится на высоком берегу Москвы-реки. Он стоит на высоком подклете и окружен галереей-гульбищем. Основной объем церкви, имеющей крестообразную форму, завершен кокошниками и переходит в восьмигранник-«*восьмерик*», увенчанный каменным шатром. Летописец подчеркивал, что храм построен «вверх на

деревянное дело». Все в этой постройке подчинено идее «вознесения» — устремленности ввысь. Церковь даже не имеет алтарных выступов-апсид. Устойчивость этой высокой постройки достигнута за счет большой толщины стен. Внутреннее помещение церкви невелико.

Оригинальными чертами отличается **храм Иоанна Предтечи в селе Дьяково близ Коломенского** (середина XVI в.). В нем высокий центральный столп-восьмерик, покрытый куполом, окружен еще четырьмя приделами-восьмериками. Все они объединены одноэтажной галереей и имеют купольные завершения. Таким образом новыми средствами было достигнуто традиционное пятиглавие. Снаружи церковь имеет богатое декоративное убранство.

Церковь Иоанна Предтечи. Село Дьяково. *Середина XVI в.*

Новые формы строительства нашли дальнейшее развитие в **Покровском соборе, что на Рву** (1555–1561), который больше известен как **храм Василия Блаженного**. Собор был возведен на Красной площади зодчими **Постником Яковлевым** и **Бармой** в память о победе над Казанским ханством. Царь и митрополит Макарий поручили мастерам построить храм с восемью престолами (алтарями), посвященными тем святым, память которых праздновалась в дни осады Казани. Мастера же нарушили царское повеление и, подчиняясь архитектурной гармонии, составили свой собор из девяти церквей: вокруг центральной шатровой церкви Покрова они симметрично разместили восемь столпообразных храмов, увенчанных причудливыми куполами. Позже был пристроен девятый придел над могилой чтимого в народе юродивого Василия Блаженного. Общий подклет и переходы соединили хра-

Храм Василия Блаженного (Покровский собор, «что на рву»). Москва. *1555–1561 гг.*

мы в единый комплекс. Первоначально собор не имел яркой окраски. Некоторыми декоративными деталями он был украшен в XVII в. Храм Василия Блаженного не укладывается в каноническое представление о храме—модели мира: внутреннее пространство имеет здесь второстепенное значение — интерьеры церквей слишком тесны и слабо освещены.

«Самый русский из всех древнерусских храмов» (М. В. Алпатов), храм Василия Блаженного, воздвигнутый на главной площади Москвы, стал своеобразным олицетворением принципов русской средневековой архитектуры. Он показывает, какую важную роль играла низовая народная культура в формировании высокой культуры Московского государства. Шатровые церкви, воплотившие в себе народное представление о красоте, были широко распространены в русской архитектуре XVI—XVII вв.

Дух монументализма и величия, характерный для русской культуры XVI в., нашел отражение при строительстве больших пятиглавых соборов. Их образцами служили Успенский и Архангельский соборы Московского Кремля. Благородством и чистотой форм отличаются **Смоленский собор Новодевичьего монастыря в Москве**, **Успенский собор в Ростове Великом**. Их архитектура более всего отвечала идеологии иосифлянской церкви, опиравшейся на традицию. Но подражание старым образцам приводило подчас к проявлению консерватизма и тяжеловесности. Эти черты заметны в архитектуре Успенского собора Троице-Сергиева монастыря и Софийского собора в Вологде, построенного по заказу Ивана Грозного.

Иконопись

Заметные изменения происходят в русской иконописи XVI в. Сохраняется высокое мастерство живописцев, но икона становится более повествовательной и назидательной, обращенной не столько к сердцу, сколько к разуму созерцающего ее человека. Угасают традиции творчества Андрея Рублева и Дионисия; зарождаются новые сюжеты и художественные приемы.

Большое внимание этому виду творчества уделил Стоглавый собор 1551 г. Он предписывал художникам писать иконы, «смотря на образ древних живописцев, и знаменовати с добрых образцов» [193, т. 2, с. 314]. Была канонизирована живопись Андрея Рублева, хотя в то время иконы мастера уже стали «темновидными» и были закрыты драгоценными окладами. «Стоглав» осудил проявления творческой индивидуальности, «измышления» в иконописи, призвал церковных иерархов следить, «чтобы

гораздые иконники и их ученики писали с древних образцов, а от самомышления бы и своими догадками божества не описывали».

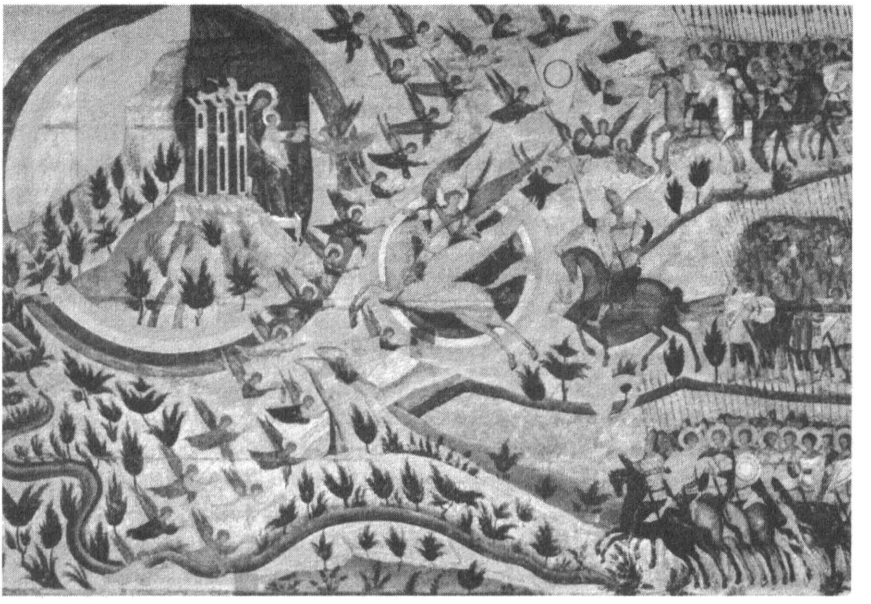
Примечательно в этом отношении выступление дьяка И. М. Висковатого (он был главой Посольского приказа) против новых икон Благовещенского собора, которые показались ему написанными художником «по собственным мудрованиям». Высокоумный дьяк усмотрел в них влияние «латынской ереси». В общем-то он увидел в иконах и росписях некоторые новые черты: «Написан образ Спасов, да тут же близко него написана жонка, спустя рукава кабы пляшет, а подписано под нею: блужение...» Но церковные иерархи осудили дьяка за его рассуждения о божественной материи: «ныне говоришь и мудрствуешь не гораздо о святых иконах, не попадися и сам в еретики; знал бы ты свои дела, которые на тебя положены, — не разроняй списков» [211, вып. 2, ч. 1, с. 138].

Известный знаток русской иконописи М. В. Алпатов писал: «Органическому развитию русской школы положили конец постановления Стоглавого собора. Искусство стало орудием в руках церкви, как сама церковь стала орудием в руках деспотического самодержавия. Канонизация образов, мелочный контроль, нетерпимость по отношению к каждому отклонению от канонов — все это было несовместимо с настоящим творчеством. Начиная с середины XVI в. официальное искусство Древней Руси теряет свои достоинства. В нем начинает преобладать шаблон, усиливается ремесленность, меркнет воображение даже самых даровитых художников» [5, с. 172].

Этот приговор ученого, может быть, даже излишне категоричен. Кризис иконописи в XVI в. означал не только ее творческий спад, но и поиски новых путей. Кардинально нового пути — пути гуманистического «открытия» человека, пути реалистического искусства — русская живопись не находила. Но по-своему она приближалась к нему — через расширение круга привычных сюжетов, через возросший интерес к окружающему миру с его живыми подробностями.

В иконописи стали популярными абстрактно-символические сюжеты, взятые из притч и церковных песнопений. Они носили характер религиозных и даже политических аллегорий. Подчиняясь духу времени, «Стоглав» разрешил писать «притчами», хотя это и открывало художникам путь к «самомышлению». Для икон XVI в. характерны такие сюжеты, как «Видение лествицы» («лествица» — лестница — символизировала нравственное самоусовершенствование монахов), «Притча о храме и слепце», разного рода пророческие «видения» и т.д.

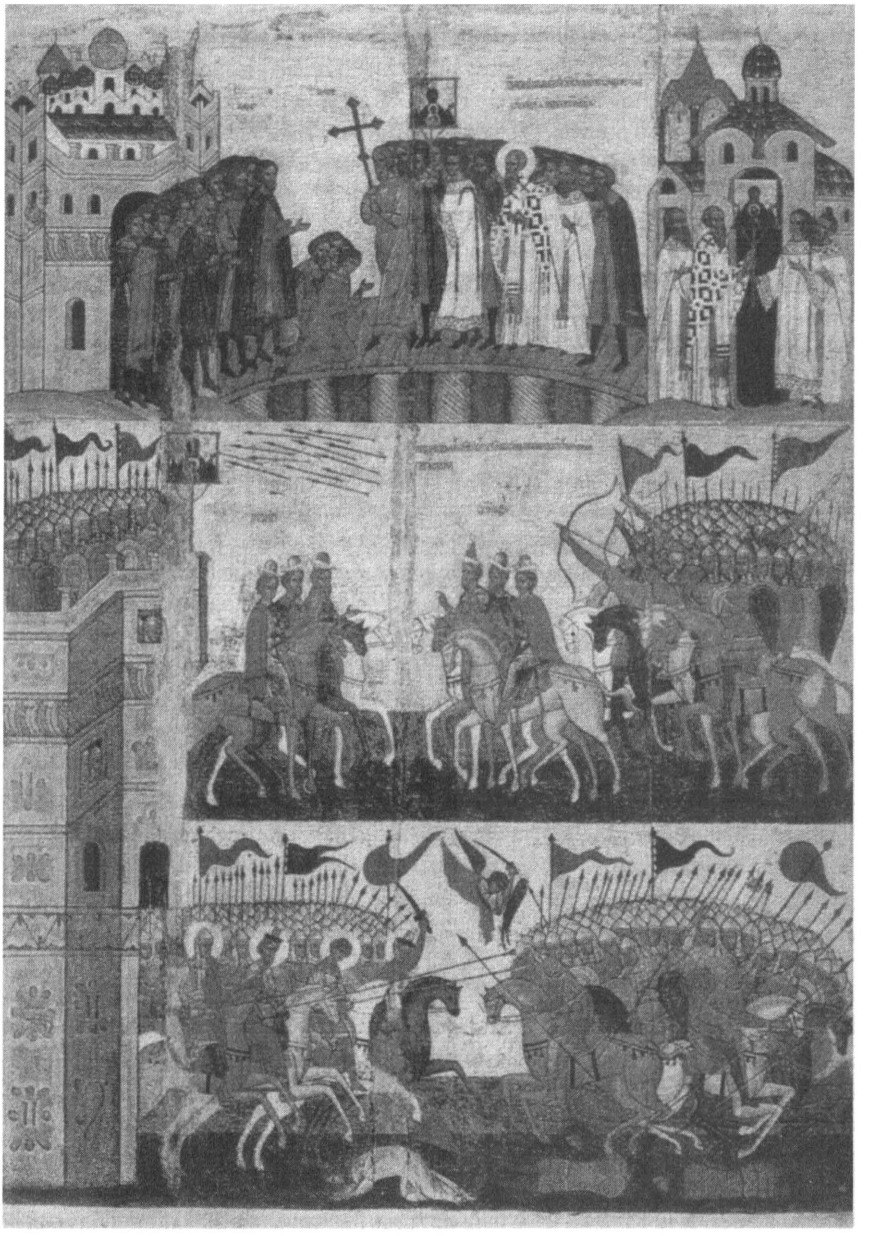
Одна из наиболее известных икон XVI в. — **«Церковь воинствующая»** — имела в длину четыре метра. В ней в аллегорической форме прославляются победа над Казанским ханством, торжество христиан над «неверными». От горящего «нечестивого» города тремя рядами движется победоносное войско. В нем — святые воины и князья. В центре восседает



Церковь воинствующая. *Икона. Середина XVI в.*

на коне облаченный в царские одежды, с венцом на голове и с крестом в руках Владимир Мономах (напомним, что этот князь играл особую роль в официальной идеологии). В этой же группе видны креститель Руси Владимир Святой и его сыновья — святые Борис и Глеб. В нижнем ряду находятся реальные исторические деятели — князья ярославские, черниговские, тверские, Александр Невский и Дмитрий Донской. Во главе всего воинства изображен Архангел Михаил, скачущий в радужном сиянии на крылатом коне. За ним едет на коне молодой воин со стягом. В этой фигуре видят самого Ивана IV. Войско направляется к «небесному Иерусалиму», где восседает Богоматерь с младенцем. В этой иконе нашла свое выражение политическая программа Ивана Грозного, представлявшегося верным сыном Православной церкви, борцом с «неверными», наследником киевских и владимирских князей.

С этой иконой можно сравнить лишь известный образ XV в. **«Битва новгородцев с суздальцами»**, рассказывающий о том, как благодаря чуду иконы Божией Матери «Знамение» новгородцы одержали победу над суздальцами. Но он более лаконичен и традиционен по своим изобразительным средствам.



Битва новгородцев с суздальцами. *Икона. 2-я половина XV в.*

В произведениях XVI в. символизм и абстрактность сюжетов странным образом оборачиваются своей противоположностью — бытовизмом и конкретностью. Так, в новгородской иконе «Виде́ние пономаря Тарасия» почти реалистически изображен Новгород. Множество бытовых и даже пейзажных деталей появляется в житийных иконах и иконах-притчах. Даже «Церковь воинствующую» можно представить как историческую картину.

Духовный мир русского крестьянства

Основой духовной культуры русского народа было православие. Оно определяло менталитет (мировосприятие, психологию, нормы поведения) общества, накладывало неповторимый отпечаток на русский национальный характер. Каноническая православная церковность была уделом высших классов общества. Но даже на церковных иерархов оказывала влияние народная религиозная традиция, которая отразилась в постановлениях «Стоглава». Не случайно позднейшие православные богословы отмечали, что «Стоглав» был написан «неразсудно, простотою и невежеством».

Русская народная вера отличалась от официального православия. Она включала в себя его особую версию, которая причудливо переплеталась с языческими верованиями [78, с. 31; 229, с. 11]. Здесь имел место синтез низовой фольклорной и книжной культуры.

Важно подчеркнуть, что русские крестьяне добровольно, сознательно и с желанием воспринимали православие как наилучшую форму общения с Богом, что обеспечивало «оптимальные возможности в реализации семейно-бытовых, гражданских, трудовых взаимоотношений, жизни в ее целом» [78, с. 42]. У них было свое представление о православии, святости и молитве.

Ярким выражением народной веры были духовные стихи, которые исполняли бродячие певцы на базарных площадях или у церквей. Они бытовали в народе в XVI–XVII вв. Их изучение позволило Г. П. Федотову в книге «Стихи духовные» сделать выводы об особенностях русской народной веры — важнейшей части духовной культуры Московской Руси.

В этих стихах редко встречаются сюжеты, прямо взятые из Священного писания, которое (особенно Ветхий Завет) никогда не было в народе обиходной книгой. Они чаще всего связаны с поучительной церковной литературой, житиями святых, *апокрифами* (так называются примыкающие к Библии религиозные сочинения, не признанные церковью священными). Их излюбленная тема — безвинные страдания Христа, Адама, Лазаря, мучеников-святых. Народное богословие почти не восприняло сложного

догмата триединства Бога. Вместо святой Троицы почиталась «двоица» — Христос и Богоматерь. Христос был не столько олицетворением евангельской любви, сколько «Царем Небесным», Владыкой и Судией. Образ Богоматери сближался в народном сознании с человеческим, материнским началом, а также с древним образом Матери-Земли.

Народная вера представляет святых покровителями крестьянского труда. Каждый святой «отвечает» за свою сферу и оберегает:

Флор, Лавёр лошадок,
Власий коровок,
Анастасий овечек,
Василий свинок,
Мамонтий козок,
Терентий курок,
Зосим Соловецкий пчелок.

Неписанный нравственный закон сурово осуждал оскорбление родителей, несоблюдение церковных обрядов, нарушение христианского закона любви между людьми. Тяжело переживал народ социальную неправду, неравенство, торжество «кривды» на земле.

В народе знали и по-своему чтили христианские праздники, но к ним нередко примешивались языческие традиции. Церковь осуждала обычай поминания предков «с великим кричанием», когда на кладбищах играли скоморохи и люди, перестав плакать, начинали «скакати и плясати», «песни сотонинские пети». Однако было принято веселиться на святки, приуроченные к Рождеству Христову, весело, с «плясанием» и «бесчинием», праздновать русальную неделю накануне дня Иоанна Крестителя (Ивана Купалы).

Христианский календарь крестьянство тесно связывало с сельскохозяйственными работами: в Егорьев день выгоняли в поле скот, в день святой Ирины («рассадницы») сажали капустную рассаду, на Константина и Елену начинали сеять хлеб и т.д.

В народной духовной культуре бытовали и такие далекие от церкви явления, как былинное творчество, обрядовые песни и игры, а также целый пласт «смеховой культуры».

Русский средневековый быт

К середине XVI в. сформировались специфические черты русского быта и нравов. Они приобрели устойчивый характер и были зафиксированы

в «Стоглаве» и «Домострое» (хозяйственной энциклопедии русского средневековья). «Стоглав» отмечал недостатки быта и нравов духовенства и мирян, «Домострой» же давал некий идеал повседневной жизни. Эти источники, как и описания иностранцев, рисуют достаточно полную картину жизни русского общества в XVI в.

Известные историки, изучавшие культуру Московской Руси (Н.И.Костомаров, И.Е.Забелин, В.О.Ключевский), отмечали единство быта, обычаев, жизненных понятий во всех слоях русского средневекового общества. Религиозная спаянность всего общества, народные истоки многих традиций и обычаев, национальная замкнутость культуры — все это способствовало общности быта у различных классов. И все-таки единство было относительным. Средневековое традиционное общество немыслимо без социальной иерархии, в которой общественный статус человека обязательно подчеркивался привилегиями и внешними признаками (одеждой, жилищем, поведением и т.д.). Разница в быте господствующих классов и «простой чади» была не столько качественной, сколько количественной. Она выражалась не в формах жилища, одежды, утвари, а в их изобилии, в богатстве материалов, из которых они изготавливались.

Жизнь монахов по-прежнему оставалась идеалом мирской жизни, хотя некоторые вольнодумцы уже считали, что в светской жизни должны быть другие основания. Но «Домострой» провозглашал первостепенное значение церковных обрядов в жизни любого человека. Первые главы этой книги учат, «како христианом веровати», «како причащатися», «како любити Господа», как чтить священников, как молиться Богу и т.д. Со свойственной иосифлянам мелочностью автор наставляет читателя даже тому, как целовать иконы и святые мощи: «дух в себе удержав, а губами не плюскати» [49, с. 32].

Однако, судя по «Стоглаву», нравы самих монахов оставляли желать лучшего. Жизнь богатых общежительных монастырей была ориентирована на стяжение земных богатств; монахи занимались торговлей, ростовщичеством, затевали земельные тяжбы в судах. Многие люди постригались в монахи «покоя ради телесного». «Стоглав» упрекал духовенство в «упивании безмерном», в драках, устраиваемых в церквах. Соответственно и миряне, придя в храм, часто вели себя как «на торжище»: «и говор, и ропот, и всяко прекословие, и беседы, и смрадные словеса».

Положительные нравственные идеалы продолжали жить в народном сознании, поддерживали их лучшие представители духовенства. Не только церковь, но и народные духовные стихи осуждали пьянство и матерную брань. Источники не оставляют сомнения в том, что эти пороки были широко распространены в русском обществе. Деспотизм, холопские формы зависимости, начинавшееся закрепощение способствовали огрублению нравов.

Основой традиционной бытовой культуры была семья, часто состоявшая из нескольких поколений ближайших родственников. К XVI в. сложился семейный быт с сильной властью отца, которого безоговорочно слушались все домочадцы. За непослушание «Домострой», в качестве воспитательного средства, рекомендовал побои, но при этом советовал: «Про всякую вину по уху и по лицу не бить, ни кулаком под сердце, ни пинком, ни посохом».

В христианстве подчиненное положение женщины изначально считалось нормой. «Муж есть глава жены», — учил апостол Павел. В европейской культуре статус женщины постоянно повышался. В средневековой России мы этого почти не видим. Идеал жены, по «Домострою»: «Добрая, трудолюбивая, молчаливая». Но все-таки считать русских женщин XVI в. абсолютно бесправными нельзя. В семье нравственный авторитет матери был, как правило, высок. Женщины обладали некоторыми имущественными правами. Им отводилась важная роль в ведении домашнего хозяйства, в богатых домах они распоряжались слугами. Особенно высокое положение занимали вдовы.

Семейная жизнь строилась на традициях, с оглядкой на обычаи отцов. Рождения, браки, смерти сопровождались церковными обрядами. Свадьба, помимо церковного венчания, содержала в себе многие элементы народного веселья, уходившие своими корнями в языческое прошлое. Даже на царскую свадьбу допускались скоморохи. Браки заключались, как правило, по воле родителей, при этом учитывались соображения престижа и материального достатка. В крестьянской среде сохранялась проблема слишком ранних браков. «Стоглав» запрещал венчать отроков раньше 16 лет, а отроковиц — раньше 12 лет.

Уклад повседневной жизни был сходным во всех слоях общества: вставали очень рано, молились всей семьей, занимались своими основными делами, после обеда ложились отдыхать (этот обычай не нарушался даже во время войн), встав после сна, опять принимались за обычные дела, вечером можно было позабавиться и побеседовать, после ужина снова молились и вскоре ложились спать. Монотонное течение жизни разнообразилось посещениями церкви, пирами по праздникам.

К XVI в. сложился основной тип крестьянского жилища: «изба, да клеть, да меж ими сени». Изба была основным жилым отапливаемым помещением. Клеть предназначалась для хранения имущества, могла служить летним жильем. В сенях был выход на улицу. Постройки имели двускатную крышу. В городских и сельских усадьбах были хозяйственные постройки: хлев для скота, баня, погреб и т.д. Рядом с жилищем — сады и огороды. В городах постройки находились в глубине усадеб, на улицу выходили лишь глухие заборы с воротами.

Жилища бояр и купцов были целым комплексом жилых построек, основу которых также составляла изба с клетью и сенями, но которые часто дополнялись башнеобразной надстройкой — повалушей. «Белые горницы», отапливаемые каменными печами с дымоходом, были редкостью. Еще более редкими были каменные хоромы.

Очень заметно социальные отличия проявлялись в одежде, хотя ее основной тип у мужчин и женщин всех классов оставался прежним — рубаха. Рубаха и штаны в мужском костюме дополнились верхней одеждой (кафтанами, ферязями, однорядками, шубами), которая была особенно разнообразной у знатных людей, так как шилась из парчи, шелка, бархата, украшалась вышивкой, жемчугом, драгоценными пуговицами, подчас стоившими дороже платья. Парадная одежда очень ценилась и передавалась по наследству. Описания русской одежды XVI в. оставили европейские дипломаты С. Герберштейн и Д. Флетчер. Вот как описывал одежду состоятельных людей первый из них: «Кафтаны они носят длинные, без складок, с очень узкими рукавами, почти на венгерский лад; при этом христиане носят узелки, которыми застегивается грудь, на правой стороне, а татары, одежда которых очень похожа, — на левой. Сапоги они носят красные и очень короткие, так что они не доходят до колен, а подошва у них подбита желез-

Одежда знати. *Немецкая гравюра. XVII в.*

ными гвоздиками. Рубашки почти у все разукрашены у шеи разными цветами; застегивают их либо ожерельем, либо серебряными или медными позолоченными пуговицами, к котдрым для украшения добавляют и жемчуг» [35, с. 117]. Длинная верхняя одежда (кафтан, ферязь, сарафан) была заимствована с Востока. Сарафан в XVI в. был мужской одеждой.

Престижной одеждой знати была шуба из меха соболя или куницы, «крытая» дорогой тканью, и высокая меховая шапка. У богатых людей были в моде «тафьи» — тюбетейки, которые не снимали даже в церкви. «Стоглав» строго осудил этот обычай и запретил ношение тюбетеек. Мода на одежду, щегольство были распространены среди знати. В частности, это проявлялось в ношении иностранной одежды, бритье бороды. Известно, что великий князь Василий III, женившись на молодой литовской княжне, сбрил бороду. Но подобные вольности церковь осуждала. Митрополит Даниил даже написал специальное поучение против щеголей: «Великий подвиг творишь, — обращался он к модникам, — угождая блудницам, платье переменяешь, сапоги у тебя яркого красного цвета, чрезвычайно узкие, так что сильно жмут ноги, блистаешь, скачешь, ржешь, как жеребец, волосы не только бритвою вместе с телом сбриваешь, но и щипцами с корнем исторгаешь, позавидовавши женщинам, мужское свое лицо на женское претворяешь, моешься, румянишься, душишься, как женщина.» [104, с. 158].

Основной пищей русских людей в XVI в. были хлеб, хлебные и крупяные продукты — пироги, блины, каши, кисели. Хлеб главным образом был ржаной, пшеничная мука шла на калачи и пироги. В рационе русских людей становилось больше овощей и фруктов. Самыми распространенными овощами были капуста, свекла, репа.

Иностранные путешественники отмечали изобилие и дешевизну на русских рынках мяса и рыбы. Мясная и рыбная пища была доступна всем слоям общества, но стол богатых людей был более разнообразным. «Домострой» называет более 135 кушаний из мясных блюд: приготовленные разным образом на сковородах и на вертелах лебеди, журавли, утки, тетерева, рябчики, куры, зайцы, свинина, говядина и т.д. Не менее разнообразным был и рыбный стол. Различалась пища скоромная и постная. Посты отличались по строгости. Излюбленными напитками были меды, пиво, квас. В XVI в. появилась водка, которую пили перед обедом.

«Домострой» воспитывал бережное отношение к еде, к каждому кусочку, даже к крошкам. (Он вообще учил людей быть бережливыми и расчетливыми.) Правила приличия предписывали хвалить все блюда в гостях, даже если они не пришлись по вкусу. В русском обществе высоко ценились гостеприимство и хлебосольство.

Глава 7.

ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XVII века

Начало нового времени или «осень средневековья»?

К XVII в. в России сложилась самобытная культура, основанная на традициях, обычаях и православии. Эта культура была сильна своим относительным единством, укорененностью в народных массах. Существовавший в ее рамках тонкий слой высокой культуры (профессиональной, книжной) обслуживал верхушку общества, создавая высокохудожественные произведения, обеспечивая религиозные и идеологические потребности, давая верхам необходимую степень роскоши и комфорта. Но творческие возможности высокой культуры были ограничены условиями изоляции, жестким контролем со стороны духовной и светской власти. *Традиционная культура* удовлетворяла материальные и духовные потребности народа, хотя и на очень скудном, примитивном уровне.

Русская культура находилась на периферии европейской, но никогда не была от нее полностью оторвана. Развитие внутренних потребностей и пример Европы не позволяли русскому обществу впасть в застой, к которому могли бы привести господство традиций и изоляция. Это стало совершенно очевидным в XVII в. К пониманию необходимости движения вперед, реформ и европеизации русское общество приходило в очень сложных условиях социальных потрясений и войн, которыми была наполнена эта эпоха.

XVI в. завещал XVII целый ряд проблем: закрепощение крестьян, прекращение династии московских князей, нерешенные внешнеполитические вопросы. Стихийные бедствия и голод 1601–1603 гг. до предела обострили общественные отношения. В России разгоралась гражданская война, которую современники назвали Смутным временем. В ней участвовали все

слои русского общества, от холопов до бояр. Осложнялось положение военным вмешательством Польши и Швеции. В результате страна была страшно разорена, сократилось население, поля заросли лесом, многие города были разрушены, торговля и международные связи ослабли. Медленно преодолевала страна тяжелые последствия Смутного времени.

Первые цари из новой династии Романовых — Михаил Федорович (1613–1645) и Алексей Михайлович (1645–1676) — действовали традиционными, испытанными методами, что привело к постепенному преодолению хозяйственного кризиса и к полному закрепощению помещичьих крестьян и посадских людей (горожан). Крепостное право, установленное Соборным Уложением в 1649 г., разорительная налоговая политика государства, постоянная опека, которую испытывали крестьяне со стороны помещика и общины, отсутствие частной собственности в руках непосредственных производителей — все это придавало экономике страны застойный характер. Искусственная изоляция России от внешнего мира препятствовала экономическому и культурному сотрудничеству с Европой.

И тем не менее историки называли XVII в. началом нового периода русской истории (В. О. Ключевский), писали о «культурном переломе» XVII в. (С. Ф. Платонов). Новые явления — рост городов и рыночных связей, совершенствование производства — способствовали оживлению культурной жизни, ее некоторой демократизации: «Новые явления в области культуры затронули прежде всего города. Как и всюду в средневековье, городская жизнь порождала новые представления. Сосредоточение больших масс людей в больших по тому времени городах, развитие торговли, общение с другими землями и странами подрывали вековую замкнутость, вели к расширению кругозора людей... Результаты труда ремесленника гораздо в большей степени, чем у земледельца, зависели от его личного опыта, энергии, мастерства. Еще значительнее активная роль человека проявлялась в занятии торговлей. Начало промышленного производства, поиски полезных ископаемых, далекие походы в Сибирь и в другие районы значительно расширили кругозор русских людей XVII века» [143].

Как никогда прежде в русской культуре проявились тяга к просвещению, критика церкви, интерес к человеческой личности, стремление к иноземным новшествам. Эти новые черты еще не разрушали, но уже ставили под сомнение существование традиционных устоев. Поэтому исследователи пишут о кризисе средневековой и зарождении новой культуры в России в XVII в. [88, с. 48–62], о переходе от средневековья к культуре нового времени, о том, что XVII в. принял на себя функцию эпохи Возрождения, но в особых условиях и сложных обстоятельствах [108, с. 139].

Историки ищут и находят в русской культуре новые черты и уделяют им, как правило, главное внимание, ибо за ними было будущее. Но жизнь

XVII в. сочетала «старину» и «новизну», причем «старина» преобладала. Средневековая культура еще господствовала, она достигла тогда полноты своего развития. Поэтому весьма полезным представляется подход, который использовал в классическом труде «Осень средневековья» И. Хёйзинга. Автор предпринял «попытку увидеть средневековую культуру в ее последней жизненной фазе, как дерево, плоды которого полностью завершили свое развитие, налились соком и уже перезрели». Наблюдения, сделанные им, во многом перекликаются с тем, что было в России в XVII в.: повышенная эмоциональность жизни, соседство беспощадности и милосердия; суровость судебных наказаний. Жизнь представляла «пеструю картинку кричащих грехов и вопиющего бедствия»: люди легко брались за оружие и поднимали восстания; ненависть и насилие в жизни противостояли идеальному, желанному царству тишины и покоя; тяга к неумеренной роскоши и украшательству проникла в искусство и быт.

Демократические черты в русской культуре XVII века

В Смутное время тяжелый кризис государства и общества удалось разрешить лишь усилиями «всей земли». В сочинениях, написанных очевидцами, народ выступал как мощная сила. «Вся же Россия царьствующему граду способствующе, понеже обща беда всем пришла», — писал Авраамий Палицын. Жители страны, привыкшие решать свои проблемы вооруженным путем, неоднократно поднимали восстания в «бунташном» XVII в. На закрепощение народ ответил массовыми движениями, наиболее крупным из которых было восстание Степана Разина. В идеологии восставших проявлялись народные представления о правде и воле. Это были выступления против официальных властей. В них были сильны элементы разрушения, а подчас и откровенного разбоя.

О русском обществе XVII в. можно сказать словами историка: «Это злой мир. Повсюду вздымается пламя ненависти и насилия, повсюду — несправедливость» [234, с. 33]. В «бунташный» век рушились привычные авторитеты, в том числе авторитет власти, и часто звучали словесные оскорбления в ее адрес — речи «матерны и с государевым именем». Вообще распространение площадной брани, «матерной лаи» было настолько широким, что вызвало озабоченность царя Алексея Михайловича. По царскому указу переодетые стрельцы внедрялись в толпу и, приметив сквернословца, тут же наказывали его кнутом и батогами. Но эта мера оказывалась бессильной против укоренившейся привычки.

В народной поэзии сложилось представление, что «правда кривду переспорила, пошла правда на небеса к самому Христу, Царю Небесному,

осталась кривда на сырой земле» [194, с. 113]. Впрочем, ощущение радости жизни, надежда на лучшую долю — тоже были присущи народному мировосприятию. Не случайно важным оружием в борьбе с неправдой и несправедливостью был смех.

В XVII столетии народная «стихия веселости» приобретает невиданное прежде общественное значение. В дни народных праздников и веселья человек становится свободным от условностей общественного поведения, которые строго насаждались религиозной моралью. Смеющийся человек зачастую отрицал и царя, и бога, и несправедливые общественные порядки. Смех разрушал видимую гармонию официальной культуры. Смех «оглуплял», «вскрывал», «разоблачал», «обнажал». Ведь невозможно уважать то, что подвергнуто осмеянию. Миру официальной церковной и государственной культуры народная «смеховая культура» противопоставляла свой мир «наизнанку», «навыворот». Таким образом готовился фундамент для новой культуры — более справедливой [11, с. 3].

Издревле веселье на Руси (праздники, свадьбы) было связано со *скоморошеством*. Скоморохи — площадные лицедеи, плясуны и песенники, гудочники и волынщики, петрушечники и медведчики. Это заводилы

Скоморохи. *Художник А.М.Васнецов. 1904 г.*

игрищ и потех, профессиональные артисты, иногда жившие в городах, иногда кочевавшие по городам и селам. Власть и церковь, хотя и осуждали скоморошество, как всякое светское веселье, долгое время мирились с ним. Оно было своеобразной отдушиной в строго регламентированном и аскетичном средневековом мире. И только в XVII в., когда устои традиционной культуры пошатнулись, скоморошеству была объявлена война. Духовный предводитель старообрядцев протопоп Аввакум вспоминал свою борьбу со скоморохами (в то время он был сельским священником): «Приидоша в село мое плясовые медведи с бубнами и с домрами, и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и хари и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отнял: одново ушиб, и паки ожил, а другова отпустил в поле» [53, с. 34]. Скоморошество запрещалось указами. Тех, кто продолжал заниматься веселым ремеслом, били батогами и ссылали [157, с. 57–59].

В XVII в. народный смех широко проник в литературу — в демократическую сатиру. Создание этой литературы и ее бытование связано с низшими слоями русского общества — с грамотными горожанами, приказными людьми, низшим духовенством. Содержание этих произведений перекликается с критическими настроениями «бунташного» века и в то же время отражает более широкое распространение письменности в народной среде.

Тема несправедливого и пристрастного суда звучит в повестях о Шемякине суде и о Ерше Ершовиче.

В основе **«Повести о Шемякине суде»** лежит сказочный сюжет о том, как «убогий» (бедный) брат, вроде Иванушки-дурачка, —неудачник и недотепа — перехитрил не только своего старшего брата, но и судью — взяточника и крючкотвора. На суде бедняк, пострадавший из-за жадности своего богатого брата, показывал глупому судье камень, завернутый в платок, который тот принимал за посул (взятку). Поэтому судья и решил дело в пользу бедного брата. В случае другого решения бедняк хотел тем камнем судью «ушибить». Справедливость вроде бы восторжествовала, но повесть оставляет впечатление, что всякий суд на Руси — несправедливый.

Судебные порядки пародируются в **«Повести о Ерше Ершовиче»**. В ней рассказывается о тяжбе между Ершом и Лещом из-за Ростовского озера. В одних редакциях повести Ерш изображается крестьянином, а Лещ — «сынишкой боярским». В других — Лещ называется «божьим сиротой», а Ерш — «детишкой боярским». Суть же произведения в том, что суд, особенно когда судятся крестьянин с боярским сыном, не может быть справедливым. «Большие рыбы» — Осетр, Белуга — судят не по «правде», а по «мзде», придают значение лишь показаниям сильных людей — «воевод» и «окольничих». А такой «ябедник-вор», как Ерш, решение суда

ни во что не ставит: выслушав приговор, «плюнул Ерш судьям в глаза и скочил в хворост: только того Ерша и видели».

Осуждению «царева кабака» посвящена сатирическая **«Служба кабаку»**. Кабаки были организованы правительством в XVI в. с целью пополнения казны. Пьянство, закладывание имущества, воровство, драки — такова была цена «водочных денег». Традиционная душеспасительная тема осуждения пьянства в данном случае приобрела форму пародии на церковную службу. Произведение, конечно, не имело антирелигиозной направленности. Русский человек в XVII в. не мыслил себя вне религии. А в пародировании можно усмотреть критическое отношение к церковной обрядности и даже известное вольнодумство.

«Калязинская челобитная» (пародия на настоящее прошение — «челобитье») зло высмеивает неправедную жизнь монахов. У читателя даже складывается мнение, что безмерное питье и обжорство — их естественное состояние, а пост и молитва — лишь выдумка злого настоятеля.

Появление демократической сатиры свидетельствует о том, что в XVII в. вновь заявила о себе плебейская культура, главными носителями которой были горожане. Используя образцы высокой книжной культуры и «настоящей» письменности, авторы «выворачивали их наизнанку», высмеивая укоренившееся в обществе зло.

Реальные черты жизни и быта проступают в «Азбуке о голом и небогатом человеке», в «Повести о Савве Грудцыне» и в других сочинениях.

Плебейская культура проявилась не только в литературе, но и в архитектуре, в творчестве некоторых художников (Гурий Никитин), в прикладном искусстве. Из народной среды вышли ключевые фигуры в истории русской литературы XVII в. — патриарх Никон и протопоп Аввакум.

Укрепление связей с Европой

Русскую культуру в XVII в. характеризует усиление связей с Европой. Правда, процесс европеизации лишь только начинался. Россия, с одной стороны, тянулась к европейским новшествам, с другой стороны — стремилась отгородиться от них.

Царь Борис Годунов проявлял интерес к успехам европейской цивилизации. При нем иноземцев в Москве было больше, чем когда-либо прежде. Он был первым из русских правителей, кто отважился послать на учебу за границу 18 молодых дворян, но никто из этих «робят» назад не вернулся.

В Смутное время иностранцы наводнили Московское государство. На службе у царей и самозванцев было немало специалистов и просто авантюристов. Вторгшиеся в Россию поляки и шведы вели себя как хозяева во многих городах и уездах. Лжедмитрий I, оказавшись на престоле, пытался завести при дворе польские порядки, окружил себя иностранцами, женился на «латынской веры девке» Марине Мнишек. Самозванец свободно, без церемоний передвигался по Москве, за обедом слушал музыку и пение, не спал после обеда, нарушал посты, то есть вел себя как реформатор, а с точки зрения православия — как вероотступник, еретик, чернокнижник и колдун [157, с. 16].

Простым людям общение с иностранцами не сулило ничего хорошего. На отрицательные жизненные впечатления накладывалось воспитанное церковью недоверие к ним как к еретикам. В результате неприязнь к иноземцам стала в XVII в. стойкой чертой народного сознания, что отразилось, например, в сатирическом произведении «Лечебник на иноземцев». Приведенные в книге пародийные рецепты предлагали смешать «свиной визг» с «куриными титьками» и т.п., что имело целью уморить иноземца, чтобы он от того зелья «на утро в землю». Душа его непременно окажется в аду, считали русские. На фреске в ростовской церкви Спаса на Сенях живописец изобразил в аду среди грешников, обреченных на вечные муки, иностранцев-мусульман в пестрых халатах и чалмах и европейцев в коротких штанах и кафтанах с кружевными белыми воротниками.

Иноземные новшества более охотно воспринимали представители господствующего класса. Так, сторонником западных обычаев в начале XVII в. был князь И. А. Хворостинин, который любил читать латинские книги, общался с поляками и порицал невежество московских жителей: «На Москве людей нет, все люд глупый, жить не с кем... сеют землю рожью, живут все ложью» [215, т. 5, с. 316–318]. Он отличался религиозным вольномыслием, дважды был сослан в монастырь, собирался бежать из России, но в конце концов покаялся и был прощен.

Из общения с европейцами в Смутное время русское общество извлекло один важный урок: иностранцы сильнее в военном деле, в технике, в ремеслах, в просвещении, отсюда следовал вывод о необходимости учиться у них. Но это грозило утратой национальных форм жизни, что считались неотъемлемой частью православия, то есть грозило вере. Выхода их этого противоречия русское правительство так и не нашло до конца XVII в. С одной стороны, власти были вынуждены приглашать в Москву иностранных специалистов, а с другой — запрещали русским людям ездить за границу. Г. Котошихин писал: «Для науки и обычая в иные государства детей своих не посылают, страшась того: узнав тамошних государств веры, и обычаи, и вольность благую, начали б свою веру отменять и приставать к иным,

и о возвращении к домам своим и к сродичам никакого бы попечения не имели и не мыслили» [86, с. 53]. Даже служить русским вместе с иностранцами считалось опасным «ради их прелести». Членам иностранных посольств запрещалось свободно общаться с москвичами.

Но без услуг иноземцев государство обходиться уже не могло. Не только купцы и дипломаты приезжали из Европы в Москву: офицеры обучали русских людей воинскому строю, организуя полки «солдат», «драгун» и «рейтар»; рудознатцы искали золото и серебро, медь и железо; европейские специалисты устраивали оружейные и литейные заводы — мануфактуры; иностранцы-доктора лечили царскую семью и знать, открыли в Москве первую аптеку. Мастеров заманивали хорошим жалованием. Уже в конце царствования Михаила Федоровича в Москве на реке Яузе образовалась Немецкая слобода, в которой жило около тысячи иностранных семей. Позже там появились лютеранские церкви и школы. Разноплеменное и разноязычное население слободы жило в достатке, весело, не стесняемое обычаями и нравами. Это был уголок западной Европы, приютившийся на восточной окраине Москвы [80, т. 3, с. 254].

При Алексее Михайловиче влияние иноземцев окрепло и расширилось. В Россию прибывали не только западноевропейцы, но и ученые украинские и греческие монахи. Пройдя через Польшу, Украину и Белоруссию, европейское влияние приобретало более близкие русским формы.

У многих русских людей рос интерес к «запретному плоду» европейской культуры. Бежал в Швецию подьячий Посольского приказа Г. Котошихин. За границей он составил любопытное сочинение о Московском государстве. При Алексее Михайловиче сын боярина Ордина-Нащокина бежал в Польшу, затем он поселился во Франции. Царь довольно снисходительно отнесся к этому поступку и утешал сокрушавшегося отца: «Человек молодой хочет создание Владычне и руку его видеть на сем свете» (то есть посмотреть Божий мир).

Ученый же хорват, католический священник Юрий Крижанич приехал в Москву с мечтой об объединении всех славян. Он советовал русским учиться у немцев, но перенимать лишь то, что способствует росту просвещения и благосостояния страны. Безоглядное пристрастие ко всему иностранному Крижанич осуждал и называл «чужебесием». Характерно, что в России досужего иностранца «на всякий случай» сослали в Сибирь, где он пробыл 15 лет.

Сторонники европеизации России появились среди государственных деятелей. За сближение с Европой выступал известный дипломат А. Л. Ордин-Нащокин, мечтавший об устройстве русского мореплавания на Балтике. Образованный глава Посольского приказа, он мудро полагал, что у Запада следует перенимать лучшее, а не копировать все без разбора. «Какое нам дело до иноземных обычаев, — говорил он. — Их платье не по нас, а наше не по них».

Европейскими обычаями и культурой очень увлекался боярин А. С. Матвеев. Его дом был устроен на иностранный манер. Он очень любил театр и пристрастил к этой «потехе» царя Алексея Михайловича. Примечательно, что в его семье выросла мать Петра I, Наталья Кирилловна Нарышкина.

Еще дальше пошел известный государственный деятель конца XVII в., фаворит царевны Софьи, князь В. В. Голицын. Говорили, что он даже мечтал об освобождении крестьян от крепостной зависимости.

Но «западники» XVII в. были одиночками; они занимали важные посты лишь благодаря поддержке царской власти. Царь Алексей Михайлович не чуждался европейских новшеств, но и не собирался реформировать русское общество и его обычаи. По образному выражению В. О. Ключевского, «он был не прочь срывать цветки иноземной культуры, но не хотел марать рук в черной работе ее посева на русской почве».

Европейское влияние захватывало верхи русского дворянства и вызывало неодобрение у духовенства и народа. Сложилась даже такая ироническая пословица о «западнике» А. С. Матвееве: «Артамоны ядят лимоны, а мы, молодцы, едим огурцы».

Школа и просвещение

Меняющиеся условия жизни, осознание русскими собственного невежества, необходимость бороться с католической «ересью» — все это заставляло церковь и власть думать о развитии просвещения, об устройстве школ. Да и в самом обществе, по словам В. О. Ключевского, чувствовался «сильный спрос на ум, на личные силы». Точные данные об уровне грамотности в XVII в. отсутствуют. Но известно, например, что половина участников Земского собора 1648 г. не умела писать. Грамотных людей не хватало, однако есть основания полагать, что к концу века их стало больше.

Иностранец, живший в России в начале XVII в., писал, что «русский народ не знает ни школ, ни университетов; одни священники наставляют юношество чтению и письму, но, впрочем, и этим занимаются немногие» [123, с. 155]. По-прежнему духовные лица или особые «мастера грамоты» брали детей на выучку за определенную плату.

Но одной грамотности уже недоставало даже для религиозного образования. С середины XVII в. предпринимались попытки организовать специальные школы для подготовки священников, правщиков книг, дья-

Обучение грамоте. *Рисунок из «Азбуки». XVII в.*

ков, переводчиков и др. К этому времени уже существовала православная Академия в Киеве, организованная по инициативе митрополита Петра Могилы. В качестве образца для нее были взяты европейские школы и сложившаяся в них система преподавания «семи свободных наук». (Изучение грамматики, диалектики, риторики, арифметики, геометрии, астрономии и музыки служило фундаментом для дальнейшего постижения высших наук — философии и богословия.) Киевские монахи использовали латинскую ученость для защиты православия от натиска католиков. Воспитанники Киево-Могилянской академии сыграли важную роль и в развитии московских школ.

С 1649 г. боярин Ф. М. Ртищев на свои средства основал вблизи Москвы Андреевский монастырь и пригласил туда 30 ученых монахов из Киева. Так возникла греко-латинская школа во главе с Епифанием Славинецким. Сам Ф. М. Ртищев стал одним из ее учеников. Подобное учебное заведение было организовано и в кремлевском Чудовом монастыре, но ее руководитель, грек Арсений, вскоре был сослан на Соловки.

В 1664 г. царь Алексей Михайлович пригласил из Полоцка воспитанника Киевской академии **Симеона Полоцкого**. Ему было поручено воспитание и обучение царских детей. Симеон был горячим поборником

просвещения в европейском духе, автором стихотворных произведений и пьес. Он с успехом приобщил к польско-латинской учености старших детей царя — царевича Федора и царевну Софью. В Заиконоспасском монастыре Симеон Полоцкий возглавил школу. Для нее построили специальное здание, но обучались в ней... четыре человека — подьячие из московских приказов.

Однако русское духовенство косо смотрело на киевских ученых, как на склонных к «латинству». В московском обществе существовало стойкое убеждение: «Кто по латыни научится, тот с правого пути совратится». С точки зрения защитников православия, более надежными были учителя-греки. Греческая школа была открыта в 1681 г. в Москве при Печатном дворе. Здесь славянскую и греческую грамматику изучали уже десятки, а затем и сотни учеников.

Наконец, в 1687 г., в период правления царевны Софьи, была создана первая в истории России высшая школа — **Славяно-греко-латинская академия**. В ней учили трем языкам, «свободным наукам», философии и богословию. Возглавляли учебное заведение греки, братья Иоанникий и Софроний Лихуды, получившие образование в Италии. Сюда переводили учеников старших классов школы при Печатном дворе. Задачи академии были определены широко — «дабы тьма невежества искоренилась». Она готовила священников и чиновников из представителей различных сословий — от князей до холопов.

Но наряду с решением просветительских задач академия должна была выполнять полицейские и цензурные функции: наблюдать за иностранцами, следить, чтобы никто из москвичей не имел «домашних» учителей иностранного языка, а также польских, латинских и немецких книг. С. М. Соловьев писал: «Московская академия. — это цитадель, которую хотела устроить для себя православная церковь при необходимом столкновении с иноверным Западом; это не училище только, это страшный инквизиционный трибунал: произнесут блюстители с учителями слова: „Виновен в неправославии" — и костер запылает для преступника» [215, кн. 7, с. 248].

В XVII в. более полно раскрылись просветительские возможности книгопечатания. Если во второй половине XVI в. в России было напечатано 18 книг, то в XVII в. — уже 483 [33, с. 282]. Подавляющее большинство произведений имело религиозное содержание, служило нуждам церкви. Первые светские книги появились лишь в 1649 г. Это были «Соборное уложение», служившее нуждам государственного управления, и переводное сочинение «Наука и хитрость ратного строения пехотных людей». До конца века было выпущено семь книг светского содержания.

Большой популярностью в русском обществе пользовались буквари, девять изданий которых быстро разошлось среди населения. Это были и

скромные копеечные издания («Букварь» Василия Бурцова), и роскошно оформленные учебники для царских детей («Букварь» Кариона Истомина). Главными средствами побуждения к учебе по-прежнему были «розги» и «сокрушение ребер». Симеон Полоцкий даже «воспел» розгу в стихах: «Розга буйство из сердец детских прогоняет».

В целом успехи русского просвещения в XVII в. были достаточно скромными. Об этом красноречиво свидетельствует такой факт: когда в Москве появилась таблица умножения, в Англии уже вышли «Принципы математики» Исаака Ньютона.

Церковь и культура

Как и в Европе, «осень средневековья» в России была отмечена доведенным до крайности религиозным «освящением всех жизненных связей». В России, может быть, как нигде в христианском мире, обычаи и традиции каждодневной жизни переплелись с религией и воспринимались как неотъемлемая часть православия. Кажется, даже невежество ревнители религии готовы были записать в число добродетелей. Но это имело свои роковые последствия [234, с. 146].

Церковь настороженно воспринимала все посягательства на свою монополию в духовной жизни людей. Ее беспокоило равнодушие, а подчас и критическое отношение низов общества к церковной обрядности и духовенству, то есть то, что православные живут без духовных отцов, умирают «без покаяния и причастия». Ее раздражало «бесовское веселье» народной «смеховой культуры». Особенно больших неприятностей церковь ожидала от европейского влияния, отхода от отцовских традиций, распространения светских знаний. Несмотря на безраздельное господство религиозного мировоззрения, церковь чувствовала серьезную угрозу со стороны мирской культуры. В русской культуре XVII в. появились первые признаки обмирщения, или *секуляризации* — освобождения от церковного влияния.

Оживление связей с православными жителями Украины и Белоруссии, а также с греками породило новые проблемы в русской православной церкви. Греки и украинцы были более знающими в вопросах богословия. Просвещение само по себе мало интересовало московских иерархов, но надо было следить за исправностью церковных книг. Исправление ошибок, описок и разночтений было особенно необходимо в богослужебной литературе. Сличение русских книг с греческими и украинскими выявляло

многочисленные несовпадения. Обнаружилась и разница в обрядах. Среди великорусского духовенства росло недоверие как к украинцам с их польско-латинской ученостью, так и к грекам, запятнавшим себя когда-то Флорентийской унией с католиками.

В середине XVII в. вокруг молодого царя Алексея Михайловича, который «бе зело тих», образовался кружок «ревнителей древнего благочестия». Это были начитанные люди, отличавшиеся глубокой и искренней верой, — царский духовник Стефан Вонифатьев, «протопопы» Иван Неронов и Аввакум Петров, настоятель московского Новоспасского монастыря (будущий патриарх) Никон и др. Реальному обмирщению жизни они старались противопоставить «освящение», или «оцерковление». «Ревнители древнего благочестия» боролись за повышение морального уровня духовенства, за улучшение церковной службы, за внесение исправлений в книги по старым русским образцам.

«Оцерковление» жизни более всего проявилось в царском быту: свадьба Алексея Михайловича проходила без скоморохов и обрядовых песен, даже в царской бане были помещены икона и крест. Члены кружка «ревнителей древнего благочестия» были горячими сторонниками традиционной русской культуры. Однако их идеи увлекали не всех. Когда Никон стал патриархом, он отказался от своих прежних взглядов и провел церковную реформу (1654), взяв за образец греческие книги и обряды. Замена обычая креститься двумя пальцами троеперстием, замена земных поклонов поясными, сокращение службы, изменение облачения духовенства и прочее произвели впечатление грома среди ясного неба. «Видим убо, яко зима хощет быти: сердце озябло и ноги задрожали», — писал протопоп Аввакум.

Патриарх Никон.
Художник Д. Вухтерс. XVII в.

В религиозной жизни русских людей обряды имели первостепенное значение. Это соответствовало вековой иосифлянской традиции. Русская церковь сохранила свои обряды в неприкосновенности с X в., в данном случае греки были «отступниками». Патриарх Никон (крестьянский сын Никита Минов, достигший огромной власти, сопоставимой с царской) проводил реформы грубо, не считаясь с национальным характером и традициями русского народа. Часть духовенства и мирян (от четверти до трети всего великорусского населения) их не признала. В результате в Русской православной церкви произошел

раскол. Сторонников старых обрядов преследовали власти. *Старообрядцы* поднимали восстания, убегали в отдаленные районы страны, устраивали массовые самосожжения («гари»).

Раскол стал проявлением духовного кризиса русского общества, однако он не привел к существенному обновлению культурной жизни. Наиболее последовательными сторонниками традиций были старообрядцы. Но и официальная церковь оставалась враждебной к новшествам и европеизации. Раскол поколебал авторитет церкви и косвенно способствовал секуляризации культуры.

Протопоп Аввакум

Идеолог старообрядчества **протопоп Аввакум** (1621–1682) занимал особое место в русской культуре XVII в. Сын сельского священника, он благодаря проповедническому дару и ревностному благочестию был приближен к царю, стал священником церкви Казанской Божьей Матери на Красной площади. Но реформы патриарха Никона сделали его непримиримым врагом духовных и светских властей. Свою многострадальную жизнь протопоп Аввакум описал в **«Житии»** — замечательном памятнике русской литературы.

Вся жизнь подвижника старообрядчества в его собственном описании — это борьба за истинную веру, против никоновских реформ, непрерывная цепь гонений и мучений. В молодости Аввакум боролся со скоморошеством, обличал несправедливых начальников, требовал от своих прихожан праведной жизни, за что много страдал и от властей, и от своей паствы. Более всего свирепствовали «попы и бабы, которых унимал от блудни»: «среди улицы били батожьем, а бабы были с рычагами (ухватами)»

Выступив против реформ Никона, Аввакум обрек себя на бесчисленные гонения, истязания и пытки. Его бросали в тюрьму, где держали на цепи, ссылали в Тобольск, а затем — в Забайкалье, в Даурию. Местный воевода Пашков нещадно мучил ссыльного, избивал его, держал в остроге, стрелял в него из пищали. Вместе с протопопом все тяготы жизни переносили его жена и дети: терпели превратности пути по дикой и суровой земле, переживали голод и холод. «Долго ль-де, протопоп, сего мучения будет?» — пеняла ему жена. «И я ей сказал, — пишет Аввакум, — Марковна, до самыя смерти». Она же против тово: «Добро, Петрович. И мы еще побредем вперед».

Возвращенный из Сибири в Москву, ласково принятый царем, Аввакум не смирился с церковными нововведениями. Он написал царю письмо против никоновой «ереси». «А власти, яко козлы, пырскать стали на меня», — пишет протопоп. Вновь держали непокорного протопопа на цепи в монастырских темницах и, наконец, лишив сана, сослали

в Пустозерск, на берег Ледовитого океана. Здесь он провел в земляной тюрьме последние пятнадцать лет жизни, написав в заточении большинство своих сочинений. В 1682 г. протопоп Аввакум был сожжен по царскому указу «за великия на царский дом хулы».

Свою жизненную позицию Аввакум сформулировал так: «Хотя я немысленный и очень неученый человек, да то знаю, что все, святыми отцами преданное, свято и непорочно; держу до смерти яко же приях; ...до нас положено: лежи оно так во веки веком!» В этих словах заложена не только религиозная, но и общекультурная позиция Аввакума — горячего сторонника традиционной средневековой культуры. Иногда его пытаются представить как борца за справедливость, за народные интересы, против церковных и светских властей. Но это не так. Всякая борьба имела для Аввакума религиозное значение, была борьбой за истинную веру, за пошатнувшуюся средневековую Русь с ее обычаями и традициями, с ее «тихим» и плавным течением жизни. Не случайно, обличая своих врагов, он подчеркивал их новаторство. Патриарх Никон для него был «кобель борзой», «рыскучий зверь». Доставалось и «бедному царишке» Алексею Михайловичу: «Накудесил много, горюн, в жизни сей, яко козел скоча по холмам, ветр гоня, облетая по аеру (воздуху), яко пернат».

Безжалостность по отношению к врагам (Аввакум готов «перепластать» своих противников «во един день» и прежде всего Никона: «того собаку разсекли бы начетверо») уживается в авторе «Жития» с трогательной сердечностью по отношению к своим близким и единомышленникам. Такое сочетание беспощадности и милосердия характерно для нравов позднего средневековья.

Консерватор в религии и в жизни, протопоп Аввакум оказался смелым новатором в литературном творчестве. Его «Житие» далеко от канонов средневековой житийной литературы, оно написано живым, сочным разговорным языком. В свое повествование Аввакум включил реалистически написанные бытовые сцены, описания природы. Характер человека, его душевные переживания и страдания изображены с таким «живоподобием», с такой силой и откровенностью, каких не знала древнерусская литература.

Литература

Древнерусская литература была преимущественно церковно-учительной и исторической. Писатели XVII в. разнообразили ее, они смело разрушали сложившиеся литературные каноны. Старые жанры (историческая

повесть, житие) уживались с новыми: со стихами и театральными пьесами, с переводными приключенческими романами, с пародиями и сатирами. Произведения, вышедшие из народной среды, соседствовали с произведениями придворных писателей [108, с. 138]. В полной мере здесь проявились демократизация культуры, европейское влияние, тенденция к обмирщению. Но, пожалуй, наиболее ярко в литературе XVII в. обозначилось возрастание личностного начала, повышение интереса к человеку. Исчезло разделение героев на добрых и злых, они приобретали индивидуальные черты. Важнейшим новшеством стало появление вымышленного литературного героя.

Одним из выдающихся произведений этого периода времени является **«Повесть о Горе-Злочастии»**. Она рассказывает о несчастной судьбе безымянного Молодца, который не хотел «отцу... покоритися и матери поклонитися, а хотел жити, как ему любо». Автор убежден, что надо жить, как учат родители и добрые люди, то есть согласно обычаям и «Домострою», но многие «молодцы» уже не разделяли таких взглядов. В самостоятельной жизни Молодца подстерегали «питье кабацкое», неверность друга, ограбившего его, скудость и нищета.

Затем по совету добрых людей начал Молодец «жити умеючи», нажил он богатства больше прежнего, но подвела Молодца похвальба — «гнило слово похвально». Подслушало его хвастливые речи Горе-горинское, привязалось, стало сбивать его с пути верного. Опять пустился Молодец в разгульную жизнь. Пропив свое имущество и оставшись в одиночестве, решил он утопиться и так избавиться от Горя злосчастного:

И в тот час у быстри реки
скоча Горе из-за камени:
босо, наго, нет на Горе ни ниточки,
еще лычком Горе подпоясано,
богатырским голосом воскликало:
«Стой ты, молодец,
меня, Горя, не уйдешь никуды!»

Так и не смог Молодец от Горя избавиться, пришлось ему уйти в монастырь. Характерно, что идеалом для автора произведения является житейское благополучие, а уход в монастырь представлен как вынужденный шаг неудачника.

Были в русской литературе XVII в. герои, похожие на Молодца (Савва Грудцын), и более удачливые, вроде пройдохи Фрола Скобеева или находчивой купеческой жены Татьяны Сутуловой. Все эти вымышленные герои наделены неповторимыми личностными качествами. Но в литературе,

как и в жизни того времени, люди еще были задавлены традициями, сословным неполноправием, деспотизмом. Едва ли можно говорить о свободе и достоинстве личности в стране, где большинство крестьян и горожан было закрепощено, где даже аристократы называли себя «холопьишками» царя.

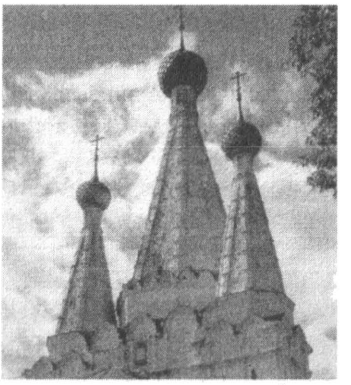
Архитектура

Зодчество XVII в. отличалось декоративным убранством, красочностью, разнообразием и затейливостью форм. Любовь строителей к «узорчью» была связана с народным представлением о красоте, с фольклорным началом в искусстве того времени. Яркая, жизнеутверждающая, «веселая» красота церквей позволяет говорить об обмирщении архитектуры. Об этом же свидетельствует и невиданный размах гражданского каменного строительства. К концу века в архитектуре заметно усилилось европейское влияние. Но под пышным покровом украшений в постройках еще просматриваются традиционные архитектурные формы, причем тяготеющие не к древним византийским образцам, а к народному деревянному зодчеству.

«Узорчье» русской архитектуры XVII в. чаще всего представляют как проявление «новизны», как своеобразное «русское барокко». Но искусство «суеверного и тщеславно пышного века» (В.О.Ключевский), несомненно, имеет нечто общее с искусством европейского позднего средневековья, которое стремилось к тому, «чтобы не оставить ничего не оформленного, не воплощенного в образы, не украшенного» [234, с. 280]. Эстетика этого периода стирала грань между роскошью и красотой. Украшения приобретали подчас самодовлеющее значение. Это особенно остро ощущалось в замкнутых интерьерах церквей и дворцовых палат: «В этих низких сводчатых палатах с зарешеченными окнами, где веяло жаром от горячо натопленных печей, где каждый предмет обстановки утомительно и дробно изукрашен, жилось душно — и в прямом, и в переносном смысле» [47, вып. 1, с. 207].

Нарядные церкви XVII в. имели мало общего с древними крестово-купольными храмами. Лишь купола да апсиды напоминают о прежних формах, от закомар остались только кокошники. Декоративное значение приобрели и барабаны под куполами: они уже не служат для освещения храма. Окна становятся большими, их украшают наличниками. Основной объем церкви, как и в жилых постройках, — кубическая «клеть», к которой примыкают другие «клети», образуя подчас довольно замысловатую композицию. Каждый элемент храма имеет как бы самостоятельное значение. В этом проявляется глубоко народная основа архитектуры XVII в. [30, с. 157]. Такая церковь мыслилась как «дом Божий», который от остальных домов отличался особой красотой, ассоциировавшейся с роскошью и обилием украшений.

В первой половине XVII в. продолжалось строительство шатровых церквей. Но шатер, как правило, уже не определял башнеобразной формы церкви. Шатровые завершения превращаются в своеобразные украшения кубического объема храма, как бы заменяя привычные барабаны с куполами. Такую роль украшения играют шатры в **Успенской («Дивной») церкви в Угличе** (1628), в **церкви Рождества Богоматери (в Путинках)** в Москве (1649–1652). Шатровые завершения казались церковным властям слишком мирскими, не отвечающими «церковному чину». Поэтому в 1652 г. патриарх Никон запретил их строительство и предписал сооружать «освященное пятиглавие». Но полюбившаяся в народе архитектурная форма продолжала жить: рядом с пятиглавыми церквями стали взводить шатровые колокольни.



Успенская («Дивная») церковь. Углич. *1628 г.*

В середине XVII в. для городов стал характерен своеобразный тип пятиглавых церквей: вокруг небольшого центрального куба, увенчанного пятиглавием, изукрашенного архитектурными деталями, формировалась живописная композиция, в которую входили *приделы* (церкви-пристройки),

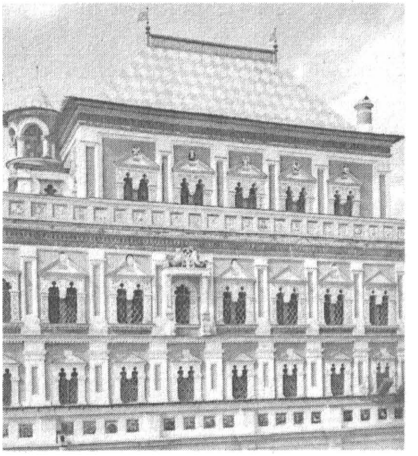
Церковь Рождества Богоматери в Путинках. Москва. *1649–1652 гг.*

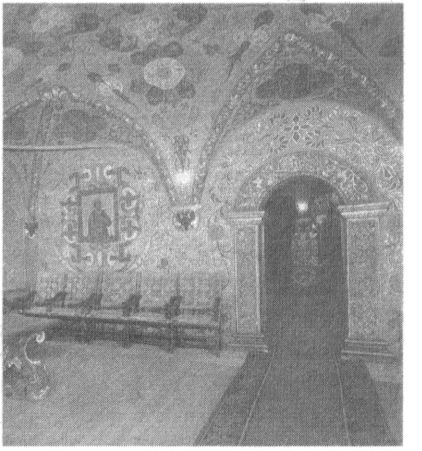
Церковь Троицы в Никитниках. Москва. *1631–1634 гг.*

трапезная (невысокая, но обширная пристройка с западной стороны храма), крыльцо, отдельно стоящая или «прилепленная» шатровая колокольня. Таковы, например, московские **церкви Троицы в Никитниках** (1631–1634) и **Николы в Хамовниках** (1679–1682). Первая, построенная в Китай-городе по заказу богатого купца Г. Л. Никитникова, отличается живописной асимметричной композицией, богатством внешнего декора (цветная раскраска, белокаменная резьба, поливные изразцы).

Московский Кремль в этот период времени утратил свой первоначальный суровый вид: его башни были украшены нарядными шатрами. Первой была надстроена многоярусным верхом и шатром Спасская башня. Часовой мастер «аглицкой земли» Христофор Галовей установил на ней часы. Среди арок, украшавших верх первого яруса, были установлены статуи античных богов. Но обнаженные «каменные болваны» казались москвичам непристойными. Царь Михаил Федорович распорядился сшить для них цветные «однорядки» из английского сукна.

Русские мастера Приказа каменных дел построили в Кремле **Теремной дворец** (1635–1636), воплотив в нем характерные черты народного деревянного зодчества. Трехэтажное здание было возведено на высоком подклете — остатках княжеского дворца XVI в. Увенчанное теремком с высокой расписной крышей, здание имело пирамидальную форму и царило среди гражданских построек Кремля того времени. Вокруг первого этажа и теремка шли открытые гульбища. Изразцовые карнизы, наличники, яркая раскраска придавали дворцу сказочную нарядность. Небольшие внут-





Теремной дворец и его интерьер. Московский Кремль. *Архитекторы Бажен Огурцов и др. 1635–1636 гг.*

ренние палаты были украшены белокаменной резьбой, ярким «травным орнаментом», цветными изразцовыми печами. В окна была вставлена цветная слюда. В дворцовый комплекс входил Верхнеспасский собор, объединявший несколько придворных церковок. Его медная кровля была «уставлена» одиннадцатью миниатюрными луковичными главками.

До наших дней дошло немало гражданских построек XVII в. Среди них — суровые и архаичные Поганкины палаты в Пскове, нарядные палаты думного дьяка Аверкия Кириллова на Берсеневской набережной в Москве, царские чертоги в Троице-Сергиевом монастыре и др.

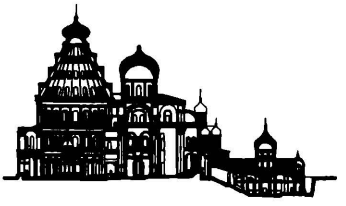
Церковь Ильи Пророка. Ярославль. *1647–1650 гг.*

Не только в Москве, но и в богатых торговых городах — Ярославле, Костроме, Муроме — в это время сложились целые архитектурные ансамбли. Постройки волжского города Ярославля могут поспорить со столичными. Традиционная и даже несколько суровая по меркам XVII в. **ярославская церковь Ильи Пророка** (1647–1650) имеет с двух сторон шатровые постройки — придел и колокольню, связанные галереей с основным объемом храма. Внутри церковь расписана под началом знаменитого мастера Гурия Никитина.

Церковь Иоанна Златоуста в Коровниках. Ярославль. *40–80-е гг. XVII в.*

Более нарядным выглядит архитектурный комплекс слободы Коровники. Он состоит из двух пятиглавых храмов, стройной шатровой колокольни и башенки «Святых ворот». Ярославские зодчие, в отличие от столичных, завершали стены традиционными закомарами и редко использовали кокошники в качестве украшений. **Церковь Иоанна Златоуста** (40–80-е гг. XVII в.) — наиболее яркое сооружение из ансамбля в Коровниках. Она имеет шатровые приделы по бокам основного пятиглавого объема, роскошные изразцовые украшения и замечательные крыльца. Жители Толчковской слободы Ярославля возвели на свои средства **храм Иоанна Предтечи** (1671–1687). Он во

Церковь Иоанна Предтечи в Толчкове. Ярославль. *1671–1687 гг.*



Воскресенский собор (реконструкция). Новый Иерусалим. *1658–1685 гг.*

многом напоминает церковь Иоанна Златоуста, но высокие боковые приделы у него завершены пятиглавиями. В результате храм получил пятнадцатиглавое завершение.

Своеобразными чертами отличаются архитектурные комплексы, созданные по заказам иерархов православной церкви. От приходских церквей они отличаются строгостью и консерватизмом. Эти черты проявились, например, в комплексе **Патриарших палат** и **собора Двенадцати апостолов в Московском Кремле**, возведенном для патриарха Никона. Однако при строительстве **Воскресенского собора монастыря в Новом Иерусалиме** (1658–1685) идея церковного могущества нашла выражение в разнообразии архитектурных форм и изразцового убранства. Патриарх Никон хотел воссоздать в своем подмосковном монастыре копию иерусалимского храма, возведенного над Гробом Господним, но в результате получилась типично русская постройка с гигантским каменным шатром.

В 60–70-х гг. XVII в. сказочной красоты «кремль» вырос в Ростове Великом, на берегу озера Неро. Митрополит ростовский Иона Сысоевич (единомышленник патриарха Никона) основал здесь свою резиденцию — митрополичий двор. Все постройки — стены, башни, церкви и палаты — выдержаны в едином стиле, связаны между собой системой переходов. Архитектура **Ростовского кремля** по-своему нарядна, но отличается величием и благородством. Веселые посадские церкви с их «мелкотравчатыми» узорами кажутся суетными по сравнению с церковной твердыней, возведенной по заказу ростовского владыки. Иона Сысоевич гордился и колоколами, отлитыми в Ростове: «На своем дворишке лью колоколишки, и дивятся людишки».

Особую группу составляют постройки конца XVII в. в стиле «*московского*», или «*нарышкинского*», *барокко*. Свое название это архитек-

Ростовский кремль. *2-я половина XVII в.*

турное направление получило от фамилии родственников царя, бояр Нарышкиных, которые были заказчиками многих храмов такого типа. Современные исследователи считают, что эти постройки нельзя отнести к европейскому барокко. Европейское влияние и, в частности, контакты с украинскими мастерами, привели к тому, что строители при возведении церквей использовали некоторые элементы барокко: колонны, наличники, фигурные фронтоны, контрастное цветовое решение (белокаменные резные детали на красном фоне). Эти элементы имели чисто декоративное значение. А в основе зданий лежала древнерусская архитектурная форма — восьмерики на четверике.

Наиболее ярким примером такой башнеобразной многоярусной церкви-колокольни является **храм Покрова в Филях** (1693–1694), построенный по заказу дяди Петра I, Л. К. Нарышкина. Он возведен

Церковь Покрова в Филях. *1693–1694 гг.*

на высоком арочном подклете с открытой галереей — гульбищем, куда ведут широкие лестницы. Нижний объем — *четверик* — охвачен со всех сторон полукруглыми пристройками (*притворами*), что придает основанию церкви форму четырехлепесткового цветка. Каждый притвор увенчан маленькой главкой. На основном четверике храма построен восьмерик, над ним — меньший по размеру восьмерик-колокольня, который, в свою очередь, увенчан восьмигранной главкой с восьмигранной «луковицей» купола. Весь объем церкви необычайно динамичен. Устремленность вверх подчеркивается белокаменными колоннами, украшающими грани четверика и восьмериков. Выдающимся памятником «нарышкинского барокко» является **колокольня Новодевичьего монастыря в Москве**.

Несмотря на широкое распространение каменного строительства, Русь и в XVII в. оставалась страной рубленых изб и хором, бревенчатых крепостей, деревянных церквей. Одной из самых знаменитых деревянных построек этого периода был **царский дворец в селе Коломенском**. А своей вершины в церковном строительстве деревянная архитектура достигла в постройках **погоста Кижи** на Онежском озере, возведенных уже в начале XVIII в. Среди них особенно выразительна двадцатидвухглавая **Преображенская церковь** (1714).

Живопись: поиск новых путей

Сложными были пути развития русской живописи. В ней также проявились тенденции к обмирщению, европейское влияние, возрастание фольклорного начала. Но иконопись, по-прежнему господствовавшая в живописи XVII столетия, очень тесно связанная с религией, немыслима без древних канонов, без особого символического художественного языка. Борьба «старины» и «новизны» привела к нарушению этих канонов, к

кризису иконописи как особого вида искусства. Русские художники искали новые пути, нарушали традиции, экспериментировали, «на ощупь» продвигались к законам реалистического искусства, но так и не смогли постичь их. Впрочем, на пути к новому искусству живопись породила немало оригинальных художественных явлений.

В первой половине столетия в иконописи еще были живы традиции XVI в. Господствовавшее официальное искусство, получившее название «годуновской школы», отличалось холодной монументальностью, было ориентировано на старые образцы.

На довольно унылом фоне традиционной живописи выделялись своими художественными достоинствами иконы так называемой «строгановской школы». Мастерам этого направления покровительствовали богатейшие солепромышленники и купцы Строгановы. В своей «столице» Солевычегодске они собрали значительное количество высокохудожественных икон, большинство из которых было создано в Москве. Крупнейшими представителями «строгановской школы» были **Никифор Савин** и **Прокопий Чирин**, работавшие в конце XVI — начале XVII в. Небольшие иконы мастеров этой школы отличались тонкостью письма, тщательной проработкой деталей, изощренностью цветового решения. Мерцание ярких красок напоминает драгоценные камни, художники использовали при работе золото и серебро. Эти иконы-миниатюры создавались для знатоков-меценатов, были предназначены для долгого рассматривания, любования. Эстетическое, декоративное начало преобладает в иконах мастеров «строгановской школы» над религиозным предназначением и над глубиной идейного содержания.

Фигуры святых воинов на иконах («Никита-воин», «Чудо Дмитрия Солунского», «Чудо Федора Тирона») приобретают не свойственную им утонченность, хрупкость. Трудно поверить в воинские подвиги этих тщедушных и щеголеватых святых. Их победы воспринимаются как чудо. Необычно выглядит фигура Иоанна Предтечи на одноименной иконе. Его «истонченные телеса» покрыты золотистой звериной шкурой, у которой прописан каждый волосок. Святой изображен на фоне изысканного пейзажа, населенного различной «тварью земной».

Во второй половине XVII в. в России появились произведения европейского искусства, распространилась в качестве «образцов» западноевропейская гравюра. Влияние Европы сильнее всего отразилось в творчестве придворных мастеров — царских «изографов» Оружейной палаты. Их признанным главой был царский любимец **Симон Ушаков** (1626–1686). Он и его единомышленник **Иосиф Владимиров** выступили с трактатами, в которых защищали новые принципы «иконного писания», что, по сути, расходилось с иконописной традицией. Главным

новшеством было «живоподобие», зеркальное отражение земной красоты в искусстве. Оно достигалось с помощью светотени, которая тогда называлась «фрязью». Особенно тщательно прорабатывались лики, которые Ушаков стремился приблизить к идеально красивому человеческому лицу («Спас Нерукотворный», «Архиерей Великий», «Богоматерь Кикская»). Новые приемы в живописи приходили в противоречие с иконной композицией, с плоскостным, декоративным изображением одежды и т.д. К тому же в идеальных ликах Ушакова совершенно отсутствовали индивидуальные человеческие черты. В результате икона уже переставала быть иконой, но еще не становилась портретом.

«Троица» Ушакова, которая по своей композиции близка к прославленной иконе Рублева, сильно проигрывает в сравнении с древним образцом. Икона XVII в. воспринимается как полуреалистическая сцена трапезы за столом, уставленным богатыми яствами. Изображение утратило «неземную» легкость, высокое богословское и идейное содержание.

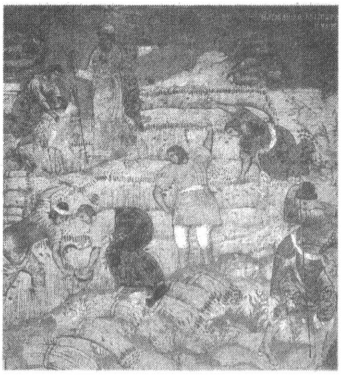
Реалистические тенденции в иконописи, «живство», вызывали неприятие со стороны церкви. Именно к «плотскому» стилю царских «изографов» относится знаменитое высказывание протопопа Аввакума: «...По попущению Божию умножися в нашей русской земле иконного письма неподобного изуграфы... Пишут Спасов образ... лице одутловато, уста червонная, власы кудрявые, руки и мышцы толстыя, и весь яко немчин брюхат и толст учинен, лишо сабли той при бедре не написано... А все то кобель борзой Никон, враг, умыслил, будто живыя писать, устроял все по-фряжскому, сиречь по неметцкому» [53, с. 253].

Аввакум тонко подметил и высмеял принципы письма, противоречившие самой сути иконы, но он напрасно обвинял в этих нововведениях Никона. Патриарх был в этом вопросе вполне солидарен с Аввакумом. Он выступал против икон «фряжского» письма, приказывал изымать их, выкалывал им глаза. В 1655 г. в Успенском соборе Никон устроил их публичное уничтожение: разбивал, бросая на пол, а осколки приказал сжечь. При этом патриарх обличал вельмож, которым иконы принадлежали. Царь Алексей Михайлович, наблюдавший эту грубую сцену, возразил: «Нет, отче, не сжигай их, пусть их лучше зароют в землю».

Демократизм и тяга к бытовым сюжетам характерны для фресковой живописи второй половины XVII в. Прекрасные фрески были созданы в церкви Троицы в Никитниках, в храмах Ростовского кремля, в церквях Ярославля и Костромы. Стенопись постепенно отходит от строгого порядка и монументальности, ее отличительными чертами становятся разнообразие сюжетов, свобода их размещения. Росписи сплошным декоративным ковром покрывали стены храмов. Кисти посадских художников превращали библейские сюжеты в занимательные бытовые картины. Яр-

кий и жизнерадостный мир, наполненный шумной и суетливой деятельностью, открывается в росписях посадских церквей.

Крупнейшим мастером фресковой живописи был **Гурий Никитин**. Под его руководством расписана церковь Ильи Пророка в Ярославле. Его творчество отличали приверженность к традиционному искусству и высокие гуманистические идеалы [26, с. 44].



Жатва. *Фреска церкви Ильи Пророка в Ярославле. 1680–1681 гг.*

Русская иконопись нашла продолжение в подкупольном образе Вседержителя — могущественного, доброго и справедливого. В качестве «образцов» мастера использовали иллюстрации к Библии голландского гравера Яна Фишера-Пискатора. Но позаимствованные композиции приобрели ярко выраженные национальные черты. Сцены охоты и жатвы запечатлели бытовые особенности русской жизни и русский пейзаж с елками. Каин пашет землю русской сохой. В сцене «Брак в Кане» жених и невеста наряжены в русские свадебные одежды.

В XVII столетии появились первые опыты портретных изображений. Это так называемые «*парсуны*», сочетавшие наивный реализм в изображении лица с приемами иконного плоскостного письма.

Новшества в быту

Обиходная культура (быт, нравы, семейный уклад, религиозные обряды) всегда отличалась консервативностью. В XVII в. она в основном сохраняла традиционные черты, русское общество продолжало придерживаться норм «Домостроя». Патриархальный уклад жизни особенно укрепился в крестьянской среде. Закрепощение крестьян способствовало сохранению замкнутости и традиционных форм жизни.

Более подвержены новшествам были жители городов. «Живыми» и подвижными предстают они в литературных сочинениях и в росписях посадских церквей. В городском и дворянском быту, как и в искусстве, проявлялось стремление к богатству, изобилию, красоте, веселью, что

отразилось в «Сказании о роскошном житии и веселии», где описывается сказочное «поместьице», в котором «всякова платья готоваго много: сорочек и порт мужских и женских шесты повешены полны, а верхнева платья цветнова коробьи и сундуки накладены до кровель, а перстней златых и сребренных, зарукавей, цепочек и монистов без ларцев валяется много... И кроме там радости и веселья, песень, танцевания и всяких игр, плясания, никакия печали не бывает» [194, с. 32].

На фоне роскошной жизни знати особенно убогим выглядел быт небогатых людей. «Голенького» одолевали «нагота и босота», одежда его — «балахонишко в полденьги», «лаптишки», «платье худое и то чужое». Дом у него «потешен, голодом изнавешан, робята пищат, ести хотят». В XVII в. заметнее стали сословные различия в быту. Как писал Г. К. Котошихин, «а в домех они живут против того, кто какой чести и чином».

Придворная среда и высшее дворянство оказались наиболее восприимчивыми к европейским новшествам в повседневной жизни. «Подражая иноземным образцам, царь и бояре в Москве начинают выезжать в иностранных немецких каретах, обитых бархатом, с хрустальными стеклами, украшенных живописью; бояре и богатые купцы начинают строить каменные палаты. На место плохих деревянных хором заводят домашнюю обстановку на иноземный лад, обивают стены „золотыми кожами" бельгийской работы, украшают комнаты картинами, часами... заводят музыку на пирах: у царя Алексея во дворце во время вечернего стола „в органы играл немчин, в трубы трубили и по литаврам били"» [80, т. 3, с. 255].

Церковь по-прежнему осуждала любые «перемены обычаев», проклинала тех, кто брил бороду, надевал короткие кафтаны, курил табак. Заядлых курильщиков «Соборное Уложение» предписывало наказывать вырыванием ноздрей и урезанием носов, а затем ссылать «в дальние городы».

Царь Алексей Михайлович был непоследовательным в отношении бытовых новшеств. В молодости он «гораздо тих», попал под влияние кружка «ревнителей древнего благочестия» и довел до крайности «оцерковление» дворцовой жизни. Но, возмужав, стал очень деятельным и любознательным, полюбил пышные церемонии и европейский комфорт. Царь любил театр и с удовольствием смотрел представления немецких и русских актеров. Но в конце его правления вновь начались гонения на европейские обычаи. Алексей Михайлович велел вынести всякую музыку из храмов, разжаловал князя Кольцова-Масальского по службе за то, что тот постриг волосы короче обычного. Царский указ предписывал, чтоб никто «иноземных, немецких и иных обычаев не принимал, волос у себя не голове не постригал, тако ж и платьев и шапок с иноземных образцов не носил и людям своим потому ж носить не велел» [169, т. 1, № 607].

Старшие дети царя Алексея Михайловича, получившие образование у Симеона Полоцкого, были гораздо снисходительнее к европейским обычаям. При царе Федоре Алексеевиче (1676–1682) многие придворные носили не длинные охабни и однорядки, а короткие польские кафтаны, постригали усы и бороды. Он решился на отмену старинного обычая местничества. В правление царевны Софьи (1682–1689), по словам современника, «умножилась коммерция и всякие ремесла, и науки почали быть... латинского и греческого языку. Также и политес (учтивость) восстановлена была в великом шляхетстве (дворянстве)... с манеру польского — и в экипажах, и в домовном строении, и в уборах, и в столах» [91, с. 63]. Фаворит царевны, В.В.Голицын, имел в Москве огромный каменный дом, который иноземцы считали одним из великолепнейших в Европе. Кроме европейской обстановки, у Голицына была большая библиотека, состоявшая из рукописей и печатных книг на русском, польском и немецком языках.

Перемены в быту затронули лишь небольшой слой русского общества, но они очень показательны. Россия продвигалась к реформе обиходной культуры. Изменения в самой консервативной сфере древнерусской жизни свидетельствуют о том, что страна была накануне культурного переворота, осуществленного Петром I.

Глава 8. КУЛЬТУРНЫЙ ПЕРЕВОРОТ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

В первой четверти XVIII в. в России в результате реформ Петра I произошел культурный переворот: на смену традиционной средневековой пришла культура нового времени.

Для понимания его значения надо ответить на вопрос: насколько переворот был органичен и необходим, насколько он отвечал потребностям русского общества. Ответ на этот вопрос вызывал и вызывает до сих пор споры среди историков. Одни из них видели в Петре I «просветителя» России, ее доброго гения, другие, наоборот, винили царя чуть не во всех бедах, которые с тех пор пережил русский народ. Не будем спешить с ответом на этот вопрос — разберемся сначала в сущности культурных перемен петровского времени.

Знакомство с культурой «бунташного» XVII в. убеждает в том, что она отразила неблагополучную обстановку, сложившуюся в русском обществе, что неизбежно должно было привести к переменам. С начала XVIII в. за строительство новой культуры с несокрушимой энергией принялся царь-реформатор **Петр I** (1682–1725).

Петр I. Годы учения

Младший сын Алексея Михайловича, царевич Петр, в четыре года остался без отца, на руках у полуопальной матери. Рос он не в царском тереме, а в подмосковном селе Преображенском. Его, кажется, не готовили к правлению, поэтому у царевича не было маститых учителей. Первым учителем Петра считают подьячего Н. М. Зотова. Его выбрали в наставники царевичу не за ученые заслуги, а за то, что он был «из тихих и не бражник» (впоследствии Зотов отличился именно пьянством, и Петр на-

значил его «князь-папой» «Всепьянейшего собора»). По свидетельству биографа царя, И. И. Голикова, Зотов, «хотя и не знал наук и языков, но был искусен в российском (языке) и довольно сведущ в истории». Он учил царевича чтению по Псалтири и письму. В комнатах Петра были развешаны картинки из русской истории и гравюры с изображением «знатных европейских городов, великолепных зданий, кораблей».

Петр I. *Гравюра П. Гунста. 1697 г.*

Став царем в десять лет, Петр лишь формально участвовал в придворных и церковных церемониях, государством фактически управляла царевна Софья. Мы не знаем, как молодой царь относился к церемониям, но он хорошо знал церковную службу, сам пел вместе с певчими. При этом Петр не был скован жесткими рамками придворного этикета и был свободен, что вместе с любознательностью и живостью помогло ему вырваться из рамок традиционной культуры.

Рано проявился у молодого царя интерес к корабельному и военному делу. Наиболее сведущие учителя по этим предметам нашлись среди жителей Немецкой слободы. Петр с явным интересом открыл эту «калитку в Европу». Склонностью к иностранцам отличался и «дядька» (воспитатель) Петра Б. А. Голицын — «человек ума великого, а особливо остроты, но к делам неприлежный, понеже любил забавы, а особливо был склонным к питию» [91, с. 73]. Он познакомил юного царя с **Ф. Лефортом** и П. Гордоном, которые стали участвовать в его «марсовых» и «нептуновых» потехах и забавах. У Петра в Немецкой слободе и «амур первый начал быть» с дочерью немецкого виноторговца Анной Монс. Общение с иностранцами помогло царю получить первоначальное представление о европейской культуре, преодолеть прочный психологический барьер, который веками разделял два чуждых друг другу мира — православную Русь и «богопротивную» Европу [9, с. 20]. Хотя в Немецкой слободе жили не «сливки» европейского общества, Петр вынес из общения с ними мысль о необходимости учиться у европейцев.

В детстве и юности царь получил неважное образование, о чем он сам говорил позже, наблюдая за учебой своих дочерей. Лишь в 15 лет Петр узнал о четырех действиях арифметики (впрочем, для России XVII в. и

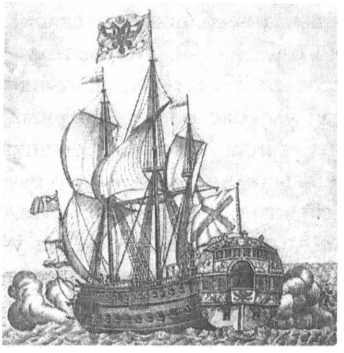
это было достижением), до конца жизни он был не в ладах с грамматикой, но всю жизнь жадно занимался самообразованием, благодаря чему достиг немалых успехов в науках и «художествах».

Великое посольство

Огромную роль в налаживании культурных связей России с европейскими странами сыграло Великое посольство (1697–1698). Но сначала царь направил в Италию, Англию и Голландию в приказном порядке, каждый в сопровождении солдата или сержанта, со строгим наказом царя учиться теории и практике морского дела и кораблестроения, группу придворных (примерно 50 человек).

Среди направленных на учебу были и молодые люди, и достаточно солидные. Стольнику П. А. Толстому было уже 52 года. Он оказался очень восприимчивым к европейской культуре и оставил интересное описание своего путешествия. В Австрии и Италии Толстой с интересом посещал все достопримечательности — церкви, монастыри, дворцы, музеи, античные памятники, театры и т.д. Привыкший к «деревянной» России, он не уставал подчеркивать «изрядное каменное строение» европейских городов, удивлялся европейскому комфорту — «простыням всегда белым», чистой посуде, обратил внимание на отсутствие пьяных на улицах. Для П. А. Толстого и его соотечественников путешествие в Европу было путем к знаниям, к новой культуре.

Многие отпрыски знатных фамилий с трудом постигали науки, но никто из них, несмотря на старания католических миссионеров, не изменил вере отцов и не остался за границей.



Корабль «Полтава», сооруженный под руководством Петра I

Чтобы не отстать от своих подданных, Петр I сам отправился в Европу в составе Великого посольства, но не в качестве его главы, а под именем «урядника Петра Михайлова». Своей дипломатической цели (создание антитурецкой коалиции) посольство не достигло, но его культурное значение трудно переоценить. Молодой царь поехал в Европу за новыми знаниями. «Аз бо́ есмь в чину учимых и учащих мя требую», — было написано на его печати того времени. Путешествие за границу, его обучение ремеслам и наукам нарушило вековые традиции царского поведения.

Посольство проехало через Германию и остановилось в Голландии, где Петр и его сподвижники изучали кораблестроительное искусство. На верфи Ост-Индской компании был спущен на воду фрегат «Петр и Павел», который царь и его помощники выстроили своими руками.

Затем Петр направился в Англию, чтобы познакомиться с теорией корабельной архитектуры. Особое внимание он уделял осмотру крепостей, заводов, мануфактур — всего, что касалось военного дела. Уже в первом путешествии проявились культурные интересы царя, хотя он не вполне был готов к восприятию европейского искусства. Известные художники (Т. Любинецкий, Г. Кнеллер) писали портреты Петра. Большое впечатление на него произвела архитектура европейских городов, в частности, Амстердама. Особый интерес у царя вызывали естественные науки и медицина. Он посетил академию, университет, музей, ботанический сад, зверинец, познакомился с изобретателем микроскопа А. ван Левенгуком. В Голландии и Англии Петр завербовал большое количество специалистов: преподавателей, художников, мастеровых людей, матросов. Он был неравнодушен к заморской экзотике, поэтому были куплены заспиртованные крокодил и меч-рыба, живые мартышки и попугаи, а также «арапчонок». В Лондоне царь посетил парламент, монетный двор, Тауэр, театр, побывал в Оксфордском университете, возможно, имел встречу с И. Ньютоном.

Русское посольство быстро усвоило внешние черты быта Западной Европы: одежду, выезды, мелочи столового обихода. Русские послы покупали устриц и пользовались салфетками, однако уровень обиходной культуры царя оставлял желать лучшего. Вместе со своей компанией Петр нередко «веселился довольно». В. О. Ключевский писал: «В Дептфорде (под Лондоном) Петру со свитой отвели помещение в частном доме близ верфи, оборудовав его по приказу короля, как подобало для такого высокого гостя. Когда после трехмесячного жительства царь и его свита уехали, домовладелец подал куда следовало счет повреждений, произведенных уехавшими гостями. Ужас охватывает, когда читаешь эту опись, едва ли преувеличенную. Полы и стены были заплеваны, запачканы следами веселья, мебель поломана, занавески оборваны, картины на стенах прорваны, так как служили мишенями для стрельбы, газоны в саду так затоптаны, словно там маршировал целый полк в железных сапогах» [80, т. 4, с. 24]. Впрочем, современные историки считают, что упомянутая здесь опись повреждений была преувеличенной, а поведение царской компании не было в диковинку для Англии, которая в XVIII в. была «веселой и пьяной» [157, с. 126].

Путешествие убедило Петра I в превосходстве европейской цивилизации и укрепило в нем стремление изменить русскую жизнь. Возвратившись, царь принялся за создание в России культуры европейского типа.

При этом он пытался насаждать то, что могло прижиться на русской почве, но определенного плана культурных преобразований не имел.

Несомненно, что царь по достоинству оценил значение промышленности, торговли, мореплавания, городского самоуправления, просвещения и науки. Свои культурные преобразования Петр начал с реформы обихода, быта — и это был вызов традиционной культуре.

Начало преобразований

Разрыв со старым временем приобрел символическое значение из-за смены летосчисления. В декабре 1699 г. Петр I издал указ о перемене календаря. В России шел 7208 г. от сотворения мира, прошло лишь четыре месяца нового года, который тогда начинался 1 сентября. Указ обосновывал переход на летосчисление от Рождества Христова как «доброе и полезное дело», подчеркивалось, что все европейские народы «согласно лета счисляют», в том числе и в православных странах, предписывал считать 1 января началом нового, 1700 г. и нового «столетнего века». «А в знак того нового начинания... у домов... перед вороты учинить некоторые украшения от древ и ветвей сосновых... в знак веселья, друг друга поздравляя новым годом и столетним веком... каждому на своем дворе из небольших пушечек и из мушкетов или иного мелкого ружья учинить троежды стрельбу и выпустить несколько ракетов, сколько у кого случится...» [169, т. 3, с. 681–682].

По случаю праздника в Москве состоялись пышные торжества: в Успенском соборе митрополит Стефан Яворский произнес проповедь, в которой разъяснил пользу нововведения, во дворце устроили бал, перед дворцом для народа выставили столы с едой и чаны с вином и пивом. Колокольный звон, барабанный бой, музыка и «повсеношное стреляние» огласили Москву. Грандиозный фейерверк (любимая потеха царя) представлял три огненные фигуры — «новый год», «добродетель» и «победу над врагом».

Изменение календаря вызвало недовольство сторонников традиционной культуры, среди которых распространились слухи о конце света и пришествии Антихриста. Летописец с неодобрением писал, что от пушечного стреляния «колыхались основания церковных каменных зданий».

Сразу после возвращения из Европы царь начал борьбу со старорусской бородой и длиннополым платьем. Он собственноручно стриг придворным бороды. Их ношение лицами всех сословий, кроме крестьян, об-

лагалось специальным налогом. Общий указ о бритье вышел в 1705 г. Все это вызвало в обществе бурную реакцию, ведь борода считалась не только признаком мужества и чести, но и символом верности православию. Незадолго до царских нововведений патриархи Иоаким и Адриан обратились к пастве с посланиями, грозившими отлучением от церкви тем, кто посмеет бриться.

4 января 1700 г. москвичам под барабанный бой было объявлено, что все, исключая духовенство и крестьян, должны носить иноземное платье на манер венгерского. Затем было уточнено, что в качестве образца следует взять французский и немецкий костюмы. У Кремля были выставлены специальные манекены. Новые моды даже в Москве, по свидетельству современника, «насилу установились» за три года. Власти периодически повторяли указ об обязательном ношении европейской одежды.

Распоряжения царя коснулись и места женщин в русском обществе. По словам И. И. Голикова, «монарх повелел... чтоб впредь женскому полу иметь в честном обхождении с людьми совершенную свободу и чтоб как замужние жены, так и девицы ходили не закрываясь на свадьбы, на пиршества и на всякие публичные увеселения».

Первые бытовые новшества вводились в период стрелецкого бунта 1698 г., когда царь сам рубил головы. Обстановка террора позволила использовать меры, которые при обычных условиях могли бы вызвать общественное сопротивление [207, с. 125].

Чтобы установить культурное общение русских с иностранцами, а также для скорейшей перестройки армии, промышленности, государственного аппарата на европейский лад, Петр I издал манифест «О вызове иностранцев в Россию», по которому иностранным специалистам предоставлялись выгодные условия работы и гарантировалась свобода вероисповедания. Таким образом был продемонстрирован более цивилизованный подход к религии.

Среди нововведений Петра I историки отмечают «реформу веселья», которая больно ударила по традиционной культуре [157, с. 116–118]. Еще до поездки в Европу в компании ближайших друзей царя велась своеобразная игра в «князь-папу» и «князь-кесаря» — «Всешутейший и всепьянейший собор», совмещавшая элементы святочных игрищ с ряжеными и «славлением», скоморошьих представлений, а также европейских праздников в честь бога вина Бахуса и маскарадов. Эта причудливая смесь русского и европейского веселья имела определенную культурно-бытовую и политическую направленность. «Всешутейший и всепьянейший собор» пародировал церковные обряды, высмеивал «глупую» старину с ее традициями и церемониями. В этой игре, приобретавшей подчас крайне непристойные формы, проявились грубость царя, недостатки воспитания, избыток энергии. Во главе «собора» стоял бывший учитель царя «князь-папа» Н. М. Зотов. Свою «веселую» должность он, возведенный в графское достоинство, совмещал с высоким постом в органах финансового контроля.

Я. Ф. Тургенев. *Неизвестный художник. Конец XVII в.*

Не менее колоритной личностью был и «князь-кесарь» Ф. Ю. Ромодановский, возглавлявший страшный для современников Преображенский приказ — орган политического сыска. Современник так характеризовал Ромодановского: «Сей князь был характеру партикулярного (особенного), собою видом, как монстр, нравом злой тиран, превеликий нежелатель добра никому, пьян по вся дни, но его величеству верный так был, что никто другой» [91, с. 75].

С участников «собора» были сделаны портреты, составившие так называемую «Преображенскую серию». Они представляют царских шутов и пьяниц — Якова Тургенева, Андрея Бесящего, Алексея Василькова и др. В молодые годы царя «Всепьянейший собор» отличался особенно грубыми выходками. Князь Б. И. Куракин писал, что «ругательству» в первую очередь подвергали «знатных персон» и «старых бояр»: «людей толстых протаскивали сквозь стула», «на многих платья дирали и оставляли нагишом, иных гузном яйца на лохани разбивали», а всех безобразий, по словам очевидца, «и великою книгою не описать». Петр и в зрелом возрасте не оставлял подобных игр и шалостей, он любил разыгрывать свадьбы шутов. «Всепьянейший собор» участвовал во всех «триумфах» и празднествах по случаю побед в Северной войне.

Реформы Петра I и русская культура

Нередко можно услышать утверждение, что реформы первой четверти XVIII в. носили всеобъемлющий характер. Рассуждая таким образом, можно прийти к выводу, что перестройке и европеизации была подвергнута вся культура как единая система, включая экономику, общественные отношения, духовную жизнь и т.д. Так ли это? Попробуем разобраться.

Первостепенной задачей Петра I являлось преодоление военно-технической отсталости России, отвоевание Балтийского побережья, превращение страны в европейскую морскую державу. Эту задачу реформатор успешно решил, создав регулярную армию и флот европейского уровня. Реформа армии и война потребовали величайшего напряжения сил всего русского народа. На содержание огромной армии шла бóльшая часть государственных налогов. Армия играла огромную роль в государстве, что привело к общей военизации жизни. Как говорят, в России не армия была при государстве, а государство при армии. В этом отношении преобразо-

ванная Россия была ближе к Московскому государству, которое Ключевский называл единым военным лагерем, чем к европейским странам с их наемными армиями.

В России в период реформ были созданы металлургическая и военная промышленность. Мануфактуры устраивались с учетом передового технического опыта Европы, но на них продолжали господствовать крепостнические отношения. Это существенно отличало Россию от европейской цивилизации, которая строилась на основе капиталистических отношений.

В оценке промышленной политики Петра I исследователи расходятся: одни считают, что строительство мануфактур в первой четверти XVIII в. создавало предпосылки для развития капиталистических отношений, другие утверждают, что созданная царем крепостная экономика стала препятствием на пути формирования капитализма в России.

Реформы царя почти не затронули сельское хозяйство: в деревне безраздельно господствовали и даже укреплялись крепостнические отношения.

В петровское время была создана попытка перестроить государственное управление в России. Стремление Петра создать «регулярное государство», напоминающее хорошо отлаженный часовой механизм, служащее «общему благу», было вполне созвучно идеям европейских мыслителей XVII — начала XVIII в. Средством достижения «общего блага» царь считал строгую регламентацию всей жизни подданных.

Как писал известный историк М. М. Богословский, подданный «обязан был нести установленную указами службу государству, он должен был жить не иначе, как в жилище, построенном по указанному чертежу, носить указанное платье и обувь, предаваться указанным увеселениям, указанным порядком и в указанных местах лечиться, в указанных гробах хорониться и указанным образом лежать на кладбище, предварительно очистив душу покаянием в указанные сроки». В желании Петра I регулировать общественные отношения и жизнь в целом разумными законами можно увидеть отражение европейских идей о правовом государстве. Но государство слишком назойливо вмешивалось в частную жизнь человека. В условиях ничем не ограниченного самодержавия, произвола помещиков-крепостников, неуважения к личности, при низкой политической культуре русского общества, привыкшего к насилию, идея законности выродилась в идею военно-полицейского государства. Как говорил сам царь, «английская вольность здесь (в России) не у места, как к стене горох...»

Реформаторская деятельность Петра, хотя и изменила место церкви в государстве, оставила в неприкосновенности русское православие, которое продолжало играть важную роль в формировании менталитета общества.

Таким образом, европеизация страны носила выборочный характер. То, что «прививалось» к дереву русской культуры, приносило подчас

неожиданные плоды. Преобразования проводились «сверху». Царь и государственная элита проявляли к ним гораздо больший интерес, чем основная масса общества. Как писал современник, «великий наш монарх... на гору аще и сам—десят тянет, а под гору миллионы тянут, то како дело его споро будет?» [179, с. 179]. Кроме того, у России не было ни сил, ни возможностей для «окультуривания» всего общества. И тем не менее перемены, затронувшие просвещение, общественную мысль, искусство, быт были очень значительными, они во многом определили дальнейшее развитие русской культуры.

Просвещение и наука

Важнейшим направлением утверждения новой высокой культуры было просвещение. Возвратившись из Европы, Петр, убежденный в пользе наук, говорил патриарху Адриану: «И у нас теперь есть школа (имелась в виду Славяно-греко-латинская академия), и пусть бы из этой школы люди, благоразумно учася, происходили во всякие потребы: и в церковную службу, и в гражданскую, и военную, и в строительную, и в медицинскую». При этом царь замечал, что «многие желают учить детей своих свободным наукам» [226, т. 3, с. 511]. Однако ближайшее время показало, что славяно-греко-латинское и богословское образование недостаточны. Они не отвечают практическим нуждам государства. Да и желающих учиться оказывалось не так уж много. «Из нашего народа мало обретается, кто бы охоту имел к наукам», — сетовал преподаватель математики Л. Ф. Магницкий. Пришлось правительству в срочном порядке создавать новые профессиональные школы, а недостаток учеников восполнять за счет насильственного обучения.

Лучшую профессиональную подготовку в то время давала **Московская школа математических и навигационных наук** (Навигацкая школа). Основанная в 1701 г. и размещенная в Сухаревой башне, она выпускала не только офицеров морского флота, но и инженеров, строителей, преподавателей, чиновников. В школу принимали детей всех чинов от 12 до 17 лет. Дети разночинцев, как правило, заканчивали лишь подготовительный класс (русскую и цифирную школу), потом их направляли на службу. Математические науки здесь преподавали выпускник Московской академии Л. Ф. Магницкий, автор учебника «Арифметика, наука численная», и профессор из Англии Эндрю Фарварсон, отличавшийся глубокими знаниями. Два других преподавателя из Англии не прославились на ниве просвещения.

В Навигацкой школе были устроены обсерватория и токарная мастерская, в которой любил работать царь. Ученики вместе с профессиональными артистами участвовали в театральных представлениях. Газета «Ведомости» с гордостью писала в 1703 г.: «В математической штурманской школе больше 300 человек учатся и добре науку приемлют».

В 1715 г. в Петербурге открыли **Морскую академию**, где готовили офицеров для флота, причем только из дворян. Сюда перевели старших учеников и лучших преподавателей московской Навигацкой школы, которая стала лишь подготовительным отделением академии. Кроме технических предметов, в академии преподавали политику, геральдику, юриспруденцию, архитектуру, иностранные языки. Здесь, как и в других учебных заведениях петровского времени, существовала палочная дисциплина. На регламенте (уставе) академии царь начертал такую резолюцию: «Для унятия крика б и бесчинства выбрать из гвардии отставных добрых солдат и быть им по человеку во всякой каморе во время учения и иметь хлыст в руках; и буде кто из учеников станет бесчинствовать, оным (хлыстом) бить, не смотря какой бы он фамилии не был...» [20, с. 22]. В то время студентам учиться было нелегко. Царь, посетив академию, узнал, что 85 учеников «за босотою и неимением дневного пропитания» месяцами не ходили на занятия.

С 1699 г. в Москве действовала **Пушкарская школа**, преобразованная затем в Артиллерийскую. При Московском военном госпитале открылась **Медицинская школа** (1707), куда время от времени переводили учеников из Славяно-греко-латинской академии, знавших латинский язык. В Москве и Петербурге существовали инженерные школы, где с 1717 г. обучались лишь дворянские дети, поскольку пришли к выводу, что в «подлых людях редко амбиция бывает».

Школы влачили жалкое существование (их финансирование было нерегулярным и неполным), ученики голодали и разбегались. Большие трудности были связаны с подготовкой учителей, а также с начальным образованием.

Начальное образование давали «цифирные школы», которые начали создавать в 1714 г. «для науки молодых ребяток из всяких чинов людей». Набор в эти школы был, в основном, принудительным. Тем, кто их не окончит, царь запрещал жениться. Впрочем, дворянские недоросли вскоре были освобождены от такого обязательного обучения. Организация школ (всего их было создано 42) была поручена духовенству.

Вместе с «цифирными» существовало 46 духовных школ, готовивших священников (позже они превратились в духовные семинарии). Мнение о том, что в петровское время образование стало светским [88, с. 84] не соответствует действительности. Духовенство все еще оставалось в России

самым грамотным сословием. В образовательной политике царь широко опирался на просвещенных деятелей церкви, особенно на выпускников Киевской академии. Их знания и просветительские способности были поставлены на службу государству. Особенно прославились своей деятельностью такие иерархи, как Иов Новгородский, Питирим Нижегородский, Дмитрий Ростовский, Гавриил Бужинский. Самая передовая школа того времени находилась в Петербурге, в доме архиепископа Феофана Прокоповича.

В петровское время широко практиковалось получение образования у иностранных специалистов, приглашенных на службу в Россию. По мнению царя, иноземец был нужен, чтобы выучить русского человека мастерству, а когда цель достигнута, то его можно и отпустить, «если без него умеют». Таким образом учились корабельному искусству, живописи, архитектуре и т.д. Своеобразной школой для русских архитекторов была «архитектурная команда» Канцелярии от строений, занимавшаяся застройкой Петербурга. Работавшие здесь архитекторы **Д. Трезини** и **Н. Микетти** обучили немало зодчих, внесших заметный вклад в русскую культуру (М. Г. Земцов, И. Ф. Мичурин и др.). Однако некоторые иностранцы превращали учеников в своих слуг, не заботясь об их обучении.

Одним из наиболее эффективных способов учебы было при Петре I «пенсионерство»: молодых людей отправляли в Голландию, Францию, Англию, Италию для овладения науками, «художествами» (искусствами и ремеслами). Этот способ обучения был дорогим, но позволял готовить специалистов европейского уровня. Иногда «пенсионеров» подводило недостаточное знание иностранного языка. Приходится «не то языкам учиться, не то наукам», — жаловался один из них.

Во время своего второго путешествия в Европу (1716–1717) Петр I проявил более глубокий интерес к европейской культуре и наукам. В Германии, Голландии и Франции царь, как и прежде, интересовался верфями, кораблями, мануфактурами, военным искусством. Но с не меньшим интересом он посещал музеи, приобретал редкости для учрежденной им в 1714 г. Кунсткамеры. Петр бывал в мастерских художников. А. Боонен, К. Моор, Ж. М. Наттье, Ж.-Б. Удри писали его портреты. Он закупил множество картин и пригласил в Россию архитектора Леблона и скульптора Растрелли. Прусский король подарил царю убранство знаменитого янтарного кабинета. Французский двор стремился поразить высокого гостя своей роскошью. Но царя смущала помпезность официальных приемов, он отказался от пышных апартаментов в Лувре. В Париже он спешил «всего смотреть»: арсенал, мануфактуры, анатомический театр, парки, «аптекарский огород», обсерваторию, Академию наук, где беседовал с академиками. Позже царь был избран ее членом за предоставленные различные карты России, в том числе точную карту Каспийского моря. Французская архитектура и парки, великолепие Версаля, по-видимому, все-таки произвели на Петра большое впечатление. Загородная резиденция в Петергофе создавалась потом с оглядкой на Версаль и его «огород». Очень скромный в повседневной жизни, Петр I не отрицал роскоши как средства прославления государства. А в конце

жизни российского императора «пышные лавры Людовика XIV стали манить сильнее, чем демократическая простота голландских бюргеров» [47, вып. 2, с. 277].

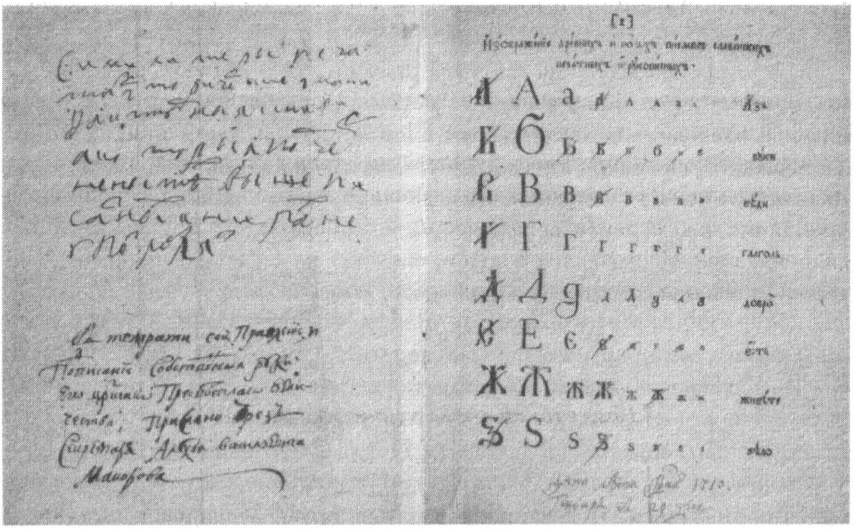
По мере того, как царь решал военно-политические задачи, вопросы науки и культуры приобретали для него все большее значение. «Оградя отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государству через искусство и науки», — считал он. В 1719 г. была открыта для посетителей **Кунсткамера** — бесплатный музей, в коллекцию которого входили различного рода редкости, естественнонаучные и исторические экспонаты. На открытии царь, по рассказам очевидцев, заявил: «Я хочу, чтобы люди смотрели и учились». При музее имелась богатая библиотека, которая позже была передана Академии наук. В начале XVIII в. в России начали собирать археологические, нумизматические, исторические коллекции, памятники античного искусства.

Европейские ученые, с которыми Петр I поддерживал контакты, особенно немецкий философ Лейбниц, советовали создавать в России университеты, Академию наук, библиотеки и другие научные учреждения. Царя увлекла эта идея, но он понимал, что в стране еще почти нет собственных ученых. Наконец, 28 января 1724 г. Петр I «указал учинить Академию, в которой бы учились языкам, также прочим наукам и знатным художествам, и переводили б книги» [169, т. 7, с. 220]. **Российская Академия наук** имела университет и гимназию для подготовки научных кадров, вела деятельность не только научную, но и практическую — заботилась о процветании «вольных художеств и мануфактур». Открытие Академии наук состоялось уже после смерти Петра.

В деятельности по развитию просвещения и наук выдающийся русский историк В.О.Ключевский справедливо видел главный смысл и оправдание преобразований Петра I. Царь был деспотичен, груб, он довел до крайности крепостничество, но... «вера в чудодейственную силу образования, которой проникнут был Петр, его благоговейный культ науки насильственно зажег в рабьих умах искру просвещения, постепенно разгоравшуюся в осмысленное стремление к правде, то есть к свободе» [80, т. 4, с. 203].

Книгоиздательство

В петровское время книга занимала важное место в распространении просвещения, наук, новых форм жизни. Она изменила свой внешний вид и содержание. В первой четверти XVIII в. было издано больше книг, чем



«Азбука гражданская с нравоучениями». *Правлена рукой Петра I. 1708 г.*

за весь предшествующий период существования книгопечатания в России. Церковная литература по-прежнему печатались кириллицей, светская же с 1708 г. — «новоизобретенными русскими литерами». Гражданская азбука была утверждена самим Петром I. Шрифт стал более четким и ясным, приближенным к европейскому. Еще раньше в книги были введены привычные для нас арабские цифры, заменившие буквенное изображение чисел.

Книгоиздательство находилось под контролем властей. Для пропаганды реформ и для нужд государственных учреждений печатались тексты важнейших царских указов. Появилась первая печатная газета **«Ведомости»** (1702), сообщавшая новости российской и европейской жизни. В допетровские времена политические новости, особенно зарубежные, считались секретными, выдержки из зарубежных газет переписывались в Посольском приказе для царя и ближних бояр. Это были так называемые «вести», или «куранты». «Ведомости» были адресованы широкому кругу читателей, хотя тираж газеты иногда составлял всего 30 экземпляров. Материалы для печати тщательно отбирались и редактировались, часто это делал сам царь. Из номера в номер сообщались известия о победах русских войск с «малыми потерями», о расширении торговли, об успехах промышленности. Многочисленные сведения из-за рубежа подводили чи-

тателя к мысли о том, что Россия становится равноправным европейским государством.

Среди светских книг важное место занимали учебники: «Арифметика», «Геометрия», «География», а также издания по военному искусству, кораблестроению, архитектуре и т.д. Новые правила поведения и хорошего тона были описаны в книге «Юности честное зерцало». Правила вежливого письменного общения пропагандировали «Приклады (примеры) како пишутся комплементы разные». С новой светской символикой знакомило издание «Символы и эмблемата». Художественных произведений издавалось немного, причем в основном античная литература.

Общественно-политическая мысль

Реформы Петра I не оставили русских людей равнодушными. Переломный характер эпохи обусловил невиданный подъем общественно-политической мысли.

В этой сфере культуры государство стремилось играть руководящую роль. Официальная идеология не отказалась от традиционной мысли богоустановленности царской власти. Но определяющими стали европейские рационалистические идеи. Согласно учению философов-рационалистов, государство является результатом *общественного договора:* чтобы не истреблять друг друга в борьбе за личные интересы, люди передали часть своих прав государству, заключив общественный договор. Государство, ставшее всемогущим, должно регулировать общественные отношения, заботиться об «общем благе» всех граждан. Идея общего блага — одна из главных в законодательстве и публицистике петровского времени. При этом общегосударственные интересы — внешняя безопасность, государственная мощь, промышленное развитие — почти полностью подавляли интересы отдельного человека. А под гражданами государства прежде всего подразумевались дворяне — «благородное шляхетство».

Известный церковный деятель и писатель **Феофан Прокопович** в своих проповедях, политических трактатах и исторических сочинениях неустанно пропагандировал нововведения Петра I, славил его военные победы и гражданские установления. Петр отправлялся в Европу, и Феофан писал о пользе заграничных путешествий; Петр лишал прав на престол своего сына Алексея, и Феофан писал «Правду воли монаршей» в оправдание этого шага царя; в «Духовном регламенте» Феофан (совместно с Петром I) оправдывал отмену патриаршества и новый порядок управления Русской

православной церковью. Беспринципность Прокоповича и его всегдашнее стремление угодить власти вызывало неприязненное отношение к нему со стороны духовенства.

Другой сподвижник Петра I, вице-канцлер **П. П. Шафиров,** написал книгу **«Рассуждение о причинах Свейской (шведской) войны»**. В ней автор обосновал исторические права России на побережье Финского залива, пытался доказать справедливый для России характер войны, обвинял шведов в нежелании идти на мирные переговоры, в затягивании войны.

В официальной идеологии сложился культ царя как главного начинателя и организатора реформ, как творца новой России. Канцлер Г. И. Головкин говорил при поднесении Петру I титула императора: «Токмо едиными вашими неусыпными трудами и руковождением мы, ваши верные подданные, из тьмы неведения на театр славы всего света, и тако вещи из небытия в бытие приведены» [169, т. 6, с. 445]. Ф. Прокопович сравнивал Петра I со скульптором, изваявшим статую новой России.

Для пропаганды реформ и официальной идеологии использовались все возможные средства: книгоиздательство, церковные проповеди, законодательство, устройство массовых празднеств — «триумфов».

Несмотря на пропаганду и устрашающие действия карательных органов, полного единомыслия в русском обществе не было: ворчала старая знать, потесненная в управлении государством худородными сподвижниками Петра; проявляли недовольство православные иерархи, когда царь вмешивался в дела управления церковью и запускал руку в ее казну; в народе звучали осуждение и протест, вызванные неимоверной тяжестью реформ и войны; старообрядцы видели в Петре, внесшем перемены в русскую жизнь, предтечу Антихриста.

Оригинальные идеи высказывал в своих сочинениях **И. Т. Посошков**. Сын ремесленника-серебрянника, он увлекся предпринимательством, стал промышленником и купцом, владельцем деревень с крепостными крестьянами. Итогом его размышлений о жизни стала **«Книга о скудости и богатстве»**, которую автор адресовал Петру I. Черты традиционного и нового мировоззрения причудливо переплелись в сочинениях Посошкова. Он видел множество недостатков в русской жизни; был убежден в необходимости перемен; связывал их осуществление с Петром I. И в то же время его произведения проникнуты православной церковностью, истовым благочестием, осуждением духовного общения с Западом. Даже в почтовой связи с другими странами он видел лишь средство шпионажа. Автор допускает только заимствование технических новшеств из Европы, он верит в собственные силы русского народа: «Много немцы нас умнее науками, а наши остротою не хуже их».

Дотошно и со знанием дела рассматривает Посошков положение всех сословий в русском государстве и приходит к неутешительным выводам. Малограмотное сельское духовенство задавлено крестьянской работой: «Мужик за соху и поп за соху, мужик за косу и поп за косу» — ему, попу, и не до службы. Купечество, «которым всякое государство богатится», испытывает конкуренцию в торговле от других сословий и притеснения со стороны властей: «Не ставят купечество ни в яичную скорлупу». В пользе этого сословия автор убежден, а вот о дворянах он невысокого мнения: «У них клячи худые, сабли тупые, сами... безденежные и ружьем владеть никаким неумелые; а то я у многих дворян слыхал: дай Бог великому государю служить, а сабли б из ножен не вынимать». Крестьяне в России, по мнению Посошкова, ленивые, но ленивы они потому, что «помещики на крестьян налагают бремена неудобоносимые». Он предлагает государству ограничить власть помещиков над крестьянами, контролировать оброки: «Царю паче помещиков надлежит крестьян беречь». Очень возмущает автора традиционное русское беззаконие: «Неправда у нас на Руси вельми застарела», чтобы «суд царев был яко Божий», надо составить новые законы, а обсудить их следует всем народом, учредив «народосоветие». Власть же царя, пишет Посошков, должна учитывать интересы всех сословий. Но подобные предложения, видимо, не устраивали Петра. Посошков стал одним из первых политических узников Петропавловской крепости, где и умер в 1726 г.

Архитектура

Пожалуй, ярче всего новизна культуры петровского времени проявилась в архитектуре и градостроительстве. Для того времени характерна смена древнерусских форм и приемов строительства на общеевропейский архитектурный стиль. Утвердилась новая «регулярная» планировка городов, было признано превосходство каменной архитектуры над деревянной. Правда, новшества мало затронули провинциальные города России, где в строительстве продолжали развиваться национальные традиции. Новые черты сначала появились в архитектуре Москвы.

К концу XVII в. город представлял себой множество деревянных строений, среди которых возвышались каменные крепостные сооружения, пышный ансамбль Кремля, «сорок сороков» церквей, монастырские комплексы. Улицы, идущие от Кремля, не отличались прямизной, часто утопали в грязи. Лишь в центре они были замощены бревнами.

Уже в конце XVII в. появились царские указы, цель которых — придать хотя бы центру Москвы более упорядоченный вид: в Кремле и Китай-городе разрешалось лишь «каменное строение по большим улицам и переулкам, а не посреди дворов добрым мастерством». Центральные улицы предписывалось мостить камнем и содержать в чистоте. Здесь были возведены сооружения, совмещавшие в себе черты традиционной и европейской архитектуры. Через Москву-реку был построен Большой каменный мост. Выросло несколько башнеобразных построек — Сухарева башня, Меншикова башня, здание Главной аптеки на Красной площади. Строились здания общественного назначения — «Комедийная хоромина» (театр), «Оружейный дом» (арсенал) в Кремле.

Сухарева башня (1692–1701) служила проездными воротами Земляного города. Над ней располагалась полковая изба стрелецкого полковника Сухарева, который остался верен Петру во время стрелецкого бунта. Завершивший строительство сооружения архитектор М. Чоглоков возвел трехэтажные палаты, увенчанные высокой восьмигранной башней с часами. Открытая лоджия и широкая нарядная лестница придавали зданию вполне европейский вид. В Сухаревой башне располагалась Навигацкая школа.

Меншикова башня. Москва. *Архитектор И. П. Зарудный. 1705–1707 гг.*

Еще более отчетливо черты европейской архитектуры проступают в так называемой **Меншиковой башне** (1705–1707) — **церкви архангела Гавриила**, построенной архитектором **И. П. Зарудным** по заказу петербургского губернатора А. Д. Меншикова. Хотя в основе здания лежит привычная форма (восьмерик на четверике), церковь имеет очень светский облик благодаря колоннам и пилястрам, а также лепнине, выполненной итальянскими мастерами.

Дворцы сподвижников Петра I Лефорта и Головина, построенные недалеко от Немецкой слободы, были возведены по правилам европейской ордерной архитектуры.

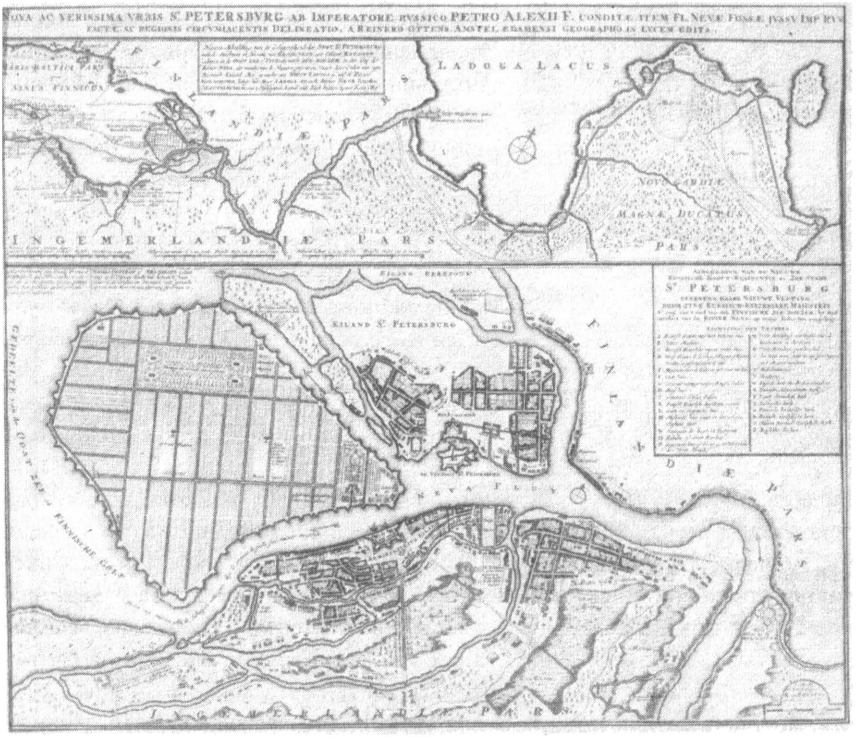
Архитектурный ордер — это художественно разработанная строительная система, главными эле-

ментами которой являются колонна (стойка) и антаблемент (балочные конструкции — архитрав, фриз и карниз). Эта система лежит в основе античной и европейской архитектуры от эпохи Возрождения до XX в.

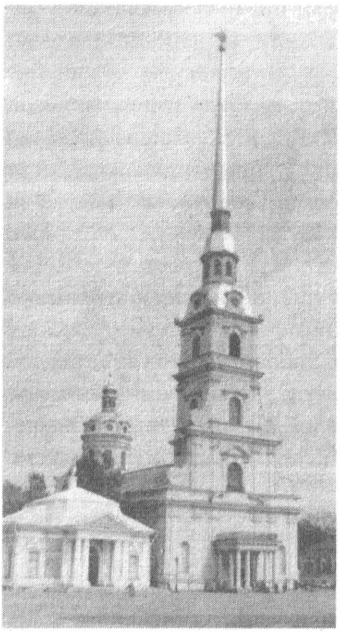
Петербург — город новой культуры

Если в Москве черты европейской культуры только пробивали себе дорогу, то Петербург с начала строительства имел европейский облик.

Отвоевав у шведов устье Невы, Петр I торопился «ногою твердой стать при море», создать здесь крепость и порт. Крепость заложили на Заячьем острове, у развилки Большой и Малой Невы. День основания города и крепости «Санкт-Питер-Бурх» — 16 мая 1703 г. Город назван в



План Петербурга. *Неизвестный голландский гравер. 1716–1718 гг.*



Петропавловский собор. Петербург. *Архитектор Д. Трезини. 1712–1733 гг.*

честь небесного покровителя царя апостола Петра, который по церковному преданию является обладателем ключей от рая. Царь в своих письмах так и называл новый город — «раем», или «парадизом».

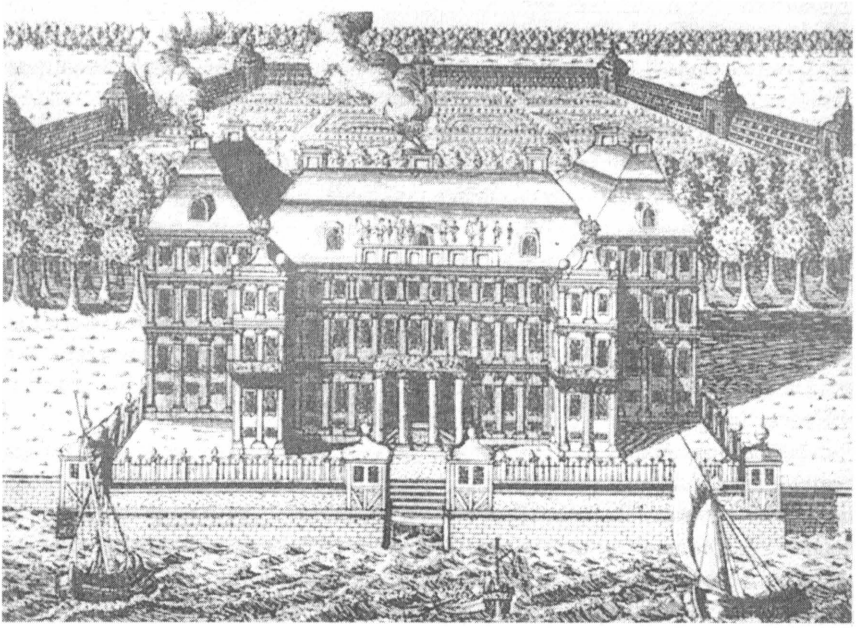
Петропавловская крепость первоначально была земляной. Ее построили в соответствии с тогдашними достижениями европейской фортификации. Она представляла собой шестиугольник из куртин (прямых участков стены) и бастионов (угловых выступающих укреплений). Бастионы были названы в честь царя и его сподвижников, отвечающих за их строительство, — Государев, Меншиков, Зотов, Трубецкой... С 1706 г. начали возводить каменную крепость, а современный вид ее укрепления приобрели к концу XVIII в. Главные — **Петровские ворота** — крепости (1718) напоминают триумфальные арки, которые во множестве устанавливались тогда в честь побед русской армии. Строителем ворот, как и многих других сооружений раннего Петербурга, был **Доменико Трезини** (1670–1734). Он родился в южной Швейцарии, недолго работал в Дании, а затем до конца жизни прожил в России, став главным архитектором строящегося Петербурга.

Трезини построил **Петропавловский собор** (1712–1733), который возвышается в центре крепости. Его высокая колокольня с золоченым шпилем была видна со всех концов города, раскинувшегося на абсолютно гладких берегах устья реки Невы. Собор имеет европейский облик. Его основной объем по форме близок к трехнефной базилике, а колокольня напоминает ратушные башни и колокольни прибалтийских городов. Внутреннее пространство собора имеет вид парадного зала с двумя рядами колонн, расписанных под мрамор. Резной иконостас выполнен в форме триумфальной арки.

Крепости на Заячьем острове не пришлось отражать нападения врагов, но уже в петровское время она стала политической тюрьмой, узниками которой были царевич Алексей, экономист И. Т. Посошков, художник И. Н. Никитин.

Под защитой Петропавловской крепости на прилежащем к ней Березовом острове сложился первый центр Петербурга. На Троицкой площади высился деревянный Троицкий собор, рядом располагались торговый порт и рынок. Первые постройки — **Гостиный двор**, трактир «Австерия четырех фрегатов», типография — были деревянными и мазанковыми. Царь велел раскрасить их «под кирпич». С 1712 г. Петербург стал столицей России, в нем были возведены здания Сената и «Аудиенц-каморы» (приемной царя). От деревянной застройки тех лет сохранился лишь **домик Петра I** (1703) — «хоромцы брусчатые», раскрашенные «под кирпич». Он состоял из двух светелок, еще при жизни царя был укрыт каменным футляром. Рядом с домиком царя строились дома знати. Далее в глубине острова селились ремесленники, торговцы, солдаты и офицеры. В петровское время заселенная часть Березового острова была огорожена палисадами, защищавшими жителей от волчьих стай, подходивших зимой к городу.

Ближе к заливу, на Васильевском острове, находилась первоначально усадьба петербургского губернатора А. Д. Меншикова. **Дворец А. Д. Меншикова** (1710–1727, архитекторы Д. М. Фонтана, И. Г. Шедель,



Дворец А. Д. Меншикова. Петербург. *Архитекторы Д. М. Фонтана, И. Г. Шедель, Д. Трезини. 1710–1727 гг. Гравюра А. Ф. Зубова*

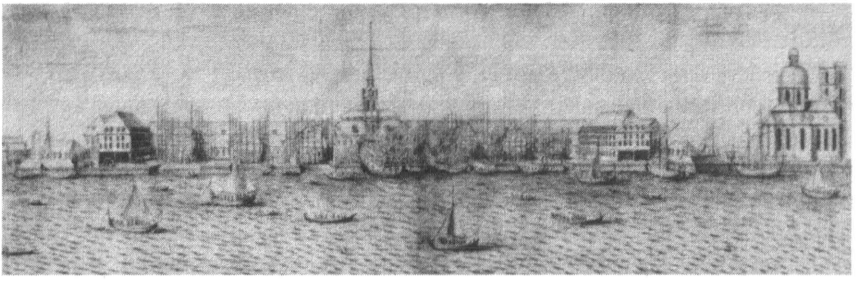
Д. Трезини) был самой роскошной постройкой петровского Петербурга, превосходивший размерами и пышностью даже царские резиденции. Архитектурный декор трехэтажного здания с высокой крышей включал пилястры с нарядными капителями, украшавшие каждый этаж, а также статуи, декоративные вазы и короны. В интерьере дворца сохранились комнаты, облицованные голландскими изразцами, а также Ореховый кабинет с живописным плафоном, изображающим Петра I в виде Марса. Дворец часто использовал царь для придворных торжеств, приемов и свадеб.

После Полтавской и Гангутской побед строительство Петербурга особенно оживилось. В 1714 г. был издан указ, запрещавший каменное строительство по всей стране, кроме новой столицы. Петр требовал, чтобы дома везде строились «в линию» и выходили «единой фасадой» на улицу по периметру кварталов. У него появляется замысел создания центра города на Васильевском острове. Архитекторы Д. Трезини и Ж. Б. Леблон создали планы регулярной застройки столицы. На острове начала создаваться геометрически правильная сетка улиц-каналов, по примеру Амстердама. (Каналы на Васильевском острове были засыпаны в середине XVIII в.) Трезини и Леблон составили проекты образцовых домов для «подлых», «зажиточных» и «именитых» горожан.

На набережной Васильевского острова было возведено здание **Двенадцати коллегий** (1720–1742, архитектор Д. Трезини). Его 400-метровый фасад здания с двенадцатью одинаковыми выступами-ризолитами, украшенными балконами, пилястрами и фигурными фронтонами, как бы олицетворял «регулярный» характер нового государственного аппарата. Перед сооружением планировалось создать парадную площадь, установив на ней конную статую Петра I, работу над которой начал скульптор Б. К. Растрелли.

Недалеко от «Двенадцати коллегий» архитекторы Г. И. Маттарнови, Г. К. Киавери и М. Г. Земцов возвели оригинальное здание **Кунсткамеры** (1712–1727) с центральной высокой ступенчатой башней, где предполагалось разместить обсерваторию. Здание строили специально для первого в России музея.

Как ни стремился Петр создавать город на островах, жители охотнее селились на южном берегу Невы, откуда шла дорога на Москву. Здесь первым сооружением было **Адмиралтейство** (1704) — судостроительная верфь, где одновременно могло строиться 7–8 больших кораблей. Земляную крепость здесь сменили затем каменные сооружения. Но башня Адмиралтейства с высоким шпилем как важный элемент городского ансамбля оставалась при всех дальнейших перестройках здания. От башни отходила «Большая першпективная дорога» — будущий Невский проспект. Рядом с верфью находились Морские слободы, населенные кораблестроителями.



Адмиралтейство в Петербурге. *Гравюра А. Ф. Зубова. 1716 г.*

До наших дней сохранился **Летний дворец Петра I** (1710–1712, архитектор Д. Трезини), который прекрасно передает дух петровской эпохи и характер своего хозяина, любившего жить в «маленьких покойцах». Уютная двухэтажная постройка, снабженная всем возможным для того времени комфортом, напоминает образцовый дом для «именитых людей». Стены дворца украшены лишь наличниками и барельефами, которые в аллегорической форме прославляют победы России в Северной войне. Рядом с дворцом разбит **Летний сад**. Это регулярный сад с аллеями, составляющими геометрический узор, с подстриженными деревьями, статуями, фонтанами и гротом. Здесь устраивались петровские балы — ассамблеи.

Строительство Петербурга велось в тяжелейших условиях: болотистая почва требовала проведения дренажных работ, укрепления берегов сваями. Со всех концов страны принудительно собирали рабочую силу. Тысячи людей умерли здесь от голода и болезней. Но в своем детище Петр хотел видеть все лучшее в России. В городе, в ущерб всей остальной стране, строили каменные здания, мостили камнем и освещали фонарями улицы, разбивали парки, устраивали госпитали и дома престарелых.

Уже при Петре I началось строительство загородных резиденций царя и вельмож. Известнейшая среди них — **Петергоф** с прекрасно распланированными парками, с изумительными фонтанами и статуями, с дворцами и павильонами.

Для строительства столицы царь пригласил незаурядных европейских мастеров — Д. Трезини (Швейцария), Ж. Б. Леблона (Франция), А. Шлютера (Германия), Н. Микетти, Г. Киавери (Италия) и др. Они приезжали в Россию на самых выгодных условиях, но здесь их деятельность контролировал Петр, которого можно назвать главным архитектором Петербурга. Иностранцам также приходилось сталкиваться с проявлениями царского деспотизма. По преданию, Петр по ложному доносу Меншикова выбранил

и ударил палкой Ж. Б. Леблона, от чего тот вскоре умер (на самом деле он умер от оспы).

Учеба у иностранных мастеров и поездки за границу позволили подготовить поколение русских строителей, усвоивших правила европейской архитектуры, — М. Г. Земцова, И. К. Коробова, П. М. Еропкина и др.

В первой четверти XVIII в. в столичных городах сложилась новая архитектура, использовавшая элементы барокко и классицизма. *«Петровское барокко»* отличается рационализмом, четкостью архитектурных форм, строгой симметрией. С европейским барокко его роднит динамичность композиций, богатство орнамента.

Живопись

Огромные изменения претерпела в петровское время русская живопись. Многовековая традиция иконописи ушла на второй план, в провинцию, в народ. Отчасти она проявилась и в новом искусстве, придав ему национальное своеобразие. Господствующей стала светская, реалистическая живопись. В качестве ведущего жанра русского изобразительного искусства (как оказалось, на весь XVIII в.) утвердился портрет, что было обусловлено возросшим интересом к человеку, к его личным силам и способностям. Свои индивидуальные качества, талант и энергию люди могли раскрыть в петровские времена как никогда прежде.

Парадные портреты служили также средством прославления власти. Изображения Петра I украшали дворцы царя и вельмож, государственные учреждения, книги и гравюры. Их писали И. Г. Таннауэр, Л. Каравакк, И. Н. Никитин и др. Портреты царской персоны были так широко распространены, что появился специальный указ: «Суперинтенданту Зарудневу надзирать, дабы неискусною рукою писанных портретов государевых не продавали и не писали, и где таковые обезображивающие лица государей портреты усмотрит, отбирать» [37, ч. 8, с. 445]. Царю подражали вельможи, стремившиеся иметь свои фамильные изображения, иногда целые родовые галереи. Картины и гравюры стали широко использовать для украшения интерьеров.

Переходный характер русского искусства конца XVII — начала XVIII в. демонстрируют упомянутые выше портреты **«Преображенской серии»**, изображающие членов «Всепьянейшего собора». Статичность фигур, почти полностью заполняющих пространство картины, плоскостность изображений, яркие локальные цвета роднят эти произведения

с «парсунами» и иконами XVII в. Вместе с тем эти работы, выполненные различными мастерами, отличаются вниманием к индивидуальным чертам лица, а подчас и характерам персонажей. Иконописной яркостью и чистотой цвета отличается колорит портрета Тургенева. В характерном лице старого шута чувствуется затаенная горечь. В портрете Василькова художник почти натуралистически подчеркнул черты «выдающегося пьяницы» — его нездоровый вид, отекшее лицо с заплывшими глазами. Как подтверждение этой характеристики рядом изображены бочонок с вином, чарка, тарелка с огурцом и капустой.

И все-таки в живописи петровского времени поражает ее «новизна», быстрая смена художественных приемов, усвоение внешних правил портретирования, а в лучших работах — тонкая психологическая характеристика. Переходу на «европейский манер» способствовали работа в России иностранных мастеров (немца И.-Г. Ганнауэра, француза Л. Каравакка и др.), а также учеба русских художников за границей.

Первыми сумели достичь высокого уровня мастерства И. Н. Никитин и А. М. Матвеев.

Иван Никитин (1690–1742) первые навыки живописного искусства получил в России, возможно, он обучался у приезжих иностранцев. Еще до отъезда на учебу за границу художник создал портреты членов царской семьи и Петра I. Уже в ранних работах живописца (например, в изображениях сестры царя Натальи Алексеевны или его дочери Елизаветы Петровны) чувствуется не только умение передать внешнее сходство, но и интерес к внутреннему миру человека. Царь высоко ценил художника и писал своей жене Екатерине, находившейся в Польше: «Попались мне навстречу Беклемишев и живописец Иван. И как они придут к вам, тогда попроси короля, чтобы велел свою персону ему списать; также и протчих, каво захочешь, а особлив свата (герцога Мекленбургского), дабы знали, что есть и из нашего народа добрые мастера» [130, с. 7].

Петр направил Никитина на учебу во Флоренцию, где тот получил прекрасную техническую выучку. После возвращения в Россию художник занимал особое положение придворного живописца и написал ряд известных портретов — **графа Г. И. Головкина**, **«Напольного гетмана»**, **Петра I на смертном ложе**. Все работы отличаются высоким профессионализмом и глубиной психологической характеристики. В посмертном портрете Петра I видится глубокое переживание автором трагизма момента, тяжести утраты. Никитин сумел создать своеобразный живописный реквием по царю-реформатору.

Последние годы жизни художника были трагичны. Замешанный в придворных интригах, он оказался узником Петропавловской крепости, был бит плетьми и сослан в Сибирь.

Вторым крупным мастером, получившим в петровское время образование в Европе, был **Андрей Матвеев** (1701–1739). Он обучался в Голландии, был «пенсионером» императрицы Екатерины Алексеевны, возвратившись в Петербург, долгое время возглавлял живописную команду Канцелярии от строений. По долгу службы художник много занимался росписями дворцов, церквей, триумфальных ворот. Сохранилось немного его авторских работ «Аллегория живописи», портреты А.П. и Н.А. Голицыных, портрет Петра I. Самая известная картина мастера — **«Автопортрет с женой»** (1729). На этом парном портрете особенно выразительным является живое и одухотворенное лицо художника, который артистическим и нежным жестом представляет зрителю свою жену — дочь мастера-кузнеца Ирину Антропову. Само появление такого произведения показательно для искусства и умонастроения петровского времени. Картина свидетельствует об изменении представления о роли художника в обществе, об известной эмансипации женщины. Семейный портрет художника, не занимавшего высокого общественного положения, написан в форме парадного, но при этом отличается теплой эмоциональной атмосферой.

Очень распространенным жанром изобразительного искусства в начале XVIII в. была гравюра. Ее широко использовали в учебных целях, в пропаганде реформ и новой культуры. Мастера запечатлели победы русской армии и флота, архитектуру Петербурга, портреты Петра I и его сподвижников.

Реформа быта

Начавшиеся на рубеже XVII и XVIII вв. преобразования постепенно изменяли быт дворянства и горожан: мир вещей, окружавших людей, обычаи, ритуал ежедневного поведения, строй жизни, определявший распорядок дня, время занятий, характер труда и досуга, формы отдыха, игры, любовный ритуал и ритуал похорон [115, с. 12].

Петровские реформы сделали дворянство (шляхетство) культурно-доминирующим классом русского общества. На его повседневную жизнь распространялся главный принцип петровского государства — «регулярность». Служба, которую регламентировал документ «Табель о рангах», чин, мундир стали определять положение человека в обществе, а во многом и его поведение в повседневной жизни. (Характерно, что военная служба ценилась властью и обществом выше статской, последняя не счи-

талась «благородной».) Обращение к человеку зависело от чина: «ваше превосходительство» было совсем не то, что «ваше благородие». Высшие чины имели целый ряд привилегий. Дворянство и связанное с ним право владеть крепостными давалось разночинцам, достигшим определенных чинов. Но сохранилось в петровское время и понятие знатности. Кроме существовавших в России княжеских титулов Петр I ввел для «новой знати» титулы графов и баронов.

При всех выгодах, которые сулила служба, при всем значении чина в обществе обязательная пожизненная служба тяготила дворян. Ведь в петровское время они окончательно стали наследственными владельцами земель с крестьянами. Помещичье хозяйство давало более стабильный доход, чем служба, и обеспечивало более спокойную жизнь. И.Т.Посошков писал, что многие дворяне отлынивали от службы или только числились на ней, а сами жили в своих вотчинах. Так, некий «Федор Макеев сын Пустошкин уже состарился, а на службе на какой и одною ногою не бывал». Он давал «посыльщикам», приезжавшим за ним, взятки или прикидывался больным или юродивым, «а егда из глаз у посыльщиков выедет, то и юродство свое отложит и, домой приехав, яко лев рыкает» [177, с. 174].

Изменился в петровское время и мир русской женщины: одежда, прически, повседневные занятия. В годы реформ и позже дворянки стремились как можно меньше походить на своих бабушек и на крестьянок. Семья, хозяйство, воспитание детей отходили на задний план. Кокетство, балы, танцы, пение играли все бóльшую роль в жизни женщин из высшего общества. Известный историк XVIII в. М.М.Щербатов писал, что женщины вырвались из своих домов, стали усиленно «украшать себя одеяниями и уборами...Страсть любовная, до того почти в грубых нравах не знаемая, начала чувствительными сердцами овладевать». Он передавал услышанную им «от верных людей» историю, что в Москве была в то время лишь одна «уборица для волосов женских» (парикмахер), и женщины делали прически за трое суток до праздника, а затем в ожидании его вынуждены были спать сидя [139, с. 16,17].

В 1718 г. Петр I издал указ об *ассамблеях* — предшественниках дворянских балов. Царский указ разъяснял их смысл как особой формы проведения досуга: «Ассамблея есть слово французское, которое на русский язык одним словом выразить невозможно, но обстоятельно сказать — вольное где собрание или съезд делается не только для забавы, но и для дела, где можно друг друга видеть и переговорить или слышать, что делается». Но, как отмечают современники, сборища происходили, как правило, в деревянных домах, в дыму трубок и пьянства без меры, в присутствии дам, одетых во французские платья, но изящно почесывающихся изысканными палочками от блох, и кончались нередко дракой [65, с. 32].

В начале XVIII в. еще не существовало привычного для нас понятия детства. На ребенка смотрели, как на маленького взрослого, не усвоившего правил поведения в обществе. Не случайно на портретах того времени мы видим мальчиков в мундирах и девочек во «взрослых» платьях. Государство пыталось пропагандировать новые принципы поведения молодых дворян, о чем свидетельствует руководство по этикету — **«Юности честное зерцало»**, выходившее в петровское время четырьмя изданиями. Юноша, по мнению составителей этого учебника, должен быть активным, «подобно как в часах маятник», трудолюбивым, ученым (ценились красноречие, знание иностранных языков, искусство конной езды и фехтования), должен уважительно относиться к родителям и к взрослым. Правила хорошего тона не рекомендовали «младому отроку» «носом храпеть, глазами моргать», танцевать в сапогах со шпорами, громко прочищать нос, плевать, когда «в беседе или в компании случится в кругу стоять». За столом полагалось сидеть с чистыми руками, не хватать первым кушанья с блюда. «Не жри как свинья и не дуй в ушное (в уху), чтоб везде брызгало, не сопи, когда ешь» — эти советы, как видно, не были лишними даже для придворной молодежи. Петербургские недоросли еще не успели набраться парижской учтивости, да и европейские нравы того времени оставляли желать лучшего. Правила личной гигиены не вошли еще в обыкновение. В 20-х гг. XVIII в. Петр издал указ, запрещавший «господам вельможам», приезжавшим в Петергоф, ложиться в постель в ботфортах или башмаках. А. Д. Меншиков слыл среди современников очень опрятным человеком, между тем он мылся в бане один раз в месяц.

Более строгие моральные требования «Юности честное зерцало» предъявляло к девушкам, которые должны обладать многими добродетелями — смирением, трудолюбием, милосердием, стыдливостью и т.д. В части руководства, адресованного девушкам, явно чувствуется рука духовного лица.

Основные черты новой русской культуры

В результате петровских реформ в России господствующей стала новая высокая культура — светская, открытая для взаимодействия с другими культурами, динамично развивающаяся [88, с. 63–66].

Секуляризация привела к тому, что светское, рационалистическое мировоззрение начало играть ведущую роль в создании новых культурных ценностей. Церковь лишилась монополии на образование, воспитание,

книгоиздательство. Преимущественно светским стало искусство. Уменьшилось влияние церкви на повседневную жизнь людей. При этом русский человек по-прежнему не мыслил себя без православной веры. Произошло закономерное отделение светской сферы, которая все время расширялась, от церковной, которая обслуживала теперь лишь религиозные потребности общества. Однако заметим, что существовавший прежде церковный диктат в культуре сменился государственным.

«Открытость» новой русской культуры, по сути, равнозначна ее европеизации. Западная культура сознательно выбиралась в качестве образца. Петровское время было для русских временем культурного ученичества. Но это не означало ни бездумного копирования Европы, ни потери национального своеобразия. Тем более, что европеизация слабо затронула глубинные социально-экономические основы русской культуры.

В культуре петровского времени значительно возросло личностное, индивидуальное начало. Роль личности выросла и в реальной жизни, о чем свидетельствовала немыслимая для Древней Руси карьера «птенцов гнезда Петрова». В искусстве и литературе появились вполне реальные образы людей с индивидуальными чертами характера. По сравнению со средневековьем, когда большинство произведений было анонимным, в петровское время возрастает значение автора, художника, архитектора, но крепостничество и деспотизм, прочно укоренившиеся в русской жизни, угнетали личностное начало в культуре.

Новая русская культура была сориентирована на решительный разрыв с прошлым. Но «новизна» нередко оказывалась вывернутой наизнанку, переодетой «стариной». Русское средневековье не ушло бесследно, оно оставило фундамент, на котором строилось здание новой культуры.

Значение культурного переворота

Культурный переворот, совершенный Петром I, сравнивают с эпохой Возрождения в Европе [214, с. 17]. К этому часто склоняются историки русского искусства. «То, что происходило тогда в России, было похоже на Ренессанс и по социальному смыслу (начало буржуазного развития), и по тенденциям культуры: ее „обмирщение", тяга к союзу искусства с наукой, с положительными знаниями, к рационализму, целесообразности» [47, вып. 2, с. 277]. Однако перелом, подобный Ренессансу на Западе, совершился в России значительно позже, в иные сроки, на совершенно ином историческом фоне и в иных формах [203, с. 47].

Реформы были осуществлены в России «сверху», по инициативе и под контролем царской власти. Насаждение новой культуры подчас приобретало насильственные формы, что болезненно воспринималось в обществе. Переворот оказался, по крайней мере на первых порах, верхушечным: новой высокой культурой была охвачена лишь элита, которая достаточно органично восприняла европеизацию. Смена языка привела к культурному двуязычию в обществе. Народ и элита (и в прямом, и в переносном смысле) стали говорить на разных языках. Увеличился разрыв между культурой верхов и народной низовой культурой, увеличилась внутренняя напряженность. Она могла стать источником динамичного развития национальной культуры Но чрезмерный разрыв между «верхами» и «низами» опасен для общества, грозит ему разрушением.

На взгляд современного французского автора, быстрота и грубость культурного переворота, совершенного Петром I, создали беспримерную ситуацию, которую можно сравнить с колониализмом. Парадокс состоял в том, что в роли колонизаторов выступали не иностранцы, а национальная верхушка [251, с. 184]. Эта точка зрения возвращает нас к вопросу о том, были ли реформы Петра в целом органическим явлением русской истории. То, что преобразования оказались жизнеспособными и необратимыми, позволяет положительно ответить на этот вопрос. Многие государственные учреждения, созданные в этот период, просуществовали полтора-два века. Европеизация, начатая царем, продолжалась и при его преемниках. Бытовые новшества, хотя и с большим опозданием, стали внедряться и в народную жизнь. И сегодня существует система летосчисления, введенная Петром. Органично вошли в русскую культуру гражданская печать, газеты, светские книги, музеи, библиотеки, учебные заведения, Академия наук. По словам Ю. М. Лотмана, реформы, при всех издержках, зависящих от характера эпохи и личности царя, решили национальные задачи: были созданы государственность, обеспечившая России двухсотлетнее существование в ряду главных европейских держав, и одна из самых ярких культур в истории человеческой цивилизации.

Глава 9. РУССКАЯ КУЛЬТУРА в 30–50-х годах XVIII века

Культура в период дворцовых переворотов

Период со второй половины 20-х до начала 60-х гг. XVIII в. известен в русской истории как «эпоха дворцовых переворотов». За сравнительно небольшой отрезок времени на российском престоле сменили друг друга восемь монархов, среди которых большинство — женщины и дети, что, как правило, сопровождалось острой политической борьбой, выступлениями гвардии, арестами и ссылкой людей, стоявших у престола.

Одной из главных проблем этого периода отечественной истории была судьба петровских преобразований и их детища — новой русской культуры. Первые полтора десятилетия после смерти Петра I оказались особенно трудными для ее развития. Ближайшие преемники царя, которых А. С. Пушкин назвал «ничтожными наследниками северного исполина», не обладали ни его государственными талантами, ни энергией, ни культурным кругозором. Самодержавный характер власти в известном смысле делал петровскую европеизацию заложницей в руках недалеких правителей и их временщиков.

Екатерина I (1725–1727) и фактически управлявший страной А. Д. Меншиков не проявили желания и способности продолжать реформаторскую деятельность Петра. Более того, они показали непонимание ее основ, о чем свидетельствовали такие шаги, как упразднение городского самоуправления, отмена жалования нижним чинам и др. Вместе с тем Екатерина I заявляла: «Мы всемерно желаем все дела, зачатые трудами государя... завершить». Во исполнение указа Петра I была открыта Академия наук. Императрица приказала Б. К. Растрелли изготовить статую царя, механику А. К. Нартову поручили создать триумфальный

столп с изображением «баталий» и отлить памятные медали. Планировалось также написать полную историю царствования Петра Великого. Но даже эти мероприятия по увековечению памяти реформатора не были осуществлены.

Приход к власти Петра II (1727–1730), сына казненного царевича Алексея, переезд двора в Москву, пренебрежение к Петербургу и балтийскому флоту породили у современников мысли об отступлении от петровской политики. Испанский дипломат писал: «О Петербурге здесь совершенно забыли и мало-помалу начинают забывать и обо всем хорошем, что сделал Петр Первый, каждый думает о своем собственном интересе» [102, с. 152]. Однако представители старой знати, Долгоруковы и Голицыны, фактически управлявшие страной, не были противниками европеизации. Потомкам бояр и в голову не приходило возвращаться к старым обычаям, длиннополым одеждам, снова отпускать бороды. Более того, наиболее образованный из их среды — Д. М. Голицын после смерти Петра II высказывал идею об ограничении власти монарха выборным дворянским органом. Некоторые историки считают, что это была первая попытка установить в России конституционное правление.

Но самодержавная власть, поддержанная большинством дворянства, сохранилась. На российский престол взошла императрица Анна Ивановна (1730–1740). Ее дурная репутация у современников и потомков связанна с репрессивными мерами, которые применялись к представителям дворянства. Малообразованная, грубая, мужеподобная, она имела культурный кругозор помещицы средней руки. В абсолютистском государстве это неминуемо вело к печальным последствиям для культуры. Мрачная атмосфера царствования императрицы усугублялась так называемым «иностранным засильем». Как справедливо отмечает современный исследователь Е. В. Анисимов, правительство того времени не проводило антирусской политики и не «торговало» национальными интересами, но на первых ролях при дворе оказались иностранцы. Всеобщую ненависть снискал всемогущий фаворит императрицы Э. И. Бирон, происходивший из прибалтийских немцев. Иностранных специалистов в России было немало и при Петре I, но он умел использовать их опыт, не унижая достоинства русских. Теперь положение изменилось. Как замечал известный мемуарист Ф. Ф. Вигель, иностранцы при Петре нас учили, а при Анне — мучили.

«При дворе императрицы Анны Ивановны как бы сошлись разные эпохи: и московский XVII в., и грубоватые нравы новой русской столицы, и европейского XVIII в. Научные сообщения академиков соседствовали с непристойными шутками, мордобоем, потехами многочисленных „шутов и дурок". Обычаи роскошного европейского двора сливались с нравами старинной „царицыной комнаты", где камергеры и фрейлины оказывались

рядом с приживалками, „каликами", убогими, карликами и обезьянами. Балет и опера сменялись шутовскими шествиями, примитивными спектаклями итальянского площадного театра, где главной целью вечных его персонажей — Арлекина и Смеральдины — было посмешить публику тумаком, неприличным жестом, грубой шуткой» [8, с. 22].

Высокая культура переживала при Анне Ивановне не лучшие времена. Искусство утратило важную общественную роль, которую оно играло при Петре I, и высокий гражданский пафос, превратилось в одну из придворных «потех». Дух мрачного величия и грубой роскоши, характерный для этого периода, прекрасно передал скульптор Б. К. Растрелли в статуе императрицы с арапчонком (1741). При взгляде на нее невольно вспоминаются слова современницы: «Престрашнова была взору, отвратное лицо имела, так была велика, когда между кавалеров идет, всех головою выше, и чрезвычайно толста» [17, с. 262].

Русских художников не посылали больше для учебы за границу. Живописцы братья Никитины были заточены в Петропавловскую крепость, а затем сосланы в Сибирь. Вместе с А. П. Волынским, обвиненным в заговоре против императрицы, был казнен известный архитектор П. М. Еропкин. По сути дела, в почетной ссылке оказались наиболее образованные люди того времени — поэт-сатирик А. Д. Кантемир, государственный деятель, историк В. Н. Татищев. Талантливый публицист, идеолог абсолютизма Феофан Прокопович был вынужден растрачивать все свои силы на закулисную придворную борьбу. Поэт, получивший образование в Сорбонне, В. К. Тредиаковский терпел самодурство вельмож. На него при дворе смотрели как на шута.

Невежественные карьеристы управляли делами Академии наук. Правительство отпускало на ее нужды денег вдвое меньше, чем на придворные конюшни.

Однако неблагоприятные условия второй половины 20—30-х гг. XVIII в. лишь затормозили, но не остановили развития русской культуры по пути, намеченному петровскими реформами. Очень важными «бастионами» новой культуры в ее широком понимании оставались административный аппарат и армия. Любимое детище царя, регулярная армия, была, быть может, не меньшей школой «окультуривания», образования и воспитания, чем учреждения начального образования, влачившие жалкое существование. Весьма показательно, что цифирные школы постепенно стали заменяться гарнизонными, учрежденными при полках. Еще более важным для развития культуры был экономический рост страны, не прекращавшийся ни в 30-х гг., ни позже. К середине XVIII в. удвоилось, по сравнению с петровским временем, число мануфактур, получила развитие торговля.

Реформы Петра I, несмотря на трудности, продолжались. Они не оказались чужеродной европейской «накладкой» на русскую культуру.

Академия наук

Торжественное открытие Академии наук состоялось в конце 1725 г. Она, в отличие от европейских, была государственным учреждением, а не вольным сообществом ученых. Науки в Академии делились на три «класса» — математические, естественные и гуманитарные. Сначала этому научному учреждению были переданы Кунсткамера и библиотека, затем — типография, обсерватория, анатомический театр, ботанический сад. Ученых в Академию пришлось приглашать из-за границы. Иностранцев привлекали высокими окладами, предоставлением денег на проезд, квартиру, дрова, свечи. В Россию приехали знаменитые математики Л. Эйлер и Д. Бернулли, астроном Ж.-Н. Делиль. Первым президентом Академии наук стал придворный медик Л. Л. Блюментрост, но руководство ею оказалось в руках далеких от науки чиновников: управляющим канцелярией был карьерист и делец И. Д. Шумахер, а затем его зять, И. И. Тауберт.

В Академическом университете учились в основном дети иностранцев, служивших в Петербурге. Лекции читали на латинском языке, а латинский язык преподавали на немецком. С 1726 по 1733 г. в университете обучались 38 человек, среди которых было всего 7 русских [90, с. 6], затем занятия вообще прекратились.

Академики-немцы принялись за изучение русской истории. Одним из первых дал трактовку начального этапа русской государственности **Г. З. Байер**, приехавший в Россию уже сложившимся ученым, специалистом по восточным древностям. Русского языка он не знал, поэтому знакомился с «Повестью временных лет» по ее немецкому переводу и пришел к выводу о решающей роли варягов в образовании древнерусского государства. По Байеру получалось, что диким славянским племенам государственность принесли варяги-германцы. Так родилась норманнская теория происхождения русского государства. Впрочем, работы Байера, опубликованные на латинском языке, не приобрели широкой общественной огласки.

Некоторые идеи Байера развил в своих трудах **Г. Ф. Миллер**. Он приехал в Россию из Германии, чтобы сделать карьеру, рассчитывая породниться с Шумахером и унаследовать его должность. Однако его планы не осуществились, и Миллер посвятил жизнь серьезным занятиям русской историей. Он не только выучил русский язык и принял российское подданство, но и стал крупнейшим знатоком русских архивов. Миллер не разделял антирусских взглядов Байера, хотя полагал, что государственную власть и само название «Русь» славяне получили от варягов.

Против Миллера выступал М.В.Ломоносов. Он обвинял историка-немца в оскорблении национального достоинства русских. Целый год продолжались споры вокруг доклада Миллера «Происхождение народа и имени Российского» (1749). Дело едва не доходило до рукопашных схваток. В конце концов, немца принудили отказаться от своих взглядов. Позднейшая историческая наука отвергла мнение Байера и Миллера о том, что государственность славянам принесли варяги. Но не подтвердилась и точка зрения Ломоносова о славянском происхождении варягов-руси. В целом споры норманнистов и антинорманнистов способствовали формированию научных взглядов на начальную историю Руси.

Деятельность Академии сначала почти не имела практической пользы для государства; некоторые современники сетовали на ее бесполезность. И все-таки она способствовала распространению знаний, книг, появлению первых русских ученых. Среди наиболее заметных результатов начального периода ее деятельности можно назвать участие в исследовательских и научных экспедициях.

Особенно плодотворной была вторая Камчатская экспедиция (1733–1743) во главе с В. Берингом. Она подтвердила существование пролива между Азией и Америкой, проложила морской путь к берегам Аляски. В результате было нанесено на карту и описано почти все северное побережье Сибири; в истории остались имена участников этой экспедиции: море, пролив и остров Беринга, мыс Челюскин, море Лаптевых; ботаник И.Г.Гмелин подготовил четырехтомный труд «Флора Сибири»; «студент натуральной истории» С.П.Крашенинников составил «Описание земли Камчатки», в котором собран богатейший материал о природе и коренных жителях полуострова; историк Г.Ф.Миллер собрал в сибирских архивах уникальные исторические документы, написал ряд работ по истории этого края.

В. Н. Татищев

Одна из наиболее ярких личностей в истории русской культуры первой половины XVIII в. — **Василий Никитич Татищев** (1686–1750). Уже в петровское время он выделялся среди современников незаурядными способностями и широтой научных интересов; начал службу как военный, участвовал во многих сражениях Северной войны, затем выполнял дипломатические и научные поручения Петра I. Татищев был одним из организаторов горного дела, которое сам изучал в Швеции, возглавлял монетную контору в Москве, управлял Оренбургской экспедицией, служил астраханским губернатором.

В. Н. Татищев.
Неизвестный художник. XVIII в.

Современникам В. Н. Татищев был известен как крупный администратор, политический деятель, горячий защитник дела Петра Великого. В 1730 г., во время «затейки» верховников, он способствовал сохранению самодержавной власти. Но правительство Анны Ивановны старалось держать этого беспокойного и образованного человека подальше от столицы.

Татищев обладал широкими познаниями в области географии, экономики, философии, он составил энциклопедический словарь — «Лексикон российский» (доведен до буквы «К»). Татищев был убежденным приверженцем самодержавия. Он полагал, что вся российская история и особенно деятельность Петра Великого свидетельствуют о том, «колико самовластное правительство у нас всех прочих полезнее, а прочии опасны», при этом считал необходимым расширить политические права и привилегии дворянства, ратовал за широкое распространение наук и училищ, за обучение грамоте крестьян.

Но для потомков В. Н. Татищев остается прежде всего «отцом русской истории» (так его называли еще в XVIII в.). Он является автором первого капитального обобщающего труда — **«Истории российской»**, состоящей из четырех частей и содержащей сведения до начала XVII в. Все прошлое России ученый рассматривал как историю самодержавия. «Заслуга Татищева состоит в том, что он начал дело, как следовало начать: собрал материалы, подверг их критике, свел летописные известия, снабдил их примечаниями... указал на многие важные вопросы... одним словом, указал путь и средства своим соотечественникам заниматься русской историей» [215, кн. 10, с. 527].

Литература

Усилия Петра I, направленные на формирование культуры европейского типа, в 30-х гг. XVIII в. дали первые результаты в области литературы. В России появились профессиональные писатели, чьи произведения

печатались типографским способом. Литература перестала быть анонимной и рукописной.

Первым литературным направлением, освоенным русскими авторами, был *классицизм* (от лат. *classicus* — образцовый), для которого характерны рационалистическое восприятие жизни, высокий гражданский пафос и просветительская направленность произведений. В сочинениях писателей-классицистов действовали не конкретные люди, наделенные индивидуальными достоинствами и недостатками, а собирательные герои — либо абсолютно добродетельные, либо полные злодеи. Жанр трагедии, призванный воспитывать высокие гражданские чувства, не должен был смешиваться с жанром комедии, предназначенным для высмеивания общечеловеческих пороков. Художественные правила классицизма были изложены в поэме французского автора Н. Буало «Поэтическое искусство», которая надолго стала своеобразным руководством для писателей. В классицизме особое значение придавалось жанрам, выработанным еще античной литературой: трагедии, героической поэме, оде, сатире.

Новая русская литература началась с сатир **А. Д. Кантемира** (1708–1744) — одного из наиболее образованных людей своего времени. Энциклопедические знания позволяли ему претендовать на пост президента Академии наук, но Кантемиру не удалось занять этот пост — его отправили послом в Лондон, а затем в Париж. Горячий поклонник Петра I, Кантемир посвятил ему поэму «Петрида», но верность идеям реформ еще больше проявилась в его сатирах, имевших острую публицистическую направленность. Хотя сатиры были написаны старомодным стихом, напоминавшим вирши XVII в., звучали они очень своевременно. Они предопределили некоторые темы русской литературы XVIII–XIX вв. Поэт высмеивал невежество, ханжество, дворянскую спесь, щегольство. Кантемир на собственном опыте убедился, что образование и наука не в чести в русском обществе:

Наука ободрана, в лоскутах обшита,
Изо всех почти домов ругательством сбита;
Знаться с нею не хотят, бегут ея дружбы,
Как, страдавши на море, корабельной службы.

Идеал автора сатир — честный и образованный дворянин, усердно служащий государству, сочувствующий тяготам простого народа.

А. Д. Кантемир известен также как переводчик и издатель книги французского автора Фонтенеля «Разговоры о множестве миров», в которой популяризировались гелиоцентрические идеи Н. Коперника. Вышедшая в 1740 г., эта книга была признана «богопротивной» и запрещена Синодом.

Первым профессиональным литератором, реформатором русского языка стихосложения был **В. К. Тредиаковский** (1703–1769). Он

родился в Астрахани, в семье священника. В юности Тредиаковский тайно бежал в Москву, чтобы учиться в Славяно-греко-латинской академии. Погоняемый жаждой знаний, он устремился затем в «Европейские краи», в Париж, где изучает богословие, философию, словесность.

После возвращения в Россию Тредиаковский прославился изданием романа французского писателя П. Тальмана «Езда в остров Любви». В книгу переводчик включил и собственные стихи. Роман светского, любовно-галантного содержания произвел большое впечатление на придворное общество. Поэт был представлен императрице, но духовенство осудило его как «первого развратителя молодежи».

По долгу службы Тредиаковскому пришлось писать множество торжественных од. Он сделал огромное количество переводов с европейских языков, написал эпическую поэму **«Телемахида»**. Из этого длинного произведения более всего известна одна строчка, взятая А. Н. Радищевым в качестве эпиграфа к «Путешествию из Петербурга в Москву»: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй». Поэтическое дарование Тредиаковского было невелико, и его вскоре обошли на этом поприще более удачливые стихотворцы — М. В. Ломоносов и А. П. Сумароков.

Поэта унижали при дворе, вельможи смотрели на него как на шута, а кабинет-министр А. П. Волынский собственноручно избил его. Неудачно складывались у Тредиаковского отношения с коллегами в Академии и с собратьями по перу. Его стихотворения часто служили объектом насмешек. Обиженный и затравленный, он умер в нищете.

Главными заслугами Тредиаковского считаются усовершенствование способов стихосложения и попытки реформировать русский литературный язык. Большое значение для дальнейшего развития русской литературы имело написанное им руководство «Новый и краткий способ к сложению русских стихов» (1735).

Школа и просвещение

Одной из привилегий, которых добилось российское дворянство от императрицы Анны Ивановны, было открытие в Петербурге в 1732 г. «Рыцарской академии» (Сухопутного шляхетского корпуса). Окончившие его дворянские дети становились офицерами и таким образом обходили указ Петра I о необходимости начинать службу с нижних солдатских чинов. Из стен корпуса вышли известные писатели А. П. Сумароков и М. М. Херасков, полководец А. П. Румянцев, дипломат Н. И. Панин и др.

Со своей стороны, власти требовали от дворян, чтобы они давали образование своим детям. Периодически устраивались «смотры» дворянских недорослей, во время которых проверялись их грамотность и годность к государственной службе. Обучаться можно было в учебных заведениях или дома. Усилился сословный характер образования: в зависимости от принадлежности к тому или иному общественному слою учеников по-разному одевали, кормили, обучали. Однако среди интеллигенции в середине XVIII в. было очень много представителей «подлых сословий», так как дворяне считали достойной для себя лишь военную службу.

Начальная школа после Петра I пришла в упадок. Церковные школы отошли от задач светского обучения. Большинство цифирных школ перестало существовать, вместо них были созданы гарнизонные школы при полках, образование в которых имело военный «уклон»: кроме грамоты и арифметики, офицеры преподавали военное, артиллерийское, инженерное дело.

В обучении наукам по-прежнему большую роль играли розги и зубрежка. Не хватало хороших учителей. О том, как труден был тогда путь к науке, пишет М.В.Данилов, ставший впоследствии известным артиллеристом, автором военных трудов: «Памятно мне мое учение... по той, может быть, причине, что часто меня секли лозою». А вот как он вспоминает свое обучение в Московской артиллерийской школе, куда он попал в 1737 г.: «...Обучали без малейшего порядка. Я был охотником рисовать. Зная мою к рисованию охоту, сидящий близ меня ученик Жеребцов... сыскав не знаю где-то рисунок на полулисте, принес с собою в школу показать мне рисование, а при учителе нашем, Прохоре Алабушеве, были тогда приватные незаписанные ученики князь Волконский и князь Сибирский. Они, по большой части бродя в школе по всем покоям без дела, разные делали шутки и шалости. Из оных шалунов один, увидя рисунок у Жеребцова, вырвал его из рук и побежал с великой скоростью, как с победой, являть учителю Алабушеву: „Жеребцов ученик не учится, а вот какие рисунки в руках держит". Алабушев был человек пьяный и вздорный, по третьему смертоубийству сидел под арестом и взят обучать в школу: вот какой характер штык-юнкера Алабушева; а потом можно знать, сколь великий тогда был недостаток в ученых людях при артиллерии. Алабушев велел привести Жеребцова перед себя и, не приняв от него никакого оправдания в невинности, поваля его на пол, велел рисунок положить ему на спину и сек Жеребцова немилостиво, покуда рисунок розгами расстегали весь на спине; помню, что не один рисунок пострадал, а досталось и подкладке» [17, с. 310].

Подъем культуры в 40–50-х гг.

С приходом к власти императрицы Елизаветы Петровны (1741–1761) культурная ситуация в стране стала меняться к лучшему. Ушла в прошлое гнетущая атмосфера царствования Анны Ивановны с «бироновщиной» и «Тайной канцелярией». Елизавета Петровна провозгласила главным

принципом своей политики возврат к порядкам петровского времени. Придворные поэты и церковные ораторы принялись славить «дщерь Петра», связывая с ее приходом к власти национальное возрождение страны. Конечно, императрица не могла стать в полной мере продолжательницей дел своего великого отца: изменились исторические условия, да и дочь не обладала реформаторскими талантами и энергией отца. И тем не менее обращение к наследию Петра способствовало подъему национального самосознания и культуры. Победы русской армии над войсками прославленного полководца Фридриха II в Семилетней войне вызвали патриотический подъем в стране, повысили престиж России в Европе.

Красавица и модница, императрица Елизавета Петровна не была лишена обаяния, обладала житейским умом и политическим чутьем, но притом была довольно ленива и необразованна. Конечно, по культурному кругозору она превосходила своих предшественниц на престоле. Ее любовь к театру, к музыке, более тонкий художественный вкус положительно сказались на развитии отечественного искусства в 40–50-х гг. XVIII в.

Меткую характеристику императрице дал В.А.Ключевский: «Елизавета попала между двумя встречными течениями, воспитывалась среди новых, европейских веяний и преданий благочестивой отечественной старины. То и другое влияние оставило на ней свой отпечаток, и она умела совместить в себе понятия и вкусы обоих: от вечерни она шла на бал, а с бала поспевала к заутрене, благоговейно чтила святыни и обряды русской церкви, выписывала из Парижа описания придворных версальских банкетов и фестивалей, до страсти любила французские спектакли и до тонкости знала все гастрономические секреты русской кухни». После ее вступления на престол «нескончаемой вереницей потянулись спектакли, увеселительные поездки, куртаги, балы, маскарады, поражавшие ослепительным блеском и роскошью до тошноты... Елизавета жила и царствовала в золоченой нищете; она оставила после себя в гардеробе с лишком 15 тысяч платьев, два сундука шелковых чулок, кучу неоплаченных счетов и недостроенный громадный Зимний дворец» [80, т. 4, с. 313, 315].

Среди елизаветинских вельмож было немало карьеристов, взяточников и казнокрадов, наподобие Меншикова или Бирона. Но более важно то, что среди фаворитов императрицы был образованный, воспитанный **И.И.Шувалов**, который многое сделал для развития отечественной культуры. Он начал приобщение русского дворянства к идеям французского Просвещения. Шувалов состоял в переписке с Вольтером, находился под обаянием таланта великого француза, хотя и не разделял его радикальных взглядов. Он был покровителем М.В.Ломоносова; бескорыстным меценатом. Шувалов сыграл большую роль в основании Московского университета, был его первым куратором, подарил университету свою богатую библиотеку. При его активном участии была создана Академия художеств.

Подчеркнутый патриотизм официальной идеологии середины XVIII в. сочетался с усилением культурных связей с Западом. Особенно ощутимо

было влияние Франции. В России в то время работали многие талантливые иностранцы: отец и сын Растрелли (скульптор и архитектор), композитор Ф. Арайя, художник Д. Валериани, ученый Г. Ф. Миллер и многие другие.

Подъем культуры ознаменовался успехами в науке, открытием Московского университета и Академии художеств, возникновением национального театра, расцветом архитектуры.

М. В. Ломоносов

Центральной фигурой культурной жизни России в середине XVIII в. был **Михаил Васильевич Ломоносов** (1711–1765). О нем написаны сотни книг и статей. Образ великого ученого покрыт хрестоматийным глянцем, перечень его заслуг переходит из одной работы в другую. Как истинный гений, Ломоносов был человеком сложным и темпераментным, заядлым полемистом. Современник ученого Н. И. Новиков так описал его характер: «Нрав имел он веселый, говорил коротко и остроумно и любил в разговорах употреблять острые шутки; к отечеству и друзьям своим был верен, покровительствовал упражняющихся во словесных науках и ободрял их; во обхождении был по большей части ласков, к искателям его милости щедр; но при всем том был горяч и вспыльчив» [138, с. 128].

М. В. Ломоносов.
Гравюра Э. Фессара

Во взглядах Ломоносова уживались искренняя вера в безграничные возможности русского народа, сочувствие к простым людям, особенно к крестьянству, и столь же искренняя вера в просвещенного монарха. Ему приходилось писать звучные оды правителям, которые, по словам Радищева, не стоили и «гудочного бряцания». Подобно просветителям XVIII в., Ломоносов был убежден, что просвещение и наука могут преобразить человеческое общество. Он неустанно боролся с невежеством, с церковным ханжеством. При этом Ломоносов не разделял политического радикализма французских просветителей и их материализма. Одним из самых ярких качеств ученого был

его патриотизм, но Ломоносов, получивший образование в Германии, женатый на немке, конечно, не был врагом «немцев».

М.В. Ломоносов родился в деревне Мишанинской (Денисовке) близ Холмогор. Его отец, Василий Дорофеевич, был зажиточным государственным (не крепостным) крестьянином, владельцем земли и промысловых судов. Он занимался морским промыслом и торговлей. Поморы (так называли себя жители русского Севера) были свободными и трудолюбивыми людьми, не в диковинку им было и общение с иностранными купцами. Они уважительно относились к Петру I: «Вот оно царь так царь, даром хлеба не ел, лучше бурлака работал». Многие земляки Ломоносова были грамотными людьми, они бережно хранили народные обряды, песни, былины. По словам самого ученого, «вратами учености» для него стали известные учебники — «Грамматика» М. Смотрицкого и «Арифметика» Л.Ф. Магницкого. Увлекали его и духовные стихи Симеона Полоцкого.

Жажда знаний привела 19-летнего Ломоносова в Москву, в Славяно-греко-латинскую академию. Для изучения латинского языка он был записан в первый класс, а там, по его словам, «школьники, малые ребята, кричат и перстами указывают: смотри-де, какой болван лет в двадцать пришел латыни учиться». Но Ломоносов, несмотря на крайнюю бедность, быстро прошел все этапы обучения. «...Имея один алтын (три копейки) в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание больше как на денежку (1/2 копейки) хлеба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другие нужды. Таким образом жил я пять лет и наук не оставил», — вспоминал позднее ученый.

В 1736 г. в числе лучших учеников Ломоносов был направлен в Петербург, в Академический университет, а затем в Германию. В Марбургском университете он изучал математику, физику и философию у известного немецкого ученого Х. Вольфа, затем занимался химией, минералогией и горным делом во Фрайбурге.

После возвращения в Россию Ломоносов стал адъюнктом (младшее академическое звание) физики, а в 1725 г. — профессором химии (академиком). Еще раньше он прославился как поэт своей «Одой на взятие Хотина» (1739). В стихах ученого русский классицизм достиг своего наивысшего расцвета. В одной из его од прозвучали знаменитые слова, соединившие веру автора в русский народ и в науки:

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих...
Дерзайте ныне ободрéнны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Деятельность Ломоносова подтверждала эти слова: он был первым русским ученым, получившим европейское признание. Ломоносов занимался научными изысканиями в математике, физике, химии, астрономии, геологии, географии, филологии, истории, сформулировал закон сохранения материи и движения, названный им «всеобщим естественным законом», открыл атмосферу на Венере, сделал целый ряд изобретений, внес значительный вклад в реформирование русского литературного языка.

Научная, литературная и просветительская деятельность воспринималась ученым как продолжение дела царя-реформатора. Он прославлял великого преобразователя в каждой своей оде, как историк серьезно изучал документы петровского времени. Ломоносова с Петром I сближало понимание «общего блага», патриотизм, вера во всемогущество государства и монарха, но для царя главнейшим делом жизни была война, ученый же предпочитал «возлюбленную тишину». В понимании задач просвещения и науки Ломоносов пошел дальше Петра с его стремлением извлечь из науки быстрые практические результаты. Незадолго до смерти, составляя план беседы с императрицей Екатериной II, ученый писал: «За то терплю, что стараюсь защитить труды Петра Великого, чтобы выучились россияне, чтобы показали свое достоинство».

Московский университет

Строительство науки и просвещения в России начиналось как бы с «верхних этажей»: сначала создавались высшие и профессиональные школы, а потом — начальные; сначала была открыта Академия наук, а затем началась подготовка собственных научных кадров. Ни одно из старых учебных заведений не готовило выпускников для занятия наукой. Созданный специально для этого Академический университет не оправдал возлагавшихся на него надежд. В конце 40-х гг. за организацию занятий в этом учебном заведении взялся М. В. Ломоносов и добился некоторых успехов, но бюрократическое руководство академии не обращало на университет должного внимания, и он вновь пришел в упадок. Шумахеру приписывали такие слова: «...Разве-де нам десять Ломоносовых надо? И один-де нам в тягость».

Со всей присущей ему энергией Ломоносов боролся за открытие «настоящего» университета в Москве. Ученый разработал проект его организации, в котором предусматривал преподавание важнейших наук на русском, а не на латинском языке. Ломоносов настаивал на том, чтобы представители непривилегированных сословий имели доступ к образованию.

Покровителя и соратника в этом деле ученый нашел в лице Шувалова. Отредактированный последним проект организации университета был утвержден Сенатом, а 12 (25) января 1755 г. (в день святой Татьяны) императрица Елизавета Петровна подписала указ об его учреждении. С тех пор Татьянин день считается праздником российских студентов.

Торжественное открытие Московского университета состоялось весной 1755 г. Новое учебное заведение расположилось на Красной площади, в здании бывшей главной аптеки, построенном еще в петровское время, состояло из трех факультетов — философского, юридического и медицинского. Для подготовки будущих студентов открыли две гимназии — для дворян и для разночинцев. Лишь крепостным крестьянам доступ в университет был закрыт, за исключением тех редких случаев, когда они имели «увольнительное письмо» от помещика. Учеба засчитывалась как военная служба; гимназист, становясь студентом, получал шпагу и дворянство [127, т. 2, ч. 2, с. 260].

На первых порах университет испытывал немалые трудности: студентов приходилось набирать принудительно, не хватало средств и квалифицированных преподавателей. Положение улучшилось, когда его выпускники, прошедшие стажировку за рубежом, сами стали профессорами. Постепенно обучение, особенно изучение иностранных языков, стало признаваться полезным в дворянском обществе. Первыми гимназистами Московского университета были: писатель Д. И. Фонвизин, журналист и книгоиздатель Н. И. Новиков, архитекторы В. И. Баженов и И. Е. Старов, государственный деятель Г. А. Потемкин.

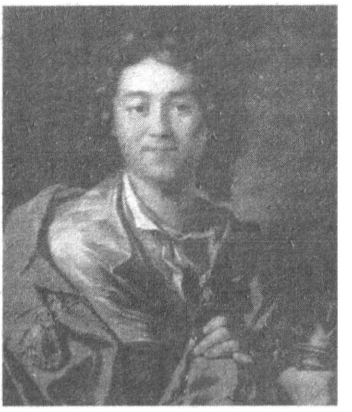
В 1757 г. в Петербурге была открыта Академия художеств, а в 1758 г. — гимназия в Казани.

Создание профессионального театра

Еще царь Алексей Михайлович завел придворный театр с немецкими и русскими актерами. При Петре I была сделана попытка открыть общедоступный театр в Москве. Существовали театры в учебных заведениях. Широкое распространение имели частные театры, в которых играли комедии и занимательные пьесы. Их организаторами и зрителями чаще всего были простые горожане, чиновники, купцы. Театром очень увлекались при дворе, где постоянно гастролировали иностранные труппы.

В отличие от других проявлений высокой культуры, насаждавшихся сверху, русский профессиональный театр зарождался очень органично: из

народного веселья, скоморошества, драмы, несложных комедий, бывших принадлежностью городской плебейской культуры. Сформировалась серьезная потребность в этом виде творчества в различных слоях общества [12, с. 233]. Русский зритель был уже знаком с произведениями знаменитых французских драматургов эпохи классицизма — Корнеля, Расина, Мольера, Вольтера. Появились свои драматурги, писавшие пьесы на сюжеты русской истории, — А. П. Сумароков, М. В. Ломоносов.



Ф. Г. Волков.
Художник А. П. Лосенко

Около 1750 г. в Ярославле появилась театральная труппа, организованная купеческим сыном **Федором Григорьевичем Волковым** (1729–1763). Слух о ее постановках, имевших большой успех у публики, дошел до столицы. «Театр» был вызван в Петербург и дал несколько представлений при дворе. Затем наиболее талантливые актеры труппы были отправлены на обучение в Сухопутный шляхетский корпус. Вскоре они составили основу первого профессионального театра, который возглавили А. П. Сумароков и Ф. Г. Волков.

«Русский для представления трагедий и комедий театр» был учрежден по указу императрицы Елизаветы Петровны в 1756 г. Сначала он состоял из семи актеров-мужчин, которые играли и женские роли. Затем появились первые актрисы. Театр финансировался очень скудно, из-за чего актерам и их первому директору А. П. Сумарокову пришлось вытерпеть немало мук и мытарств.

Архитектура русского барокко

Высшим выражением национально-культурного подъема 40–50-х гг. XVIII в. было творчество знаменитого архитектора **Франческо-Бартоломео Растрелли** (1700–1771). Он довел до совершенства русский вариант общеевропейского архитектурного стиля барокко, охватившего и другие виды художественного творчества — скульптуру, живопись, музыку, литературу.

Ф.-Б. Растрелли.
Гравюра 1750-х гг.

Барокко (от итал. barocco — вычурный, причудливый) в архитектуре характеризуется сложностью планировки, богатством и динамикой форм, яркостью и контрастностью цветовых решений, обилием декора. Постройкам в этом стиле свойственны торжественность, эмоциональная приподнятость. Зодчие в изобилии применяли пучки колонн, наличники сложной формы, фигурные фронтоны, лепнину и скульптурные украшения, стремились создать замкнутые ансамбли, в которые, кроме дворцовых и церковных построек, входили парадные площади и дворы, регулярные парки. Залы во дворцах располагались по принципу анфилады — вереницы комнат, двери которых находятся на одной оси. Искусное использование зеркал создавало впечатление бесконечной перспективы. Потолки часто украшали живописными плафонами, создающими иллюзию неба с парящими фигурами.

Особенностями русского барокко середины XVIII в. были строгая геометрическая планировка и симметричность. Многие постройки были призваны отобразить величие Российской империи. Европейская по типу архитектура этого стиля органично включила в себя некоторые черты древнерусских построек, что проявилось в формах и в пятиглавии церквей, в цветовом решении зданий и т.д.

В 30–40-х гг. XVIII в. продолжали работать мастера, выучившиеся в петровское время. Строительство в Петербурге вели М. Г. Земцов, П. М. Еропкин, И. К. Коробов. Земцов учился у иностранных архитекторов в России, Еропкин был «пенсионером» в Италии, Коробов — в Голландии. Сохранилось немного построенных ими зданий, которые свидетельствуют о том, что эти мастера умели сочетать европейские архитектурные формы с некоторыми приемами древнерусского строительства. Они внесли свой вклад в развитие геометрической планировки Петербурга, одним из главных компонентов которой являются три улицы-луча, сходящиеся у башни Адмиралтейства. Еропкин (при участии Земцова и Коробова) написал труд под названием «Должность архитектурной экспедиции», сочетавший в себе черты архитектурного трактата и строительной инструкции. Коробов был учителем известных архитекторов С. И. Чевакинского, Д. В. Ухтомского, А. Ф. Кокоринова. Хотя при Анне Ивановне русская архитектура переживала не лучшие времена (Еропкин, замешанный в «деле» Волынского, был казнен), развитие нового зодчества не прекращалось. Свой творческий путь Ф.-Б. Растрелли начинал как придворный архитектор курляндского герцога и всесильного фаворита императрицы Э. Бирона.

Франческо Бартоломео (Варфоломей Варфоломеевич) Растрелли был сыном известного скульптора Б. К. Растрелли. В 16 лет будущий архитектор вместе с отцом приехал в Россию из Франции. Расцвет его творчества приходится на 40–50-е гг. XVIII в., когда он занимал высокую должность «обер-архитектора». Шедеврами мастера являются ансамбль Смольного монастыря, Андреевская церковь в Киеве, дворцы — Воронцовский, Строгановский, Зимний дворец, парадные резиденции в Петергофе и Царском Селе.

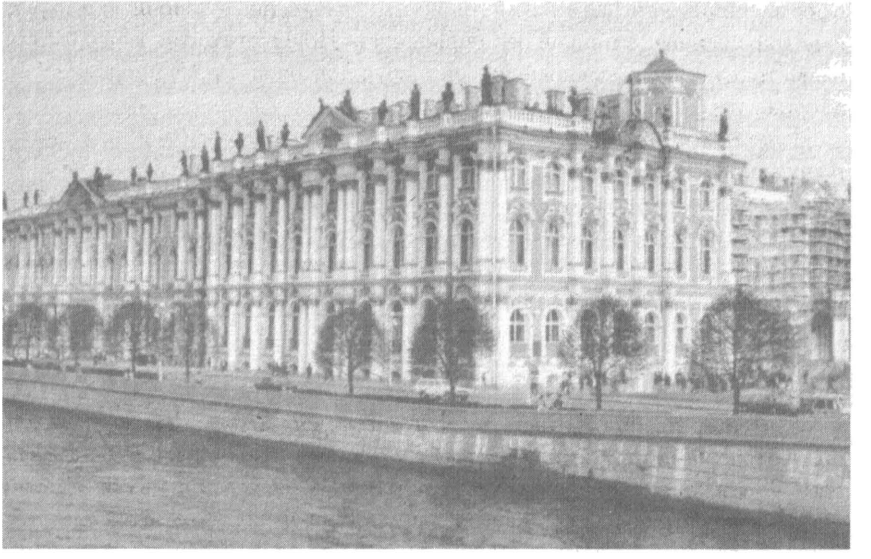
Собор Смольного монастыря. Петербург. *Архитектор Ф.-Б. Растрелли. 1748–1764 гг.*

В ансамбле **Смольного монастыря** (1748–1764), который зодчий возводил в Петербурге для Елизаветы Петровны (императрица собиралась в старости «удалиться от мира»), была возрождена древнерусская традиция церковных комплексов, но на этот раз — в пышных формах русского барокко и с поистине царским размахом. Кроме монастырских келий и собора предполагалось воздвигнуть колокольню невиданной прежде высоты — 140 м. Архитектору удалось построить лишь собор. По желанию Елизаветы Петровны в его завершении было использовано древнерусское пятиглавие. Колонны, пилястры и наличники, украшающие многочисленные выступы стен, четыре легкие главки, поставленные вплотную к высокому главному куполу, изящные луковичные завершения — все это придает Смольному собору изысканную легкость, устремленность вверх.

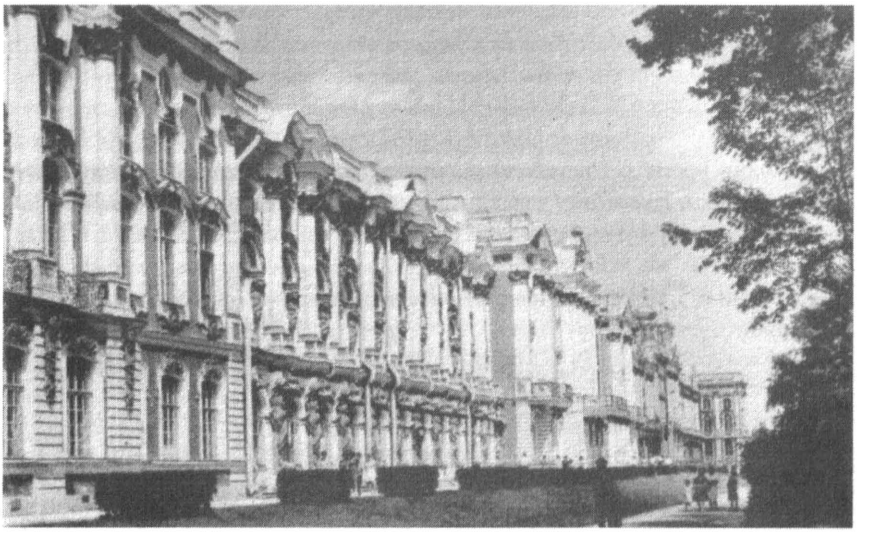
Относительной простотой и благородством внешнего убранства отличается **Строгановский дворец** (1752–1754). Он имеет вид трехэтажного городского дома с внутренним двором, занимающего угол квартала. Одна сторона фасада дворца выходит на Невский проспект, другая — на набережную Мойки. В центре каждой из них расположен эффектный портик с пучками белых колонн, балконом и лучковым (в форме натянутого лука) фронтоном.

Государственную мощь, блеск императорской власти должны были показывать царские резиденции, главной из которых был **Зимний дворец** (1754–1762). Впечатление его пышности и великолепия создается за счет «игры» выступов (ризалитов) и колонн, которые то «разбегаются» на глади стен, то собираются в пучки и портики. Важную роль в декоративном

Строгановский дворец. Петербург. *Архитектор Ф.-Б.Растрелли. 1752–1754 гг.*



Зимний дворец. Петербург. *Архитектор Ф.-Б.Растрелли. 1754–1762 гг.*



Екатерининский дворец. Царское село. *Архитектор Ф.-Б.Растрелли. 1752–1756 гг.*

оформлении стен играют изгибающиеся, «разорванные» карнизы и нарядные, украшенные лепниной наличники окон. Яркое цветовое решение стен, балюстрада и установленные на ней статуи довершают праздничный облик дворца.

Еще более роскошный вид имеет **Большой царскосельский (Екатерининский) дворец** (1752–1756) — летняя резиденция Елизаветы Петровны. Он производил ошеломляющее впечатление на современников, сияя золотыми украшениями на голубом фоне. Как писал сам Растрелли: «Весь фасад дворца был выполнен в современной архитектуре итальянского вкуса; капители колонн, фронтоны и наличники окон, равно как и столпы, поддерживающие балконы, а также статуи, поставленные на пьедесталах вдоль верхней балюстрады дворца, — все было позолочено» [10, с. 168].

Интерьер дворца соответствует его внешнему виду. В залах, украшенных золочеными статуями, лепниной, зеркалами, живописью и даже янтарем, среди усыпанных бриллиантами придворных, под звуки музыки жизнь императрицы текла, как праздник. Дворец поражал не только российских дворян, но и много повидавших европейских дипломатов. Придворный поэт восклицал:

Как если зданиям прекрасным
Умножить должно звезд число,
Созвездием являться ясным
Достойно Царское село...

В одно время с Растрелли работали такие талантливые мастера русского барокко, как С. И. Чевакинский и Д. В. Ухтомский. Первый из них известен как строитель пятиглавого собора Николы Морского в Петербурге. Второй же прославился как создатель великолепной пятиярусной колокольни в Троице-Сергиевом монастыре, которая удачно дополнила его ансамбль.

Живопись

В 30–50-х гг. XVIII в. русские художники были на вторых ролях, уступив первые иностранцам, — Л. Токе, П. Ротари и др. Они проигрывали заезжим мастерам в технике живописи и «бойкости» кисти, но работы художников И. Я. Вишнякова и А. П. Антропова отличались искренностью и правдивостью. У доморощенных живописцев не было возможности обучаться за рубежом, и они как бы заново совершали переход от традиционного русского искусства к европейской портретной живописи.

И. Я. Вишняков (1699–1761), возглавлявший после Матвеева живописную команду Канцелярии от строений, прославился умением писать портреты детей, хотя по долгу службы ему приходилось выполнять самые разнообразные работы — от росписей потолков до изготовления икон. Самая известная его работа — **портрет С. Э. Фермор** (ок. 1750), 9-летней девочки, наряженной во «взрослое» бальное платье. Художник нарушил пропорции при изображении рук девочки, не сумел изобразить достоверно ее атласное платье, но он прекрасно передал детскую непосредственность, хрупкость ребенка, неумение позировать.

Главные черты работ **А. П. Антропова** (1716–1795) — правдивость изображения, немного грубоватая выразительность, жесткость рисунка и локальные цвета. Художник писал портреты царствующих особ, придворных дам, высшего духовенства.

Почти разоблачительным в своей правдивости получился у него парадный **портрет Петра III** (1762). Пышные аксессуары — колонны, драпировки, полный набор императорских регалий — лишь подчеркивают невыразительную внешность императора. Маленькая голова с некрасивым лицом,

нескладная узкоплечая фигура переданы с беспощадной откровенностью. Глядя на картину, трудно поверить в утверждение А. С. Мыльникова, что Петр III был незаурядным человеком, которого оклеветали современники и историки. Но едва ли художник стремился разоблачать пороки и недостатки императора. Он точно зафиксировал внешние черты, мельчайшие детали облика человека, выявив при этом его сущность.

В **портрете** пожилой статс-дамы **М. А. Румянцевой** (1764) — матери известного полководца — художник сумел передать ее живость и ум, которые привлекали современников.

Глава 10. РУССКАЯ КУЛЬТУРА В ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ

Идеи Просвещения в Европе и в России

В европейской истории XVIII в. называют эпохой *Просвещения*. Понятие «просвещение» приобрело в этот период времени особый смысл, отрицающий его прежнюю, религиозную, трактовку как распространение христианства среди язычников (с церковной точки зрения просветителем России был князь Владимир) и выходящий за рамки житейской трактовки как распространение образования и научных знаний.

Люди того времени были убеждены, что просвещение поможет освободиться от невежества и предрассудков, усовершенствовать все стороны общественной жизни и самого человека. Эти идеи определяли их мировоззрение и менталитет, философские и эстетические взгляды, представления о государстве и обществе, поведение и психологию. Главными выразителями идей Просвещения были философы, ученые, деятели культуры.

Для мировоззрения этой эпохи свойственна вера в познавательные возможности человеческих чувств и ощущений, позволяющих разуму создавать истинную картину мира (*сенсуализм*). Философы XVIII в., признавая Бога как творца мира, отрицали его прямое вмешательство в человеческую жизнь (*деизм*). Они верили в естественные законы, которые управляют природой и обществом. Для общественных взглядов были характерны представления о естественном равенстве людей, доброй природе человека, недопустимости угнетения одних людей другими, вера в прогресс.

Европейское Просвещение складывалось как мировоззрение буржуазного общества, противостоявшее «неразумным» феодальным порядкам, предрассудками, религиозному фанатизму. «Просвещение выражало наиболее

существенные потребности своего времени, но совершить переворот во всем строе тогдашней жизни просветители хотели мирным путем — реформами „философов на тронах", справедливыми законами, распространением разумных взглядов, научных знаний и гуманных чувств» [88, с. 175].

Франция дала миру целую плеяду мыслителей-просветителей. **Ш.-Л. Монтескье** прославился «Персидскими письмами», в которых нравы вымышленной восточной страны служили автору объектом для остроумной сатиры на современное общество. Огромное значение для развития политической мысли имел его трактат «О духе законов», заложивший принципы политической свободы и разделения властей — исполнительной, законодательной и судебной.

Д. Дидро был главным редактором и руководителем авторского коллектива «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел» — 28-томного издания (1751–1772), которое включало не только научные достижения XVIII в., но и было проникнуто верой в человека, в прогресс, в просвещенный разум.

Самым знаменитым автором этой эпохи был **Вольтер (М.-Ф. Аруэ)**. В своих многочисленных сочинениях — пьесах, стихах, сказках, романах, исторических и политических произведениях, — написанных с блеском, живо и коротко, он едко высмеивал средневековые предрассудки, защищал справедливость и терпимость. Вольтер много сил потратил на борьбу с церковью, которая, по его мнению, олицетворяла все средневековые пережитки. Однако он не был атеистом, верил в Бога, сотворившего мир, в человека и идею добра.

Произведения **Ж.-Ж. Руссо** — политические трактаты и роман в письмах «Юлия, или Новая Элоиза» — оказали огромное влияние на современников. Автор защищал идею об изначально доброй сущности человека, проповедовал простую, близкую к природе жизнь, обращался не столько к разуму, сколько к чувствам своих читателей и находил у них отклик.

Идеи французских просветителей захватили всю Европу. Не стала исключением и Россия — примерно с середины XVIII в. началось увлечение французскими авторами. Самыми популярными были произведения Вольтера, большинство из которых были переведены на русский язык. Императрица Екатерина II состояла в переписке с ним. Дидро, Гримм, Рейналь были благожелательно приняты в России. Екатерина предлагала печатать «Энциклопедию» в России, оказывала материальную поддержку Дидро. Граф Г. Орлов приглашал Руссо поселиться у него в имении. Книги этих авторов были почти обязательной принадлежностью дворянских библиотек. Русские люди воспитывались на сочинениях Вольтера и Руссо. Поэт И. И. Дмитриев писал в 70-х гг. XVIII в.: «Тогда было цветущее время для французской словесности: Вольтер и Ж.-Ж. Руссо, хотя уже и находились в преклонных летах, но их слава, их присутствие между нами одушевляли ученый мир и приводили его в движение...» [46, с. 37]. Характерно, что он считал себя принадлежащим к одному культурному пространству с великими французскими авторами. Г. И. Добрынин писал, что произведения французских просветителей открывали «умственный глаз» и оживляли «душу мыслящего существа» [132, с. 41].

Впрочем, о распространении идей Просвещения в России следует говорить с существенными оговорками. Во-первых, круг людей, знакомых с ними, был очень узким — дворянская и разночинская интеллигенция, которая только формировалась в России. Во-вторых, даже они воспринимали не все идеи просветителей, что было обусловлено различием в экономическом и общественном развитии России и Франции, разницей в исторических традициях. Поклонники Вольтера и Дидро целиком разделяли, пожалуй, лишь их веру в просвещенный разум, в пользу науки и образования. Произведения просветителей служили непререкаемыми литературными образцами. Что же касалось вопросов мировоззрения и религии, а также проблем общественного развития, то русские поклонники просветителей, в лучшем случае, разделяли лишь их отдельные идеи. «Вольтерьянство» при Екатерине II вошло в моду среди дворянства. Модные щеголи «вменили себе в стыд не быть одного мнения с Вольтером», стремились жить «безо всякого закона и без правил». Под «вольтерьянством» чаще всего понималось поверхностное религиозное вольномыслие и «свободоязычие».

Некоторые западные специалисты отрицают влияние Просвещения на русское общество. Известный американский историк М. Раев пишет: «При заимствовании элементов культуры чужой страны происходит хронологический сдвиг, и „культурный" век оказывается несинхронным, не совпадающим с веком хронологическим». С этой мыслью можно было бы отчасти согласиться. Но далее автор пишет, что «Россия в XVIII веке переняла европейский XVII век» и не восприняла основных черт европейского Просвещения, идеи Просвещения вошли в русскую культуру лишь в XIX и даже в XX в. [188, с. 34–35]. Но дело здесь, по-видимому, не в постоянном запаздывании России, а в том, что она пережила во второй половине XVIII в. свой вариант эпохи Просвещения.

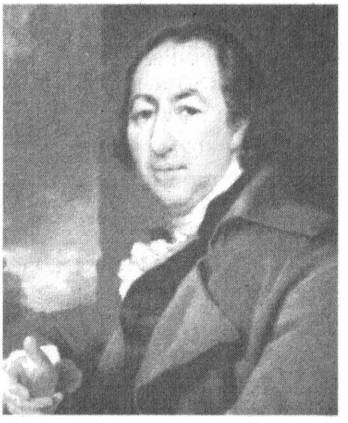
Русское просветительство

Наиболее глубоко идеи Просвещения проникли в среду зарождающейся русской интеллигенции: появились оригинальные мыслители, критиковавшие крепостничество, помещичий произвол, выступившие против сословных привилегий, деспотизма и злоупотреблений государственного аппарата. Это явление получило различные оценки в трудах исследователей [132, с. 6–38], но почти все они сходятся на том, что наиболее яркими представителями *русского просветительства* второй половины XVIII в. были журналист и книгоиздатель Н. И. Новиков, писатель Д. И. Фонвизин, драматург и журналист И. А. Крылов, ставший затем

знаменитым баснописцем, профессора Московского университета Д. С. Аничков, С. Е. Десницкий, И. А. Третьяков, математик и философ Я. П. Козельский.

Русское просветительство отличалось своеобразием [45, с. 55–57]. Неразвитость капиталистических отношений выразилась в отсутствии радикализма и последовательности в высказываниях. Никто до А. Н. Радищева не выступал открыто за отмену крепостного права, все ратовали лишь за его смягчение, а Д. И. Фонвизин писал о необходимости освобождения крестьян в будущем, после длительной подготовки. Русское просветительство не имело ярко выраженной антирелигиозной направленности. Это объясняется тем, что церковь после петровских реформ играла достаточно скромную роль в новой русской культуре. Неразвитым оставалось правосознание личности, что было обусловлено живучестью крепостничества и сословным делением русского общества.

Для русских просветителей второй половины XVIII в. характерны патриотические идеи. Это было время формирования национального самосознания; многие русские авторы болезненно переживали продолжавшееся отставание России от европейской цивилизации; между тем верхушка дворянства бездумно перенимала французский язык и иностранные обычаи — все это придавало идеям русских просветителей подчеркнуто патриотическое звучание. Можно также отметить, что все русские просветители были дворянами. Дворянская интеллигенция занимала ведущие позиции в культуре России второй половины XVIII в.



Портрет Петра III. *Художник А. П. Антропов. 1762 г.*

Самой яркой, хотя и противоречивой фигурой среди русских просветителей был **Николай Иванович Новико́в**[1] (1744–1818). Он получил образование в гимназии при Московском университете. Важную роль в становлении его взглядов сыграло участие (в качестве протоколиста) в работе Уложенной комиссии, учрежденной Екатериной II, на заседаниях которой решались самые острые вопросы жизни государства, подчас звучали смелые речи. Новиков прекрасно знал труды Монтескье, Вольтера, Дидро, Руссо и

[1] Ударение на последний слог объясняется происхождением фамилии от слова «новик» — новобранец.

даже перевел некоторые из их произведений. В 1769–1774 гг. он издавал сатирические журналы — «Трутень», «Пустомеля», «Живописец», «Кошелек», где критиковал крепостное право, пороки государственного управления, нравы дворянства, взяточничество судей, суеверия, даже полемизировал с Екатериной II.

Уже в первом журнале Новикова — «Трутне» — на первый план вышел крестьянский вопрос. В качестве эпиграфа к журналу были взяты слова из притчи А. П. Сумарокова: «Они работают, а вы их труд ядите!». Острая сатира Новикова вывела из себя императрицу, обычно умевшую держать себя в руках. «Хрен бы вас всех съел», — выругалась она и закрыла «Трутень».

В «Живописце» были помещены самые известные материалы, разоблачающие помещичий произвол. Автором этих анонимных публикаций разные исследователи считают Новикова, Фонвизина, Радищева. Здесь созданы образы диких и чванливых бездельников — помещиков Безрассуда, Скудоума и др. Помещик Недоум «желает, чтобы на всем земном шаре не было других тварей, кроме благородных, и чтоб простой народ совсем был истреблен...». В «Письмах к Фалалею» и «Отписках крестьянских» деревенские порядки изображены так непосредственно и живо, что нельзя не поверить в жизненность ситуаций, описанных в них. В «Отрывке путешествия» нарисована мрачная картина деревни Разоренной: бедные развалившиеся хижины, покрытые соломой и огороженные иссохшими плетнями, безлюдная улица, грязь, тина и нечистоты, дурной воздух, бесчисленные мухи в избах, голодные дети, брошенные родителями, ушедшими на господскую работу...

Критиковал Новиков и плоды модного среди дворян воспитания и обучения, помещая, например, такие объявления: «Молодого российского поросенка, который ездил по чужим землям для просвещения своего разума и который, объездив с пользою, возвратился уже совершенно свиньею; желающие смотреть, могут его видеть безденежно по многим улицам сего города».

Патриотическое звучание имели такие подготовленные Новиковым издания, как «Опыт исторического словаря о российских писателях» (1772), содержащий бесценные биографии и оценки произведений первых русских авторов, и «Древняя российская Вивлиофика» (1773) — сборник документов по русской истории.

В 70-х гг. Новиков занялся книгоиздательством. Особенно широкий размах эта деятельность приняла, когда он арендовал типографию Московского университета. О просветителе хорошо сказал Ю. М. Лотман: «Новиков соединял в себе практика и мечтателя. Любое дело горело в его руках. Он умел и любил заниматься практическим организаторством, соз-

давал типографии и журналы, научные общества и аптеки. Практическая хватка его была исключительной. Он мог, начав с копейки, взятой в долг, в короткий срок организовать дело, оборот которого исчислялся сотнями тысяч. Однако вся эта кипучая практическая деятельность имела для него смысл лишь потому, что с ее помощью он надеялся превратить Россию в прекрасное царство просвещения и братства» [116, с. 36].

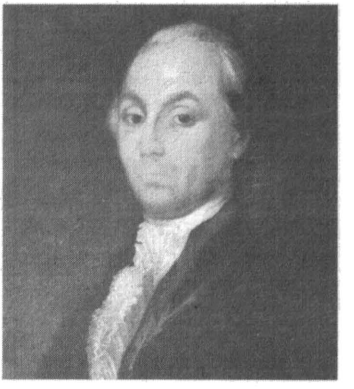
За 13 лет (1779–1792) в пяти типографиях Новикова было издано более 1000 книг и журналов, что составило почти одну треть всей печатной продукции России того времени [124, с. 70]. Причем вся его деятельность шла «мимо государственной машины», что раздражало императрицу.

В середине 70-х гг. XVIII в. Новиков увлекся идеями масонства. «Под именем истинного масонства разумели мы то, которое ведет посредством самопознания и просвещения к нравственному исправлению», — говорил он.

Независимые взгляды просветителя, его бурная общественная деятельность вызывали гнев у царицы. Обеспокоенная стремлением масонов повлиять на наследника престола (будущего Павла I), она велела «запереть» Новикова на 15 лет в Шлиссельбургскую крепость. Более четырех лет провел он в заточении и был выпущен императором Павлом I. Сломленный морально и физически, Новиков уже не принимал участия в общественной жизни, но до глубокой старости занимался филантропической деятельностью — помогал крестьянам и даже пленным французам.

А. Н. Радищев

Наиболее радикальным из русских просветителей был **Александр Николаевич Радищев** (1749–1802). Сын богатого саратовского помещика, он провел детские годы в имении отца, затем был определен в Пажеский корпус — учебное заведение, которое готовило дворян к придворной службе. Юридическое образование Радищев получил в Лейпцигском университете, а «учился мыслить» у радикальных французских просветителей — Гельвеция, Дидро, Руссо, Мабли. Дослужившись до должности управляющего Петербургской таможни, он был честным



А. Н. Радищев

и неподкупным чиновником, получил орден из рук императрицы, пользовался покровительством либерального вельможи А. Р. Воронцова. Радищев писал стихи и прозу, которые, наверное, не принесли бы ему писательской славы, если бы не чрезвычайная оригинальность и смелость идей автора.

Гражданским подвигом А. Н. Радищева, человека честного и неравнодушного, была книга **«Путешествие из Петербурга в Москву»** (1790). В ней автор впервые в России прямо и открыто высказался против крепостного права и всех его порождений в русской жизни. Радищев считал, что крепостное право не только аморально, но и экономически невыгодно по сравнению со свободным трудом. Автор обличал дворян как «зверей алчных, пиявиц ненасытных», которые не отняли у народа лишь то, что отнять не в состоянии, — воздух. С огромным состраданием и гневом писал он о положении крестьян, о несовершенстве русской жизни: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала».

Радищев первым признал право народа на самостоятельное решение своей судьбы — право на революцию. Он не рассчитывал на то, что она произойдет немедленно, не призывал к ней, ведь его книга не была и не могла быть предназначена крестьянам. Автор хотел открыть глаза просвещенному обществу, предостеречь дворян от грядущих потрясений, заставить их отказаться от произвола и насилия.

Первым в истории русской общественной мысли Радищев высказался, хотя и не без колебаний, за республиканскую форму правления.

Публикация произведения совпала с Великой французской революцией, что особенно испугало Екатерину II, увидевшую, что и среди ее подданных есть сторонники революционных идей. Прочитав книгу, императрица уяснила, что автор «ищет всячески и выищивает все возможное к умалению почтения к власти и властям, к приведению народа в негодование противу начальников и начальства». Она поняла также, что «сочинитель не любит царей», «грозит царям плахою», «надежду полагает на бунт от мужиков», и нарекла Радищева «бунтовщиком хуже Пугачева». Суд вынес «бунтовщику» смертный приговор. Екатерина заменила его ссылкой в Сибирь.

Павел I разрешил Радищеву вернуться в европейскую Россию, назначив ему местом ссылки Калужскую губернию. Александр I помиловал писателя и даже привлек к законодательной деятельности. Но и в либеральной атмосфере начала его царствования Радищев не надеялся на воплощение в жизнь своих идеалов. Он покончил жизнь самоубийством, приняв яд.

По приказу Екатерины II почти весь тираж «зловредной книги» Радищева был уничтожен, но потомки о ней не забыли.

Екатерина II и русская культура

Правящие круги России середины и второй половины XVIII в. также признавали идеи Просвещения. Уже в правительственной деятельности времен Елизаветы Петровны и Петра III находят черты просвещенного абсолютизма. Гораздо более яркой и целенаправленной была политика Екатерины II (1762–1796), которую европейцы прославляли как «философа на троне», «северную Семирамиду». Вольтер называл ее «самой блестящей звездой Севера».

С юных лет эта немецкая принцесса, ставшая женой наследника русского престола, уделяла огромное внимание двум делам: изучению русских людей и страны, которая стала для нее родной, и изучению трудов французских просветителей — Вольтера, Дидро, Монтескье и др. Будущая императрица прониклась идеей всемогущества просвещенного разума, верой в возможность изменить общество к лучшему путем издания мудрых законов и распространения просвещения.

Придя к власти в результате дворцового переворота, Екатерина попыталась осуществить это все на практике. Пример Петра I, начавшего борьбу с национальными предрассудками и невежеством, вселял в нее уверенность, но она намеревалась действовать более гибко и тонко. Современный историк А. Б. Каменский называет Екатерину II «быть может, самым успешным российским реформатором».

Наиболее активная деятельность императрицы приходится на первое десятилетие ее царствования. Результатом политики *просвещенного абсолютизма* стала секуляризация церковных земель (1764), в ходе которой было улучшено положение двух миллионов монастырских крестьян. В 1765 г. было создано «Вольное экономическое общество», деятельность которого была направлена «к исправлению земледелия и домостроительства». По инициативе императрицы «Вольное экономическое общество» объявило конкурс сочинений на тему «О пользе крестьянской собственности на землю» — так в завуалированной форме был поставлен вопрос об освобождении крестьян.

Екатерина II — законодательница. *Художник Д. Г. Левицкий. 1783 г.*

На конкурс поступило 160 произведений русских и иностранных авторов.

Лучшим было признано сочинение француза Беарде де Лабея, который утверждал, что крестьяне должны обладать свободой и собственностью, но их надо к этому долго готовить — просвещать.

Мнение большинства российского дворянства выразил известный писатель А. П. Сумароков: «...Надобно спросить: потребна ли ради общего благосостояния крепостным людям свобода? На это я скажу: потребна ли канарейке, забавляющей меня, вольность или потребна клетка, и потребна ли стерегущей мой дом собаке цепь? Канарейке лучше без клетки, а собаке без цепи. Однако одна улетит, а другая будет грызть людей. ...Свобода крестьянская не только обществу вредна, но и пагубна, того и толковать не надлежит» [239, с. 75]. Заметим, что так рассуждал один из образованнейших представителей благородного сословия, не побоявшийся обвенчаться с крепостной крестьянкой.

Самым примечательным событием начала екатерининского царствования был созыв Уложенной комиссии (1767). Она должна была составить новый свод справедливых и гуманных законов («Уложение»), в силу которых верила ученица Монтескье и Вольтера. Екатерина II замыслила преобразовать все российское законодательство. А чтобы внушить свои идеи депутатам, избранным от всех сословий, кроме крепостных крестьян, она написала и издала **«Наказ»**. В его основу были положены мысли, позаимствованные в знаменитом произведении Монтескье «О духе законов», из трактата итальянского юриста Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях» и некоторых других сочинений. Необходимость для России самодержавной власти Екатерина обосновала с помощью Монтескье, который писал, что «великая (т.е. обширная) держава сама по себе предполагает деспотическую власть в том лице, которое ею управляет». Но были в «Наказе» и более либеральные идеи — о равенстве всех граждан перед законом, о разделении властей, о недопустимости жестоких наказаний и смертной казни, о презумпции невиновности и т.д. В черновых вариантах документа Екатерина намекнула на желательность освобождения крестьян, но дворянское окружение не поддержало ее. Тот же Сумароков однозначно заявил: «Сделать русских крепостных людей вольными нельзя», ибо это может вызвать бунты, нарушить в обществе покой. Императрица знала об обманчивости этого «покоя» и возразила, что помещики «бывают зарезаны отчасти от своих (крестьян)» [239, с. 72–83]. «Наказ» был разослан по всем административным учреждениям страны, но с запрещением читать для младших чинов.

Работа Уложенной комиссии показала, что дух крепостничества господствует в русском обществе. «...От дворянства, купечества и духовенства послышался... дружный и страшно печальный крик: „Рабов!“» [215, кн. 14, с. 95]. Отдельные голоса тех, кто хотел облегчить жизнь крестьян, потонули в дружном хоре крепостников.

Неудача с составлением нового «Уложения» несколько охладила пыл императрицы, но не разубедила ее в возможности перестроить русское общество по законам разума. В 1768 г. в Москве было организовано «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг на российский язык». Книги, выпущенные им, знакомили русское общество с достижениями европейской культуры от античности до современности. В 1783 г. вышел указ, по которому всем желающим разрешалось открывать «вольные типографии» и печатать в них книги на всех языках. В результате издательское дело было налажено не только в Москве и Петербурге, но и в Ярославле, Тамбове, Костроме, Тобольске.

Екатерина II была инициатором создания сатирических журналов, причем их разрешалось издавать без цензуры и даже анонимно. Желая задавать тон в журналистике и руководить общественным мнением, сама императрица основала журнал **«Всякая всячина»** (1769). Вслед за ним появилось еще с полдюжины, из которых самым ярким был новиковский «Трутень». Сатира была призвана исправлять общественные нравы, причем, по мнению императрицы, критика должна быть легкой, доброжелательной, «улыбчивой», не должна касаться конкретных лиц.

Не все издатели журналов придерживались этих правил и получали выговоры от «госпожи „Всякой всячины"». «Бабушка» же русских сатирических журналов — «Всякая всячина» — подвергалась насмешкам со стороны «внуков»: «Что же до бабушки принадлежит, то она извинительна потому, что выжила уже из лет, много забывается» [196, с. 9].

Оставив затею с журналом, неугомонная императрица принялась писать драматические сочинения. В 1769—1783 гг. одна за другой появились ее «комедии нравов», самая известная из которых — «О, время!». Впрочем, по признанию самой Екатерины, «творческим» умом она не обладала и, как отмечают суровые критики, шутки из этих сочинений смешили только самого автора.

Даже после восстания Пугачева, глубоко потрясшего русское общество, императрица не отказалась от своих просветительских планов, хотя действовала она осторожно, стараясь не нарушать хрупкого общественного равновесия, не забывая о своей социальной опоре — дворянстве.

Дидро побывал в Петербурге в 1773—1774 гг. Он предложил Екатерине провести ряд радикальных реформ. Она отвечала ему: «Вы забываете, господин Дидро, во всех ваших реформаторских планах разницу наших положений: вы работаете только с бумагой, которая терпит все... тогда как я, бедная императрица, работаю на человеческой коже, которая значительно чувствительней...» [251, с. 151].

Губернская реформа (1775) впервые в истории России разделила органы административной и судебной власти; в местное управление ввела

элементы выборности. Большое общественное значение имела проведенная в 80-х гг. реформа школьного образования.

Сознавая дикость и невежество русского общества, Екатерина стремилась цивилизовать, «окультурить» хотя бы дворянство. Воспитанное по-европейски, впитавшее дух Просвещения, оно должно было служить обществу и прогрессу. Императрица стремилась воспитать в нем инициативу и дух ответственности, истребить прежнюю косность и конформизм, интегрировать его в европейскую культуру, изменить его менталитет [251, с. 179]. Подтвердив указ о вольности дворянства (1762), издав «Жалованную грамоту дворянству» (1785), Екатерина II на протяжении всего своего царствования проводила либеральную политику в отношении правящего класса. Благодаря этому впервые в истории России появилось относительно свободное и образованное сословие, лучшие представители которого позже поставили вопрос о свободе всего народа.

Экономический рост в стране во второй половине XVIII в. позволял императрице уделять больше внимания развитию искусства и наук, покровительствовать архитекторам, художникам, скульпторам, поэтам, писателям, ученым. Эта деятельность отвечала ее честолюбивым устремлениям и стала заметным явлением в политике просвещенного абсолютизма. Реальных успехов достигли Академия наук и Московский университет. Была организована Российская академия — центр изучения русского языка. Екатерина уделяла много внимания театральному искусству. При ней были приобретены предметы искусства для Эрмитажа, ставшего впоследствии одним из крупнейших музеев мира.

При огромном вкладе Екатерины II в развитие русской культуры нельзя умолчать и о теневых сторонах ее царствования. У современников и потомков всегда складывалось двойственное впечатление об императрице и ее политике. Почти нарицательным стало лицемерие Екатерины, которую Пушкин назвал «Тартюфом в юбке и короне».

Историки обычно представляли ее как хитроумного демагога и убежденную крепостницу, умевшую держать в заблуждении общественное мнение.

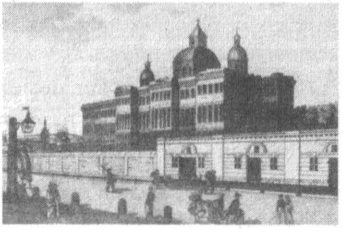
Уступая требованиям дворянства, Екатерина подписала в 1765 и 1767 гг. указы о праве помещиков без суда ссылать крестьян на каторгу и о запрете жаловаться на своих помещиков. Она раздала фаворитам более 1 миллиона крестьян, узаконила крепостное право на Украине. Французские просветители советовали императрице освободить крестьян, она же писала им о счастливом состоянии крепостных, о том, что «в России нет мужика, который не имел бы курицы в супе, когда он ее захочет, а с некоторого времени они (мужики) предпочитают индеек курам». Екатерину всегда раздражала деятельность русских просветителей, не желавших вос-

принимать российские порядки в розовом свете, как она им советовала. Она говорила, что «легче ей сладить с шведами и турками, чем с поручиком Новиковым»; иронизировала: «Плохо мне приходится жить! Уж и господин Фонвизин хочет учить меня царствовать». Великая Французская революция напугала императрицу, заставила ее отказаться от просветительских мечтаний. Жестокая расправа над Новиковым и Радищевым свидетельствовала о том, что «Семирамида Севера» превращается в деспота.

Развитие образования

Екатерининское правительство гораздо больше внимания, чем прежние, уделяло образованию и науке. В соответствии с идеями того времени школа должна была не только учить, но и воспитывать. В окружении императрицы родилась мысль создать сеть закрытых учебных заведений для воспитания «новой породы людей». Дети рождаются добрыми от природы, но дурной жизненный опыт делает их злонравными, поэтому необходимо как можно раньше оградить их от влияния внешнего мира. По проекту известного государственного деятеля **И. И. Бецкого** были созданы: училище при Академии художеств (1764), Воспитательные дома для незаконнорожденных детей и подкидышей в Москве (1764) и Петербурге (1770), Коммерческое училище в Москве (1772), Институт благородных девиц (Смольный институт) в Петербурге (1764) с отделением для девиц недворянского происхождения, также преобразованы сухопутный и морской кадетские (шляхетские) корпуса.

«Корень всему добру и злу — воспитание», — считал И. И. Бецкий. Он полагал, что в учеников необходимо закладывать страх Божий и похвальные склонности: трудолюбие, учтивость, благопристойность, «соболезнование о бедных», «отвращение от всяких продерзостей», опрятность. Впервые в истории русской школы провозглашались гуманные принципы воспитания, индивидуальный подход к воспитанникам, запрещались телесные наказания.



Воспитательный дом в Москве. *С гравюры начала XIX в.*

Открытие **Смольного института** положило начало женскому образованию в России. Предполагалось обучение

200 воспитанниц в течение 12 лет. Образование женщин, по мысли Екатерины, должно было изменить атмосферу в семье и улучшить воспитание детей.

Учебная программа была очень насыщенной, но изучение предметов было довольно поверхностным. Чтобы привить воспитанницам хорошие манеры и свободу в обращении, в институте часто устраивались спектакли, вечера, на которые приглашали кавалеров из Шляхетского корпуса.

У выпускников закрытых учебных заведений возникало немало проблем при столкновении с реальной жизнью. Их беспомощность и непрактичность вошли в пословицы. Но даже историк-скептик П. Н. Милюков писал, что «благодаря Екатерине в русской семье впервые появилась образованная женщина и внесла в это последнее убежище дедовских предрассудков струю свежего воздуха и света» [127, т. 2, ч. 2, с. 267].

И все-таки идея воспитания «новой породы людей» была утопичной. К тому же для содержания учебных заведений в надлежащем порядке у правительства не хватало средств. Не было и хороших учителей.

Более жизненной и эффективной оказалась школьная реформа 80-х гг. Согласно Уставу народных училищ, принятому в 1786 г., в России была создана единая система общеобразовательных школ. В губернских городах были открыты четырехклассные главные училища, а в уездных городах — малые народные училища с двумя классами. Для всех школ была выработана единая программа обучения. В младших классах изучались чтение и письмо, давали начатки религиозного воспитания. Изучали также специальную учебную книгу «О должностях (обязанностях) человека и гражданина», с целью воспитания благонамеренного и верноподданного гражданина империи. В старших классах главных училищ преподавали историю, географию, физику, геометрию и другие предметы. В школах были установлены единый срок приема учеников, классно-урочная система, дожившая до наших дней. Урок состоял из объяснения нового материала и опроса. Были разработаны единые для всех школ учебники, наглядные пособия, классная доска.

Формально школа была бессословной, но дворяне стремились обучать своих детей в специальных учебных заведениях вроде кадетских корпусов или благородных пансионов.

Школьная реформа осуществлялась по прусскому и австрийскому образцам, считавшимся лучшими в тогдашней Европе. Общий ее план, а также многие учебные пособия были разработаны приехавшим из Австрии **Ф. И. Янковичем де Мириево**, сербом, знавшим русский язык. Учителей для школ готовило Главное народное училище в Петербурге, ставшее в начале XIX в. Педагогическим институтом.

Успех реформы был несомненным. Но открытие к концу века 288 школ позволяло обучать лишь небольшую часть детей школьного возраста. Училища были не во всех уездных городах. Местные власти не желали тратить на них средства. С XVIII в. в российской школе укоренился один из главных ее пороков — «тяжелое материальное и нравственное положение учителя» [127]

Просвещенное общество

Главным результатом развития новой русской культуры было формирование во второй половине XVIII в. просвещенного общества, то есть общества с высоким уровнем интересов, материальных и духовных потребностей, идейных и нравственных запросов [88, с. 167]. Этот слой населения государства был очень пестрым: императрица Екатерина II и ее двор, просвещенные вельможи, ученые, писатели и артисты, студенты, купцы-меценаты, крепостная интеллигенция. Основу его составляла русская *интеллигенция*. Это были не просто образованные люди, занимавшиеся умственным трудом, а мыслящая элита, которая стремилась собственными силами исправить недостатки в обществе и государстве.

В середине XVIII в. среди образованных людей было много *разночинцев* — детей купцов, горожан, солдат, канцеляристов, в дальнейшем заметно преобладали люди дворянского происхождения. Государство, освободив дворян от обязательной службы, требовало от них одного — обучать своих детей. Если в начале 70-х гг. приходилось доказывать неверность мнения, «будто дворянству стыдно присваивать имя писателя», то к концу екатерининского царствования дворяне составляли большинство среди писателей, историков, художников, архитекторов.

Происходивший из крепостных крестьян художник-академик Ф. С. Рокотов, получив чины и дворянство, «за славою стал спесив и важен», предпочитал общество аристократов в Московском английском клубе. Известный русский драматург Д. И. Фонвизин, бывший небогатым помещиком, владельцем разоренных крестьян, любил приодеться, украсить себя драгоценными камнями и был очень польщен, когда во время путешествия во Францию его принимали за важного вельможу. Напротив, историк И. И. Голиков, бывший купцом, с самоуничижением писал: российским автором «быть не могу ни по моему воспитанию, ни по званию моему».

Крепостное право породило такое уродливое явление в культурной жизни, как крепостная интеллигенция. Крепостные художники, архитекторы, люди «свободных» профессий целиком зависели в жизни и творчестве от своего барина.

О численности и составе просвещенного общества свидетельствуют тиражи выходивших тогда книг и списки подписчиков, которые издатели

иногда публиковали. Тираж 1000 экземпляров считался тогда очень солидным. Книг по истории, например, редко печатали более 600 экземпляров. Хотя интерес к книгам все время возрастал. «Ныне любезные наши граждане... не только благородные, но средней и низкой степени люди, а особенно купечество, весьма охотно в чтении всякого рода книг упражняются».

Любимым чтением людей «среднего состояния» была религиозная литература, а также развлекательные книги знаменитого «детектива» М. Комарова «Обстоятельные и верные истории двух мошенников: первого российского славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина; второго французского мошенника Картуша и его сотоварищей». В данном случае мы имеем дело с плебейской культурой, которая формировалась уже на основе европейских образцов. Вместе с тем у интеллигенции вырос интерес к фольклору и мифологии. Народные песни, пословицы, музыка оказывали влияние на творчество профессионалов. Эти контакты между различными уровнями культуры были очень важны для ее развития.

В просвещенном обществе среди людей различного общественного положения, убеждений и вкусов было немало ярких личностей, обогативших отечественную культуру.

Рядом с Екатериной Великой весьма заметна фигура Екатерины «Малой» — так современники называли **Е. Р. Дашкову** (1744–1810). Эта женщина возглавляла в России две академии — Академию наук и Российскую Академию. Как отмечал А. И. Герцен, в ней «чувствуется что-то сильное, многостороннее, деятельное, петровское, ломоносовское...». Она активизировала исследовательскую, издательскую и просветительскую деятельность Академии наук, приняла участие в подготовке выдающегося научного издания — «Словаря академии Российской» — толкового словаря русского языка, включавшего 40 тысяч слов. Дашкова была редактором литературного журнала, писала пьесы, стихи, сочиняла музыку, оставила замечательные «Записки» о своей жизни.

Одним из самых образованных людей своего времени был князь **М. М. Щербатов** (1733–1790). Он прекрасно знал сочинения европейских просветителей, но почерпнутые оттуда понятия о правах и свободах человека распространял лишь на дворянство, ратовал за сохранение крепостного права. Князь написал «Историю Российскую от древнейших времен» в 7 томах, в которой впервые дал связное научное повествование о прошлом России с древнейших времен до начала XVII в. Большую известность у потомков получило его сочинение «О повреждении нравов в России». В этом тайном, не предназначенном для печати произведении он нарисовал мрачную картину падения нравов при дворе и в дворянском обществе со времен Петра I до Екатерины II.

Деятели русской культуры XVIII в. часто поражают широтой интересов. Яркий пример тому — **А. Т. Болотов** (1738–1833). Знакомясь с биографией этого небогатого тульского помещика, трудно поверить, что жизнь одного человека могла вместить столько событий, причем, несомненно, полезных для общества. Только для сельскохозяйственных журналов «Сельский житель» и «Экономической магазин», которые он издавал, Болотов написал тысячи статей. Он опубликовал множество философских трудов, сделал массу

переводов, занимался медициной, открывал школы, писал пьесы и играл в любительских спектаклях, сочинял музыку, рисовал, был известен как замечательный писатель-мемуарист, автор книги «Жизнь и приключения Андрея Болотова, написанная самим им для своих потомков». По подсчетам библиографов, труды этого замечательного человека могли бы составить 350 томов.

Масонство

Своеобразным порождением века Просвещения было *масонство*. Масонами, или франкмасонами («каменщиками», или «вольными каменщиками») называли себя члены тайных организаций, широко распространенных в странах Европы в XVIII в. Различные виды масонства были известны и в России. Членами масонских организаций («лож», «орденов») были многие деятели русской культуры — А. П. Сумароков, М. М. Щербатов, Н. И. Новиков, В. И. Баженов, Н. М. Карамзин и др. Масоны с помощью ритуалов, уходивших корнями в средневековье, облекали свою деятельность в таинственные, мистические формы, что порождало множество слухов и легенд.

Но если отбросить обряды, древнюю символику, поиски мистической тайны, можно сказать, что его отличительной чертой были религиозно-нравственные искания верных представлений о Боге, о природе, о человеке. Чаще всего масонство старалось держаться в стороне от политики. Деятелей культуры к масонству привлекала идея нравственного усовершенствования и самовоспитания.

Первые масонские ложи в России были связаны с религиозным вольнодумством и «вольтерьянством», позже возросли мистические моменты, стремление создать универсальную религиозную систему. Многие масоны были искренними верующими.

По мнению масонов, со времени Адама человек утратил свою чистую нравственную природу, заложенную Богом. Засоренная «брюховностью», ставшая «диким камнем», природа человека требует очищения и обработки, превращения «дикого камня» в «кубический». Предметы масонской символики — лопаточка-мастерок, циркуль, наугольник, молоток, передник и т.п. — должны были постоянно напоминать о главной задаче масона — работе над «диким камнем», превращение которого в «кубический» есть первый этап построения в собственной душе «внутренней церкви». На пути самоусовершенствования и самопознания человек обретает свойства божественного порядка, строит «царство Божие» в самом себе.

«Внутренняя церковь» понималась масонами как избранное сообщество истинных христиан, примером которого должно было служить масонское братство [195, с. 167–168].

Литература

Русская литература второй половины XVIII в. богата именами. Н. И. Новиков в «Опыте исторического словаря о русских писателях» (1722) назвал их около 220. В современный «Словарь русских писателей XVIII века» включены статьи о 900 авторах. В это время русская литература решала не только художественные задачи, но была выразительницей главных общественных идей, формировала общественное мнение. Такому положению способствовали принципы классицизма и общий настрой века Просвещения. Литература старалась поучать и воспитывать своих читателей.

Писатели все активней включались в европейский литературный процесс. Появились переводы их произведений на другие языки. Русская литература развивалась в рамках общеевропейских художественных стилей. Долгое время в ней господствовал классицизм, но в конце XVIII в. ему на смену пришел *сентиментализм*, основоположниками которого были английские романисты С. Ричардсон, Л. Стерн и др. Особую популярность этот стиль приобрел с появлением романа в письмах Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза», а утверждение его в русской литературе было связано с творчеством Н. М. Карамзина. Как бы в противовес рациональному и гражданскому пафосу классицизма авторы нового направления провозглашали культ человеческих чувств и личных интересов. Переживания «чувствительной» души, семейный быт, тихая жизнь на лоне природы стали главными предметами художественного описания. Произошло осознание ценности человеческой личности вне зависимости от сословной принадлежности, было провозглашено превосходство чувства над холодной рассудочностью, что привело к более полному раскрытию внутреннего мира человека.

Десятки писателей пользовались популярностью у русской читающей публики второй половины XVIII в. Сегодня большинство их произведений кажутся устаревшими. Неподготовленному читателю трудно понять надуманные сюжеты, читать произведения, написанные тяжеловесным языком. Несколько упрощая, можно сказать, что только произведения Д. И. Фонвизина, Г. Р. Державина и Н. М. Карамзина не утратили своего художественного значения до наших дней. Культурное значение их твор-

чества для современников невозможно переоценить. Эти авторы вошли в историю русской литературы, их произведения изучают в школьном курсе, об их жизни и творчестве написаны десятки книг.

Д. И. Фонвизин (1745–1792) был автором стихов, публицистических произведений, пьес. О его письмах, написанных во время путешествия по Европе, современник отозвался так: «Если бы Денис Иванович Фонвизин не написал ничего, кроме заметок о Франции времен Людовика XV, он бы уже заслуживал известности» [219, с. 3].

Фонвизин — автор лучшего драматического сочинения своего времени — комедии **«Недоросль»** (1782), где отразились его блестящее остроумие, благородная общественная позиция. Живой и выразительный язык произведения обеспечили ему успех у современников и потомков.

Каждый эпизод этой комедии имеет символическое историко-культурное значение. В «Недоросле», как в зеркале, отразилась картина дворянского образования и нравов. За общеизвестной фразой Митрофана: «Не хочу учиться, хочу жениться» подразумевались указ Петра I, не дозволявший молодым людям жениться, пока не пройдут курс наук, настойчивые требования екатерининского правительства к дворянству обучать своих детей, реальное положение дел с образованием.

Комедия Фонвизина появилась в тот год, когда в России была учреждена комиссия по созданию системы общеобразовательных школ. Но пойдет ли эта деятельность на пользу дворянству, уверовавшему, что у него есть все права и нет обязанностей? На слова Правдина о том, что «тиранствовать никто не волен», госпожа Простакова восклицает: «Неволен! Дворянин, когда захочет, и слуги высечь не волен: да на что ж дан нам указ-то о вольности дворянства!». В понимании Простаковой закон оправдывал беззакония. И в этом распространенном понимании В. О. Ключевский видел трагический парадокс русской жизни XVIII в. [80, т. 9, с. 65].

Поэтический дар и стремление говорить правду отличали выдающегося русского поэта **Г. Р. Державина** (1743–1816). Он первым стал писать о реальной жизни, ее земных радостях, милой сердцу природе, в стихах и в прозе описал свою богатую событиями жизнь.

Г. Р. Державин. *Художник В. Л. Боровиковский. 1795 г.*

Трудно найти в истории русской литературы писателя, который бы так много

Н. М. Карамзин

сделал для культуры своего времени, как **Н. М. Карамзин** (1766–1826). Свою писательскую деятельность он начал в «Дружеском обществе» Н. И. Новикова. Молодому литератору поручили издание первого в России журнала для детей «Детское чтение для сердца и разума».

Большую роль в жизни Карамзина и, как оказалось, в истории культуры, имело его путешествие в Европу в 1789–1790 гг. Блестяще образованный молодой человек встречался с философами, писателями, политическими деятелями, посещал музеи, покупал книги. Узнав о взятии Бастилии, он поехал в Париж, где был свидетелем первых шагов Великой Французской революции. Но Карамзин не проникся революционными идеями. «Всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан, — считал он. — Всякие же насильственные потрясения гибельны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот» [76, с. 321–322]. Замечательным памятником путешествия по Германии, Швейцарии, Франции и Англии стали **«Письма русского путешественника»**. Это произведение Карамзин начал публиковать, возвратившись в Россию. Оно свидетельствуют о том, что, оставаясь русским, автор чувствовал свою неразрывную связь с европейской культурой. Путешествие Карамзина стало своеобразным завершением работы, которую начал Петр I, отправляясь в Великое посольство, — русский человек стал европейцем.

В 90-х гг. Карамзин издавал лучший литературный журнал XVIII в. — «Московский журнал». Вскоре писатель стал главой нового литературного направления — сентиментализма. Большую славу Карамзину принесла повесть **«Бедная Лиза»** (1792). Незамысловатая история несчастной любви крестьянской девушки и молодого дворянина имела шумный успех у читателей. Окрестности Симонова монастыря и пруд, где утопилась героиня, стали местом паломничества «чувствительных» москвичей. Кто-то даже сочинил шутливые строки:

Здесь в воду бросилась
Эрастова невеста.
Топитесь, девушки,
В пруду всем хватит места.

Карамзин завершил реформу русского литературного языка, сделав его ясным, изящным, способным выражать сложные понятия и тонкие чувства.

В конце жизни писатель начал работу над «Историей государства Российского». Создав 12-томное высокохудожественное историческое произведение, он блестяще подвел итог всем предшествующим работам (В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова и др.) по русской истории. Этот труд оказал огромное влияние на историческое и национальное сознание русского общества. По словам А. С. Пушкина, «Древняя Русь, казалась, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом».

Архитектура классицизма

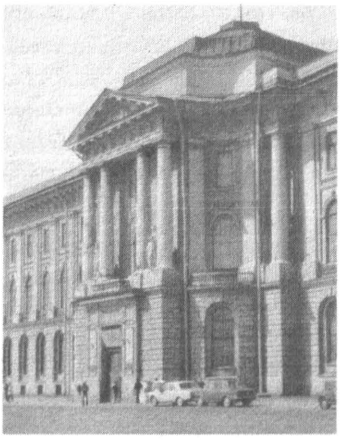
В 60-х гг. XVIII в. произошли большие изменения в русской архитектуре: на смену нарядному и пышному барокко пришел строгий, исполненный спокойного величия *классицизм*. Новый стиль творчески использовал образцы античности, а также итальянского Возрождения. Для него характерны геометрическая простота планов, симметричность и уравновешенность пространственных композиций, использование ордерной системы, строгость и сдержанность в декоративном оформлении зданий.

Архитектура классицизма, с ее ясностью и рационализмом, соответствовала эстетическим и общественным идеалам века Просвещения. Гармоничные, соразмерные с человеком постройки выражали идею служения обществу и человеку. Принципы этого стиля подходили как для строительства сооружений общественного назначения (торговых и промышленных помещений, складов, учебных заведений, театров, церквей), так и для возведения жилых зданий — от дворцов до скромных домов. Новая архитектура была более демократичной и дешевой, чем в эпоху барокко: скромные, но стильные постройки были «по карману» многим.

Лучшие постройки в стиле классицизма впитали в себя благородный дух античности, мода на которую распространилась в Европе и в России: широкую известность получили раскопки Помпеи, а также труд И. И. Винкельмана «История искусства древности».

Будучи общеевропейским явлением, классицизм очень органично вошел в русскую культуру. В его эволюции выделяют три этапа: ранний (1760–1780), строгий (1780–1800) и высокий (1800–1840).

В 1762 г. была создана Комиссия о каменном строении Москвы и Санкт-Петербурга. Перед ней стояла задача «привести город Санкт-Петербург в такой порядок и состояние и придать оному такое великолепие,



Академия художеств. Петербург. *Архитекторы А. Ф. Кокоринов, Ж.-Б. Валлен-Деламот. 1765–1788 гг.*

какое столичному городу пространного государства иметь прилично» [66, с. 11]. Стараниями русских и приглашенных из Европы архитекторов город начал приобретать свой «строгий, стройный вид». Получила дальнейшее развитие геометрическая планировка столицы с широкими проспектами и площадями. «В гранит оделася Нева», то есть началось строительство гранитных набережных; была «одета камнем» и Петропавловская крепость.

Первые здания в классическом стиле были построены архитекторами Ж.-Б. М. Валлен-Деламотом, А. Ф. Кокориновым, А. Ринальди и др.

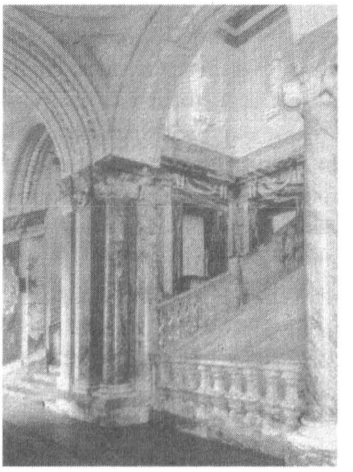
Ж.-Б. М. Валлен-Деламот достраивал здание **Гостиного двора** на Невском проспекте, заложенное еще по проекту Растрелли. Пышная постройка в стиле барокко оказалась слишком дорогой для столичных купцов. Валлен-Деламот сделал здание более простым и строгим.

А. Ф. Кокоринов вместе с Валлен-Деламотом разработал проект здания **Академии художеств** (1765–1788). Торжественный фасад Академии выходил на Неву, а его центр был выделен четырехколонным портиком с треугольным фронтоном. Находящийся в середине строения круглый конференц-зал перекрыли небольшим куполом, на котором первоначально находилась статуя сидящей Екатерины II.

Рядом с Зимним дворцом были сооружены **Малый** (архитектор Ж.-Б. М. Валлен-Деламот) и **Старый Эрмитаж** (архитектор Ю. М. Фельтен), в которых разместилась коллекция картин западноевропейских художников. Изумительная по красоте решетка отгородила Летний сад от набережной Невы (архитекторы Ю. М. Фельтен и П. Е. Егоров).

Архитектор **А. Ринальди** отразил в своем творчестве переход от барокко к классицизму. Построенный им **Китайский дворец** в Ораниенбауме под Петербургом предназначался для отдыха и развлечения императрицы в узком кругу приближенных. Небольшое изящное здание, напоминающее шкатулку — редкий для России образец архитектуры в стиле *рококо* (вариант барокко). В легкой и изысканной постройке, при всем обилии декора, нет тяжеловесной роскоши и помпезности.

В Петербурге А. Ринальди построил **Мраморный дворец** (1768–1785) для фаворита Екатерины II Г. Г. Орлова, в отделке которого едва ли не впервые в России были использованы гранит и мрамор. Нижний этаж здания облицован розовым гранитом, а второй и третий — серым, на фоне которого нарядно выглядят пилястры из розового мрамора. Сооружение получилось классически строгим. Лишь его центральный фасад, выходящий во дворик, еще сохранил некоторые черты пышности, свойственные барокко.



Мраморный дворец. Парадная лестница. Петербург. *Архитектор А. Ринальди. 1768–1785 гг.*

Для государственного деятеля и фаворита императрицы Г. А. Потемкина-Таврического архитектор **И. Е. Старов** построил на окраине Петербурга **Таврический дворец** (1783–1789). Этот замечательный памятник строгого классицизма стал образцом для многочисленных барских усадеб и общественных зданий. Дворец в плане напоминает букву «П». Двухэтажный главный корпус увенчан низким куполом и украшен строгим шестиколонным портиком. Одноэтажные галереи связывают его с двумя боковыми флигелями,

Таврический дворец. Петербург. *Архитектор И. Е. Старов. 1783–1789 гг.*

украшенными четырехколонными портиками. Галереи и флигеля как бы огораживают широкий двор, через который кареты подъезжали к главному входу. Вокруг дворца был разбит великолепный парк. Небольшим каналом весь комплекс был связан с Невой.

За строгими фасадами дворца скрывался роскошный интерьер с огромным колонным залом, с зимним садом, состоявшим из экзотических растений. Г.Р.Державин писал: «Наружность его (здания) не блистает ни резьбой, ни позолотою, ни другими какими пышными украшениями; древний изящный вкус — его достоинство, оно просто и величественно». Внутри же дворца «царствует весна, и искусство спорит с прелестями природы».

Строгостью и безупречным вкусом отличались постройки итальянца **Д. Кваренги**, отдавшего свой талант северной столице России. Им были построены здание **Академии наук** (1783–1789) на набережной Невы, **Эрмитажный театр**, корпус **Смольного института** и др.

Под Петербургом продолжалось строительство загородных резиденций: возникают дворцовые ансамбли в Ораниенбауме и Гатчине (архитектор А. Ринальди), в Павловске (архитектор Ч. Камерон). В Павловске был создан замечательный образец пейзажного (английского) парка.

В 1782 г. в Петербурге был открыт памятник Петру I — знаменитый «Медный всадник» работы французского скульптора Э.-М.Фальконе.

К концу XVIII в. Петербург стал одним из красивейших городов Европы. Иностранцы восторженно отзывались о «Северной Пальмире», художники писали многочисленные виды города.

В отличие от Петербурга Москва не получила четкой регулярной планировки. Она имела сложную структуру исторически сложившегося города — живописную и несколько хаотичную. Неповторимость Москвы по-

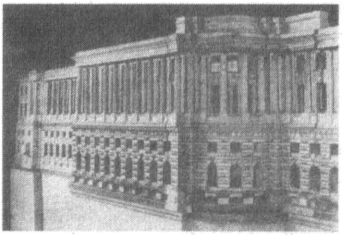
Академия наук. Петербург. *Архитектор Д.Кваренги. 1783–1789 гг.*

ражала иностранных путешественников: «Это нечто настолько неправильное, своеобразное, необычное, здесь все так полно контрастов. Улицы большей частью необыкновенно длинны; некоторые из них вымощены камнем, другие — особенно в слободах — вымощены бревнами или досками наподобие деревянного пола. Жалкие лачуги кучатся около дворцов, одноэтажные избы построены рядом с богатыми и величественными домами... Некоторые кварталы этого огромного города кажутся совершенными пустырями, иные — густо населены; одни походят на бедные деревушки, другие имеют вид богатой столицы» [83, с. 317].

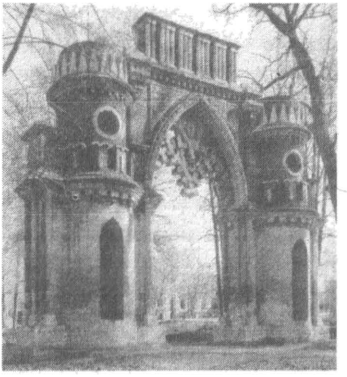
На строительство Москвы правительство обращало меньше внимания, чем на застройку Санкт-Петербурга, поэтому здесь не возникли крупные градообразующие ансамбли в стиле классицизма. Но в «барской» Москве появилось большое количество городских усадеб, вносивших в облик города элемент «регулярности». Были построены и крупные сооружения общественного назначения — Воспитательный дом, здания Сената и Университета, дом Благородного собрания, Голицынская больница и др. В строительстве Москвы проявился талант известных зодчих В.И. Баженова и М.Ф. Казакова.

Василий Иванович Баженов (1737 или 1738–1799) был первым русским архитектором европейского масштаба. Навыки мастерства он получил в школе Д.В. Ухтомского, затем блестяще окончил Академию художеств и был послан «пенсионером» во Францию и Италию. Его талант признали мастера Парижа; академии Болоньи, Рима и Флоренции присвоили ему почетные звания. Полный творческих планов, вернулся он в Россию, но его дальнейшая судьба сложилась неудачно: лучшие проекты остались неосуществленными, а некоторые из его творений были уничтожены.

В 1767 г. Баженов начал проектировать **Большой Кремлевский дворец** — грандиозное сооружение, во внутреннем дворе которого должны были сохраниться древние соборы. Дворец должен был включать императорскую резиденцию, здание коллегий, арсенал, театр, площадь для «народных собраний». Воодушевленный екатерининскими планами созыва Уложенной комиссии, Баженов хотел создать творение, которое олицетворяло бы единение власти и народа. По сути дела планировалось создание нового Кремля. Мощная колоннада должна была располагаться на главном фасаде со стороны Москвы-реки. Для строительства дворца была разобрана часть стен Кремля. Состоялась торжественная закладка здания. Но дальше работы не пошли.



Модель Большого Кремлевского дворца. Фрагменты фасада. Москва. *Архитектор В.И. Баженов. 1767–1775 гг.*

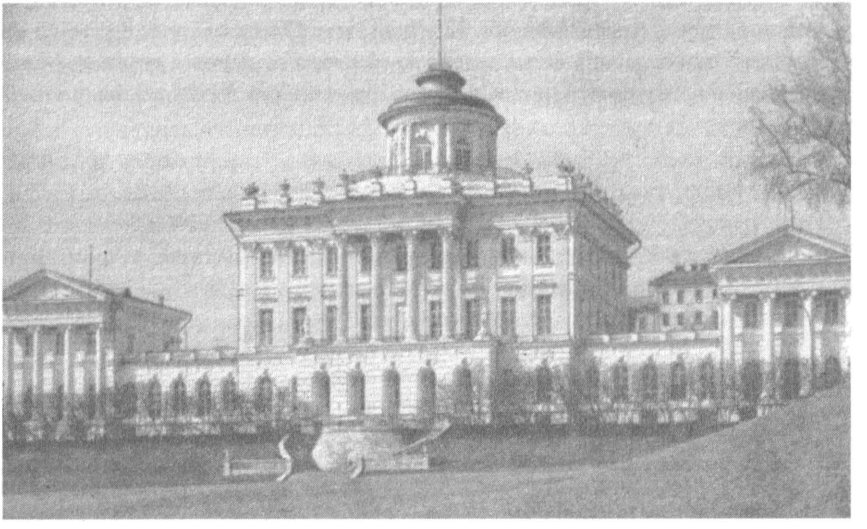


Фигурные ворота. Царицыно. *Архитектор В.И.Баженов. 1775–1785 гг.*

Неудача постигла и следующие творения Баженова. Императрица поручила ему строительство **подмосковной резиденции «Царицыно»** в «готическом стиле». Зодчий создал живописный ансамбль из нескольких построек, творчески переработав уроки европейской и русской средневековой архитектуры, но Екатерина нашла постройки неудовлетворительными — темными и громоздкими. Она приказала разобрать главный дворец и построить на его месте другой, спроектированный Казаковым. Однако и это строительство не было завершено. Ансамбль «Царицыно», дошедший до нас в разрушенном виде, производит яркое впечатление, свидетельствует об огромном даровании Баженова.

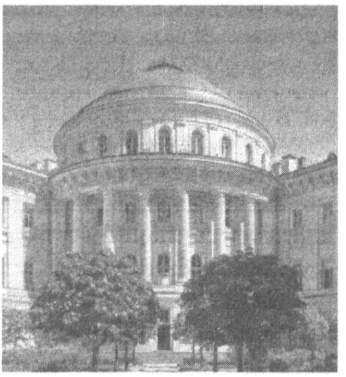
Самой известной постройкой В.И.Баженова в Москве является **дом Пашкова** (1784–1786). Это характерная для классицизма трехчастная уравновешенная композиция из главного корпуса, соединенного галереей с боковыми флигелями. Главное здание, увенчанное бельведером (круглой беседкой), очень нарядно и элегантно.

Матвей Федорович Казаков (1738–1812) не получил образование в Академии художеств и не учился за рубежом, но он глубоко и органично



Дом Пашкова. Москва. *Архитектор В.И.Баженов. 1784–1786 гг.*

воспринимал каноны классической архитектуры, присущий ей дух благородства и простоты.



Сенат. Московский Кремль. *Архитектор М.Ф.Казаков. 1776–1787 гг.*

Архитектор построил в Москве большое количество зданий. Одним из крупнейших сооружений Казакова является **Сенат в Кремле** (1776–1787). Здание прекрасно вписалось в ансамбль старинных построек. Купол, венчающий зал заседаний, возвышаясь над зубчатой кремлевской стеной, играет важную роль в формировании архитектурного силуэта Красной площади. Казакову принадлежат такие выдающиеся памятники московского классицизма, как **старое здание Московского университета** (1786–1801, перестроено после пожара 1812 г.), **Голицынская больница** (1796–1800), дом **Благородного собрания с Колонным залом**. Мастер возвел ряд городских усадеб, украсивших самобытный облик старой столицы.

Классицизм стал первым архитектурным стилем, затронувшим русскую глубинку — губернские и даже малые города. Были созданы «регулярные» планы Твери, Калуги, Костромы, построены новые города на юге России — Одесса, Екатеринослав. Классицизм проник в усадебное строительство (возник его своеобразный вариант — «деревянный классицизм»). Это движение, распространяясь вширь и вглубь, через провинциальное строительство постепенно входит в народное зодчество.

В XVIII–XIX вв. создаются произведения, соединяющие русскую избу и городской дом с барской усадьбой, бревно традиционного сруба — с классической колонной, двускатную крышу — с античным фронтоном, народную резьбу по дереву — со скульптурным рельефом [11, с. 102]. Классицизм сумел сократить разрыв между «высоким» и «низким» в искусстве, стал органическим явлением русской национальной культуры.

Расцвет изобразительного искусства

В эпоху Просвещения на первом месте в изобразительном искусстве стояла историческая живопись. Она, подобно драматургии того времени, должна была воспитывать высокие гражданские и нравственные добродетели, прославлять

служение отечеству и героические подвиги. Но даже лучшие произведения художников, писавших на эту тему (А.П.Лосенко, Г.И.Угрюмов) кажутся нам сегодня «неживыми», напоминают застывшие театральные мизансцены. Из патриотических соображений живописцы часто обращались к сюжетам русской истории, но средневековье тогда еще не было изучено, что усиливало условность картин.

Своих наивысших успехов изобразительное искусство достигло в жанре портрета. Его расцвет напрямую связан с ростом самосознания личности во второй половине XVIII в. Как заметил Д.С.Лихачев: «Сами люди стремятся показать себя, обозначают в себе свои наиболее характерные, индивидуальные черты, они готовы выйти к нам навстречу». Портреты этого времени несколько театральны: художники часто писали свои модели такими, какими те хотели казаться.

На полотнах художников перед нами предстает общество, которое создавало произведения высокой культуры или составляло среду, в которой она бытовала. Императрица и ее фавориты, государственные деятели, поэты, архитекторы, «смолянки»...

Произведения **Федора Степановича Рокотова** (1735–1808) очень поэтичны из-за своей знаменитой таинственности, из-за переливчатой, дымчатой цветовой гаммы. Они несколько условны — на лицах моделей всегда присутствует маска полуулыбки, сквозь которую проглядывает затаенная жизнь души.

Загадочным кажется **«Портрет неизвестного в треуголке»** (начало 1770-х гг.). На нем изображен живой и обаятельный молодой человек. Под верхним слоем краски, как показали исследования, скрывается портрет женщины со сходными чертами лица... Скептиком-«вольтерьянцем» и жизнелюбом выглядит на рокотовском портрете поэт В.И.Майков (1775).

По-своему выразителен **портрет** богатого пензенского помещика **Н.Е.Струйского** (1772). Поэт-графоман, горячий поклонник Екатерины II и Вольтера, он устроил в своем поместье типографию, выпускавшую шедевры книжного искусства. Одновременно — имел пристрастие к судилищам и сам пытал провинившихся крестьян. «Дикое» лицо Струйского не смогла облагородить даже кисть его «друга» Рокотова. Совершенно иное впечатление оставляет изображение жены помещика — **А.П.Струйской** (1772). Портрет очаровательной женщины с нежной и немного печальной улыбкой по праву считается шедевром Рокотова. Это произведение навеяло Н. Заболоцкому известные стихи.

Любите живопись, поэты!
Лишь ей единственной дано
Души незримые приметы
Переносить на полотно.

Работы **Дмитрия Григорьевича Левицкого** (1735–1822) кажутся живыми, реалистическими и разнообразными. Подобно своему учителю Антропову, он был очень правдив в своих работах, хотя никого не критиковал, а лишь точно передавал сущность и характер моделей. Художник обладал высочайшей живописной техникой, умел создавать элегантные портреты европейского уровня. Много лет Левицкий руководил портретным классом Академии художеств. Екатерининское общество почти полностью представлено в портретной галерее, созданной живописцем.

Среди ранних работ художника обращает на себя внимание большой парадный **портрет П. А. Демидова** (1773), на котором известный богач, владелец уральских заводов, изображен в полной рост на фоне колонн и драпировок. Вопреки канонам парадного портрета Демидов одет в домашнюю одежду и стоит среди обыденных вещей: простой мебели, лейки, цветов в кадках. Вельможа не случайно имеет вид садовника — он увлекался ботаникой и садоводством. Но изображение имеет и аллегорический смысл: Демидов был попечителем московского Воспитательного дома, жертвовал деньги на Московский университет, основал Коммерческое училище, то есть был причастен к просветительским замыслам своего времени.

Странная улыбка с примесью горечи на «татарском» лице Демидова, кажется, приоткрывает особенности его характера: он был известен как самодур и большой оригинал. Обряжал в странные шутовские наряды своих лакеев, приказывал на всю прислугу, а также на собак и лошадей надевать очки. «В великолепный сад его, в котором было собрано более двух тысяч редких растений, допускались все, но, заметив, что дамы рвут в нем плоды и редкие цветы, он однажды снял все статуи и на место их поставил обнаженных мужиков». Разгневанный на своего зятя, он как-то раз «прислал к нему на званый обед наполненный червонцами мешок и живую свинью, приказав ее угощать за столом, как бы его самого» [186, с. 18].

Всем известны **портреты воспитанниц Смольного института**, которые Левицкий написал по заказу императрицы в 1773–1776 гг. На них девушки-«смолянки» представлены выступающими в спектаклях («Ржевская и Давыдова», «Хованская и Хрущева», «Нелидова»), танцующими («Борщова»), музицирующими («Алымова», «Левшина»). При этом художник сумел разглядеть живые и разнообразные характеры девушек.

Среди наиболее удачных портретов Левицкого — изображения близких ему людей, представителей интеллигенции — архитектора Н. А. Львова и его невесты М. А. Дьяковой, членов семьи Бакуниных, Н. И. Новикова.

Младшим современником Левицкого был **Владимир Лукич Боровиковский** (1757–1825). Он родился на Украине, учился у своего отца-иконописца, был представлен императрице во время ее путешествия на юг России, в Петербурге брал уроки у модного тогда живописца Д. Б. Лампи. Художник принадлежал к кружку Н. А. Львова, куда входил цвет столичной интеллигенции — поэты Г. Р. Державин и В. В. Капнист, композитор Е. И. Фомин, художник Д. Г. Левицкий и др.

Работы живописца по-своему отражают сложную атмосферу конца екатерининского и недолгого павловского царствования. Несправедливости, насилию, грубости, царившим в обществе, мастер противопоставил добрых, прекрасных, тонко чувствующих людей — именно такими обычно предстают герои портретов Боровиковского. Художник, близкий к масонству, стремился показать внутреннее совершенство человека. Передача душевного состояния людей в момент их общения с природой, с близкими людьми роднит творчество художника с идеями сентиментализма.

Саму императрицу Боровиковский изобразил на прогулке в Царскосельском парке (1794). Екатерина предстает как бы доброй «матушкой», «казанской помещицей», как она себя иногда называла, на фоне нежного пейзажа, в простом утреннем костюме, с белой тонконогой собачкой. Лишь Чесменский обелиск на заднем плане напоминает нам о царской резиденции.

Эта картина почти точно воспроизведена в пушкинской «Капитанской дочке» при описании встречи Маши Мироновой с императрицей: «Она была в белом утреннем платье, в ночном чепце и душегрейке. Ей казалось лет сорок. Лицо ее, полное и румяное, выражало важность и спокойствие, а голубые глаза и легкая улыбка имели прелесть неизъяснимую» [185, т. 8, с. 371].

Почти в той же обстановке описана Екатерина II искусствоведом Э. Ф. Голлербахом, только более остро и даже зло: «В 8 часов утра толстая старуха в белом гродетуровом шлафроке и батистовом чепце, надетом слегка набекрень, выплывает из опочивальни в „серебряный кабинет". На маркетрированном бобике (столике, столешница которого имела очертания боба и была украшена наборным орнаментом из разных пород дерева — маркетри) дымится чашка крепчайшего кофе, на подносе лежат письма с сургучными печатями, лупа. Узкие зеркальные панно отражают пухлое, помятое лицо, с „гусиными лапками" у глаз. Монархиня зевает, голубые очи увлажняются слезой. Не спала всю ночь — отчасти потому, что скорбела, отчасти потому, что утешалась. Вчера — ах! — в бозе почила Земира, любимая левретка царицы... До рассвета изливала огорченная государыня державную свою скорбь на груди Ланского...» [38, с. 28].

Портрет М. И. Лопухиной (1797) — самый поэтичный и красивый из всех, созданных Боровиковским. Это своеобразный идеал мечтательной и нежной красавицы эпохи сентиментализма.

Русская жизнь во второй половине XVIII века

«Какое страшное расстояние между чертогами царскими и соломенными крышами деревенских жителей», — восклицал привыкший к придворной жизни молодой человек, попавший в деревню к своим родственникам. Соломенная крыша покрывала в данном случае барский дом. Сравнивать же царский дворец с крестьянской избой русскому человеку XVIII в. не пришло бы и в голову — это были два разных мира.

«Богатство и пышность русского двора превосходят самые вычурные описания. Следы древнего азиатского великолепия смешивались с европейской утонченностью. Огромная свита придворных всегда следует за императрицей или предшествует ей. Роскошь и блеск придворных нарядов и обилие драгоценных камней далеко оставляют за собою великолепие других европейских дворов. На мужчинах французские костюмы, платья дам с небольшими фижмами, длинными висячими рукавами и с короткими шлейфами... Из различных предметов роскоши, отличавших русскую знать, ничто так не поражает нас, иностранцев, как обилие драгоценных камней, блестевших на различных частях их костюма. В большей части европейских стран эти дорогие украшения... составляют почти исключительно принадлежность женщин; но в России мужчины в этом отношении соперничают с женщинами. Многие из вельмож почти усыпаны бриллиантами: пуговицы, пряжки, рукояти сабель, эполеты — все это с бриллиантами; шляпы их нередко унизаны бриллиантами в несколько рядов; звезды из бриллиантов не кажутся чем-то особенным», — так описывал свое впечатление от екатерининского двора английский путешественник У. Кокс [83, с. 30].

А вот известная картина крестьянской избы, нарисованная А. Н. Радищевым: «Четыре стены, до половины покрытые, как и потолок, сажею; пол в щелях, на вершок по крайней мере поросший грязью; печь без трубы, но лучшая защита от холода, и дым, всякое утро зимой и летом наполняющий избу; окончины, в коих натянутый пузырь смеркающийся в полдень пропускал свет; горшка два или три (счастлива изба, коли в одном из них всякий день есть щти!). Деревянная чашка и крушки, тарелками называемые; стол, топором срубленной, который скоблят скребком по праздникам. Корыто кормить свиней или телят, буде есть, спят с ними вместе, глотая воздух, в коем горящая свеча как будто в тумане или за завесою кажется. К счастию кадка с квасом, на уксус похожим, и на дворе баня, в коей коли не парятся, то спит скотина. Посконная рубаха, обувь, данная природою, онучи с лаптями для выхода» [187, с. 113]. Это описание бедной избы вполне реалистично. Наличие деревянного (а не земляного) пола в избе и скотины во дворе свидетельствуют не о крайней степени бедности.

Крестьянской едой в неурожайный год Радищев называет пустые щи и хлеб из муки, смешанной с мякиной. Сахар казался крестьянам барской роскошью.

На другом полюсе русской жизни господствовала французская кухня, на пирах у вельмож подавалось более 80 блюд, за столом присутствовало до 300 человек. Вот меню такого изысканного обеда:

«Похлебка из рябцев с пармезаном и каштанами.

Филейка большая по-султански.

Говяжьи глаза в соусе, называемом „поутру проснувшись".
Говяжья небная часть в золе, гарнированная трюфелями.
Хвосты телячьи по-татарски.
Телячьи уши крошеныя.
Баранья нога столистовая.
Голуби по-Станиславски.
Гусь в обуви.
Горлицы по Ноляеву и бекасы с устрицами.
Гато из зеленого винограда.
Крем жирный, девичий» [186, с. 9].

Каждого, кто обращается к изучению быта и нравов екатерининского времени, поражает огромная разница в укладе жизни верхушки общества и его низов, которая имела не только сословный и материальный характер. Как справедливо отметила О.Г.Чайковская, граница проходила не между дворянами и не дворянами, а между интеллигенцией (дворянской, по преимуществу) и безграмотными деревенскими жителями. У них отличались взгляды на жизнь, менталитет, язык, что позволяет говорить о существовании двух культур. Для просвещенного общества эталоном служила высокая культура, отвечавшая общеевропейским стандартам, но не лишенная национального своеобразия. Основная же масса народа продолжала существовать в рамках низовой традиционной культуры, почти не изменившей своих средневековых форм. Разница между ними была угрожающе большой.

Вместе с тем нельзя не заметить, что между двумя полюсами русской жизни существовали промежуточные формы быта, включавшие в себя элементы разных культур. Формируется городской образ жизни со своей плебейской культурой, копирующей высокие образцы. Складывается особая усадебная культура. Усадьбы становятся островками новой культуры в мире русского крестьянства.

Земледельческий труд, составляющий основу жизни русских крестьян, не претерпел особых изменений. Крестьяне накопили огромный опыт и знания в сельском хозяйстве, они хорошо знали взаимосвязь природных явлений, передавали из поколения в поколение свои наблюдения. Это позволяло при примитивной агротехнике добиваться стабильных результатов в земледелии и скотоводстве.

Семья и община были главными ячейками крестьянского общества, регламентировавшими повседневное поведение и отношения людей между собой, с барином, с государством.

Во второй половине XVIII в. стали заметными различия в материальном положении и быте земледельцев. Более зажиточными и склонными к бытовым новшествам были государственные и оброчные крестьяне, зани-

мавшиеся, кроме сельского хозяйства, доходными промыслами (зимней работой в городе), торговлей.

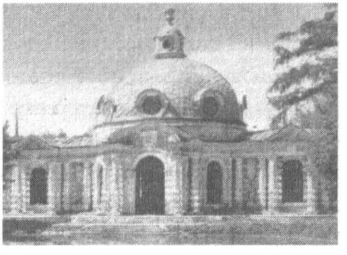
Здоровые основы духовно-нравственной жизни крестьян были неразрывно связаны с православием. Как показала в своей книге «Мир русской деревни» М. М. Громыко, духовная культура русских крестьян обладала многими привлекательными качествами — прочными хозяйственными знаниями, трудолюбием, взаимопомощью. милосердием, крепкими семейными отношениями, уважением к старшим и т.д. В крестьянской среде бытовал богатый фольклор, у них были свои представления об обществе, государстве, истории.

Вместе с тем угнетение крестьян, особенно крепостных, достигало крайне тяжелых форм. Оставалась примитивной техника земледелия. Не было особых успехов в просвещении этого слоя общества (наиболее грамотными были старообрядцы и поморы русского Севера). Земледельцы были лишены элементарной медицинской помощи, зачастую голодали. Очень высокой была детская смертность.

В это время рядом с крестьянским сформировался своеобразный мир усадебной культуры. После опубликования Манифеста о вольности дворянства (1762) многие помещики устремились в свои усадьбы, прочно там обосновались, занялись их обустройством. Усадьбы стали не только хозяйственными центрами, но и очагами новой культуры: там появились классицистические дома с колоннами, окруженные садами и парками. Каждый хозяин стремился таким образом реализовать свое представление о счастливой и удобной жизни на лоне природы.

Самые богатые усадьбы — **Кусково**, **Останкино**, **Архангельское** — по роскоши и укладу жизни приближались к императорским резиденциям. Большинство же дворянских «гнезд» было скромнее. Все они считали идеалом царский дворец, но были тысячами нитей связаны с крестьянской жизнью. Итак, усадьбы как бы соединяли в себе два полюса русской жизни, две культуры.

Началась выработка традиций дворянского быта, которые позже превратятся в строгий ритуал. Помещики съезжались в уездные и губернские города на дворянские собрания, наносили визиты друг другу. В провинции появился обычай устраивать балы с танцами. Приходилось заботиться о нарядах, каретах, домашних оркестрах, поварах и кондитерах. В большую моду вошли карточная игра, усилилась «до страшных размеров страсть к



Грот в усадьбе Шереметевых. Кусково. *Середина XVIII в.*

Дворец-театр в подмосковной усадьбе Шереметевых. Останкино. *1792–1798 гг.*

охоте». Помещики побогаче заводили собственных архитекторов, живописцев, актеров и музыкантов. Во многих домах появлялась стильная мебель, коллекционировались произведения искусства, создавались библиотеки.

Дворянское общество «веселого» XVIII в. любило устраивать пышные празднества с фейерверками, театрализованные представления, карнавалы. Зимние месяцы верхушка провинциального дворянства обычно проводила в Москве: «Во всех концах древней столицы гремела музыка, и везде была толпа. В зале Благородного собрания два раза в неделю было до пяти тысяч народу. Тут молодые люди знакомились между собою; улаживались свадьбы. Москва славилась невестами, как Вязьма пряниками» [185, т. 11, с. 246].

Современники часто сетовали на «повреждение нравов» в дворянской среде. При дворе Екатерины II царили веселье и раскованность, что давало пример дворянскому обществу. Русское дворянство по-своему восприняло идею раскрепощения человека, свойственную веку Просвещения, — лишь в моральном, а не в социальном плане (раскрепощать своих крестьян никто не собирался).

В «царстве женщин», как называют иногда елизаветинскую и екатерининскую Россию, значительно возросла самостоятельность женщины-дворянки; более распространенным стал обычай развода.

Живые описания усадебного быта XVIII в. содержатся в мемуарах А. Т. Болотова, Г. Р. Державина, И. М. Долгорукова и других, а также в одном из шедевров русской классики — «Семейной хронике» С. Т. Аксакова.

Своеобразием отличался быт горожан и купечества: традиционные черты в укладе домашней жизни, в одежде и пище сочетались с обычаями новой культуры европейского типа. В жизнь людей входили такие новшества, как театр, чтение книг и газет, школы, больницы, аптеки. Верхушка купечества стремилась подражать дворянству. Появились образованные купцы, купцы-меценаты. Так, например, винный откупщик М. С. Голиков жертвовал крупные суммы денег Вольному экономическому обществу, материально поддерживал литераторов и ученых, посылал за свой счет молодых людей на учебу за границу. А его брат, И. И. Голиков, происходивший их курских купцов, был автором 30-томного сочинения о Петре Великом.

Итоги развития культуры в XVIII веке

Русская культура в XVIII в. развивалась очень динамично и за короткий срок достигла заметных успехов. Культурный переворот петровского времени получил свое дальнейшее развитие во второй половине XVIII в. Сформировалась высокая русская культура европейского типа, которая стала укреплять свои позиции в обществе, свои национальные корни. Полностью был усвоен эстетический элемент европейской культуры. Сформировалась российская интеллигенция, складывался человек нового типа, менялся менталитет. Преобразовались русские города, возникли наука и государственная система образования, выдвинулись деятели культуры европейского масштаба. Во второй половине XVIII в. были сделаны первые, еще очень робкие, шаги в движении России к капитализму и к правовому государству.

Но именно в своем общественно-политическом развитии Россия продвинулась менее всего, сохранив самодержавие и крепостной строй. Таким образом, некоторые задачи формирования новой культуры (в широком смысле) восемнадцатый век завещал веку девятнадцатому. Очень глубоким оставался разрыв между культурой интеллигенции и низовой народной культурой.

Но в целом люди XVIII столетия сделали очень много — они подготовили расцвет русской культуры в ее «золотом» — XIX веке.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. 1988. № 7, 9.
2. Алексеева Т.В. Владимир Лукич Боровиковский и русская культура на рубеже XVIII–XIX вв. М., 1975.
3. Алленов М.М., Евангулова О.С., Лифшиц Л.И. Русское искусство X—начала XX века. М., 1989.
4. Алпатов М.В. Андрей Рублев. М., 1972.
5. Алпатов М.В. Немеркнущее наследие. М., 1990.
6. Алпатов М.В. Этюды по всеобщей истории искусств. М., 1979.
7. Андроникова М.И. Об искусстве портрета. М., 1979.
8. Анисимов Е.В. Анна Ивановна // Вопросы истории. 1993. № 4.
9. Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989.
10. Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М., 1986.
11. Аркин Д.Е. Образы архитектуры и образы скульптуры. М., 1990.
12. Асеев Б.Н. Русский драматический театр от его истоков до конца XVIII века. М., 1977.
13. Асеев Ю.С. Архитектура древнего Киева. Киев, 1982.
14. Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952.
15. Барская Н.А. Сюжеты и образы древнерусской живописи. М., 1993.
16. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М., 1965.
17. Безвременье и временщики. Воспоминания об эпохе «дворцовых переворотов» (1720–1760-е гг.). Л., 1991.
18. Белявский М.Т. «...Все испытал и все проник». М., 1990.
19. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
20. Берков П.Н. Русская книга гражданской печати первой четверти XVIII века // Описание изданий гражданской печати. 1708—янв. 1725. М.; Л., 1955.
21. Благой Д.Д. История русской литературы XVIII века. М., 1945.
22. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973.
23. Богословский М.М. Петр I: Материалы к биографии. М.; Л., 1940–1948. Т. 1–5.
24. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М., 1986.
25. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М., 1986–1993. Т. 1–3.
26. Брюсова В.Г. Русская живопись XVII века. М., 1984.
27. Брюсова В.Г. Русь, Византия и Балканы // Памятники Отечества. 1988. №1.
28. Буслаев Ф.И. О литературе: Исследования; Статьи. М., 1990.
29. Вагнер Г.К. Тысячелетние корни. М., 1991.
30. Вагнер Г.К., Владышевская Т.Ф. Искусство Древней Руси. М., 1993.
31. Введение христианства на Руси. М., 1987.
32. Вздорнов Г.И. Феофан Грек. Творческое наследие. М., 1983.
33. Владимиров Л.И. Всеобщая история книги. М., 1988.
34. Воронин Н.Н. Владимир. Боголюбово. Суздаль. Юрьев-Польской. М., 1983.
35. Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.

36. Голиков И.И. Деяния Петра Великого. М., 1788–1789. Т. 1–12.
37. Голиков И.И. Дополнение к Деяниям Петра Великого. М., 1790–1792. Ч. 1–18.
38. Голлербах Э.Ф. Город муз. М., 1990.
39. Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991.
40. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.
41. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
42. Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.
43. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
44. Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994.
45. Дербов Л.А. Общественно-политические и исторические взгляды Н. И. Новикова. Саратов, 1974.
46. Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь // Стихотворения. М., 1987.
47. Дмитриева Н.А. Краткая история искусств. М., Вып. 1., 1987; Вып. 2, 1989.
48. Дмитриева Р.П. Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955.
49. Домострой. М., 1990.
50. Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985.
51. Евангулова О.С. Изобразительное искусство в России первой четверти XVIII в. М., 1987.
52. Екатерина Великая. Русская культура второй половины XVIII века. СПб., 1993.
53. Житие Аввакума и другие его сочинения. М., 1991.
54. Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях: В 2 т. М., 1918.
55. Зезина М.Р., Кошман Л.В, Шульгин В.С. История русской культуры. М., 1990.
56. Земцов С.М., Глазычев В.Л. Аристотель Фьораванти. М., 1985.
57. Зимин А.А. Витязь на распутье. М., 1991.
58. Зимин А.А. «Слово о полку Игореве» (фрагмент книги). Вступительная статья А.А.Формозова // Вопросы истории. 1992. № 6–7.
59. Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1990.
60. Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 3: XVII—начало XVIII века.
61. Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 4: XVIII—начало XIX века.
62. Иларион (митрополит). Слово о законе и благодати // Альманах библиофила. М., 1989. Вып. 26.
63. Ильин М.А. Искусство Московской Руси эпохи Феофана Грека и Андрея Рублева. М., 1976.
64. Ильина Т.В. Иван Яковлевич Вишняков. Жизнь и творчество. М., 1979.
65. Ильина Т.В., Римская-Корсакова С.В. Андрей Матвеев. М., 1984.
66. Иогансен М.В., Лисовский В.Г. Ленинград. Л., 1979.
67. История культуры Древней Руси. М., 1948–1951. Т.1–2.
68. Источники по истории еретических движений. XIV—начало XVI в. // Казакова Н.А, Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси. XIV—начало XVI века. М.; Л., 1955.
69. Истрин В.А 1100 лет славянской азбуки. М., 1963.
70. Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л. 1960.
71. Как была крещена Русь. М., 1988.
72. Калязина Н.В, Комелова Г.Н. Русское искусство петровской эпохи. Л., 1990.
73. Каменский А.Б. Под сению Екатерины. Вторая половина XVIII века. СПб., 1992.
74. Кантор А.М. и др. Искусство XVIII века. М., 1977.
75. Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1988. Кн. 1–4.
76. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника; Повести. М., 1980.
77. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. М., 1992, 1993. Т. 1–2.
78. Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1994.
79. Ключевский В.О. Значение преп. Сергия Радонежского для русского народа и государства // Жизнь и житие Сергия Радонежского. М., 1991.

80. Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. М., 1987–1990.
81. Кобрин В.Б. Иван Грозный. М., 1989.
82. Коваленская Н.Н. Из истории классического искусства. М., 1988.
83. Кокс У. Россия 100 лет тому назад. Путешествие Уильяма Кокса // Русская старина. 1877, февраль, май.
84. Корнилович К.В. Окно в минувшее. Л., 1968.
85. Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992.
86. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906.
87. Краснобаев Б.И. Очерки истории русской культуры XVIII века. М., 1972.
88. Краснобаев Б.И. Русская культура второй половины XVII—начала XIX в. М., 1983.
89. Культура и искусство петровского времени. Л., 1977.
90. Кулябко Е.С. Замечательные питомцы Академического университета. Л., 1977.
91. Куракин Б.И. Гистория о царе Петре Алексеевиче // Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. СПб., 1993.
92. Курмачева М.Д. Крепостная интеллигенция России, вторая половина XVIII—начало XIX в. М., 1983.
93. Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. М., 1974.
94. Кучкин В.А. Русь под игом: как это было? М., 1991.
95. Кючарианц Д.А., Раскин А.Г. Пригороды Ленинграда. Л., 1985.
96. Лазарев В.Н. Древнерусские мозаики и фрески XI–XV вв. М., 1973.
97. Лазарев В.Н. История византийской живописи. М.; Л., 1947–1948. Т. 1–2.
98. Лазарев В.Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М., 1983.
99. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
100. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.
101. Ленинград и окрестности. Справочник-путеводитель. М., 1986.
102. Лириа де Я. Письма о России в Испанию // Осмнадцатый век. М., 1869. Кн. 2.
103. Литаврин Г.Г. Византия и Русь // Наше наследие. 1992. № 25.
104. Лихачев Д.С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV—начало XV в.). М.; Л., 1962.
105. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве». Историко-литературный очерк. М., 1976.
106. Лихачев Д.С. Крещение Руси и государство Русь // Новый мир. 1988. № 6.
107. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
108. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII вв. Эпохи и стили. Л., 1973.
109. Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
110. Лихачев Д.С. Русское Предвозрождение в истории мировой культуры // Прошлое—будущему. Л., 1985.
111. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.
112. Лихачева В.Д. Искусство Византии IV–XV вв. Л., 1981.
113. Лихачева В.Д., Лихачев Д.С. Художествнное наследие Древней Руси и современность. Л., 1971.
114. Лозинская Л.Я. Во главе двух академий. М., 1978.
115. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII—начало XIX века). СПб., 1994.
116. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987.
117. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Ученые записки / Тарт. гос. ун-т. Тарту, 1977. Вып. 414. Т. 28.
118. Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л., 1957.
119. Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике XV—начала XVI в. М.; Л., 1960.
120. Лурье Я.С. Русские современники Возрождения. Л., 1988.

121. Любимов Л.Д. Искусство Древней Руси. М., 1981.
122. Мавродин В.В. Основание Петербурга. Л., 1983.
123. Маржерет Ж. Россия начала XVII в. М., 1982.
124. Мартынов И.Ф. Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981.
125. Мельникова Е.А, Петрухин В.Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–XI вв.) // Вопросы истории. 1989. № 8.
126. Мень А. Возвращение к истокам // Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990.
127. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М., 1993–1995.
128. Мир русской усадьбы. Очерки. М., 1995.
129. Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1991–1992. Т. 1–2.
130. Молева Н.М. Иван Никитин. М., 1972.
131. Молева Н.М. Левицкий. М., 1980.
132. Моряков В.И. Русское просветительство второй половины XVIII века. М., 1994.
133. Мыльников А.С. Искушение чудом. «Русский принц» и самозванцы. Л., 1991.
134. Мыльников А.С. Основы исторической типологии культуры. Л., 1979.
135. Назаров В.Д. Россия в XV—середине XVI в.: страна и общество // История России. С древнейших времен до конца XVII века. М., 1996.
136. Немировский Е.Л. Иван Федоров. Около 1510–1583. М., 1985.
137. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
138. Новиков Н.И. Избранные сочинения. М.; Л., 1951.
139. О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. Факсимильное издание. М., 1983.
140. Овсянников Ю. Доминико Трезини. Л., 1987.
141. Очерки русской культуры XIII–XV веков. М., 1969–1970. Ч. 1–2.
142. Очерки русской культуры XVI века. М., 1976–1977. Ч. 1–2.
143. Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1–2.
144. Очерки русской культуры XVIII века. М., 1985–1990. Ч. 1–4.
145. Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1990.
146. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.
147. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI—начало XII века. М., 1978.
148. Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980.
149. Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981.
150. Памятники литературы Древней Руси. XIV—середина XV века. М., 1981.
151. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982.
152. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV—первая половина XVI века. М., 1984.
153. Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985.
154. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986.
155. Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI—начало XVII века. М., 1987.
156. Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М., 1988–1989. Кн. 1–2.
157. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.
158. Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1–2.
159. Петр Великий // Сб. статей. М.; Л., 1947.
160. Пилявский В.И., Тиц А.А., Ушаков Ю.С. История русской архитектуры. Л., 1984.
161. Платонов С.Ф. Иван Грозный. М., 1991.
162. Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. Сочинения. М.; Пг., 1923–1926. Т. 20–22.
163. Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.
164. По Кремлю. Краткий путеводитель. М., 1970.

165. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. М.; Л., 1950. Ч. 1–2.
166. Повесть о Горе-Злочастии. Л., 1984.
167. Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып. 1.
168. Покровский М.Н. Очерки истории русской культуры. М., 1915–1918. Ч. 1–2.
169. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 1–7.
170. Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1962.
171. Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1962.
172. Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 2: Новгородская пятая летопись. Пг., 1917.
173. Полное собрание русских летописей. Т. 5: Псковские и Софийские летописи. СПб., 1851.
174. Полное собрание русских летописей. Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856.
175. Полное собрание русских летописей. Т. 18: Симеоновская летопись. СПб., 1907.
176. Полное собрание русских летописей. Т: 25: Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949.
177. Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959.
178. Посошков И.Т. Завещание отеческое к сыну. М., 1883.
179. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. М., 1937.
180. Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983.
181. Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988.
182. Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. М.; Л., 1939.
183. Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе 1697–1699. М., 1992.
184. Пушкарев Л.Н. Общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVII века. Очерки истории. М., 1982.
185. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 16 т. М.; Л., 1937–1950.
186. Пыляев М.И. Старое житье. М., 1990.
187. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. СПб., 1992.
188. Раев М. Проникновение западных идей в Россию // Обозрение. 1984. № 11.
189. Рапацкая Л.А. Русское искусство XVIII века. М., 1995.
190. Раппопорт П.А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982.
191. Рассадин Ст.Б. Фонвизин. М., 1980.
192. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. Л., 1947.
193. Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. М., 1984–1987. Т. 1–5.
194. Русская демократическая сатира XVII в. М., 1977.
195. Русская мысль в век Просвещения. М., 1991.
196. Русские сатирические журналы XVIII века. М., 1940.
197. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия // Собр. М. Забылиным. М., 1992.
198. Рыбаков Б.А. Стригольники. Русские гуманисты XIV столетия. М., 1993.
199. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988.
200. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.
201. Рязановский В.А. К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право // Вопросы истории. 1993. № 7.
202. Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991.
203. Сарабьянов Д.В. Русская живопись XIX века среди европейских школ. М., 1980.
204. Сахаров А.М., Муравьев А.В. Очерки истории русской культуры IX–XVII вв. М., 1984.
205. Сахарова И.М. А. П. Антропов. 1716–1795. М., 1974.
206. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
207. Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л., 1982.

208. Сергеев В.Н. Рублев. М., 1986.
209. Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.
210. Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1980.
211. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1: XI—первая половина XIV в.; Л., 1988–1989. Ч. 1–2. Вып. 2: вторая половина XIV—XVI в.
212. Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1.
213. Смирнова Э.С. Живопись Великого Новгорода. Середина XIII—начало XV века. М., 1976.
214. Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984.
215. Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. М., 1988–1996.
216. Сочинения И. Пересветова. М.; Л., 1956.
217. Сперанский М.Н. История древней русской литературы. Московский период. М., 1921.
218. Старые русские города. Справочник-путеводитель. М., 1980.
219. Стричек А. Денис Фонвизин. М., 1994.
220. Татаринова Л.Е. История русской литературы и журналистики XVIII века. М., 1982.
221. Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991.
222. Троица Андрея Рублева. Антология. М., 1989.
223. Трубецкой Е.Н. Три очерка о русской иконе. М., 1991.
224. Тяжлов В.Н., Сопоцинский О.И. Искусство средних веков. М., 1975.
225. Ульянов Н.И. Комплекс Филофея // Вопросы истории. 1994. № 4.
226. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858–1863. Т. 1–6.
227. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. 1–4.
228. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990.
229. Федотов Г.П. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991.
230. Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989.
231. Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв. М., 1993.
232. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Киев, 1991.
233. Фроянов И.Я. Начало христианства на Руси // Курбатов Г.Л., Фролов Э.Д, Фроянов И.Я. Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988.
234. Хейзинга И. Осень средневековья. М., 1988.
235. Ходасевич В.Ф. Державин. М., 1988.
236. Хожение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986.
237. Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1987.
238. Чайковская О.Г. «Как любопытный скиф...» Русский портрет и мемуаристика второй половины XVIII века. М., 1990.
239. Чайковская О.Г. Соперники времени. М., 1990.
240. Чечулин Н. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. СПб., 1889.
241. Школа и педагогика в культуре Древней Руси: Историческая хрестоматия. М., 1992. Ч. 1.
242. Экономцев И. Православие, Византия, Россия. М., 1992.
243. Эфрос А.М. Два века русского искусства. М., 1969.
244. Юности честное зерцало. Репринтное издание. М., 1990.
245. Юрганов А.Л. У истоков деспотизма // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX—начала XX в. М., 1991.
246. Янин В.Л. Я послал тебе бересту... М., 1975.
247. Ястребицкая А.Л. Западная Европа X–XIII веков. М., 1978.
248. Brunet F. La civilisation occidentale. Paris, 1990.
249. La France et la Russie au siècle des Lumières. Paris, 1986.
250. Mazon A. Le Slovo d'Igor: modèle principal // Revue des études slaves. 1939. V. 18–19.
251. Ropert A. La misère et la gloire. Histoire culturelle du monde russe de l'an mil à nos jours. Paris, 1992.

ТЕРМИНЫ И ПОНЯТИЯ

(с указанием страниц, где они раскрываются)

А

Апокриф 156
Апсида 32
Ассамблея 215

Б

Базилика 32
Барокко 234

В

Восьмерик 150
Высокая культура 8

Г

Глаголица 36

Д

Двоеверие 43
Деизм 240
Деисус 108

Е

Ересь 94

Ж

«Жидовствующие» 125

З

Закомара 52

И

Икона 34
Иконостас 111
Интеллигенция 253
Иосифляне 123
Исихазм 107

К

Канонизация 42
Кириллица 36
Классицизм (в архитектуре) 259
Классицизм (в литературе) 225
Крестово-купольный храм 32
Культура 4
Культурный переворот 9

Л

Литургия 34

М

Масонство 255
Менталитет 5
Мозаика 34
Монументального историзма стиль 52

Н

«Нарышкинское барокко» 182
Нестяжательство 123
Неф 32
Низовая культура 8

О

Общественного договора теория 203
Ордер архитектурный 206

П

Парсуна 187
«Петровское барокко» 212
Плебейская культура 8
Портал 101

Праздники «двунадесятые» 113

П

Предвозрождение 113
Придел 179
Притвор 184
Просветительство русское 242
Просвещение 240
Просвещенный абсолютизм 247
Публицистика 144

Р

Разночинцы 253
Раскол 175
Рационализм 94
Рококо 260

С

Секуляризация 173
Семиотика 8
Сенсуализм 240
Сентиментализм 256
Скоморошество 165
Старообрядчество 175
Стригольники 94

Т

Традиционная культура 162
Трапезная 180

Ф

Фольклорная культура 8
Фреска 50

Х

Христианство 30

Ц

Цивилизация 7

Ч

Четверик 184

Ш

Шатровая церковь 150

Я

Язычество 25

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Аввакум Петров, протопоп 166, 167, 174, 175, 176, 186
Август, император 121
Аверинцев С.С. 111
Адриан, патриарх 195, 198
Аксаков С.Т. 88, 273
Алевиз Новый 130
Алевиз Старый 129
Алекса Петров, иконописец 93
Александр Македонский 54
Александр Невский 84, 89, 96, 154
Алексей Михайлович («Тишайший»), царь 163, 164, 169, 170, 171, 174, 176, 186, 188, 232
Алексей Петрович, царевич 208
Алексей, митрополит 89, 132
Алексей, священник 125
Алимпий, иконописец 53
Алпатов М.В. 13, 105, 152, 153
Андрей Боголюбский 73, 74, 75
Андрей Рублев 93, 98, 102, 109, 110, 114, 131, 133, 152
Андроник Невежа 148
Анисимов Е.В. 220
Аничков Д.С. 243
Анна Ивановна, императрица 220, 221, 224, 226, 227, 234
Антоний Печерский 61
Антонио, врач 119
Антропов А.П. 238
Антропова (Матвеева) И.С. 214
Апраксин А.М. (Андрей Бесящий) 196
Арайя Ф. 229
Арсений, монах 171
Арциховский А.В. 71
Афанасий Никитин 120

Б

Баженов В.И. 232, 255, 263, 264
Байер Г.З. 222
Барма 151
Батый, хан 82
Бахтин М.М. 7
Башкин М. 141
Беккариа Ч. 248
Беклемишев (Берсень) И.Н. 137
Бердяев Н.А. 12, 88
Беринг В. 223
Бернулли Д. 222
Бецкой И.И. 251
Бирон Э.И. 220, 228
Блок М. 7
Блюментрост Л.Л. 222
Богословский М.М. 197
Болотов А.Т. 254, 273
Болтин И.Н. 10
Бон Фрязин 130
Боонен А. 200
Борис Федорович Годунов, царь 139, 167
Борис, князь 42, 67, 154
Боровиковский В.Л. 268
Бродель Ф. 7
Брюсова В.Г. 13
Буало Н. 225
Бурцов В. 173
Буслаев Ф.Н. 11

В

Вагнер Г.К. 13
Валериани Д. 229
Валлен-Деламот Ж.-Б. 260
Василий Блаженный 151
Василий III, великий князь 161
Васильков А. 213
Вассиан Патрикеев 140
Вениамин, монах 125
Веселовский С.Б. 136
Вигель Ф.Ф. 220
Винкельман И.И. 259
Висковатый И.М. 153
Вишняков И.Я. 238
Владимир Андреевич Серпуховской, князь 96
Владимир Мономах, князь 44, 56, 58, 59, 121, 154
Владимир Святославич, князь 28, 40, 43, 154, 240
Владимир, иконописец 133
Владимиров Иосиф 185
Волков Ф.Г. 233
Волынский А.П. 221, 226, 234
Вольтер (М.-Ф. Аруэ) 228, 233, 241, 243, 247, 248, 266
Вольф Х. 230
Воронин Н.Н. 13
Воронцов А.Р. 246
Всеволод Большое Гнездо, князь 76, 79, 88
Всеволод Ярославич, князь 44
Выродков И.Г. 150

Г

Гавриил Бужинский 200
Галовей Х. 180
Гельвеций К.А. 245
Геннадий, архиепископ 125, 146
Герберштейн С. 160
Герман Воята 71
Герцен А.И. 254
Глеб, князь 42, 67, 154
Гмелин И.Т. 223
Голиков И.И. 191, 195, 253, 273
Голиков М.С. 273
Голицын Б.А. 191
Голицын В.В. 170, 189
Голицын Д.М. 220
Голицын Н.А. 214
Голицына А.П. 214
Голлербах Э.Ф. 268
Головин Ф.А. 206
Головкин Г.И. 204, 213
Гордон П. 191
Грабарь И.Э. 105
Греков Б.Д. 17
Григорий, дьякон 54
Гримм Ф.М. 241
Громыко М.М. 271
Грушевский М.С. 17
Гумилев Л.Н. 87
Гутенберг И. 147

Д

Давид Святославич, князь 67
Даниил Заточник 60, 77, 80
Даниил Черный, иконописец 109
Даниил, митрополит 142, 143, 161
Данилевский Н.Я. 7
Данилов М.В. 227
Дашкова Е.Р. 254
Делиль Ж.-Н. 222
Демидов П.А. 267
Денис, священник 125
Дербов Л.А. 3
Державин Г.Р. 256, 257, 262, 268, 273
Десницкий С.Е. 243
Дионисий, иконописец 132, 152
Дмитриев И.И. 241
Дмитрий Иванович Донской, князь 92, 96, 97, 154
Дмитрий Ростовский, митрополит 200
Добрынин Г.И. 241
Долгоруков И.М. 273
Долгоруковы, князья 220
Дьякова М.А. 267

Е

Евфимий, архиепископ 100
Екатерина I, императрица 213, 214, 219
Екатерина II (Великая), императрица 80, 231, 241, 243, 246, 247, 248, 249, 250, 252, 253, 260, 272
Елена Волошанка, княгиня 126
Елизавета Петровна, императрица 213, 227, 232, 233, 235, 237, 247
Епифаний Премудрый 91, 97, 107
Епифаний Славинецкий 171
Ермолин В.Д. 128
Еропкин П.М. 212, 221, 234

З

Забелин И.Е. 11, 57, 158
Зарудный И.П. 206
Земцов М.Г. 200, 210, 212, 234
Зимин А.А. 80, 117, 135
Зосима, митрополит 126
Зотов Н.М. 190, 191, 195, 208
Зоя Палеолог (Софья Фоминишна), великая княгиня 119

И

Иван Калита, князь 89, 101, 128
Иван Черный 126
Иван III, великий князь 115, 119, 120, 121, 124, 125, 126, 127, 128
Иван IV (Грозный), царь 121, 136, 137, 138, 139, 142, 145, 147, 152, 154
Иванов В.В. 26
Игорь Святославич, князь 66, 79
Изяслав, княжич 75
Иларион, митрополит 55
Ильин М.А. 13
Иоаким, патриарх 195
Иоанн Экзарх 37
Иов Новгородский, митрополит 200
Иона Сысоевич, митрополит 182
Иосиф Волоцкий 123, 124, 125, 126, 140
Исайя Гречин 93
Исидор, митрополит 118
Истома, дьяк 126
Истомин К. 173

К

Казаков М.Ф. 263, 264
Каменский А.Б. 247
Камерон Ч. 262
Кантемир А.Д. 221, 225
Капнист В.В. 268
Каравакк Л. 212, 213

Карамзин Н.М. 11, 85, 88, 135, 255, 256, 258, 259
Карп, еретик 94, 95
Кваренги Д. 262
Киавери Г.К. 210, 211
Киприан, митрополит 93, 97, 98
Киреевский И.В. 11
Кирилл Белозерский 122
Кириллов А. 181
Климент Охридский 37
Ключевский В.О. 12, 18, 57, 65, 68, 86, 89, 90, 93, 117, 158, 163, 170, 178, 193, 197, 201, 228, 257
Кнеллер Г 193
Кобрин В.Б. 135
Коваленская Н.Н. 13
Козельский Я.П. 243
Козьма Пресвитер 37
Кокоринов А.Ф. 234, 260
Колумб Х. 259
Кольцов-Масальский, князь 188
Комаров М. 254
Константин (Кирилл) Философ 35, 36, 53
Константин Мономах, император 121, 145
Контарини А. 127
Конь Федор 149
Коперник Н. 225
Корнель П. 233
Коробов И.К. 212, 234
Костомаров Н.И. 11, 57, 158
Котошихин Г.К. 168, 188
Краснобаев Б.И. 13, 14
Крашенинников С.П. 223
Кривцов И. 128
Крижанич Ю. 169
Крылов И.А. 242
Куракин Б.И. 196
Курицын И.В. 126
Курицын Ф. 126

Л

Лабей де Б. 248
Лаврентий, монах 98
Лазарев В.Н. 13, 35, 105
Ланской А.Д. 268
Лаптев Д.Я. 223
Лаптев Х.П. 223
Ле Гофф Ж. 7
Леблон Ж.-Б. 200, 210, 211, 212
Левенгук ван А. 193
Леви-Строс К. 8
Левицкий Д.Г. 267, 268
Леон, врач 119
Лефорт Ф. 191, 206
Лжедмитрий I, царь 168
Лихачев Д.С. 6, 13, 14, 16, 41, 57, 71, 80, 94, 98, 113, 134, 142, 266
Лихуд Иоанникий 172
Лихуд Софроний 172
Ломоносов В.Д. 230
Ломоносов М.В. 223, 226, 228, 229, 230, 231, 233, 259
Лопухина М.И. 268
Лосенко А.П. 266
Лотман Ю.М. 8, 14, 218, 244
Львов Н.А. 267, 268
Любинецкий Т. 193
Людовик XIV, король 201, 257

М

Мабли Г.Б. 245
Магницкий Л.Ф. 198, 230
Мазон А. (Mazon A.) 80
Майков В.И. 266
Макарий, митрополит 142, 143, 147, 151
Максим Грек (Михаил Триволис) 137, 139, 140, 142, 147
Манн Т. 16
Марко Фрязин 129, 130
Матвеев А.М. 170, 213, 214, 238
Матвеев А.С. 170
Маттарнови Г.И. 210
Меншиков А.Д. 206, 208, 209, 211, 216, 219, 228
Мефодий 36
Микетти Н. 200, 211
Микита, дьякон 95
Миллер Г.Ф. 222, 223, 229
Милюков П.Н. 12, 146, 252
Михаил, византийский император 35
Михаил Всеволодович Черниговский, князь 90
Михаил Федорович, царь 163, 169, 180
Михаил Ярославич Тверской, князь 89, 90
Мичурин И.Ф. 200
Мольер Ж.-Б. 233
Монс А. 191
Монтескье Ш. 243, 247, 248
Монтескье Ш.-Л. 241
Моор К. 200
Мстиславец Петр 147
Муравьев А.В. 13
Мусин-Пушкин А.И. 80
Мыльников А.С. 239
Мышкин И. 128

Н

Назаров В.Д. 115
Нартов А.К. 219
Нарышкин Л.К. 183
Нарышкина Н.К. 170

Наталья Алексеевна, царевна 213
Наттье Ж.-М. 200
Неронов Иван 174
Нестор, летописец 16, 23, 55
Никитин Гурий 167, 181, 187
Никитин И.Н. 208, 212, 213
Никитников Г.Л. 180
Никон, патриарх 167, 174, 175, 176, 179, 182, 186
Нил Сорский 123, 124, 140
Нил, патриарх 95
Новиков Н.И. 229, 232, 242, 243, 244, 251, 255, 256, 258, 267
Ньютон И. 173, 193

О

Олег Иванович Рязанский, князь 92
Олег Святославич («Гориславич»), князь 67
Ольгерд, князь 92
Онфим, новгородец 72
Ордин-Нащокин А.Л. 169
Орлов Г.Г., граф 241, 261
Ослябя, монах 92
Остромир, посадник 54

П

Пайпс Р. 15, 17, 24, 86
Палицын А. 164
Панин Н.И. 226
Панченко А.М. 14
Пахомий Логофет 91, 93, 97
Пекарский П.П. 11
Пересвет, монах 92, 97
Пересветов И.С. 144
Петр Борисович, боярин 66
Петр Милонег, зодчий 67
Петр Могила, митрополит 171
Петр I (Великий), император 11, 189, 190, 193, 194, 196, 197, 201, 202, 203, 204, 206, 207, 210, 211, 213, 214, 215, 218, 219, 220, 222, 223, 224, 232, 247, 257, 273
Петр II, император 220
Петр III, император 238, 247
Петр, митрополит 132
Петрок Малый 130, 131
Питирим Нижегородский, митрополит 200
Платонов С.Ф. 163
Плевако Ф.Н. 6
Плеханов Г.В. 12
Покровский М.Н. 12, 86
Посошков И.Т. 204, 205, 208, 215
Поссевино А. 138
Потемкин Г.А. 232, 261
Прохор с Городца, иконописец 109
Пугачев Е.И. 246, 249
Пушкин А.С. 40, 219, 250, 259
Пьетро Антонио Солари 129, 130

Р

Радищев А.Н. 226, 229, 243, 244, 245, 246, 251, 269
Раев М. 242
Разин С.Т. 164
Расин Ж. 233
Растрелли Б.-К. 200, 210, 219, 221, 229, 235
Растрелли Ф.-Б. 229, 233, 234, 235, 260
Рахманинов С.В. 88
Рейналь Г.Т.Ф. 241
Ринальди А. 260, 261, 262
Ричардсон С. 256
Ровинский Д.А. 11
Рокотов Ф.С. 253, 266
Романов Б.А. 13, 57
Ромодановский Ф.Ю. 196
Ропер А. (Ropert A.) 8, 14, 56
Ростислав, князь 35
Ротари П. 238
Ртищев Ф.М. 171
Румянцев А.Г. 226
Румянцева М.А. 239
Руссо Ж.-Ж. 241, 243, 245, 256
Рыбаков Б.А. 13, 26, 45, 66, 95
Рюрик Ростиславич 66
Рюрик, князь 121

С

Савин Никифор 185
Савонарола 140
Салтыков-Щедрин М.Е. 88
Сахаров А.М. 13
Сверчок, дьяк 126
Святослав, князь 24, 29
Святополк Окаянный, князь 42, 60
Святослав Ярославич, князь 44, 54
Семен Андреевич, посадник 99
Семен Гордый, князь 90
Сенека 30
Серапион Владимирский 85, 96
Сергий Радонежский 89, 90, 97, 102, 109, 111, 114, 122

Сильвестр, священник 143
Симеон Полоцкий 171, 189, 230
Симеон, царь 37
Скорина Ф. 147
Скрынников Р.Г. 135
Смотрицкий М. 230
Соловьев С.М. 11, 17, 172
Софроний рязанец 96
Софья Алексеевна, царевна 191
Спиридон-Савва, митрополит 121
Старов И.Е. 232, 261
Стерн Л. 256
Стефан, новгородец 93
Стефан Вонифатьев 174
Стефан Пермский 95, 97
Стефан Яворский, митрополит 194
Строгановы, именитые люди 185
Струйская А.П. 266
Струйский Н.Е. 266
Сумароков А.П. 226, 233, 244, 248, 255
Схария, еретик 125

Т

Тальман П. 226
Таннауэр И.Г. 212
Татищев В.Н. 80, 221, 223, 259
Тауберт И.И. 222
Тойнби А. 7
Токе Л. 238
Толстой П.А. 192
Топоров В.Н. 26
Тредиаковский В.К. 221, 225, 226
Трезини Д. 200, 208, 210, 211
Третьяков И.А. 243
Трубецкой Е.Н. 103, 208
Тургенев И.С. 88
Тургенев Я.Ф. 196, 213

У

Угрюмов Г.И. 266
Успенский Б.А. 14
Ухтомский Д.В. 234, 238, 263
Ушаков Симон 185, 186

Ф

Фальконе Э.М. 262
Фарварсон Э. 198
Федор Алексеевич, царь 189
Федор, епископ 61
Федоров Иван 147, 148
Федотов Г.П. 12, 143, 156
Фельтен Ю.М. 260
Феннел Дж. 56, 65
Феогност, митрополит 90
Феодосий Косой 141
Феодосий, игумен 42
Феодосий, иконописец 133
Феоль Ш. 147
Феофан Грек 93, 100, 101, 102, 106, 107, 108, 109, 110, 131
Феофан Прокопович 200, 203, 221
Фермор С.Э. 238
Филипп (Колычев), митрополит 138
Филофей, монах 121, 122
Фиораванти Аристотель 128
Фишер-Пискатор Я. 187
Флетчер Д. 160
Фомин Е.И. 268
Фонвизин Д.И. 232, 242, 243, 244, 253, 256, 257
Фонтана Д.М. 209
Фонтенель Б. 225
Фотий, митрополит 95
Фотий, патриарх 36
Фридрих II, король 228

Х

Хворостинин И.А. 168
Хейзинга И. 7
Херасков М.М. 226
Храбр Черноризец 37

Ч

Чаадаев П.Я. 11, 40, 88
Чайковская О.Г. 270
Чевакинский С.И. 238
Челюскин С.И. 223
Чингисхан 82, 87, 88
Чирин Прокопий 185

Ш

Шафиров П.П. 204
Шахматов А.А. 55
Шедель И.Г. 209
Шлитте Г. 137
Шлютер А. 211
Шпенглер О. 7
Штаден Г. 136
Шувалов И.И. 228, 232
Шумахер И.Д. 222, 231

Щ

Щербатов М.М. 10, 215, 254, 255, 259

Э

Эйлер Л. 222

Ю

Юрий Дмитриевич, звенигородский князь 101, 102
Юрий Долгорукий, князь 73, 74

Я

Яковлев Постник 151
Янин В.Л. 72
Янкович де Мириево Ф.И. 252
Ярослав Мудрый, князь 44, 47, 54

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора ... 3
Введение ... 4
Что такое культура? ... 4
Задачи курса истории культуры ... 5
Как изучается история культуры ... 6
Основные проблемы истории русской культуры ... 9
Как изучалась история русской культуры ... 10

Глава 1. Истоки русской культуры

Языческая культура восточных славян — основа древнерусской культуры ... 16
Происхождение славян ... 16
Занятия славян ... 20
Общественные отношения ... 23
Возникновение государства ... 24
Язычество восточных славян ... 25
Вклад Византии в русскую культуру ... 30
Христианство ... 30
Ценности византийской культуры ... 32
Создание славянской азбуки ... 35

Глава 2. Крещение Руси и рождение русской культуры (X–XII века)

Крещение Руси ... 38
Византийское наследие ... 40
Особенности русского православия ... 41
Развитие русской культуры в XI–XII веках ... 43
Города — центры культуры ... 45
Храм как центр художественной и духовной жизни ... 48
Письменность и книжность ... 53
Литература ... 54
Повседневная жизнь: люди и нравы ... 57

Глава 3. Культура русских княжеств XII — начала XIII века

Раздробленность Руси ... 64
Формирование местных культурных центров ... 65
Культура Новгорода ... 67
Культура Северо-Восточной Руси ... 72
Иконопись ... 78
«Слово о полку Игореве» ... 79

Глава 4. Упадок и возрождение русской культуры (XIII — середина XV века)

Татарское нашествие и русская культура ... 82
«Нравственное разорение» ... 85
Восточное влияние на русскую культуру ... 86

Развитие русской культуры в первой половине XIV века ... 88
Святой Сергий Радонежский ... 90
Культурный подъем второй половины XIV — начала XV века ... 92
Культурные контакты с европейскими странами ... 93
Ереси ... 94
Литература и летописание ... 95
Архитектура ... 99
Расцвет русской иконописи ... 103
Феофан Грек ... 107
Андрей Рублев ... 109
Иконостас ... 111

Глава 5. Культура единого Русского государства (вторая половина XV — начало XVI века)

Единое государство: экономика, общество, культура ... 115
Культурные связи с Европой и Востоком ... 118
Формирование идеологии Московского царства ... 120
Идейная борьба в Русской православной церкви ... 122
Ересь «жидовствующих» ... 124
Архитектура Москвы ... 127
Иконопись: творчество Дионисия ... 131

Глава 6. Русская культура XVI века

«Век русского одиночества» ... 135
Власть и культура в период опричнины ... 137
Церковные споры ... 139
Культурная деятельность иосифлянской церкви ... 142
Публицистика. Иван Пересветов ... 144
Просвещение ... 145
Начало книгопечатания ... 146
Строительство и архитектура ... 149
Иконопись ... 152
Духовный мир русского крестьянства ... 156
Русский средневековый быт ... 157

Глава 7. Традиции и новаторство в русской культуре XVII века

Начало нового времени или «осень средневековья»? ... 162
Демократические черты в русской культуре XVII века ... 164
Укрепление связей с Европой ... 167
Школа и просвещение ... 170
Церковь и культура ... 173
Протопоп Аввакум ... 175
Литература ... 176
Архитектура ... 178
Живопись: поиск новых путей ... 184
Новшества в быту ... 187

Глава 8. Культурный переворот петровского времени

Петр I. Годы учения ... 190

Великое посольство ... 192
Начало преобразований ... 194
Реформы Петра I и русская культура ... 196
Просвещение и наука ... 198
Книгоиздательство ... 201
Общественно-политическая мысль ... 203
Архитектура ... 205
Петербург — город новой культуры ... 207
Живопись ... 212
Реформа быта ... 214
Основные черты новой русской культуры ... 216
Значение культурного переворота ... 217

Глава 9. Русская культура в 30–50-х годах XVIII века

Культура в период дворцовых переворотов ... 219
Академия наук ... 222
В. Н. Татищев ... 223
Литература ... 224
Школа и просвещение ... 226
Подъем культуры в 40–50-х гг. ... 227
М. В. Ломоносов ... 229
Московский университет ... 231
Создание профессионального театра ... 232
Архитектура русского барокко ... 233
Живопись ... 238

Глава 10. Русская культура в век Просвещения

Идеи Просвещения в Европе и в России ... 240
Русское просветительство ... 242
А. Н. Радищев ... 245
Екатерина II и русская культура ... 247
Развитие образования ... 251
Просвещенное общество ... 253
Масонство ... 255
Литература ... 256
Архитектура классицизма ... 259
Расцвет изобразительного искусства ... 265
Русская жизнь во второй половине XVIII века ... 269
Итоги развития культуры в XVIII веке ... 273
Источники и литература ... 274
Термины и понятия ... 280
Указатель имен ... 281

Владимирская Богоматерь. *Икона. Византия. 1-я половина XII в.*

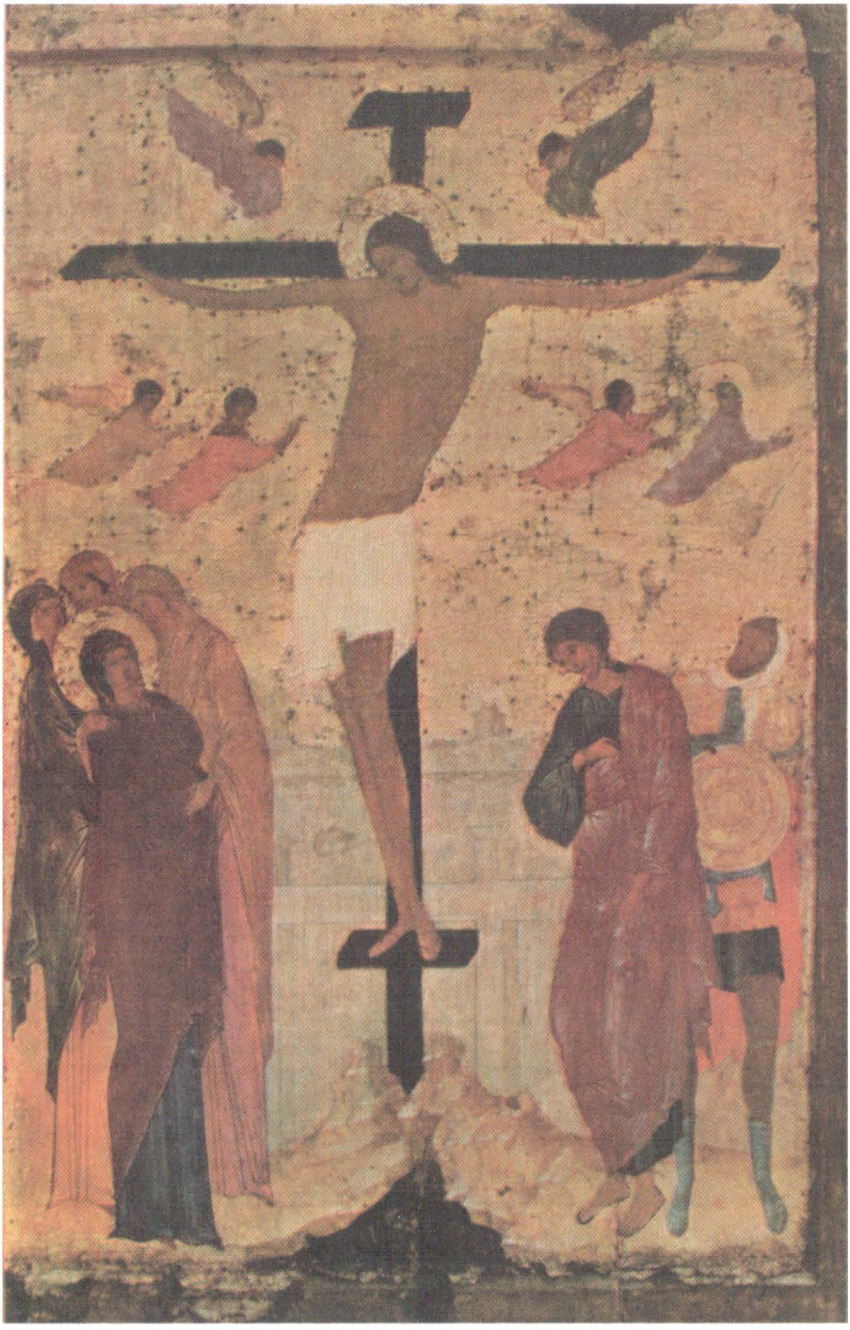
Устюжское Благовещенье. *Икона. Конец XII в.*

Богоматерь Великая Панагия. *Икона. Начало XIII в.*

Георгий с житием. *Икона. Новгород. 1-я половина XIV в.*

Чудо Георгия о змие. *Икона. Новгород. XV в.*

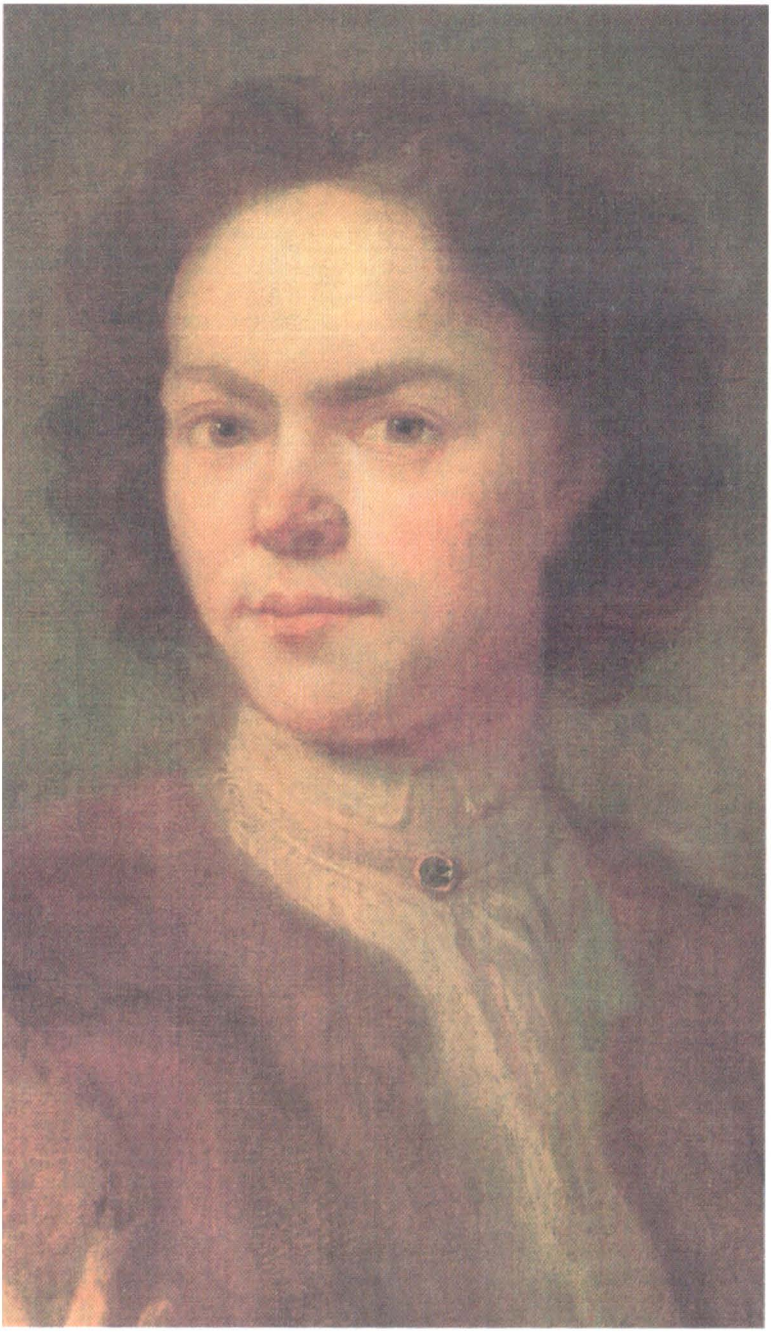
Троица. *Икона. Художник Андрей Рублев. 1425–1427 гг.*



Распятие. *Икона. Художник Дионисий. 1500 г.*

Троица. *Икона. Художники С. Ушаков и Н. Павловец. 1677 г.*

Г. И. Головкин. *Художник И. Н. Никитин. 1720-е гг.*



Автопортрет с женой. *Художник А. М. Матвеев. 1729 г.*

Портрет Сарры Элеоноры Фермор (в замужестве графини Стенбок).
Художник И. Я. Вишняков. Около 1750 г.

Портрет неизвестного в треуголке. *Художник Ф. С. Рокотов. Начало 1770-х гг.*

А. П. Струйская. *Художник Ф. С. Рокотов. 1772 г.*

Портрет П. А. Демидова. *Художник Д. Г. Левицкий. 1773 г.*

Екатерина II на прогулке в Царскосельском парке.
Художник В. Л. Боровиковский. 1794 г.

Портрет М. И. Лопухиной. *Художник В. Л. Боровиковский. 1797 г.*